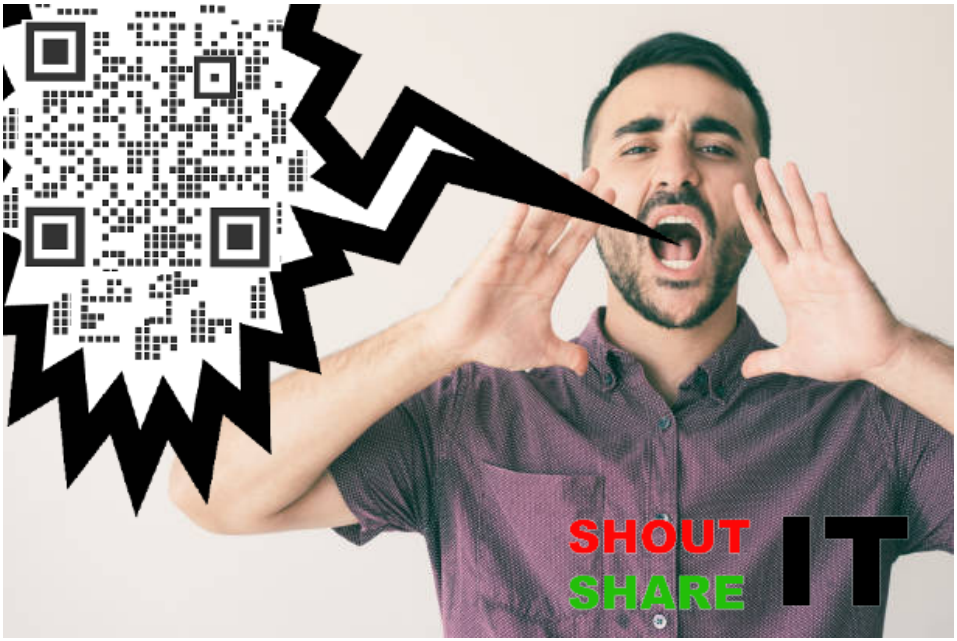
SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ты - Игорь Ламберт, ретурнер, тот, кто возвращает пропавших в пространстве Чендлера игроков. Он - Олег, твой друг и враг, женившийся на твоей девушке. Экономист и кандидат наук остались у квантовых компьютеров. В «Хвергельмире» вы теперь воин и волшебник, идущие по трупам врагов ради спасения сына Олега. Режим хардкор - любовь и ненависть, дружба и вражда, но у каждого игрока всего одна жизнь

- Взгляд в прошлое
- Первая авентюра. Я вернусь
- Вторая авентюра. Железный лес
- Третья авентюра. Город-всех-дорог
- Четвертая авентюра. Подземелье
- Пятая авентюра. Холодная заверть
- Шестая авентюра. Старый замок
- Взгляд в настоящее
- Седьмая авентюра. Руины Абеларда
- Восьмая авентюра. Призрачный город
- Девятая авентюра. Постоялый двор

- Десятая авентюра. Побережье

Хардкор

Взгляд в прошлое

Солнечные лучи, прошедшие сквозь витражи тронного зала, разноцветными кляксами разбрызгивались по каменному полу и колоннам. Стеклянные картины славных побед прошлого должны были внушать страх и благоговение перед властелином, но врывавшиеся в зал крики и звон оружия стирали этот эффект.

Лестница у входа была завалена людьми: своими и врагами, гвардейцами и мятежниками, мертвыми и еще живыми. Один из стражей, в груди которого торчал арбалетный болт, приподнялся и попытался схватить поднимающегося в зал человека. Тот наступил на протянутую руку — до стона, до хруста стальной перчатки, и продолжил свой путь. Сидящий на троне князь с испугом наблюдал за идущим к нему человеком. Враг был высокий и светловолосый, не похожий на местных крестьян, скорее, высокооплачиваемый наемник из северных земель. Его кожаные доспехи покрывали пятна крови.

У трона стояли трое. Отборные воины, элитная гвардия в черных доспехах с закрытыми шлемами в виде оскаленных собачьих морд. Все, оставшиеся после нескольких дней сражений. Никто не ожидал, что повстанцы, обычно неуправляемый сброд, в этот раз смогут взять замок. Тот, кто возглавил восстание, теперь приближался к трону.

Один гвардеец выбежал навстречу — самый быстрый или самый преданный? Болты к арбалетам давно закончились. В его руках тяжелый полуторный меч. Взмах… Северянин легко ушел от удара — шаг в сторону, пропуская свистнувший клинок, шаг вперед, и его руки сами выполнили заученные до рефлексов движения. Лезвие меча попало в незащищенную область между маской и нагрудником. Гвардеец упал, сначала на колени, держась за горло, а потом на живот, лицом вниз. Полуторный меч зазвенел, ударяясь о пол.

Впереди двое — те же оскаленные железные морды с клыками. Северянин парировал выпад первого — мечи столкнулись до боли в пальцах, и уклонился от удара второго. Но недостаточно проворно — острие вспороло кожаную куртку на боку и оцарапало кожу.

Первому гвардейцу северянин отрубил руку. Стремительное движение, свист меча, и она упала на камни, всё еще сжимая оружие. Гвардеец схватился за обрубок, попятился к колонне. Наемник развернулся ко второму и, прежде чем тот успел опустить меч, ударил по ногам, размашисто, со всей силы,

чувствуя, как клинок проходит сквозь металл, кожу и кости. Гвардеец без звука тяжело повалился на спину.

Северянин наступил на грудь упавшего врага и всадил острие меча в незащищенную шею. Первый гвардеец в это время пытался подобрать меч целой рукой. Из обрубка лилась черная кровь. На солнце наползла туча, свет и тень на полу сменили друг друга. Гвардеец поднял голову и посмотрел на северянина сквозь прорезь в маске. Наемник замер, подняв обеими руками оружие над головой — «ну же, бери меч! Ты знаешь, чего я жду». Гвардеец рванулся, схватил меч в тщетной попытке вогнать острие в живот северянину. Наемник легко отбил выпад и нанес рубящий удар по черной маске. Один, второй… Гвардейца отбросило к колонне. Он с грохотом ударился спиной и сполз на пол. С его головы слетел искореженный шлем.

Северянин замер. Врагов больше не было. В возникшей тишине стало слышно, как судорожно дышит князь.

Наемник подошел к трону, сел на подлокотник и улыбнулся.

— Алешка, — сказал он. — Как я долго к тебе шел. Заставил же ты меня попотеть.

Рука князя метнулась, метя кинжалом в грудь врага, но северянин успел схватить ее за запястье. Кинжал выпал — сначала ударился о трон, а потом с лязганьем свалился на пол. Князь скривился от боли. Из его глаз потекли непрошенные слезы.

— Надо же, какой ты оказывается прыткий, — сказал северянин. — Знал бы, что будут такие проблемы, взял бы с твоей матери больше. Помнишь ее?

Князь замер, неотрывно глядя на северянина.

— Вижу по глазам, что помнишь, — ухмыльнулся наемник. — Меня, кстати, Игорем звать. Сейчас будет ускоренный сеанс психотерапии. Времени у нас мало, минуты три, не больше, пока не сбегутся мои люди. Отвечай, помнишь, где жил раньше?

— Родовой замок Олгери во Фронтире, — сказал князь дрогнувшим голосом. — Младший сын, без права наследования. Я сам собрал армию и отвоевал замок в далеких землях.

— Какой ты, пострел, молодец! Мать вспомнил? Не ту, что в замке, а настоящую. Аделаида Олеговна, бухгалтер, светлые волосы, отца у тебя еще нет, ну?

— У меня была маленькая комната и письменный стол с компьютером, — прошептал князь. — Я учился в пятом классе. Но ведь это сон. Этого никогда не было. Откуда ты знаешь мои сны?

— Это не сон, малыш. — Игорь распушил пятерней волосы князя. — Это реальность. А вокруг нас игра, сожравшая тебя с потрохами. Я — ретурнер, тот, кто возвращает таких, как ты.

— Не сон…

— Отвечай быстро, как тебя зовут?

В тронный зал вбежали несколько мятежников.

— Алексей, — сказал князь. — Алексей Поляков. Кажется…

— Можешь выйти сам? — бросил Игорь. — Вызывай игровое меню.

— Я не знаю, как, — неуверенно посмотрел на Игоря князь.

— Ольгерт! Чего возишься, кончай его, — закричали из толпы. Кто-то вскинул тяжелый гвардейский арбалет.

— К черту, — сказал Игорь и схватил князя за голову.

Вспышка — и они исчезли из тронного зала. Как и не было. Стальной болт ударил неожиданно метко, со щелчком пробил дерево и остался торчать в спинке опустевшего трона.

Солнечные лучи, прошедшие сквозь витражи тронного зала, разноцветными кляксами разбрызгивались по каменному полу и колоннам. Стеклянные картины славных побед прошлого должны были внушать страх и благоговение перед властелином, но врывавшиеся в зал крики и звон оружия стирали этот эффект.

Лестница у входа была завалена людьми: своими и врагами, гвардейцами и мятежниками, мертвыми и еще живыми. Один из стражей, в груди которого торчал арбалетный болт, приподнялся и попытался схватить поднимающегося в зал человека. Тот наступил на протянутую руку — до стона, до хруста стальной перчатки, и продолжил свой путь. Сидящий на троне князь с испугом наблюдал за идущим к нему человеком. Враг был высокий и светловолосый, не похожий на местных крестьян, скорее, высокооплачиваемый наемник из северных земель. Его кожаные доспехи покрывали пятна крови.

У трона стояли трое. Отборные воины, элитная гвардия в черных доспехах с закрытыми шлемами в виде оскаленных собачьих морд. Все, оставшиеся после нескольких дней сражений. Никто не ожидал, что повстанцы, обычно неуправляемый сброд, в этот раз смогут взять замок. Тот, кто возглавил восстание, теперь приближался к трону.

Один гвардеец выбежал навстречу — самый быстрый или самый преданный? Болты к арбалетам давно закончились. В его руках тяжелый полуторный меч. Взмах… Северянин легко ушел от удара — шаг в сторону, пропуская свистнувший клинок, шаг вперед, и его руки сами выполнили заученные до рефлексов движения. Лезвие меча попало в незащищенную область между маской и нагрудником. Гвардеец упал, сначала на колени, держась за горло, а потом на живот, лицом вниз. Полуторный меч зазвенел, ударяясь о пол.

Впереди двое — те же оскаленные железные морды с

клыками. Северянин парировал выпад первого — мечи столкнулись до боли в пальцах, и уклонился от удара второго. Но недостаточно проворно — острие вспороло кожаную куртку на боку и оцарапало кожу.

Первому гвардейцу северянин отрубил руку. Стремительное движение, свист меча, и она упала на камни, всё еще сжимая оружие. Гвардеец схватился за обрубок, попятился к колонне. Наемник развернулся ко второму и, прежде чем тот успел опустить меч, ударил по ногам, размашисто, со всей силы, чувствуя, как клинок проходит сквозь металл, кожу и кости. Гвардеец без звука тяжело повалился на спину.

Северянин наступил на грудь упавшего врага и всадил острие меча в незащищенную шею. Первый гвардеец в это время пытался подобрать меч целой рукой. Из обрубка лилась черная кровь. На солнце наползла туча, свет и тень на полу сменили друг друга. Гвардеец поднял голову и посмотрел на северянина сквозь прорезь в маске. Наемник замер, подняв обеими руками оружие над головой — «ну же, бери меч! Ты знаешь, чего я жду». Гвардеец рванулся, схватил меч в тщетной попытке вогнать острие в живот северянину. Наемник легко отбил выпад и нанес рубящий удар по черной маске. Один, второй… Гвардейца отбросило к колонне. Он с грохотом ударился спиной и сполз на пол. С его головы слетел искореженный шлем.

Северянин замер. Врагов больше не было. В возникшей тишине стало слышно, как судорожно дышит князь.

Наемник подошел к трону, сел на подлокотник и улыбнулся.

— Алешка, — сказал он. — Как я долго к тебе шел. Заставил же ты меня попотеть.

Рука князя метнулась, метя кинжалом в грудь врага, но северянин успел схватить ее за запястье. Кинжал выпал — сначала ударился о трон, а потом с лязганьем свалился на пол. Князь скривился от боли. Из его глаз потекли непрошенные слезы.

— Надо же, какой ты оказывается прыткий, — сказал северянин. — Знал бы, что будут такие проблемы, взял бы с твоей матери больше. Помнишь ее?

Князь замер, неотрывно глядя на северянина.

— Вижу по глазам, что помнишь, — ухмыльнулся наемник. — Меня, кстати, Игорем звать. Сейчас будет ускоренный сеанс психотерапии. Времени у нас мало, минуты три, не больше, пока не сбегутся мои люди. Отвечай, помнишь, где жил раньше?

— Родовой замок Олгери во Фронтире, — сказал князь дрогнувшим голосом. — Младший сын, без права наследования. Я сам собрал армию и отвоевал замок в далеких землях.

— Какой ты, пострел, молодец! Мать вспомнил? Не ту, что в замке, а настоящую. Аделаида Олеговна, бухгалтер, светлые волосы, отца у тебя еще нет, ну?

— У меня была маленькая комната и письменный стол с компьютером, — прошептал князь. — Я учился в пятом классе. Но ведь это сон. Этого никогда не было. Откуда ты знаешь мои сны?

— Это не сон, малыш. — Игорь распушил пятерней волосы князя. — Это реальность. А вокруг нас игра, сожравшая тебя с потрохами. Я — ретурнер, тот, кто возвращает таких, как ты.

— Не сон…

— Отвечай быстро, как тебя зовут?

В тронный зал вбежали несколько мятежников.

— Алексей, — сказал князь. — Алексей Поляков. Кажется…

— Можешь выйти сам? — бросил Игорь. — Вызывай игровое меню.

— Я не знаю, как, — неуверенно посмотрел на Игоря князь.

— Ольгерт! Чего возишься, кончай его, — закричали из толпы. Кто-то вскинул тяжелый гвардейский арбалет.

— К черту, — сказал Игорь и схватил князя за голову.

Вспышка — и они исчезли из тронного зала. Как и не было. Стальной болт ударил неожиданно метко, со щелчком пробил дерево и остался торчать в спинке опустевшего трона.

Первая авентюра. Я вернусь

За окном шел дождь — тягучий и промозглый, когда всё небо затянуто тучами, и кажется, что сбегающие по стеклу мутные потоки никогда не закончатся. Капли стучали по жестяному отливу. Между двойными стеклами еще с прошлой весны лежала дохлая муха, и было совершенно непонятно, как она ухитрилась забраться в середину стеклопакета. На подоконнике стоял кубок с выгравированной надписью: «Игорю Ламберту, победителю республиканских соревнований по спортивному фехтованию среди детей, 2005 год». Редкие прохожие спешили по своим делам и собирались в стайку разноцветных зонтов на троллейбусной остановке. Площадь Согласия скрывалась за водяной мглой. Мне всегда было интересно — согласия кого и с кем? Сколько лет живу в этой однокомнатной квартире с видом на площадь, а до сих пор не знаю славной истории своего города.

Чувство беспокойства не проходило. Оно возникло минут пятнадцать назад, легкое ощущение того, что должно что-то случиться. Обычно у меня бывало нечто подобное перед получением новой работы. Хотя сейчас я «завязал» со старым ремеслом, но оно находит меня вновь и вновь: в виде случайных людей — «я же от Аделаиды Олеговны, вы должны ее помнить, вы еще вернули ее сыночка Алёшеньку», до телефонных звонков от неизвестных женщин, которые слезно просили «в последний раз, только ради дорогого и любимого мужа». До электронных писем с угрозами: «Зачем вы меня вернули? Я все равно уйду». Ну, и уходи, мне-то что? Я удалял спам и вновь становился собой нынешним.

Раздался звонок телефона, я поднял трубку — звонил Сережка Маньяк.

— Игорь, ты меня слышишь?

— Да.

— Точно слышишь?

— Да!

— Игорь, это ты?

— Да, твою мать, я!

— Акции «Масмолпрома» упали на два процента, что делать?

— Скупай!

— Сколько?

— Всё скупай.

Я нажал на кнопку отбоя, и вернулась тишина, в которой скрывалось чувство беспокойства. Казалось, что оно приняло вид будущего гостя, который складывает зонт и входит в подъезд.

Долго ждет лифт, слушая, как щебечет Клавдия Ивановна с мокрым Рыжиком неопределенной породы на руках. Незнакомец подходит к моей двери и жмет на кнопку звонка.

Зазвучал перезвон. Я вздрогнул. Неужели всё не настоящее, и я завис в игре? Закатал по очереди рукава на обеих руках — татуировки отсутствовали, нигде не было написано моего имени. Значит — реальность. Ничего страшного, просто интуиция разыгралась. Бывает. Вызов задребезжал вновь, я подошел к двери. За дверью стояло прошлое в виде Олега Журавского, моего одноклассника, друга и врага. Лет десять назад мне хотелось скрутить его цыплячью шею.

— Входи, — сказал я, пропуская Олега внутрь.

Он потоптался в прихожей и протянул мне зонт, который я молча поставил в угол.

— Зачем пришел?

— Сырая нынче погодка, — сказал Олег, словно не замечая вопроса.

«Бефстроган», как дразнили его в моей школе. За прошедшие года он сильно изменился. Никогда бы не поверил, что можно превратиться из жирного увальня в накачанного спортсмена с лицом и взглядом волкодава. Наверное, такому выражению глаз надо долго тренироваться. Хватает же у человека времени и на спортзал и на научную работу. Удачная карьера, обеспеченная жизнь, счастливая семья.

— Как Машка? — спросил я.

— Ничего, — пожал он плечами. — По-разному. Ёжик завис.

Нечто подобное я и ожидал, иначе старый враг не пришел бы в гости.

— Давно?

— Сутки. Со вчерашнего дня.

— Он дома? К системе питания подключили?

— Да, Мария позаботилась. Я вернулся из института, она была уже дома. И вот… — Он развел руки в стороны и вымученно улыбнулся. — Я бы, наверное, сразу растерялся.

Олег до сих пор полностью не осознал, что случилось. Ему казалось, что стоит вернуться домой, и Ёжик, как и раньше, поднимется из-за стола, на котором стоит серый куб «квантума», снимет с головы нейроинтерфейс. Из его вен не будет торчать игла системы искусственного питания, и одетый памперс вызовет лишь смех, как неудачная шутка. В игры уходят из неблагополучных семей. Другие, только не Ежи.

— Сколько ему, уже десять?

— Одиннадцать.

— Быстро время бежит.

Прошедшие года слились в вереницу событий, как узоры в калейдоскопе. Мы дружили с Олегом с седьмого класса, после его перевода в нашу школу. В прошлой Олег основательно набедокурил. Психотерапевты называют подобные ситуации «неконтролируемым срывом в поведении». Мне же кажется, что, если загнать в угол любою собачку, и не оставить ей выхода, то она начнет кусаться. Олег потом рассказал, нехотя и без подробностей, поэтому картину произошедшего пришлось дорисовывать в голове самому.

Шестой класс, когда мальчишки уже ощутили прелесть неподчинения переходного возраста и прониклись чувством превосходства над более слабыми. Мимоходом дать подзатыльник — «у, сарделька жирная», написать мелом на спине бранное слово, значение которого знали далеко не все, весь урок плеваться изжеванными бумажными шариками, ожидая, что ты не выдержишь и пожалуешься учителю. И тогда — о, да! тогда на перемене тебя настигнет справедливая кара, как стукача.

Худшими для Олега были большие перемены, когда приходилось дольше обычного скрываться от Клопа и компании. Клоп — коренастый, не по годам развитый детина, представлял собой классический пример хулигана-предводителя школьного охлоса. Такие могут править только в школе, когда они кажутся — себе и подобным им кумирами, ибо с возрастом их судьба предсказуема. Либо армия, где они не поднимутся выше лейтенанта, так как мозги нужны и там, либо низкооплачиваемая работа «старшим, куда пошлют». Но в школе Клоп был звездой номер один.

«Эй, сарделька, что-то ты воняешь, обделался небось?»

«Вкусные у тебя сегодня бутерброды, сардель, понятно, чего ты такой жирный».

Особенно неприятно после подобных фраз было слышать смех девчонок. В общем, однажды, когда Клоп сидел спиной к Олегу, то его затылок, постриженный по последней моде — сверху короткий ежик, а внизу длинные торчащие пряди, завладел сознанием моего друга. В их классе было соревнование — кто сможет поднять стул одной рукой, держа за ножку у самой земли. Клоп, в отличие от Олега, выполнял это легко и просто, чем вызывал восхищение девчачьей половины класса. Сейчас красоваться Олегу не требовалось, и он поднял стул двумя руками. Спинка опустилась на голову Клопу как-то легко и без особых усилий. Звук удара дошел до сознания Олега гораздо позже, уже после того, как Клоп повалился на пол. В руках моего друга остались отломанные ножки. Он сжимал их, словно оружие, и оглядывал притихший класс. Не знаю, что было больше в его

взгляде — ненависти или растерянности.

Клоп отделался сотрясением мозга, Олега перевели в мою школу. Местный аналог Клопа пытался его задевать, но прекратил, когда я по секрету рассказал ему эту историю.

Вот такой человек был мой друг Олег. И именно он после института увел мою Марию. До сих пор не понимаю, что она в нем нашла?

Олег — ученая голова, исследователь квантовых сетей и пространства Чендлера. Я — ретурнер, наемник без постоянной работы, чья жизнь связана с риском. Олег защищает кандидатскую, я — сижу по вечерам в темной комнате наедине с бутылкой коньяка. У него семья, сын и успешная карьера. У меня лишь сейчас наладилась работа коммерческого советника, которую я смог заполучить, благодаря умению видеть сеть. Работа неинтересная, ведь что может быть скучнее искать следы цифр и предвидеть, как изменятся биржевые графики? Гораздо интереснее брать след человека в сети, тогда чувствуешь себя, словно гончая, знаешь, что ты нужен. Прежде всего, нужен самому себе.

Возможно, Мария сделала правильный выбор.

— Ты сможешь помочь? — тихо спросил Олег. — Я хотел обратиться в государственную службу возвращения, но знаешь, какие там очереди. И качество работы оставляет желать лучшего. Ты не думай, я бы заплатил, сколько нужно, хоть и не умею давать взятки. Но это мой сын, и я не хочу рисковать. Ты лучший в этом деле, Игорь.

Да уж. Лучший. Возвращать из игры сына своей бывшей невесты, которую у тебя увел лучший друг.

— Я закурю, извини, не могу больше. — Олег достал из кармана футляр с электронной сигаретой.

Далее — целая связка ритуалов. Раскрыть прозрачный футляр, не глядя вынуть пластиковую имитацию, вставить в рот, прищурить глаза. Пальцы правой руки непроизвольно дергаются, словно щелкают зажигалкой. В комнате появляется противный сладковатый запах пара с ароматизаторами.

— В какой он игре? — спросил я.

— Я не знаю. — Бефстроган достал сигарету изо рта и будто удивленно посмотрел на сверкающий светодиод на ее конце. — Не стал лезть. Боюсь чем-то навредить. Зачем я оставил дома «квантум»!

Все боятся, даже такие спецы-теоретики по квантовой сети, как Олег. Все потом сокрушаются, зачем оставили компьютера. А по-другому не бывает. Мы больше не представляем своей жизни без этих ящиков на столах. Наденешь на голову нейроинтерфейс,

присоски прилипнут к вискам, и перед твоими глазами окажется мир квантовой сети, с его неограниченной информацией и бесконечной скоростью доступа. Когда-то, еще в моем детстве, мы пялились на экраны мониторов, сейчас же информация проецируется напрямую в мозг. Цвет, картинка, общение — можно жить, не выходя из виртуальной реальности. Всё чудесно, если бы не одно «но».

Впервые этот феномен назвали «ложным зависанием». Кубиты квантовой информации, переписываемые с одного компьютера на другой, иногда не доходили до места назначения. Но оставались доступны, хотя квантовая адресация данных была довольно странной и не всегда расшифровывалась правильно.

Пространство Чендлера — так назвали это квантовую область, в которой зависали данные, по фамилии ученого, исследовавшего данное явление. К пространству научились обращаться. В нем начали хранить данные. Но записанные в него многопользовательские игры поглощали сознания людей. Сначала это были лишь одиночные игроки, с мокрыми стульями под собой, с истощенными от недоедания лицами, с подрагивающими пальцами и покрасневшими открытыми глазами. Присосавшиеся к вискам нейроинтерфесы обхватывали их головы словно пауки. Потом, прежде чем забили тревогу, по миру прокатилась целая волна зависаний. Отключи зависшего в сети игрока, и он навсегда останется пускающим пузыри идиотом. Человек должен вспомнить себя, понять, что он в игре, прежде чем вернуться назад.

— Зачем они это делают? — спросил Олег, когда мы стояли в прихожей, и я размышлял, куда засунул свой зонт. В тусклом освещении светился кончик элекстронной сигареты. — Те, которые создают игры в пространстве Чендлера? Сколько их постреляли, и всё мало. Сволочи. Хуже наркоторговцев.

— Кто-то ради искусства, — пожал я плечами. Олег хмыкнул. — Кто-то предпочитает уходить в собственные фантазии. Многие программеры так и поступили. Встречал я и таких, которые чувствуют себя демиургами, доказывая, что создают параллельные миры.

— Глупо, — сказал Олег.

— Разве? — Я достал у него изо рта сигарету и сунул ему в нагрудный карман. — Хорош курить. Ты никогда не был в игре, когда она завладевает твоим сознанием? Вокруг всё становится настоящим. Только больше красок, больше полноты жизни.

— А ты был? Чувствовал?

— Конечно, и не раз. После этого трудно возвращаться в реальность.

— Но ты же вернулся?

Я промолчал. Складной зонт нашелся на нижней полке в бельевом шкафу. Я проверил, как он раскрывается. У Олега хорошая выдержка. Другой бы уже сходил с ума, зная, что сознание его сына застряло в пространстве Чендлера.

— Быстрее, пожалуйста, — взмолился Олег.

Он вынул из кармана сигарету, повертел в пальцах, нахмурился и спрятал в футляре.

Что запаниковал, Бефстроган? Когда понадобилась помощь, то вернулся к старому другу? О чем ты думал, когда обхаживал Марию у меня за спиной? Узнав об их свадьбе, я представлял, как сдираю костяшки пальцев о его зубы, разбиваю в кровь его жирное лицо, но время шло, и план возмездия оставался лишь в моей голове, растворившись в одиноких вечерах с выключенным светом и вкусом коньяка. Время безвозвратно уходило, желание становилось всё более блеклым, пока не угасло совсем. В последний раз я встретил их в парке Гагарина, где счастливая семья гуляла вместе с сыном. Я поздоровался и прошел мимо. Не возникло никаких чувств и эмоций.

— Конечно, уже идем, — ответил я, цепляя на плечо спортивную сумку. — Ты прав, надо спешить.

Лифт пришлось ждать долго. Кабина поднималась, скрипя и жалуясь на свое существование. Клавдия Ивановна, как обычно приоткрыв дверь, выгладывала в щелку, и в ее взгляде читалось осуждение моего способа жизни.

***

Олег жил в новом районе, где однотипные многоэтажки обещали удобство, комфорт и демонстрировали общее сходство нашей цивилизации с муравьями. По дороге мы зашли в аптеку. Я купил стандартный набор для зависшего — систему внутривенного питания, ремни для фиксации тела и подгузники для взрослых, заслужив сочувственный взгляд продавщицы. Либо мне это только показалось? При ее работе быстро черствеешь.

Сколько людей зависло в играх на сегодняшний день? Если задуматься и представить, то за стенами людских муравейников чудятся тысячи подключенных к проводам с питательным раствором. Они сидят, словно уже не люди, а растения. Трусы, сбежавшие из этой жизни. Обрекшие своих родных и близких на непрекращающиеся хлопоты, на существование с одной надеждой — когда-нибудь вернуть. Они там, в другом, созданном мире. Им кажется, что жизнь прекрасна. Что смерти нет, и они, после гибели вновь и вновь возвращаются к разноцветным

приключениям. Но это лишь пока существует их тело здесь. Сколько найдено высохших трупов тех игроков, которых не обнаружили вовремя?

Из-за зависших не сотрут игры, только перекрывают доступ, который обходят хакеры-проводники. Новые программеры создают новые игры. Вечные полицейские отстреливают их, как бешеных псов. Жизнь идет своим чередом.

В многоэтажке Олега лифтовая кабина была прозрачной. Мы поднялись на седьмой этаж. Мария встретила нас в дверях квартиры.

Она почти не изменилась. Те же светлые волосы, без седины, собранные в тугой пучок на затылке. Тот же цвет помады, что и в молодости. Странно, подумал я, у нее завис сын, а она находит силы наводить макияж. Уж, не для меня ли? Но тут же решил, что не стоит себе льстить. А вот цвет ее глаз я не помнил. Мне казалось, что они были голубыми, но сейчас, в освещении светодиодных ламп, ее заплаканные глаза выглядели серыми, словно небо перед грозой.

— Здравствуй, Маша-растеряша, — сказал я.

Она всё-таки меня поцеловала, едва прикоснувшись губами к щеке.

— Привет, Ламберт.

Духи у нее новые, непривычные, те, что дарил я, пахли по-другому.

— Ежи у себя в комнате.

Мы прошли по длинному темному коридору. В детской оказалось светло. За время нашего подъема дождь закончился, и из-за туч выглянуло солнце. В его лучах сидящий в кресле Ежи выглядел мертвенно бледным. Худющий, он чем-то напоминал меня в детстве, «пигалица», как говорила моя бабушка, когда я приезжал в село «для спасения от родителей, которые морят ребенка голодом». Руки уже пристегнуты ремнями к подлокотникам, чтобы зависший случайно не выдернул из вены иглу — капельница с питательным раствором стояла рядом. На голове, поверх взъерошенных светлых, как и у Марии, волос, нейроинтерфейс, от которого к «квантуму» тянутся провода. Глаза Ежи открыты, зрачки бегают из стороны в сторону, непроизвольно повторяя действия виртуала. Голова нервно дергается, пальцы вздрагивают.

Зачем ты завис, Ёжик? Что тебя заставило подключиться к игре?

Я всегда недоумевал, что толкает людей на такое? Неужели все считают, что их обманывают, когда рассказывают о том, что из игры можно не выйти? Кто-то продержится несколько часов,

кому-то достаточно одной минуты. Из врагов перестанут вылетать единицы урона, пропадут индикаторы жизни, исчезнут цифровые характеристики оружия, и виртуальный мир будет восприниматься реальностью. Игра запишет для тебя ложные воспоминания, которые станут новой историей твоей жизни.

Говорят, что работники официальной службы возврата к этому невосприимчивы. Я пробовал к ним устроиться. Не прошел отбор.

В кармане завибрировал телефон.

— Да?

— Игорь, это Маньяк!

— Да!

— Это Маньяк, говорю, звонит!

— Да, мать твою, слышу! Извините, — пояснил я Марии, — это по работе.

— Акции «Масмолпрома» возросли на полтора процента, просто маньячество какое-то, что делать?

— Продавай!

— Сколько?

— Все продавай!

— А вдруг?..

— Я сказал, все! Никаких «вдруг»! И в ближайшие сутки меня не трогать, я занят! Всё, давай.

Маньяк еще пытался что-то сказать, но я нажал на отбой, затем подумал и выключил телефон совсем.

— Я подключаюсь, — сказал я Олегу и достал из своей сумки нейроинтерфейс. — Стул дашь?

— Да-да, конечно.

Олег притащил из другой комнаты большое кресло. Я сел, надел на голову нейроинтерфейс и вставил его разъем в «квантум». Это модель компьютера поддерживала до трех активных соединений.

— Поехали. — Компьютер не потребовал ввод пароля, я подключился к сессии Ёжика, и перед глазами возникла его рабочая область.

В ней светило солнце и шел виртуальный дождь. Капли разбивались о каменную кладку, журчала вода, сбегая по узкой извилистой улочке. Двухэтажные домики, словно выбравшиеся из забытого средневековья, прижимались друг к другу и создавали уютный замкнутый мир. В деревянных кадках цвели азалии. На ветру поскрипывали металлические вывески. Наверное, здесь, под двумя кренделями, у Ежи живет булочник. Он печет вкусное сдобное тесто с изюмом, видно, как из трубы над его домом поднимается дым. Под висящим жестяным стулом живет столяр,

дальше, где вывеска с молотом и наковальней — кузнец. Ежи завел виртуальных персонажей. Создал замкнутый мир и населил его куклами.

Посреди рабочей области в воздухе висело оставленное Ежи сообщение: «Я ВЕРНУСЬ».

Из дома булочника выбрался толстый белый кот и замер под карнизом, недовольно рассматривая стекающие струйки.

— Куда ушел твой хозяин, а? Говори, усатый и пушистый, зачем ты его отпустил?

Котяра уставился на меня глазами разного цвета — зеленым и голубым. Тяжелая дождевая капля ударила его по носу, кот чихнул и принялся умываться лапой.

— Не знаешь? Ну, и не надо. Сейчас мы его сами найдем.

Открыть активное подключение. Просмотр логов.

12:03:35 пользователь Yegi начало сессии.

12:05:10 загрузка программы «BHRet». Источник 1000.567.576 SH

12:06:11 присоединение «BHRet» к виртуалу пользователя Yegi

12:10:34 запуск игры «Хвергельмир». Внимание. Игра не проверена и возможно находится в пространстве Чендлера. Подключение может нанести непоправимый вред вашему здоровью. Подтверждаете ли вы вход?

Ёжик подтвердил.

Что же за программу ты подключил к своему виртуалу? SH — это пространство Чендлера. Я просканировал найденный адрес, но он оказался пуст — там хранились данные для одноразовой загрузки. Ёжик где-то обнаружил на них ссылку и скачал то, что там хранилось. После чего подключился к игре, почти не раздумывая, словно заранее всё для себя решил.

«Я вернусь». Эх, мальчишка… Оттуда редко кто может вернуться сам.

Я попытался подсоединиться к игре, но канал оказался заблокирован — служба безопасности перекрыла возникшую лазейку.

Тогда я вошел в виртлайф своего города. Макет площади Согласия пестрел объявлениями и новостными каналами. Вспыхивали сообщения групповой рассылки. Я тут же получил личное уведомление:

«From Maniak to Lambert: Игорь ты читаешь мой месседж? Игорь, это Маньяк. Что делать с акциями «Транснефти»?»

Я нажал «Delete», включился в групповую рассылку и мысленно набрал сообщение: «Ламберт вызывает Джонни. Надо срочно встретиться». Отправил в сеть и принялся ждать ответ. В

ленте групповой рассылки бежали сообщения.

«Люди! Я сдал сопромат! Свобода! Леха».

«Продаю детскую коляску».

«Ламберт, что делать с акциями? Отзовись».

«Горячее предложение массажного салона».

Несколько голубей подлетели к моему виртуалу и принялись водить вокруг хоровод — программисты-шутники постарались. А вот и появился нужный мне ответ.

«Джонни получил сообщение Ламберта».

Я улыбнулся и подошел к фонтану в центре площади. На сей раз дизайнеры местного виртлайфа запустили в него золотых рыбок. В отличие от реала вода в фонтане была чистой и пахла свежестью, а не хлором. Несколько пар с детьми любовались рыбками. Стоящий на каменном бордюре ребенок, поддерживаемый матерью, бросал в воду хлебные крошки. Девушка с волосами цвета радуги с интересом наблюдала за этим процессом, опустив подбородок на сложенные руки. Увидев меня она улыбнулась и помахала рукой.

— Джонни? — неуверенно спросил я.

Ее виртуалу на вид лет пятнадцать, не больше. Одета в джинсовые шорты и черную футболку с голубым солнцем, от которого расходятся синие протуберанцы. Девушка подхватила меня под руку и потащила к ближайшей скамье.

— Кто же еще? Кыш-кыш! — Джонни разогнала голубей со скамьи. — Не всегда же приходить к ретурнеру в маске Анонимуса?

И вправду. Ведь под виртуалом радужного цвета мог скрываться кто угодно. Если Джонни — это вообще один человек. Я мог бы проследить подключение его виртуала, но никогда этого не делал.

— Что за программа «BHRet»? — спросил я.

Улыбка не сошла с лица Джонни, но стала неестественной.

— Очень интересный вопрос, — сказала Джонни. — Задам ответный. Что ты слышал о Черном Хакере?

Я пожал плечами.

— Городская легенда. Часть современного фольклора. Его не существует.

— Джонни тоже не существует. Но ты с кем-то разговариваешь.

— Ближе к делу, что за программа?

Начало появляться раздражение. Я перечислял Джонни достаточно средств, чтобы тот давал ясную информацию, когда она мне необходима.

Джонни стремительно нагнулась, схватила голубя и посадила

к себе на колени. Сизарь не думал вырываться, видимо, такое поведение не было заложено в его программе, он лишь пялился на нас удивленным взглядом.

— Говорят, он мог проникать в любую игру и возвращаться, когда захочет. — Джонни погладила голубя по голове, задержав руку на его шее, словно раздумывая, а не скрутить ли ее? — Мог обходить любую защиту. Ходят слухи, что Черный Хакер обладал возможностью записывать накопленные виртуалом игровые умения в мозг человека. Обратная связь.

— Бред, — сказал я.

Джонни неожиданно подбросила голубя, и он улетел, громко хлопая крыльями.

— Так говорят. Возможно, он даже написал программу для этого. Все ее ищут. «BHRet» — Black Hacker Return, мне кажется, название расшифровывается именно так. Кому-то улыбнулась удача?

— Или скорчила гримасу, — вздохнул я. — Второй вопрос: мне нужно проникнуть в игру «Хвергельмир».

— Жаль, что это может оказаться нашей последней встречей, — сказала Джонни.

— Почему? — удивился я.

— Ты знаешь, что такое режим «хардкор»?

— Просвети. — Хотя я знал.

— У игрока одна жизнь. После гибели игровой виртуал и сохраненная игра стираются безвозвратно. Для пространства Чендлера это означает гибель сознания. — Она взмахнула радужными кудрями. — Если туда пойдет наш великий ретурнер, то есть шанс, что обратно он не вернется. Значит, мои расценки на сей раз по тройному тарифу.

— В игре активирован лишь этот режим?

— Так говорят.

— Хорошо, — сказал я. — Когда откроешь путь?

Режим «хардкор». Значит, Ёжику угрожает постоянная опасность. Погибнет его виртуал, сознание сотрется вместе с ним. Что же ты натворил!

— Такие игры хорошо защищены. Нужен квантовый ключ. Мне необходимо кое с кем связаться. Я передам тебе ключ лично в пять вечера. Такой расклад тебя устроит?

— Нет. Раньше нельзя?

— Вот и ладушки. Значит, в пять, договорились. Да и еще.

— Что?

Может быть, Ёжика в эту минуту убивают, а я болтаю с раскрашенным под павлина неформалом.

— Говорят, что эту игру создал сам Черный Хакер. Возможно,

его программа по обратной связи действует лишь в его игре? Что скажешь? — хитро улыбнулась Джонни.

— До вечера, — сказал я.

***

Красная горбушка солнца выглядывала над черепичной крышей сохранившегося с девятнадцатого века дома купца Пережогова и купала свое отражение в фонтане. Рядом с солнцем плавали кленовые листья, несколько окурков и мое отражение, в котором преобладал цвет соломы. Я вспомнил, как в институте шутили, что мы с Марией красимся одной краской — мои волосы были и остаются такими же светлыми, как и у нее. Седина в них почти не заметна. Да и вообще, если подумать, у меня красивое лицо — выраженный нос с горбинкой, волевой подбородок, какой обычно изображают у древних викингов на картинках. Сейчас выхвачу меч, спою арию и пойду сражаться с драконом Фафниром. Как там переводил Корнеев «Песнь о Нибелунгах»?

Полны чудес сказанья давно минувших дней
Про громкие деянья былых богатырей.
Про их пиры, забавы, несчастия и горе
И распри их кровавые услышите вы вскоре.

Или не услышите. Где же, черт возьми, Джонни, почему он задерживается? Хотя только без пяти минут пять. Нет, не буду убивать Фафнира, я ведь не варяг, я — француз в пятом поколении, хотя и по-французски не понимаю ни слова. Интересно, не водятся ли в фонтане лягушки? Что-то мне есть захотелось.

Джонни появился, когда часы в доме Пережогова пробили пять раз. В воде словно мелькнула стайка разноцветных рыбок — проплыло его отражение. Джонни похлопал меня по плечу, и я оглянулся.

В жизни она была точно такой же, как в виртуальности. Волосы цвета радуги спадали на веснушчатые щеки. Губы расплывались в задорной улыбке, демонстрируя щель между большими передними зубами.

— Держи на память, Ламберт, — сказала Джонни и протянула мне фарфоровую маску Анонимуса.

— Деньги перечислены. — Я покрутил маску в руке, не зная, куда ее пристроить.

— Знаю, иначе бы не пришла. Возьми ключ.

Она протянула руку, и в мою ладонь опустился чип квантовой памяти.

— Спасибо, — сказал я.

— И еще здесь информация об игре, — добавила она.

Джонни отошла на несколько шагов — я отметил, что идти на высоких шпильках она совершенно не умеет, оглянулась и помахала мне рукой.

— Возвращайся, ретурнер, я буду ждать.

И я помахал ей в ответ улыбающейся маской.

***

Мария снова ждала меня у входных дверей. Я протиснулся мимо, наши лица оказались близко, и аромат ее духов вновь ударил в нос.

— Подожди. — Она схватила меня за руку. — Игорь, ты ведь спасешь моего сына?

Режим «хардкор», но как я могу сказать ей об этом?

— Да, я постараюсь. — Стандартный, ничего не обещающий ответ.

— Спасибо. — Мария вдруг меня обняла, прижалась всем телом. — Он хотел обратиться в госслужбу, но я отговорила. Ты же справишься лучше, я знаю.

Она посмотрела мне в глаза и провела рукой по моей щеке. Я поцеловал ее раскрытую ладонь.

— Олег вышел, но скоро вернется.

Мария прикоснулась губами к моим губам. Я ответил — жадно, захлебываясь, покрывая ее лицо поцелуями.

— Спаси его, спаси, — шептала она.

Мария, ее глаза, теплота ее губ, стройность ее тела — прошлое вновь вернулось, словно не было прошедших лет.

Но Ёжик может погибнуть в любую минуту.

— Он только мой сын, не его, — шептала она, закрыв глаза.

— Не его? — Я почувствовал, как мое сердце забилось еще быстрее. — Неужели он от меня? И ты молчала?

— Нет, не от тебя. Ты его не знаешь. Но это неважно.

Я вернул на место расстегнутый ворот ее кофты.

— Мне надо спешить, — сказал я. — Держи. — И протянул ей фарфоровую улыбающуюся маску.

Она непонимающе на нее посмотрела.

— Хорошо, что я на тебе не женился, — добавил я и пошел по коридору в детскую комнату.

Идти получилось ровно, почти не шатаясь, хотя ноги дрожали.

Едва я дошел до комнаты, как прихожей появился запыхавшийся Олег.

— Успел! — выкрикнул он. — Подожди меня. Я сейчас. Уф…

Он отдышался, достал изо рта электронную сигарету и сунул в карман.

— Я иду с тобой.

— Нет!

— Да! Я так решил. Купил систему жизнеобеспечения. Я хочу с тобой. Мария о нас позаботится. Я должен вернуть сына. Какой же я иначе отец?

— Я работаю один.

— Но я не буду обузой.

Олег прошел в комнату следом за мной.

— Ты не понимаешь, что такое игра, — прошептал я, глядя ему в глаза. — Она сожрет тебя с потрохами.

— Но ты же всегда возвращаешься, — сказал он.

— Это моя работа. Ты так не сможешь.

— Смогу. Я не забуду себя.

— Но в этой игре включен режим «хардкор».

Олег побледнел. Он знал, знал, мой старый друг, что это такое.

— Тем более, — сказал он. — Заводи свою шарманку.

Я пожал плечами. Почему-то охватило равнодушие. Кто я такой, чтобы мешать человеку погибнуть, если он сам так желает?

У компьютера уже поставили третий стул. Олег установил возле себя капельницу и теперь неловко держал иглу между указательным и средним пальцами.

— Уколешь? — спросил он.

— Давай.

Позади нас стояла Мария. Она не спорила, просто молчаливо помогла Олегу привязать руки к подлокотникам, затем, после того, как я вогнал иглу в его вену, закрепить ее лейкопластырем.

Я вставил память в компьютер.

— Есть контакт, — смог улыбнуться Олег. — Я подключаюсь.

Вслед за ним подключился и я. Уже входя в сеть, я почувствовал губы Марии у себя на щеке.

За окном шел дождь — тягучий и промозглый, когда всё небо затянуто тучами, и кажется, что сбегающие по стеклу мутные потоки никогда не закончатся. Капли стучали по жестяному отливу. Между двойными стеклами еще с прошлой весны лежала дохлая муха, и было совершенно непонятно, как она ухитрилась забраться в середину стеклопакета. На подоконнике стоял кубок с выгравированной надписью: «Игорю Ламберту, победителю республиканских соревнований по спортивному фехтованию среди детей, 2005 год». Редкие прохожие спешили по своим делам и собирались в стайку разноцветных зонтов на троллейбусной остановке. Площадь Согласия скрывалась за

водяной мглой. Мне всегда было интересно — согласия кого и с кем? Сколько лет живу в этой однокомнатной квартире с видом на площадь, а до сих пор не знаю славной истории своего города.

Чувство беспокойства не проходило. Оно возникло минут пятнадцать назад, легкое ощущение того, что должно что-то случиться. Обычно у меня бывало нечто подобное перед получением новой работы. Хотя сейчас я «завязал» со старым ремеслом, но оно находит меня вновь и вновь: в виде случайных людей — «я же от Аделаиды Олеговны, вы должны ее помнить, вы еще вернули ее сыночка Алёшеньку», до телефонных звонков от неизвестных женщин, которые слезно просили «в последний раз, только ради дорогого и любимого мужа». До электронных писем с угрозами: «Зачем вы меня вернули? Я все равно уйду». Ну, и уходи, мне-то что? Я удалял спам и вновь становился собой нынешним.

Раздался звонок телефона, я поднял трубку — звонил Сережка Маньяк.

— Игорь, ты меня слышишь?

— Да.

— Точно слышишь?

— Да!

— Игорь, это ты?

— Да, твою мать, я!

— Акции «Масмолпрома» упали на два процента, что делать?

— Скупай!

— Сколько?

— Всё скупай.

Я нажал на кнопку отбоя, и вернулась тишина, в которой скрывалось чувство беспокойства. Казалось, что оно приняло вид будущего гостя, который складывает зонт и входит в подъезд. Долго ждет лифт, слушая, как щебечет Клавдия Ивановна с мокрым Рыжиком неопределенной породы на руках. Незнакомец подходит к моей двери и жмет на кнопку звонка.

Зазвучал перезвон. Я вздрогнул. Неужели всё не настоящее, и я завис в игре? Закатал по очереди рукава на обеих руках — татуировки отсутствовали, нигде не было написано моего имени. Значит — реальность. Ничего страшного, просто интуиция разыгралась. Бывает. Вызов задребезжал вновь, я подошел к двери. За дверью стояло прошлое в виде Олега Журавского, моего одноклассника, друга и врага. Лет десять назад мне хотелось скрутить его цыплячью шею.

— Входи, — сказал я, пропуская Олега внутрь.

Он потоптался в прихожей и протянул мне зонт, который я молча поставил в угол.

— Зачем пришел?

— Сырая нынче погодка, — сказал Олег, словно не замечая вопроса.

«Бефстроган», как дразнили его в моей школе. За прошедшие года он сильно изменился. Никогда бы не поверил, что можно превратиться из жирного увальня в накачанного спортсмена с лицом и взглядом волкодава. Наверное, такому выражению глаз надо долго тренироваться. Хватает же у человека времени и на спортзал и на научную работу. Удачная карьера, обеспеченная жизнь, счастливая семья.

— Как Машка? — спросил я.

— Ничего, — пожал он плечами. — По-разному. Ёжик завис.

Нечто подобное я и ожидал, иначе старый враг не пришел бы в гости.

— Давно?

— Сутки. Со вчерашнего дня.

— Он дома? К системе питания подключили?

— Да, Мария позаботилась. Я вернулся из института, она была уже дома. И вот… — Он развел руки в стороны и вымученно улыбнулся. — Я бы, наверное, сразу растерялся.

Олег до сих пор полностью не осознал, что случилось. Ему казалось, что стоит вернуться домой, и Ёжик, как и раньше, поднимется из-за стола, на котором стоит серый куб «квантума», снимет с головы нейроинтерфейс. Из его вен не будет торчать игла системы искусственного питания, и одетый памперс вызовет лишь смех, как неудачная шутка. В игры уходят из неблагополучных семей. Другие, только не Ежи.

— Сколько ему, уже десять?

— Одиннадцать.

— Быстро время бежит.

Прошедшие года слились в вереницу событий, как узоры в калейдоскопе. Мы дружили с Олегом с седьмого класса, после его перевода в нашу школу. В прошлой Олег основательно набедокурил. Психотерапевты называют подобные ситуации «неконтролируемым срывом в поведении». Мне же кажется, что, если загнать в угол любою собачку, и не оставить ей выхода, то она начнет кусаться. Олег потом рассказал, нехотя и без подробностей, поэтому картину произошедшего пришлось дорисовывать в голове самому.

Шестой класс, когда мальчишки уже ощутили прелесть неподчинения переходного возраста и прониклись чувством превосходства над более слабыми. Мимоходом дать подзатыльник — «у, сарделька жирная», написать мелом на спине бранное слово, значение которого знали далеко не все, весь урок

плеваться изжеванными бумажными шариками, ожидая, что ты не выдержишь и пожалуешься учителю. И тогда — о, да! тогда на перемене тебя настигнет справедливая кара, как стукача.

Худшими для Олега были большие перемены, когда приходилось дольше обычного скрываться от Клопа и компании. Клоп — коренастый, не по годам развитый детина, представлял собой классический пример хулигана-предводителя школьного охлоса. Такие могут править только в школе, когда они кажутся — себе и подобным им кумирами, ибо с возрастом их судьба предсказуема. Либо армия, где они не поднимутся выше лейтенанта, так как мозги нужны и там, либо низкооплачиваемая работа «старшим, куда пошлют». Но в школе Клоп был звездой номер один.

«Эй, сарделька, что-то ты воняешь, обделался небось?»

«Вкусные у тебя сегодня бутерброды, сардель, понятно, чего ты такой жирный».

Особенно неприятно после подобных фраз было слышать смех девчонок. В общем, однажды, когда Клоп сидел спиной к Олегу, то его затылок, постриженный по последней моде — сверху короткий ежик, а внизу длинные торчащие пряди, завладел сознанием моего друга. В их классе было соревнование — кто сможет поднять стул одной рукой, держа за ножку у самой земли. Клоп, в отличие от Олега, выполнял это легко и просто, чем вызывал восхищение девчачьей половины класса. Сейчас красоваться Олегу не требовалось, и он поднял стул двумя руками. Спинка опустилась на голову Клопу как-то легко и без особых усилий. Звук удара дошел до сознания Олега гораздо позже, уже после того, как Клоп повалился на пол. В руках моего друга остались отломанные ножки. Он сжимал их, словно оружие, и оглядывал притихший класс. Не знаю, что было больше в его взгляде — ненависти или растерянности.

Клоп отделался сотрясением мозга, Олега перевели в мою школу. Местный аналог Клопа пытался его задевать, но прекратил, когда я по секрету рассказал ему эту историю.

Вот такой человек был мой друг Олег. И именно он после института увел мою Марию. До сих пор не понимаю, что она в нем нашла?

Олег — ученая голова, исследователь квантовых сетей и пространства Чендлера. Я — ретурнер, наемник без постоянной работы, чья жизнь связана с риском. Олег защищает кандидатскую, я — сижу по вечерам в темной комнате наедине с бутылкой коньяка. У него семья, сын и успешная карьера. У меня лишь сейчас наладилась работа коммерческого советника, которую я смог заполучить, благодаря умению видеть сеть.

Работа неинтересная, ведь что может быть скучнее искать следы цифр и предвидеть, как изменятся биржевые графики? Гораздо интереснее брать след человека в сети, тогда чувствуешь себя, словно гончая, знаешь, что ты нужен. Прежде всего, нужен самому себе.

Возможно, Мария сделала правильный выбор.

— Ты сможешь помочь? — тихо спросил Олег. — Я хотел обратиться в государственную службу возвращения, но знаешь, какие там очереди. И качество работы оставляет желать лучшего. Ты не думай, я бы заплатил, сколько нужно, хоть и не умею давать взятки. Но это мой сын, и я не хочу рисковать. Ты лучший в этом деле, Игорь.

Да уж. Лучший. Возвращать из игры сына своей бывшей невесты, которую у тебя увел лучший друг.

— Я закурю, извини, не могу больше. — Олег достал из кармана футляр с электронной сигаретой.

Далее — целая связка ритуалов. Раскрыть прозрачный футляр, не глядя вынуть пластиковую имитацию, вставить в рот, прищурить глаза. Пальцы правой руки непроизвольно дергаются, словно щелкают зажигалкой. В комнате появляется противный сладковатый запах пара с ароматизаторами.

— В какой он игре? — спросил я.

— Я не знаю. — Бефстроган достал сигарету изо рта и будто удивленно посмотрел на сверкающий светодиод на ее конце. — Не стал лезть. Боюсь чем-то навредить. Зачем я оставил дома «квантум»!

Все боятся, даже такие спецы-теоретики по квантовой сети, как Олег. Все потом сокрушаются, зачем оставили компьютера. А по-другому не бывает. Мы больше не представляем своей жизни без этих ящиков на столах. Наденешь на голову нейроинтерфейс, присоски прилипнут к вискам, и перед твоими глазами окажется мир квантовой сети, с его неограниченной информацией и бесконечной скоростью доступа. Когда-то, еще в моем детстве, мы пялились на экраны мониторов, сейчас же информация проецируется напрямую в мозг. Цвет, картинка, общение — можно жить, не выходя из виртуальной реальности. Всё чудесно, если бы не одно «но».

Впервые этот феномен назвали «ложным зависанием». Кубиты квантовой информации, переписываемые с одного компьютера на другой, иногда не доходили до места назначения. Но оставались доступны, хотя квантовая адресация данных была довольно странной и не всегда расшифровывалась правильно.

Пространство Чендлера — так назвали это квантовую область, в которой зависали данные, по фамилии ученого,

исследовавшего данное явление. К пространству научились обращаться. В нем начали хранить данные. Но записанные в него многопользовательские игры поглощали сознания людей. Сначала это были лишь одиночные игроки, с мокрыми стульями под собой, с истощенными от недоедания лицами, с подрагивающими пальцами и покрасневшими открытыми глазами. Присосавшиеся к вискам нейроинтерфесы обхватывали их головы словно пауки. Потом, прежде чем забили тревогу, по миру прокатилась целая волна зависаний. Отключи зависшего в сети игрока, и он навсегда останется пускающим пузыри идиотом. Человек должен вспомнить себя, понять, что он в игре, прежде чем вернуться назад.

— Зачем они это делают? — спросил Олег, когда мы стояли в прихожей, и я размышлял, куда засунул свой зонт. В тусклом освещении светился кончик элекстронной сигареты. — Те, которые создают игры в пространстве Чендлера? Сколько их постреляли, и всё мало. Сволочи. Хуже наркоторговцев.

— Кто-то ради искусства, — пожал я плечами. Олег хмыкнул. — Кто-то предпочитает уходить в собственные фантазии. Многие программеры так и поступили. Встречал я и таких, которые чувствуют себя демиургами, доказывая, что создают параллельные миры.

— Глупо, — сказал Олег.

— Разве? — Я достал у него изо рта сигарету и сунул ему в нагрудный карман. — Хорош курить. Ты никогда не был в игре, когда она завладевает твоим сознанием? Вокруг всё становится настоящим. Только больше красок, больше полноты жизни.

— А ты был? Чувствовал?

— Конечно, и не раз. После этого трудно возвращаться в реальность.

— Но ты же вернулся?

Я промолчал. Складной зонт нашелся на нижней полке в бельевом шкафу. Я проверил, как он раскрывается. У Олега хорошая выдержка. Другой бы уже сходил с ума, зная, что сознание его сына застряло в пространстве Чендлера.

— Быстрее, пожалуйста, — взмолился Олег.

Он вынул из кармана сигарету, повертел в пальцах, нахмурился и спрятал в футляре.

Что запаниковал, Бефстроган? Когда понадобилась помощь, то вернулся к старому другу? О чем ты думал, когда обхаживал Марию у меня за спиной? Узнав об их свадьбе, я представлял, как сдираю костяшки пальцев о его зубы, разбиваю в кровь его жирное лицо, но время шло, и план возмездия оставался лишь в моей голове, растворившись в одиноких вечерах с выключенным

светом и вкусом коньяка. Время безвозвратно уходило, желание становилось всё более блеклым, пока не угасло совсем. В последний раз я встретил их в парке Гагарина, где счастливая семья гуляла вместе с сыном. Я поздоровался и прошел мимо. Не возникло никаких чувств и эмоций.

— Конечно, уже идем, — ответил я, цепляя на плечо спортивную сумку. — Ты прав, надо спешить.

Лифт пришлось ждать долго. Кабина поднималась, скрипя и жалуясь на свое существование. Клавдия Ивановна, как обычно приоткрыв дверь, выгладывала в щелку, и в ее взгляде читалось осуждение моего способа жизни.

***

Олег жил в новом районе, где однотипные многоэтажки обещали удобство, комфорт и демонстрировали общее сходство нашей цивилизации с муравьями. По дороге мы зашли в аптеку. Я купил стандартный набор для зависшего — систему внутривенного питания, ремни для фиксации тела и подгузники для взрослых, заслужив сочувственный взгляд продавщицы. Либо мне это только показалось? При ее работе быстро черствеешь.

Сколько людей зависло в играх на сегодняшний день? Если задуматься и представить, то за стенами людских муравейников чудятся тысячи подключенных к проводам с питательным раствором. Они сидят, словно уже не люди, а растения. Трусы, сбежавшие из этой жизни. Обрекшие своих родных и близких на непрекращающиеся хлопоты, на существование с одной надеждой — когда-нибудь вернуть. Они там, в другом, созданном мире. Им кажется, что жизнь прекрасна. Что смерти нет, и они, после гибели вновь и вновь возвращаются к разноцветным приключениям. Но это лишь пока существует их тело здесь. Сколько найдено высохших трупов тех игроков, которых не обнаружили вовремя?

Из-за зависших не сотрут игры, только перекрывают доступ, который обходят хакеры-проводники. Новые программеры создают новые игры. Вечные полицейские отстреливают их, как бешеных псов. Жизнь идет своим чередом.

В многоэтажке Олега лифтовая кабина была прозрачной. Мы поднялись на седьмой этаж. Мария встретила нас в дверях квартиры.

Она почти не изменилась. Те же светлые волосы, без седины, собранные в тугой пучок на затылке. Тот же цвет помады, что и в молодости. Странно, подумал я, у нее завис сын, а она находит силы наводить макияж. Уж, не для меня ли? Но тут же решил, что

не стоит себе льстить. А вот цвет ее глаз я не помнил. Мне казалось, что они были голубыми, но сейчас, в освещении светодиодных ламп, ее заплаканные глаза выглядели серыми, словно небо перед грозой.

— Здравствуй, Маша-растеряша, — сказал я.

Она всё-таки меня поцеловала, едва прикоснувшись губами к щеке.

— Привет, Ламберт.

Духи у нее новые, непривычные, те, что дарил я, пахли по-другому.

— Ежи у себя в комнате.

Мы прошли по длинному темному коридору. В детской оказалось светло. За время нашего подъема дождь закончился, и из-за туч выглянуло солнце. В его лучах сидящий в кресле Ежи выглядел мертвенно бледным. Худющий, он чем-то напоминал меня в детстве, «пигалица», как говорила моя бабушка, когда я приезжал в село «для спасения от родителей, которые морят ребенка голодом». Руки уже пристегнуты ремнями к подлокотникам, чтобы зависший случайно не выдернул из вены иглу — капельница с питательным раствором стояла рядом. На голове, поверх взъерошенных светлых, как и у Марии, волос, нейроинтерфейс, от которого к «квантуму» тянутся провода. Глаза Ежи открыты, зрачки бегают из стороны в сторону, непроизвольно повторяя действия виртуала. Голова нервно дергается, пальцы вздрагивают.

Зачем ты завис, Ёжик? Что тебя заставило подключиться к игре?

Я всегда недоумевал, что толкает людей на такое? Неужели все считают, что их обманывают, когда рассказывают о том, что из игры можно не выйти? Кто-то продержится несколько часов, кому-то достаточно одной минуты. Из врагов перестанут вылетать единицы урона, пропадут индикаторы жизни, исчезнут цифровые характеристики оружия, и виртуальный мир будет восприниматься реальностью. Игра запишет для тебя ложные воспоминания, которые станут новой историей твоей жизни.

Говорят, что работники официальной службы возврата к этому невосприимчивы. Я пробовал к ним устроиться. Не прошел отбор.

В кармане завибрировал телефон.

— Да?

— Игорь, это Маньяк!

— Да!

— Это Маньяк, говорю, звонит!

— Да, мать твою, слышу! Извините, — пояснил я Марии, —

это по работе.

— Акции «Масмолпрома» возросли на полтора процента, просто маньячество какое-то, что делать?

— Продавай!

— Сколько?

— Все продавай!

— А вдруг?..

— Я сказал, все! Никаких «вдруг»! И в ближайшие сутки меня не трогать, я занят! Всё, давай.

Маньяк еще пытался что-то сказать, но я нажал на отбой, затем подумал и выключил телефон совсем.

— Я подключаюсь, — сказал я Олегу и достал из своей сумки нейроинтерфейс. — Стул дашь?

— Да-да, конечно.

Олег притащил из другой комнаты большое кресло. Я сел, надел на голову нейроинтерфейс и вставил его разъем в «квантум». Это модель компьютера поддерживала до трех активных соединений.

— Поехали. — Компьютер не потребовал ввод пароля, я подключился к сессии Ёжика, и перед глазами возникла его рабочая область.

В ней светило солнце и шел виртуальный дождь. Капли разбивались о каменную кладку, журчала вода, сбегая по узкой извилистой улочке. Двухэтажные домики, словно выбравшиеся из забытого средневековья, прижимались друг к другу и создавали уютный замкнутый мир. В деревянных кадках цвели азалии. На ветру поскрипывали металлические вывески. Наверное, здесь, под двумя кренделями, у Ежи живет булочник. Он печет вкусное сдобное тесто с изюмом, видно, как из трубы над его домом поднимается дым. Под висящим жестяным стулом живет столяр, дальше, где вывеска с молотом и наковальней — кузнец. Ежи завел виртуальных персонажей. Создал замкнутый мир и населил его куклами.

Посреди рабочей области в воздухе висело оставленное Ежи сообщение: «Я ВЕРНУСЬ».

Из дома булочника выбрался толстый белый кот и замер под карнизом, недовольно рассматривая стекающие струйки.

— Куда ушел твой хозяин, а? Говори, усатый и пушистый, зачем ты его отпустил?

Котяра уставился на меня глазами разного цвета — зеленым и голубым. Тяжелая дождевая капля ударила его по носу, кот чихнул и принялся умываться лапой.

— Не знаешь? Ну, и не надо. Сейчас мы его сами найдем.

Открыть активное подключение. Просмотр логов.

12:03:35 пользователь Yegi начало сессии.

12:05:10 загрузка программы «BHRet». Источник 1000.567.576 SH

12:06:11 присоединение «BHRet» к виртуалу пользователя Yegi

12:10:34 запуск игры «Хвергельмир». Внимание. Игра не проверена и возможно находится в пространстве Чендлера. Подключение может нанести непоправимый вред вашему здоровью. Подтверждаете ли вы вход?

Ёжик подтвердил.

Что же за программу ты подключил к своему виртуалу? SH — это пространство Чендлера. Я просканировал найденный адрес, но он оказался пуст — там хранились данные для одноразовой загрузки. Ёжик где-то обнаружил на них ссылку и скачал то, что там хранилось. После чего подключился к игре, почти не раздумывая, словно заранее всё для себя решил.

«Я вернусь». Эх, мальчишка… Оттуда редко кто может вернуться сам.

Я попытался подсоединиться к игре, но канал оказался заблокирован — служба безопасности перекрыла возникшую лазейку.

Тогда я вошел в виртлайф своего города. Макет площади Согласия пестрел объявлениями и новостными каналами. Вспыхивали сообщения групповой рассылки. Я тут же получил личное уведомление:

«From Maniak to Lambert: Игорь ты читаешь мой месседж? Игорь, это Маньяк. Что делать с акциями «Транснефти»?»

Я нажал «Delete», включился в групповую рассылку и мысленно набрал сообщение: «Ламберт вызывает Джонни. Надо срочно встретиться». Отправил в сеть и принялся ждать ответ. В ленте групповой рассылки бежали сообщения.

«Люди! Я сдал сопромат! Свобода! Леха».

«Продаю детскую коляску».

«Ламберт, что делать с акциями? Отзовись».

«Горячее предложение массажного салона».

Несколько голубей подлетели к моему виртуалу и принялись водить вокруг хоровод — программисты-шутники постарались. А вот и появился нужный мне ответ.

«Джонни получил сообщение Ламберта».

Я улыбнулся и подошел к фонтану в центре площади. На сей раз дизайнеры местного виртлайфа запустили в него золотых рыбок. В отличие от реала вода в фонтане была чистой и пахла свежестью, а не хлором. Несколько пар с детьми любовались рыбками. Стоящий на каменном бордюре ребенок,

поддерживаемый матерью, бросал в воду хлебные крошки. Девушка с волосами цвета радуги с интересом наблюдала за этим процессом, опустив подбородок на сложенные руки. Увидев меня она улыбнулась и помахала рукой.

— Джонни? — неуверенно спросил я.

Ее виртуалу на вид лет пятнадцать, не больше. Одета в джинсовые шорты и черную футболку с голубым солнцем, от которого расходятся синие протуберанцы. Девушка подхватила меня под руку и потащила к ближайшей скамье.

— Кто же еще? Кыш-кыш! — Джонни разогнала голубей со скамьи. — Не всегда же приходить к ретурнеру в маске Анонимуса?

И вправду. Ведь под виртуалом радужного цвета мог скрываться кто угодно. Если Джонни — это вообще один человек. Я мог бы проследить подключение его виртуала, но никогда этого не делал.

— Что за программа «BHRet»? — спросил я.

Улыбка не сошла с лица Джонни, но стала неестественной.

— Очень интересный вопрос, — сказала Джонни. — Задам ответный. Что ты слышал о Черном Хакере?

Я пожал плечами.

— Городская легенда. Часть современного фольклора. Его не существует.

— Джонни тоже не существует. Но ты с кем-то разговариваешь.

— Ближе к делу, что за программа?

Начало появляться раздражение. Я перечислял Джонни достаточно средств, чтобы тот давал ясную информацию, когда она мне необходима.

Джонни стремительно нагнулась, схватила голубя и посадила к себе на колени. Сизарь не думал вырываться, видимо, такое поведение не было заложено в его программе, он лишь пялился на нас удивленным взглядом.

— Говорят, он мог проникать в любую игру и возвращаться, когда захочет. — Джонни погладила голубя по голове, задержав руку на его шее, словно раздумывая, а не скрутить ли ее? — Мог обходить любую защиту. Ходят слухи, что Черный Хакер обладал возможностью записывать накопленные виртуалом игровые умения в мозг человека. Обратная связь.

— Бред, — сказал я.

Джонни неожиданно подбросила голубя, и он улетел, громко хлопая крыльями.

— Так говорят. Возможно, он даже написал программу для этого. Все ее ищут. «BHRet» — Black Hacker Return, мне кажется,

название расшифровывается именно так. Кому-то улыбнулась удача?

— Или скорчила гримасу, — вздохнул я. — Второй вопрос: мне нужно проникнуть в игру «Хвергельмир».

— Жаль, что это может оказаться нашей последней встречей, — сказала Джонни.

— Почему? — удивился я.

— Ты знаешь, что такое режим «хардкор»?

— Просвети. — Хотя я знал.

— У игрока одна жизнь. После гибели игровой виртуал и сохраненная игра стираются безвозвратно. Для пространства Чендлера это означает гибель сознания. — Она взмахнула радужными кудрями. — Если туда пойдет наш великий ретурнер, то есть шанс, что обратно он не вернется. Значит, мои расценки на сей раз по тройному тарифу.

— В игре активирован лишь этот режим?

— Так говорят.

— Хорошо, — сказал я. — Когда откроешь путь?

Режим «хардкор». Значит, Ёжику угрожает постоянная опасность. Погибнет его виртуал, сознание сотрется вместе с ним. Что же ты натворил!

— Такие игры хорошо защищены. Нужен квантовый ключ. Мне необходимо кое с кем связаться. Я передам тебе ключ лично в пять вечера. Такой расклад тебя устроит?

— Нет. Раньше нельзя?

— Вот и ладушки. Значит, в пять, договорились. Да и еще.

— Что?

Может быть, Ёжика в эту минуту убивают, а я болтаю с раскрашенным под павлина неформалом.

— Говорят, что эту игру создал сам Черный Хакер. Возможно, его программа по обратной связи действует лишь в его игре? Что скажешь? — хитро улыбнулась Джонни.

— До вечера, — сказал я.

***

Красная горбушка солнца выглядывала над черепичной крышей сохранившегося с девятнадцатого века дома купца Пережогова и купала свое отражение в фонтане. Рядом с солнцем плавали кленовые листья, несколько окурков и мое отражение, в котором преобладал цвет соломы. Я вспомнил, как в институте шутили, что мы с Марией красимся одной краской — мои волосы были и остаются такими же светлыми, как и у нее. Седина в них почти не заметна. Да и вообще, если подумать, у меня красивое

лицо — выраженный нос с горбинкой, волевой подбородок, какой обычно изображают у древних викингов на картинках. Сейчас выхвачу меч, спою арию и пойду сражаться с драконом Фафниром. Как там переводил Корнеев «Песнь о Нибелунгах»?

Полны чудес сказанья давно минувших дней
Про громкие деянья былых богатырей.
Про их пиры, забавы, несчастия и горе
И распри их кровавые услышите вы вскоре.

Или не услышите. Где же, черт возьми, Джонни, почему он задерживается? Хотя только без пяти минут пять. Нет, не буду убивать Фафнира, я ведь не варяг, я — француз в пятом поколении, хотя и по-французски не понимаю ни слова. Интересно, не водятся ли в фонтане лягушки? Что-то мне есть захотелось.

Джонни появился, когда часы в доме Пережогова пробили пять раз. В воде словно мелькнула стайка разноцветных рыбок — проплыло его отражение. Джонни похлопал меня по плечу, и я оглянулся.

В жизни она была точно такой же, как в виртуальности. Волосы цвета радуги спадали на веснушчатые щеки. Губы расплывались в задорной улыбке, демонстрируя щель между большими передними зубами.

— Держи на память, Ламберт, — сказала Джонни и протянула мне фарфоровую маску Анонимуса.

— Деньги перечислены. — Я покрутил маску в руке, не зная, куда ее пристроить.

— Знаю, иначе бы не пришла. Возьми ключ.

Она протянула руку, и в мою ладонь опустился чип квантовой памяти.

— Спасибо, — сказал я.

— И еще здесь информация об игре, — добавила она.

Джонни отошла на несколько шагов — я отметил, что идти на высоких шпильках она совершенно не умеет, оглянулась и помахала мне рукой.

— Возвращайся, ретурнер, я буду ждать.

И я помахал ей в ответ улыбающейся маской.

***

Мария снова ждала меня у входных дверей. Я протиснулся мимо, наши лица оказались близко, и аромат ее духов вновь ударил в нос.

— Подожди. — Она схватила меня за руку. — Игорь, ты ведь спасешь моего сына?

Режим «хардкор», но как я могу сказать ей об этом?

— Да, я постараюсь. — Стандартный, ничего не обещающий ответ.

— Спасибо. — Мария вдруг меня обняла, прижалась всем телом. — Он хотел обратиться в госслужбу, но я отговорила. Ты же справишься лучше, я знаю.

Она посмотрела мне в глаза и провела рукой по моей щеке. Я поцеловал ее раскрытую ладонь.

— Олег вышел, но скоро вернется.

Мария прикоснулась губами к моим губам. Я ответил — жадно, захлебываясь, покрывая ее лицо поцелуями.

— Спаси его, спаси, — шептала она.

Мария, ее глаза, теплота ее губ, стройность ее тела — прошлое вновь вернулось, словно не было прошедших лет.

Но Ёжик может погибнуть в любую минуту.

— Он только мой сын, не его, — шептала она, закрыв глаза.

— Не его? — Я почувствовал, как мое сердце забилось еще быстрее. — Неужели он от меня? И ты молчала?

— Нет, не от тебя. Ты его не знаешь. Но это неважно.

Я вернул на место расстегнутый ворот ее кофты.

— Мне надо спешить, — сказал я. — Держи. — И протянул ей фарфоровую улыбающуюся маску.

Она непонимающе на нее посмотрела.

— Хорошо, что я на тебе не женился, — добавил я и пошел по коридору в детскую комнату.

Идти получилось ровно, почти не шатаясь, хотя ноги дрожали.

Едва я дошел до комнаты, как прихожей появился запыхавшийся Олег.

— Успел! — выкрикнул он. — Подожди меня. Я сейчас. Уф…

Он отдышался, достал изо рта электронную сигарету и сунул в карман.

— Я иду с тобой.

— Нет!

— Да! Я так решил. Купил систему жизнеобеспечения. Я хочу с тобой. Мария о нас позаботится. Я должен вернуть сына. Какой же я иначе отец?

— Я работаю один.

— Но я не буду обузой.

Олег прошел в комнату следом за мной.

— Ты не понимаешь, что такое игра, — прошептал я, глядя ему в глаза. — Она сожрет тебя с потрохами.

— Но ты же всегда возвращаешься, — сказал он.

— Это моя работа. Ты так не сможешь.

— Смогу. Я не забуду себя.

— Но в этой игре включен режим «хардкор».

Олег побледнел. Он знал, знал, мой старый друг, что это такое.

— Тем более, — сказал он. — Заводи свою шарманку.

Я пожал плечами. Почему-то охватило равнодушие. Кто я такой, чтобы мешать человеку погибнуть, если он сам так желает?

У компьютера уже поставили третий стул. Олег установил возле себя капельницу и теперь неловко держал иглу между указательным и средним пальцами.

— Уколешь? — спросил он.

— Давай.

Позади нас стояла Мария. Она не спорила, просто молчаливо помогла Олегу привязать руки к подлокотникам, затем, после того, как я вогнал иглу в его вену, закрепить ее лейкопластырем.

Я вставил память в компьютер.

— Есть контакт, — смог улыбнуться Олег. — Я подключаюсь.

Вслед за ним подключился и я. Уже входя в сеть, я почувствовал губы Марии у себя на щеке.

Вторая авентюра. Железный лес

«Хвергельмир» встретил меня туманом. В главном меню игры молочные потоки низвергались тугими переплетающимися жгутами и исчезали в кипящей бездне. В тумане кто-то ходил. Кто-то огромный бесшумно переставлял суставчатые лапы, тяжело вздыхал, и тогда по белой мгле пробегали волны и обнажались торчащие из бездны черные ветви деревьев. Казалось, что до тебя пытаются дотянуться их скрюченные пальцы, схватить и утащить в белое безмолвие.

На фоне всего этого предлагалось создать персонажа. Только выбора практически не было — лишь человек, воин или волшебник, лишь твой изначальный виртуал, одетый в кожаную куртку, штаны и с мечом на поясе. «Хвергельмир» с самого начала заставлял играть по своим правилам, ограничивая в жесткие рамки. В информации, предоставленной Джонни, написано о том, что эта игра противостояния людей и порождений Железного леса, но везде и без ограничений активирован режим «игрок против игрока». Зная об этом, можно сказать, что здесь не до противоборства с темными тварями, ибо самым страшным врагом являются другие игроки. Убей первым, или будешь убит другими. Беги быстрее, стань хитрее, потому что к такому призывает сама игра.

Здесь нет места пощаде. Здесь всё решает сила, и у меня лишь одна цель — найти и спасти Ёжика, любой ценой.

Умения в игре приобретаются в процессе их изучения и наращиваются во время использования. Начальный уровень каждого умения — первый. Количество единиц жизни среднестатистического персонажа — десять. Сила, ловкость, интеллект подбираются игрой при старте, как наиболее соответствующие вашему виртуалу. Предельное значение, которое можешь получить в игре, — двадцать. Но много ли игроков дожило до таких характеристик? Ну что ж… Я нажал на старт, туман ринулся мне в лицо, залепил глаза и уши, стало трудно дышать.

Сквозь мглу перед глазами появились мои начальные характеристики: «Сила — 5, ловкость — 6, интеллект — 4».

Я упал на колени, а когда поднялся, то обнаружил себя стоящим на поляне посреди леса.

Лесную глубину скрывал туман. Из него выступали деревья-великаны, окружали тебя, подавляли непонятной чуждостью. Отвернись, и покажется, что они подступили еще ближе. На

могучих деревьях почти не было листвы. Редкие, высохшие листья выглядели так, будто этот лес забыл, что такое зелень. В вышине ветви переплетались, создавая над головой черную сеть. С них свешивались седые пряди и едва заметно раскачивались от дуновения холодного ветра.

Землю покрывала опавшая листва и коричневый с пепельными вкраплениями мох, из которого поднимались на длинных стеблях темные чашечки, полные липких семян. Когда я касался их носком сапога, чашечки лопались с едва слышными хлопками и разбрасывали семена вокруг. Стоило опустить ногу в мягкий лесной ковер, как в том месте, куда ты ступал, хлюпала вода, а где-то в глубине земли, там, куда уходили корни лесных гигантов и цверги ковали магическое железо, этому звуку вторило подземное эхо.

Хлюп-плюх, хлюп-плюх — было необычно так идти, ощущая, будто из леса кто-то смотрит тебе в спину. Но убегающая с поляны тропинка звала за собой к городу-всех-дорог. Когда-то Вормс служил пристанищем купцов и искателей наживы, куда стекались все, кто жаждал славы и легких денег. Теперь же былая слава города ушла. Железный лес подступил к его стенам, и не осталось храбрых воинов, которые бы противостояли порождениям тьмы. Но если у тебя нет в кармане ни гроша, а меч — единственное твое сокровище, то ноги сами ведут к городу-всех-дорог. Игорь, говорят они, хватит тебе бродить ледяными торосами, следуя за дыханием морозных великанов. Пора тебе погреться среди городских дев, чьи губы, красные, словно спелые вишни, груди-холмы возвышаются на белоснежной равнине и теплые бедра обещают бессонные ночи.

— Кар-р-р! — Ворон разогнал криком лесную тишину, его возглас перешел в затихающее утробное урчание.

Птица сидела на ветке, смотрела не меня красным глазом и урчала. Я погрозил ей кулаком. Рукав куртки задрался, и я увидел татуировку. «Игорь Ламберт», — было написано большими буквами от локтя до кисти. Трудно не заметить.

Стоять! Какие девы?! Это же всего лишь игра, и я пришел сюда не за усладами, а чтобы спасти Ёжика.

— Р-р-р, — сказал ворон.

Я — Игорь Ламберт, ретурнер. Я не морской охотник, чья хижина завешена шкурами белых моржей, а всего лишь коммерческий советник. «Что делать с акциями?» «Продавай». «Это я, Маньяк. Игорь, ты меня слышишь?» Я схватился за голову. Прошлой весной я не побеждал на турнире Одноглазого Флинна, а отдыхал на Черном море, купался в теплой воде и ловил пучеглазых бычков среди скользких прибрежных камней. Не я

пустил стрелу точно между глаз ледяного дракона. Не я преодолел перевал воющих духов в самую лютую пору.

Реальные воспоминания возвращались, ложные блекли, выцветали, будто фильм, который ты видел давно и уже успел почти позабыть. Мир потерял свою глубину. Он оставался, наполненный цветом, запахами и звуками, но утратил то неуловимое, что отличает реальность от игры. Вон на дереве возле ворона едва заметно выступает полигон. Дизайнер допустил ляп, и сразу видно, что это не дерево, а лишь объемная модель. Оно не настоящее. Вместо солнца здесь динамическое освещение. Вместо жизни — иллюзия, в которую нас заставляют поверить.

Ворон прервал урчание, сорвался с места и с шумом улетел. На землю опустилось несколько сухих листьев и черное перо.

Что-то не давало мне покоя. Воспоминания — настоящие, живые, появлялись перед глазами. Ёжик, улыбающаяся фарфоровая маска, Мария, ее губы, резкий и сладкий запах духов, Олег… Он же пошел следом за мной! Где же мой старый друг?

Олег стоял на соседней поляне, вглядываясь в лесной туман. Его рука сжимала меч.

— Олег! — воскликнул я.

— Тихо! — поднял он руку и еще некоторое время следил за туманом. Затем обернулся ко мне, но меч не опустил. — Кто ты, странник?

— Очнись, — сказал я. — Мы в игре. Мы пришли спасти твоего сына.

Его глаза прищурились.

— Здесь обитают тролли. Они повсюду и могут оказаться кем угодно. Притвориться черным камнем или сухим деревом, вороном в небе или путником на дороге. — Его левая рука выводила узоры, я следил, как ловко двигались на ней пальцы. Казалось, что они оставляли горящие следы в холодном воздухе. — Речи троллей сладки и обманчивы. Бойся их и не доверяй никому, ибо тролли разорвут твое тело и выпьют мозг. — Огненные знаки складывались в руны. Письмена таяли в воздухе красными угольками.

— Олег… — прошептал я, заворожено следя за его действиями.

— Умри! — воскликнул мой друг, вскинул руку, и мне в лицо ударил сноп пламени.

Я едва успел отшатнуться, почувствовал, как опалило лицо, упал в мох, перекувырнулся и вскочил на ноги. Ах ты, гад! Гаденыш! Убить меня решил?! Мой меч покинул ножны. Возникло сообщение:

«Получено умение — владение мечом, уровень первый».

Да, да, говори, рассказывай мне о событиях в игре. Пока я их вижу, то отдаю себе отчет в том, что мы в придуманном мире. Но если вновь всё станет настоящем, это будет означать, что «Хвергельмир» снова поглотил меня, сделал своей частью. Как Олега.

Он ударил первым. Сражался, держа меч в правой руке. Пальцы левой продолжали танцевать свой огненный танец, шевелились без всякой связи друг с другом. Я отбил выпад и ударил локтем в лицо, разбивая в кровь его губы. Олег отшатнулся. Замер, выставив перед собой оружие, попытался стереть кровь тыльной частью ладони, но лишь размазал по щеке.

— Ты не тролль. — Он сплюнул под ноги. — Я помню тебя. Ты приходил в мой дом, охотник. Вторгся, когда не было хозяина, и целовал мою жену. Ты предлагал ей шкуру ледяного дракона, которая играет на солнце, как груда драгоценностей за похоть с тобой. — Над его ладонью в воздухе появились горящие руны.

— Вспоминай, Олег, вспоминай! Ты путаешься, в голове творится каша. Реальность смешивается с выдуманной историей. Я твой друг. Но это ты когда-то увел мою невесту.

Новый сноп огня был ожидаемый, я с легкостью от него ушел. Вспыхнула ответная ярость — кипящая, затмевающая сознание. Я ударил наотмашь, выбивая меч из его рук. Едва не воткнул клинок в его грудь, но вовремя остановил движение, выпустил меч, и он упал в мох рядом с мечом Олега. Олег врезал мне в челюсть кулаком. Зубы лязгнули, рот наполнился вкусом крови. «Минус одна единица жизни».

— Ты увел мою Марию, козел! — прошипел я и ударил в ответ, утопив кулак в его животе, заставив сложиться вдвое.

Не разгибаясь, Олег попал сжатым кулаком мне ниже пояса. «Минус две единицы жизни. Ловкость временно понижена до пяти».

— Ты предлагал ей шкуру дракона! Моей Брунгильде!

— Какая к чертям Брунгильда? — выдавил я. — Ты что творишь?

Я отполз на несколько шагов, держась за пах. Тут на все минус десять единиц потянет. Олег бросился к своему мечу, схватил за рукоять, но я успел наступить на клинок и не дал поднять оружие.

— Ты спал с моей Марией! — выкрикнул я.

Удар — изо всех сил, до собственного крика и разбитых костяшек, от которого голову противника закидывает назад, и в воздухе опадает россыпь красных капель.

— У тебя с ней ребенок, паршивец! Вспоминай, как я учил

тебя в детстве драться!

На сей раз он принял удар на блок и ударил в ответ. Я поймал его руку, и мы оба упали в чавкнувший плюющийся семенами мох. Олег ударил в солнечное сплетение — коротко и сильно, выбивая из моего дыхания две единицы жизни. Я схватил его голову и вдавил щекой в мох, сунул под глаза руку.

«Получено умение — рукопашный бой, уровень первый. Ваша сила увеличена до шести».

— Читай, придурок, читай, что написано! Помнишь меня? Вспоминай, у кого увел женщину. Но ты знаешь что. — Я придвинулся вплотную и зашептал прямо ему на ухо: — Она понесла не от…

Олег сел.

— Игорь? — спросил он, сплевывая кровавой слюной.

— А кто же еще? — Я тоже сел, опершись о его спину.

Мы сидели и тяжело дышали.

— Нет, ну ты придурок всё-таки, — сказал я, нащупывая языком дырку на месте выбитого зуба. — Волшебник хренов. Говорил, не надо за мной идти.

Олег не ответил, запустил пальцы в свой рот, выудил зуб и подержал его на ладони. Затем отправил щелчком в ближайшее дерево. По привычке похлопал по нагрудному карману в поисках электронной сигареты. Не нашел, подобрал с земли сухую веточку и сунул в рот.

— Брунгильда… Она выглядела такой реальной, — сказал он. — Ты что-то говорил о Марии? Понесла не от… кого?

— Не от большой любви, — буркнул я. — Она любит меня, а не тебя.

— Не обольщайся.

— Какого цвета у нее глаза?

— Голубые. Кажется.

— Кажется ему…

Мы снова помолчали. Появилось сообщение: «Ваша ловкость восстановилась до прежнего уровня в шесть единиц».

— Это ведь из-за меня ушел Ёжка, — наконец сказал Олег. — Слишком многого мы порой хотим от своих детей. Любой провал, любую неудачу они воспринимают, как неоправдание наших надежд. Полученная в школе двойка выглядит крахом всей жизни. Помнишь, как я схлопотал пару по физике, и Арнольд сказал, что оставит меня на второй год? Глупость какая, но я два часа боялся вернуться домой. Сколько лет прошло, а до сих пор помню. Ёжик… Он слишком хотел быть похожим на меня, но мы разные, даже внешне.

«Конечно, ведь он не твой сын».

— Я чувствую, что он не создан для усидчивой работы. Пробежался по верхам, нахватался знаний из разных областей — и думает, что сможет чего-то достичь. Нет, наука требует внимания и кропотливого труда. Знаешь, какова тема моей докторской? «Феномен переноса виртуальных знаний». Основана на теории проецирования психоматрицы из квантовой сети в мозг человека. Меня уже за глаза в институте называют Черным Хакером. Спрашивают, когда достану свой меч плюс пять. Ёжик думает, что моя работа это игра, развлечение. Рассказывает о каких-то сказочных программах-артефактах. Я прогнал его неделю назад, сказал, чтобы не приставал и не мешал. А он нагрубил, что всё равно мне докажет. Разревелся, как девчонка. Он действительно что-то нашел? И та его программа, если на минутку допустить, что она написана Черным Хакером, действительно позволяет переносить накопленные в игре умения в мозг игрока, как думаешь?

— Так говорят, — сказал я и пожал плечами, скопировав жест Джонни.

— Но ведь это же бред!

— Возможно. Кто знает?

— Тихо! — Олег вдруг поднял руку. — Я что-то слышу.

Я прислушался. В лесной тишине шелестел ветер. Белые хлопья тумана стелились над землей и складывались в затейливые фигуры. Они напоминали то ледяного дракона, пытающегося поймать свой хвост, то морозного великана, размахивающего дубиной, а то и морское чудище фьордов кракена, выпускающего на поляну белые щупальца. Они притрагивались к нашим ногам, будто пробуя, стоит ли их съесть? Не стоит, решали они, и уносились дальше порывами холодного ветра.

Но было еще что-то странное, скорее даже не звук, а лишь намек на него, будто где-то вдалеке растягивали жгут резины. Может быть, это подсказывало наше чувство опасности? Как говорил мой друг? «Здесь обитают тролли. Они повсюду и могут оказаться кем угодно».

Раздался громкий щелчок, из лесной глубины выстелило щупальце, не туманное, а из плоти и крови. Со свистом оно пролетело среди деревьев, разворачиваясь, как хоботок гигантской бабочки. Олег вскочил на ноги, оттолкнул меня в сторону. Если бы он этого не сделал, то распрямившееся щупальце угодило бы в меня, а не в него. Послышался удар, Олег хрюкнул и грохнулся на землю, прижимая собой щупальце к земле.

— Руби! — заорал он. — Руби!

Щупальце было серым и склизким. Оно извивалось под моим другом словно большая змея, оставляя на мху потоки слизи. Его внутреннюю сторону покрывали присоски и костяные крючья.

— Чего же ты ждешь?!

Я перерубил щупальце мечом. Ударил со всей силы, но меч прошел легко, почти не испытывая сопротивления. Обрубок выпустил фонтан черной крови и скрылся среди деревьев. По лесу прокатился рев. Казалось, что всколыхнулся туман, задрожала земля. На поляне полопались коробочки с семенами.

— Падай! — закричал Олег.

Я упал, как подкошенный. Олег выпрямился, раскинув в стороны руки. Стоял ровно, словно вырубленный из ствола истукан, не обращая внимания на шевелящийся вокруг нас лес. Казалось, что они приближались отовсюду. Серые щупальца ползли со всех сторон, но где-то там, в глубине черного леса угадывался их владелец. Огромная, ощетинившаяся зубами-кинжалами пасть, маленькие глазки, выискивающие новую жертву. Он подавлял волю, и хотелось лишь одного — бежать и как можно быстрее.

Пальцы Олега выводили огненные узоры. Они складывались в руны, те — в слова, порождающие магию. Древнюю, словно мир, когда Землю покрывали клокочущие огнедышащие вулканы, а в небе носились драконы — могучие, не те жалкие подобия, обитающие нынче во льдах. Я вжался в мох, глубоко вздохнул, наполнив легкие воздухом, и погрузил лицо в вязкую жижу.

Олег закричал. Надо мной с ревом пронеслась стена пламени, и наступила тишина.

Я поднял голову и огляделся. От тумана не осталось и следа — его сдуло огненным ветром. Поляну покрывал обгоревший мох. Сохранились лишь его нижние, пропитанные водой слои. Вокруг поляны стояли объятые тишиной и дымом обугленные деревья. Воняло горелой плотью — приблизительно такой запах бывает, когда обсмаливают над огнем курицу, избавляясь от остатков перьев. Кончик ветки во рту Олега тлел, словно зажженная сигарета.

Он опустил руки и посмотрел на меня. Наверное, похожий взгляд был у моего друга в детстве, когда он опустил стул на голову Клопа. Что в нем больше — торжества или растерянности?

— Ты очень опасный человек, — сказал я, поднимаясь на ноги и отряхивая одежду.

— Минутку, — нахмурился Олег и затушил у меня на спине горящую куртку. — Пойдем отсюда скорее. Они могут вернуться.

— Сомневаюсь, — сказал я и окинул взглядом обгоревший лес.

***

Дорога вела к горизонту, бежала среди леса, но деревья не осмеливались на нее заходить, лишь наклоняли ветви в тщетной попытке поймать проходящих путников. Изредка дорогу перебегали пепельно-серые белки и сердито цокали на двух людей, вторгшихся в их лесное царство.

— Далеко еще до Вормса? — спросил Олег, жуя торчащую изо рта травинку.

— Насколько я помню, топать еще около часа, — ответил я.

— Помнишь… Странное ощущение, будто в нас живут сразу две личности — одна настоящая, а другая придуманная. Только уже начинаешь сомневаться, кто из них кто. Вот ты, например кем будешь? Может, мы вновь познакомимся, осторожно и невзначай, не отдавая контроль над телом виртуальным личностям?

— Можно и познакомиться. — Я вырвал травинку у него изо рта и покрутил в пальцах. — Вот это — ого-трава, как говорила моя бабушка. Пожуй еще немного — и отравишься.

— Что — помру? — забеспокоился Олег.

— Да нет. Лишь по ночам будешь подниматься на крыши домов и кричать как филин: «Ого! Ого!»

— Врешь ты всё, — усмехнулся мой друг.

— Может, и вру. — Я бросил травинку на дорогу. — А может, и нет. Кто скажет, какие из наших воспоминаний правдивые?

Олег подошел к краю дороги, отломал ветку и сунул в рот.

— Хорошо излагаешь, продолжай. Слушай, как чешется. — Он вновь поскреб пятерней грудь, где под курткой на коже остались царапины от костяных крючков, которыми было вооружено щупальце. — Так ты был охотником?

— Почему был? Я и есть охотник, Игорь Глаз дракона.

— У тебя такое хорошее зрение?

— Нет, обычное. Просто долгое время носил на шее замерзший глаз ледяного дракона.

— Сам убил животное?

— Да, потому и хвастался его глазом. Знак доблести.

— А я вот животных не убивал. Был советником маркграфа в Формире — маленьком городке далеко южнее. Деньги, экономические преобразования — вот моя стезя. А магия — это так, вроде хобби. Я самоучка.

Я вспомнил подожженный лес, и меня слегка передернуло. Ничего себе самоучка.

— А чего уехал, экономический советник?

— Сжег дом маркграфа. Хорошо еще, что никто не пострадал.

— За что?

— Он на тебя был похож — такая же наглая рожа. Женщин излишне любил. Излишне, потому что не своих. На мою Брунхильду глаз положил, когда я уезжал.

— И что она?

— Брунхильда, она такая… Легковерная.

— В общем, дала?

— Тьфу, — выплюнул он ветку. — Игорь, ты пошляк. Но на сей раз не далек от истины. Застал я их в самый разгар отношений.

— Отпустил?

— Я же не убийца! Но дом маркграфа горел хорошо. Когда я бежал из города зарево видно было издали. В Вормс, на край цивилизации, за мной вряд ли сунутся. А ты чего в город-всех-дорог идешь? — перевел он тему разговора.

— Для кого-то это и край цивилизации, а для кого-то самый ее центр. По сравнению с поселениями на обдуваемом всеми ветрами берегу. Чего иду?

Я вспомнил женщин, что издавна обитали во фьордах. Они мазались жиром белых моржей, их лица круглы и непривлекательны, груди обвислые, даже у молодых. То ли дело женщины цивилизованных областей. Одна собирательница трав, Гулльвейг, что искала золотой цветок, приезжала к нам верхом на большой бегающей птице гасторнисе, которая постоянно хотела жрать и поглощала рыбу в невиданных количествах. Женщине я рассказывал в своей хижине истории целую ночь, а птица орала под дверью, требуя еще рыбы. Рассказывал о ледяном драконе, у которого кость и панцирь крепки так, что не пробить копьем, но есть единственное место на лбу между глаз, где кость тонка, и если метко пустить стрелу, то можно добыть такого зверя. Правда, у охотника редко бывает больше одного выстрела. Ведь надо, чтобы ледяной дракон бежал прямо на тебя. За ним охотятся настоящие храбрецы. Рассказывал о морозных великанах, чье дыхание светится по ночам на небе. Вел истории о перевале воющих духов. Лишь настоящие безумцы могут пересечь его ночью, когда приходится вбивать в торосы ледоруб, сделанный из лапы ледяного дракона, чтобы тебя не унесло ветром. Когда снежные духи летают возле тебя, и от их завывания кровь стынет в жилах. Но зато открывается вид на заледеневший Иггдрасиль.

Она слушала и улыбалась, всё пытаясь выведать тайну золотого цветка, что расцветает среди торосов в самую лютую пору. Но я не могу вспомнить ее лицо, вместо Гулльвейг вспоминается Мария. Если все женщины Вормса по темпераменту

похожи на нее, то я иду в город-всех-дорог не зря.

— Я иду, чтобы спасти твоего сына, не забывай, кто ты есть на самом деле, — сказал я.

— Не забываю, — вздохнул Олег. — Не всё так странно, будто меня двое. Настоящий я должен места себе не находить от тревоги, но придуманный я ведет себя чересчур спокойно. Проверь, пожалуйста, мы правильно идем?

Я остановился и сосредоточился. Объемный мир замер, потом начал распадаться на отдельные полигоны, графика упрощалась. Деревья сначала стали угловатыми, потом вообще утратили рельеф, словно превратились в отдельные нарисованные спрайты. На ровной, как стекло, дороге появился цифровой след Ёжика, ведущий к городу-всех-дорог. Я видел его столь же четко, как и изменения биржевых графиков, когда это требовалось. Главное, зайти за человеком в сеть с его компьютера, а потом держать след, словно собака-ищейка.

— Да, мы идем правильно, — сказал я.

И мир вновь стал объемным. Вместе с усталостью нахлынули краски и ощущение жизни.

— Интересное свойство, — сказал кто-то позади нас.

Мы развернулись одновременно, я выхватил меч, над ладонью Олега зажглись руны. Человек стоял на дороге — мгновение назад его не было, а сейчас он, как ни в чем не бывало, смотрел на нас, и улыбка играла на его устах. Глаза прятались в тени широкополой шляпы. Черный плащ висел за спиной, словно крылья.

— Кар-р-р! — сказал сидящий на его плече ворон. — Р-р-р!

— Хугин, перестань. — Незнакомец щелкнул ворона по клюву и обратился к нам: — Путь держите вы в город-всех-дорог? Не часто гости радуют своим приходом. Меня звать Вот. — Он поклонился и снял шляпу. Черные длинные волосы закрыли его лицо.

— Это игрок, — тихо сказал я Олегу. — Кажется, из старожилов, тех, кто попали в игру одними из первых. Жаль, что здесь у игроков нет общего уровня, новичку без особого умения не проверить, насколько развито мастерство другого.

— Могу составить вам компанию, мы с Хугином истосковались по общению. — Человек водрузил шляпу на голову. — С достойными — ведь что может быть прекраснее друзей, что спины защищают друг у друга.

— Спасибо, — сказал Олег, — мы уж как-нибудь сами доберемся.

— Для счастья нам не нужно много, — продолжил Вот. — Лишь дорога, что ведет по жизни, и друг, который ступает рядом.

Но ваше право идти одним. Хочу лишь я предостеречь. О скорой гибели, коль не найдете средство, что раны, нанесенные в лесу, излечит.

— Раны? — Олег схватился за грудь. — Всего лишь царапины. Правда, зудит, зараза.

— О чем игра? — спросил Вот, обращаясь к своему ворону. — О противостоянии людей и монстров, коих здесь троллями привыкли величать. Они повсюду: камни и деревья, вода и ветер может ими обернуться. Но почему в меню игры лишь человека выбрать можно?

— Ты знаешь, что мы в игре?! — воскликнул я. — Ты остался в сознании?

— А потому, — продолжил Вот, не замечая моего вопроса, — что любая рана того, кто бился с троллем, изменит. Забудет он, что человеком был, и во враждебный лагерь перейдет, где будет жить с такими же, как он, в лесу холодном и сыром.

— Я превращусь в монстра? — спросил Олег. — Не может быть.

Вот обернулся к нам и посмотрел таким взглядом, будто впервые увидел.

— В Вормсе есть лекарство, — сказал он. — Но дорогое. И времени у вас немного. Скоро, пройдет лишь день иль два, как новый монстр будет выть ночами, пугая горожан.

— День или два, — прошептал Олег.

— А не сочиняешь? — спросил я. — С какой стати тебе нам помогать?

— Сочиняю? — удивился Вот. — Зачем? Хугин, мы сочиняем?

— Нет! — каркнул ворон, и его хозяин распушил перья у него на груди.

— Может, ты тролль, — предположил Олег.

— Мы тролли? — спросил Вот у ворона.

— Нет! — вновь каркнул ворон.

— Хугин говорит, что мы не тролли.

— Ты видел здесь ребенка? — спросил я. — Должен был подключиться к игре день назад. Новый игрок.

— Они спрашивают, видели ли мы нового игрока, — обратился Вот к ворону.

— Нет! — сказал ворон.

— Хугин говорит, что мы не видели, хотя встречали многих, — ухмыльнулся Вот. — Но уже давно никто не проходил, лишь только двое: монстр и мертвец.

— Врешь! — воскликнул Олег.

— Мы врем? — спросил Вот у Хугина.

Ворон пригладил клювом выбившийся из-под шляпы хозяина

локон.

— Нет! — сказал он.

— Идите к черту, — в сердцах бросил я.

Возникла надпись: «Получено мастерство дипломатии, уровень первый».

— Все мы здесь в ловушке. Нам не уйти, куда бы не послали.

Вот снял шляпу, поклонился, и его не стало, лишь черная тень метнулась к лесу. Лишь где-то вдали каркнул ворон, да послышались хлопки крыльев.

— Чертовщина какая-то, — сказал Олег. — Думаешь, он не врал насчет превращения в монстра? И почему он назвал тебя мертвецом?

— Не знаю. Покажи еще раз царапины.

Олег расстегнул куртку и рубаху на груди, прикоснулся к ранкам и как-то визгливо, по-детски, вскрикнул:

— Ай! Ты смотри, кажется, серость вокруг царапин дальше расползается. Слушай, наверное, этот тип был прав. Идем быстрее в город, надо достать лекарство.

— Успеем, время еще в запасе есть. В крайнем случае, можешь выйти и переподключиться, создать нового персонажа, а старого удалить. Ты же в сознании.

— Сейчас, — сказал Олег и замер.

Затем посмотрел на меня.

— Что-то не получается вызвать меню. Попробуй и скажи, что я не так делаю.

Я попробовал. Потом еще раз попробовал.

— Знаешь, — сказал я после третьей попытки, — у меня плохие новости. Меню не вызывается. Эта игра, как ловушка, не выпускает своих игроков.

— Выходит, что Вот был прав? — тихо сказал Олег.

— Получается, что так.

Олег посмотрел на царапины у себя на груди.

— Хреново, — сказал он.

***

Вормс мы увидели издалека. Его башни возвышались над деревьями — на первый взгляд слишком узкие, чтобы быть комфортными, слишком высокие, чтобы легко подниматься в комнаты, расположенные у вершин, они демонстрировали честолюбие волшебников, стремившихся перещеголять соперников. Ведь тот, кто построит самую высокую башню, получит себе большинство молний во время редких летних гроз. Сейчас волшебники из настоящих собирателей молний, те, что

помнили еще Эрика Яростного, высадившегося на берег у фьордов и объявившего эту землю своей, остались в прошлом. Их башни смотрели пустыми окнами на город и служили пристанищем для воронов и гарпий. Еще в них изредка, в пору осенних ветров, заносит гигантских пауков на парусах из паутины. Накопители молний, те, что еще работали, собирали никому не нужное небесное электричество.

Ниже башен расположены подвесные мосты, которые должны служить путями сообщения во время сильных снегопадов или паводков. Но только сумасшедший будет идти по ним в лютую зиму, когда их раскачивает ветер, и можно поскользнуться на заледенелых досках. Это рассказывала мне Гулльвейг, оставшаяся в моей хижине на вторую ночь, а мои истории закончились. Ветер кидал в дверь льдинки, где-то вдали завывал морозный великан, горела свеча, и собирательница трав прижималась ко мне всем телом. На утро она ушла.

Вровень с мостами поднимались покрытые черепицей дома зажиточных горожан. Железо и обожженная глина, давно потускнели и растрескались.

Так выглядел город-всех-дорог, когда мы шли по лесной дороге. Но едва мы подошли ближе, как Олег удивленно присвистнул. Городские ворота были распахнуты, ветер заносил в них сухую листву. Железный лес, темный и неприветливый, место, где обитают тролли, подступал вплотную к городским стенам. По кладке поднимались колючие побеги, молодые деревца, отталкиваясь друг от друга, взбирались все выше и вгрызались корнями в камни. Слева от ворот, шагов пятьдесят на запад, росло огромное дерево. Его ствол проломил стену, ветви простирались над городом и лесом, вершина терялась среди облаков — белых, пушистых, с розовым отливом от заходящего солнца. Под ними кружились крылатые тени — то ли птицы, то ли гарпии.

Удивительно, что за массой деревьев мы не увидели гиганта раньше. Коричневая листва на нижних ветвях указывала на приближение зимы. Вверху, там, где светило солнце, ветви зеленели изумрудными оттенками, словно принадлежали совсем другому миру. Дерево подавляло величием, было совершенно невозможным здесь, возле Вормса. Я видел уже такой ясень, мертвый, покрытый ледяной корой, когда шел через перевал воющих духов. Помню простирающуюся за перевалом ледяную равнину, покрытую торосами, светящееся небо и гигантский белый ясень Иггдрасиль, сохранивший свое величие даже после гибели. Он стоял на самом горизонте — огромное дерево в ледяной броне, заросшее сосульками.

— Куда семена Иггдрасиля занесло, — сказал Олег. — Растет новое дерево предела. Город выглядит подозрительно пустым, ты заметил?

Мы прошли сквозь ворота. Ворон, сидящий на дереве каркнул, и его крик затих в лесном тумане.

«Хвергельмир» встретил меня туманом. В главном меню игры молочные потоки низвергались тугими переплетающимися жгутами и исчезали в кипящей бездне. В тумане кто-то ходил. Кто-то огромный бесшумно переставлял суставчатые лапы, тяжело вздыхал, и тогда по белой мгле пробегали волны и обнажались торчащие из бездны черные ветви деревьев. Казалось, что до тебя пытаются дотянуться их скрюченные пальцы, схватить и утащить в белое безмолвие.

На фоне всего этого предлагалось создать персонажа. Только выбора практически не было — лишь человек, воин или волшебник, лишь твой изначальный виртуал, одетый в кожаную куртку, штаны и с мечом на поясе. «Хвергельмир» с самого начала заставлял играть по своим правилам, ограничивая в жесткие рамки. В информации, предоставленной Джонни, написано о том, что эта игра противостояния людей и порождений Железного леса, но везде и без ограничений активирован режим «игрок против игрока». Зная об этом, можно сказать, что здесь не до противоборства с темными тварями, ибо самым страшным врагом являются другие игроки. Убей первым, или будешь убит другими. Беги быстрее, стань хитрее, потому что к такому призывает сама игра.

Здесь нет места пощаде. Здесь всё решает сила, и у меня лишь одна цель — найти и спасти Ёжика, любой ценой.

Умения в игре приобретаются в процессе их изучения и наращиваются во время использования. Начальный уровень каждого умения — первый. Количество единиц жизни среднестатистического персонажа — десять. Сила, ловкость, интеллект подбираются игрой при старте, как наиболее соответствующие вашему виртуалу. Предельное значение, которое можешь получить в игре, — двадцать. Но много ли игроков дожило до таких характеристик? Ну что ж… Я нажал на старт, туман ринулся мне в лицо, залепил глаза и уши, стало трудно дышать.

Сквозь мглу перед глазами появились мои начальные характеристики: «Сила — 5, ловкость — 6, интеллект — 4».

Я упал на колени, а когда поднялся, то обнаружил себя стоящим на поляне посреди леса.

Лесную глубину скрывал туман. Из него выступали деревья-великаны, окружали тебя, подавляли непонятной чуждостью.

Отвернись, и покажется, что они подступили еще ближе. На могучих деревьях почти не было листвы. Редкие, высохшие листья выглядели так, будто этот лес забыл, что такое зелень. В вышине ветви переплетались, создавая над головой черную сеть. С них свешивались седые пряди и едва заметно раскачивались от дуновения холодного ветра.

Землю покрывала опавшая листва и коричневый с пепельными вкраплениями мох, из которого поднимались на длинных стеблях темные чашечки, полные липких семян. Когда я касался их носком сапога, чашечки лопались с едва слышными хлопками и разбрасывали семена вокруг. Стоило опустить ногу в мягкий лесной ковер, как в том месте, куда ты ступал, хлюпала вода, а где-то в глубине земли, там, куда уходили корни лесных гигантов и цверги ковали магическое железо, этому звуку вторило подземное эхо.

Хлюп-плюх, хлюп-плюх — было необычно так идти, ощущая, будто из леса кто-то смотрит тебе в спину. Но убегающая с поляны тропинка звала за собой к городу-всех-дорог. Когда-то Вормс служил пристанищем купцов и искателей наживы, куда стекались все, кто жаждал славы и легких денег. Теперь же былая слава города ушла. Железный лес подступил к его стенам, и не осталось храбрых воинов, которые бы противостояли порождениям тьмы. Но если у тебя нет в кармане ни гроша, а меч — единственное твое сокровище, то ноги сами ведут к городу-всех-дорог. Игорь, говорят они, хватит тебе бродить ледяными торосами, следуя за дыханием морозных великанов. Пора тебе погреться среди городских дев, чьи губы, красные, словно спелые вишни, груди-холмы возвышаются на белоснежной равнине и теплые бедра обещают бессонные ночи.

— Кар-р-р! — Ворон разогнал криком лесную тишину, его возглас перешел в затихающее утробное урчание.

Птица сидела на ветке, смотрела не меня красным глазом и урчала. Я погрозил ей кулаком. Рукав куртки задрался, и я увидел татуировку. «Игорь Ламберт», — было написано большими буквами от локтя до кисти. Трудно не заметить.

Стоять! Какие девы?! Это же всего лишь игра, и я пришел сюда не за усладами, а чтобы спасти Ёжика.

— Р-р-р, — сказал ворон.

Я — Игорь Ламберт, ретурнер. Я не морской охотник, чья хижина завешена шкурами белых моржей, а всего лишь коммерческий советник. «Что делать с акциями?» «Продавай». «Это я, Маньяк. Игорь, ты меня слышишь?» Я схватился за голову. Прошлой весной я не побеждал на турнире Одноглазого Флинна, а отдыхал на Черном море, купался в теплой воде и ловил

пучеглазых бычков среди скользких прибрежных камней. Не я пустил стрелу точно между глаз ледяного дракона. Не я преодолел перевал воющих духов в самую лютую пору.

Реальные воспоминания возвращались, ложные блекли, выцветали, будто фильм, который ты видел давно и уже успел почти позабыть. Мир потерял свою глубину. Он оставался, наполненный цветом, запахами и звуками, но утратил то неуловимое, что отличает реальность от игры. Вон на дереве возле ворона едва заметно выступает полигон. Дизайнер допустил ляп, и сразу видно, что это не дерево, а лишь объемная модель. Оно не настоящее. Вместо солнца здесь динамическое освещение. Вместо жизни — иллюзия, в которую нас заставляют поверить.

Ворон прервал урчание, сорвался с места и с шумом улетел. На землю опустилось несколько сухих листьев и черное перо.

Что-то не давало мне покоя. Воспоминания — настоящие, живые, появлялись перед глазами. Ёжик, улыбающаяся фарфоровая маска, Мария, ее губы, резкий и сладкий запах духов, Олег… Он же пошел следом за мной! Где же мой старый друг?

Олег стоял на соседней поляне, вглядываясь в лесной туман. Его рука сжимала меч.

— Олег! — воскликнул я.

— Тихо! — поднял он руку и еще некоторое время следил за туманом. Затем обернулся ко мне, но меч не опустил. — Кто ты, странник?

— Очнись, — сказал я. — Мы в игре. Мы пришли спасти твоего сына.

Его глаза прищурились.

— Здесь обитают тролли. Они повсюду и могут оказаться кем угодно. Притвориться черным камнем или сухим деревом, вороном в небе или путником на дороге. — Его левая рука выводила узоры, я следил, как ловко двигались на ней пальцы. Казалось, что они оставляли горящие следы в холодном воздухе. — Речи троллей сладки и обманчивы. Бойся их и не доверяй никому, ибо тролли разорвут твое тело и выпьют мозг. — Огненные знаки складывались в руны. Письмена таяли в воздухе красными угольками.

— Олег… — прошептал я, заворожено следя за его действиями.

— Умри! — воскликнул мой друг, вскинул руку, и мне в лицо ударил сноп пламени.

Я едва успел отшатнуться, почувствовал, как опалило лицо, упал в мох, перекувырнулся и вскочил на ноги. Ах ты, гад! Гаденыш! Убить меня решил?! Мой меч покинул ножны. Возникло

сообщение:

«Получено умение — владение мечом, уровень первый».

Да, да, говори, рассказывай мне о событиях в игре. Пока я их вижу, то отдаю себе отчет в том, что мы в придуманном мире. Но если вновь всё станет настоящем, это будет означать, что «Хвергельмир» снова поглотил меня, сделал своей частью. Как Олега.

Он ударил первым. Сражался, держа меч в правой руке. Пальцы левой продолжали танцевать свой огненный танец, шевелились без всякой связи друг с другом. Я отбил выпад и ударил локтем в лицо, разбивая в кровь его губы. Олег отшатнулся. Замер, выставив перед собой оружие, попытался стереть кровь тыльной частью ладони, но лишь размазал по щеке.

— Ты не тролль. — Он сплюнул под ноги. — Я помню тебя. Ты приходил в мой дом, охотник. Вторгся, когда не было хозяина, и целовал мою жену. Ты предлагал ей шкуру ледяного дракона, которая играет на солнце, как груда драгоценностей за похоть с тобой. — Над его ладонью в воздухе появились горящие руны.

— Вспоминай, Олег, вспоминай! Ты путаешься, в голове творится каша. Реальность смешивается с выдуманной историей. Я твой друг. Но это ты когда-то увел мою невесту.

Новый сноп огня был ожидаемый, я с легкостью от него ушел. Вспыхнула ответная ярость — кипящая, затмевающая сознание. Я ударил наотмашь, выбивая меч из его рук. Едва не воткнул клинок в его грудь, но вовремя остановил движение, выпустил меч, и он упал в мох рядом с мечом Олега. Олег врезал мне в челюсть кулаком. Зубы лязгнули, рот наполнился вкусом крови. «Минус одна единица жизни».

— Ты увел мою Марию, козел! — прошипел я и ударил в ответ, утопив кулак в его животе, заставив сложиться вдвое.

Не разгибаясь, Олег попал сжатым кулаком мне ниже пояса. «Минус две единицы жизни. Ловкость временно понижена до пяти».

— Ты предлагал ей шкуру дракона! Моей Брунгильде!

— Какая к чертям Брунгильда? — выдавил я. — Ты что творишь?

Я отполз на несколько шагов, держась за пах. Тут на все минус десять единиц потянет. Олег бросился к своему мечу, схватил за рукоять, но я успел наступить на клинок и не дал поднять оружие.

— Ты спал с моей Марией! — выкрикнул я.

Удар — изо всех сил, до собственного крика и разбитых костяшек, от которого голову противника закидывает назад, и в воздухе опадает россыпь красных капель.

— У тебя с ней ребенок, паршивец! Вспоминай, как я учил тебя в детстве драться!

На сей раз он принял удар на блок и ударил в ответ. Я поймал его руку, и мы оба упали в чавкнувший плюющийся семенами мох. Олег ударил в солнечное сплетение — коротко и сильно, выбивая из моего дыхания две единицы жизни. Я схватил его голову и вдавил щекой в мох, сунул под глаза руку.

«Получено умение — рукопашный бой, уровень первый. Ваша сила увеличена до шести».

— Читай, придурок, читай, что написано! Помнишь меня? Вспоминай, у кого увел женщину. Но ты знаешь что. — Я придвинулся вплотную и зашептал прямо ему на ухо: — Она понесла не от…

Олег сел.

— Игорь? — спросил он, сплевывая кровавой слюной.

— А кто же еще? — Я тоже сел, опершись о его спину.

Мы сидели и тяжело дышали.

— Нет, ну ты придурок всё-таки, — сказал я, нащупывая языком дырку на месте выбитого зуба. — Волшебник хренов. Говорил, не надо за мной идти.

Олег не ответил, запустил пальцы в свой рот, выудил зуб и подержал его на ладони. Затем отправил щелчком в ближайшее дерево. По привычке похлопал по нагрудному карману в поисках электронной сигареты. Не нашел, подобрал с земли сухую веточку и сунул в рот.

— Брунгильда… Она выглядела такой реальной, — сказал он. — Ты что-то говорил о Марии? Понесла не от… кого?

— Не от большой любви, — буркнул я. — Она любит меня, а не тебя.

— Не обольщайся.

— Какого цвета у нее глаза?

— Голубые. Кажется.

— Кажется ему…

Мы снова помолчали. Появилось сообщение: «Ваша ловкость восстановилась до прежнего уровня в шесть единиц».

— Это ведь из-за меня ушел Ёжка, — наконец сказал Олег. — Слишком многого мы порой хотим от своих детей. Любой провал, любую неудачу они воспринимают, как неоправдание наших надежд. Полученная в школе двойка выглядит крахом всей жизни. Помнишь, как я схлопотал пару по физике, и Арнольд сказал, что оставит меня на второй год? Глупость какая, но я два часа боялся вернуться домой. Сколько лет прошло, а до сих пор помню. Ёжик… Он слишком хотел быть похожим на меня, но мы разные, даже внешне.

«Конечно, ведь он не твой сын».

— Я чувствую, что он не создан для усидчивой работы. Пробежался по верхам, нахватался знаний из разных областей — и думает, что сможет чего-то достичь. Нет, наука требует внимания и кропотливого труда. Знаешь, какова тема моей докторской? «Феномен переноса виртуальных знаний». Основана на теории проецирования психоматрицы из квантовой сети в мозг человека. Меня уже за глаза в институте называют Черным Хакером. Спрашивают, когда достану свой меч плюс пять. Ёжик думает, что моя работа это игра, развлечение. Рассказывает о каких-то сказочных программах-артефактах. Я прогнал его неделю назад, сказал, чтобы не приставал и не мешал. А он нагрубил, что всё равно мне докажет. Разревелся, как девчонка. Он действительно что-то нашел? И та его программа, если на минутку допустить, что она написана Черным Хакером, действительно позволяет переносить накопленные в игре умения в мозг игрока, как думаешь?

— Так говорят, — сказал я и пожал плечами, скопировав жест Джонни.

— Но ведь это же бред!

— Возможно. Кто знает?

— Тихо! — Олег вдруг поднял руку. — Я что-то слышу.

Я прислушался. В лесной тишине шелестел ветер. Белые хлопья тумана стелились над землей и складывались в затейливые фигуры. Они напоминали то ледяного дракона, пытающегося поймать свой хвост, то морозного великана, размахивающего дубиной, а то и морское чудище фьордов кракена, выпускающего на поляну белые щупальца. Они притрагивались к нашим ногам, будто пробуя, стоит ли их съесть? Не стоит, решали они, и уносились дальше порывами холодного ветра.

Но было еще что-то странное, скорее даже не звук, а лишь намек на него, будто где-то вдалеке растягивали жгут резины. Может быть, это подсказывало наше чувство опасности? Как говорил мой друг? «Здесь обитают тролли. Они повсюду и могут оказаться кем угодно».

Раздался громкий щелчок, из лесной глубины выстелило щупальце, не туманное, а из плоти и крови. Со свистом оно пролетело среди деревьев, разворачиваясь, как хоботок гигантской бабочки. Олег вскочил на ноги, оттолкнул меня в сторону. Если бы он этого не сделал, то распрямившееся щупальце угодило бы в меня, а не в него. Послышался удар, Олег хрюкнул и грохнулся на землю, прижимая собой щупальце к земле.

— Руби! — заорал он. — Руби!

Щупальце было серым и склизким. Оно извивалось под моим другом словно большая змея, оставляя на мху потоки слизи. Его внутреннюю сторону покрывали присоски и костяные крючья.

— Чего же ты ждешь?!

Я перерубил щупальце мечом. Ударил со всей силы, но меч прошел легко, почти не испытывая сопротивления. Обрубок выпустил фонтан черной крови и скрылся среди деревьев. По лесу прокатился рев. Казалось, что всколыхнулся туман, задрожала земля. На поляне полопались коробочки с семенами.

— Падай! — закричал Олег.

Я упал, как подкошенный. Олег выпрямился, раскинув в стороны руки. Стоял ровно, словно вырубленный из ствола истукан, не обращая внимания на шевелящийся вокруг нас лес. Казалось, что они приближались отовсюду. Серые щупальца ползли со всех сторон, но где-то там, в глубине черного леса угадывался их владелец. Огромная, ощетинившаяся зубами-кинжалами пасть, маленькие глазки, выискивающие новую жертву. Он подавлял волю, и хотелось лишь одного — бежать и как можно быстрее.

Пальцы Олега выводили огненные узоры. Они складывались в руны, те — в слова, порождающие магию. Древнюю, словно мир, когда Землю покрывали клокочущие огнедышащие вулканы, а в небе носились драконы — могучие, не те жалкие подобия, обитающие нынче во льдах. Я вжался в мох, глубоко вздохнул, наполнив легкие воздухом, и погрузил лицо в вязкую жижу.

Олег закричал. Надо мной с ревом пронеслась стена пламени, и наступила тишина.

Я поднял голову и огляделся. От тумана не осталось и следа — его сдуло огненным ветром. Поляну покрывал обгоревший мох. Сохранились лишь его нижние, пропитанные водой слои. Вокруг поляны стояли объятые тишиной и дымом обугленные деревья. Воняло горелой плотью — приблизительно такой запах бывает, когда обсмаливают над огнем курицу, избавляясь от остатков перьев. Кончик ветки во рту Олега тлел, словно зажженная сигарета.

Он опустил руки и посмотрел на меня. Наверное, похожий взгляд был у моего друга в детстве, когда он опустил стул на голову Клопа. Что в нем больше — торжества или растерянности?

— Ты очень опасный человек, — сказал я, поднимаясь на ноги и отряхивая одежду.

— Минутку, — нахмурился Олег и затушил у меня на спине горящую куртку. — Пойдем отсюда скорее. Они могут вернуться.

— Сомневаюсь, — сказал я и окинул взглядом обгоревший

лес.

***

Дорога вела к горизонту, бежала среди леса, но деревья не осмеливались на нее заходить, лишь наклоняли ветви в тщетной попытке поймать проходящих путников. Изредка дорогу перебегали пепельно-серые белки и сердито цокали на двух людей, вторгшихся в их лесное царство.

— Далеко еще до Вормса? — спросил Олег, жуя торчащую изо рта травинку.

— Насколько я помню, топать еще около часа, — ответил я.

— Помнишь… Странное ощущение, будто в нас живут сразу две личности — одна настоящая, а другая придуманная. Только уже начинаешь сомневаться, кто из них кто. Вот ты, например кем будешь? Может, мы вновь познакомимся, осторожно и невзначай, не отдавая контроль над телом виртуальным личностям?

— Можно и познакомиться. — Я вырвал травинку у него изо рта и покрутил в пальцах. — Вот это — ого-трава, как говорила моя бабушка. Пожуй еще немного — и отравишься.

— Что — помру? — забеспокоился Олег.

— Да нет. Лишь по ночам будешь подниматься на крыши домов и кричать как филин: «Ого! Ого!»

— Врешь ты всё, — усмехнулся мой друг.

— Может, и вру. — Я бросил травинку на дорогу. — А может, и нет. Кто скажет, какие из наших воспоминаний правдивые?

Олег подошел к краю дороги, отломал ветку и сунул в рот.

— Хорошо излагаешь, продолжай. Слушай, как чешется. — Он вновь поскреб пятерней грудь, где под курткой на коже остались царапины от костяных крючков, которыми было вооружено щупальце. — Так ты был охотником?

— Почему был? Я и есть охотник, Игорь Глаз дракона.

— У тебя такое хорошее зрение?

— Нет, обычное. Просто долгое время носил на шее замерзший глаз ледяного дракона.

— Сам убил животное?

— Да, потому и хвастался его глазом. Знак доблести.

— А я вот животных не убивал. Был советником маркграфа в Формире — маленьком городке далеко южнее. Деньги, экономические преобразования — вот моя стезя. А магия — это так, вроде хобби. Я самоучка.

Я вспомнил подожженный лес, и меня слегка передернуло. Ничего себе самоучка.

— А чего уехал, экономический советник?

— Сжег дом маркграфа. Хорошо еще, что никто не пострадал.

— За что?

— Он на тебя был похож — такая же наглая рожа. Женщин излишне любил. Излишне, потому что не своих. На мою Брунхильду глаз положил, когда я уезжал.

— И что она?

— Брунхильда, она такая… Легковерная.

— В общем, дала?

— Тьфу, — выплюнул он ветку. — Игорь, ты пошляк. Но на сей раз не далек от истины. Застал я их в самый разгар отношений.

— Отпустил?

— Я же не убийца! Но дом маркграфа горел хорошо. Когда я бежал из города зарево видно было издали. В Вормс, на край цивилизации, за мной вряд ли сунутся. А ты чего в город-всех-дорог идешь? — перевел он тему разговора.

— Для кого-то это и край цивилизации, а для кого-то самый ее центр. По сравнению с поселениями на обдуваемом всеми ветрами берегу. Чего иду?

Я вспомнил женщин, что издавна обитали во фьордах. Они мазались жиром белых моржей, их лица круглы и непривлекательны, груди обвислые, даже у молодых. То ли дело женщины цивилизованных областей. Одна собирательница трав, Гулльвейг, что искала золотой цветок, приезжала к нам верхом на большой бегающей птице гасторнисе, которая постоянно хотела жрать и поглощала рыбу в невиданных количествах. Женщине я рассказывал в своей хижине истории целую ночь, а птица орала под дверью, требуя еще рыбы. Рассказывал о ледяном драконе, у которого кость и панцирь крепки так, что не пробить копьем, но есть единственное место на лбу между глаз, где кость тонка, и если метко пустить стрелу, то можно добыть такого зверя. Правда, у охотника редко бывает больше одного выстрела. Ведь надо, чтобы ледяной дракон бежал прямо на тебя. За ним охотятся настоящие храбрецы. Рассказывал о морозных великанах, чье дыхание светится по ночам на небе. Вел истории о перевале воющих духов. Лишь настоящие безумцы могут пересечь его ночью, когда приходится вбивать в торосы ледоруб, сделанный из лапы ледяного дракона, чтобы тебя не унесло ветром. Когда снежные духи летают возле тебя, и от их завывания кровь стынет в жилах. Но зато открывается вид на заледеневший Иггдрасиль.

Она слушала и улыбалась, всё пытаясь выведать тайну золотого цветка, что расцветает среди торосов в самую лютую пору. Но я не могу вспомнить ее лицо, вместо Гулльвейг

вспоминается Мария. Если все женщины Вормса по темпераменту похожи на нее, то я иду в город-всех-дорог не зря.

— Я иду, чтобы спасти твоего сына, не забывай, кто ты есть на самом деле, — сказал я.

— Не забываю, — вздохнул Олег. — Не всё так странно, будто меня двое. Настоящий я должен места себе не находить от тревоги, но придуманный я ведет себя чересчур спокойно. Проверь, пожалуйста, мы правильно идем?

Я остановился и сосредоточился. Объемный мир замер, потом начал распадаться на отдельные полигоны, графика упрощалась. Деревья сначала стали угловатыми, потом вообще утратили рельеф, словно превратились в отдельные нарисованные спрайты. На ровной, как стекло, дороге появился цифровой след Ёжика, ведущий к городу-всех-дорог. Я видел его столь же четко, как и изменения биржевых графиков, когда это требовалось. Главное, зайти за человеком в сеть с его компьютера, а потом держать след, словно собака-ищейка.

— Да, мы идем правильно, — сказал я.

И мир вновь стал объемным. Вместе с усталостью нахлынули краски и ощущение жизни.

— Интересное свойство, — сказал кто-то позади нас.

Мы развернулись одновременно, я выхватил меч, над ладонью Олега зажглись руны. Человек стоял на дороге — мгновение назад его не было, а сейчас он, как ни в чем не бывало, смотрел на нас, и улыбка играла на его устах. Глаза прятались в тени широкополой шляпы. Черный плащ висел за спиной, словно крылья.

— Кар-р-р! — сказал сидящий на его плече ворон. — Р-р-р!

— Хугин, перестань. — Незнакомец щелкнул ворона по клюву и обратился к нам: — Путь держите вы в город-всех-дорог? Не часто гости радуют своим приходом. Меня звать Вот. — Он поклонился и снял шляпу. Черные длинные волосы закрыли его лицо.

— Это игрок, — тихо сказал я Олегу. — Кажется, из старожилов, тех, кто попали в игру одними из первых. Жаль, что здесь у игроков нет общего уровня, новичку без особого умения не проверить, насколько развито мастерство другого.

— Могу составить вам компанию, мы с Хугином истосковались по общению. — Человек водрузил шляпу на голову. — С достойными — ведь что может быть прекраснее друзей, что спины защищают друг у друга.

— Спасибо, — сказал Олег, — мы уж как-нибудь сами доберемся.

— Для счастья нам не нужно много, — продолжил Вот. —

Лишь дорога, что ведет по жизни, и друг, который ступает рядом. Но ваше право идти одним. Хочу лишь я предостеречь. О скорой гибели, коль не найдете средство, что раны, нанесенные в лесу, излечит.

— Раны? — Олег схватился за грудь. — Всего лишь царапины. Правда, зудит, зараза.

— О чем игра? — спросил Вот, обращаясь к своему ворону. — О противостоянии людей и монстров, коих здесь троллями привыкли величать. Они повсюду: камни и деревья, вода и ветер может ими обернуться. Но почему в меню игры лишь человека выбрать можно?

— Ты знаешь, что мы в игре?! — воскликнул я. — Ты остался в сознании?

— А потому, — продолжил Вот, не замечая моего вопроса, — что любая рана того, кто бился с троллем, изменит. Забудет он, что человеком был, и во враждебный лагерь перейдет, где будет жить с такими же, как он, в лесу холодном и сыром.

— Я превращусь в монстра? — спросил Олег. — Не может быть.

Вот обернулся к нам и посмотрел таким взглядом, будто впервые увидел.

— В Вормсе есть лекарство, — сказал он. — Но дорогое. И времени у вас немного. Скоро, пройдет лишь день иль два, как новый монстр будет выть ночами, пугая горожан.

— День или два, — прошептал Олег.

— А не сочиняешь? — спросил я. — С какой стати тебе нам помогать?

— Сочиняю? — удивился Вот. — Зачем? Хугин, мы сочиняем?

— Нет! — каркнул ворон, и его хозяин распушил перья у него на груди.

— Может, ты тролль, — предположил Олег.

— Мы тролли? — спросил Вот у ворона.

— Нет! — вновь каркнул ворон.

— Хугин говорит, что мы не тролли.

— Ты видел здесь ребенка? — спросил я. — Должен был подключиться к игре день назад. Новый игрок.

— Они спрашивают, видели ли мы нового игрока, — обратился Вот к ворону.

— Нет! — сказал ворон.

— Хугин говорит, что мы не видели, хотя встречали многих, — ухмыльнулся Вот. — Но уже давно никто не проходил, лишь только двое: монстр и мертвец.

— Врешь! — воскликнул Олег.

— Мы врем? — спросил Вот у Хугина.

Ворон пригладил клювом выбившийся из-под шляпы хозяина локон.

— Нет! — сказал он.

— Идите к черту, — в сердцах бросил я.

Возникла надпись: «Получено мастерство дипломатии, уровень первый».

— Все мы здесь в ловушке. Нам не уйти, куда бы не послали.

Вот снял шляпу, поклонился, и его не стало, лишь черная тень метнулась к лесу. Лишь где-то вдали каркнул ворон, да послышались хлопки крыльев.

— Чертовщина какая-то, — сказал Олег. — Думаешь, он не врал насчет превращения в монстра? И почему он назвал тебя мертвецом?

— Не знаю. Покажи еще раз царапины.

Олег расстегнул куртку и рубаху на груди, прикоснулся к ранкам и как-то визгливо, по-детски, вскрикнул:

— Ай! Ты смотри, кажется, серость вокруг царапин дальше расползается. Слушай, наверное, этот тип был прав. Идем быстрее в город, надо достать лекарство.

— Успеем, время еще в запасе есть. В крайнем случае, можешь выйти и переподключиться, создать нового персонажа, а старого удалить. Ты же в сознании.

— Сейчас, — сказал Олег и замер.

Затем посмотрел на меня.

— Что-то не получается вызвать меню. Попробуй и скажи, что я не так делаю.

Я попробовал. Потом еще раз попробовал.

— Знаешь, — сказал я после третьей попытки, — у меня плохие новости. Меню не вызывается. Эта игра, как ловушка, не выпускает своих игроков.

— Выходит, что Вот был прав? — тихо сказал Олег.

— Получается, что так.

Олег посмотрел на царапины у себя на груди.

— Хреново, — сказал он.

***

Вормс мы увидели издалека. Его башни возвышались над деревьями — на первый взгляд слишком узкие, чтобы быть комфортными, слишком высокие, чтобы легко подниматься в комнаты, расположенные у вершин, они демонстрировали честолюбие волшебников, стремившихся перещеголять соперников. Ведь тот, кто построит самую высокую башню, получит себе большинство молний во время редких летних гроз.

Сейчас волшебники из настоящих собирателей молний, те, что помнили еще Эрика Яростного, высадившегося на берег у фьордов и объявившего эту землю своей, остались в прошлом. Их башни смотрели пустыми окнами на город и служили пристанищем для воронов и гарпий. Еще в них изредка, в пору осенних ветров, заносит гигантских пауков на парусах из паутины. Накопители молний, те, что еще работали, собирали никому не нужное небесное электричество.

Ниже башен расположены подвесные мосты, которые должны служить путями сообщения во время сильных снегопадов или паводков. Но только сумасшедший будет идти по ним в лютую зиму, когда их раскачивает ветер, и можно поскользнуться на заледенелых досках. Это рассказывала мне Гулльвейг, оставшаяся в моей хижине на вторую ночь, а мои истории закончились. Ветер кидал в дверь льдинки, где-то вдали завывал морозный великан, горела свеча, и собирательница трав прижималась ко мне всем телом. На утро она ушла.

Вровень с мостами поднимались покрытые черепицей дома зажиточных горожан. Железо и обожженная глина, давно потускнели и растрескались.

Так выглядел город-всех-дорог, когда мы шли по лесной дороге. Но едва мы подошли ближе, как Олег удивленно присвистнул. Городские ворота были распахнуты, ветер заносил в них сухую листву. Железный лес, темный и неприветливый, место, где обитают тролли, подступал вплотную к городским стенам. По кладке поднимались колючие побеги, молодые деревца, отталкиваясь друг от друга, взбирались все выше и вгрызались корнями в камни. Слева от ворот, шагов пятьдесят на запад, росло огромное дерево. Его ствол проломил стену, ветви простирались над городом и лесом, вершина терялась среди облаков — белых, пушистых, с розовым отливом от заходящего солнца. Под ними кружились крылатые тени — то ли птицы, то ли гарпии.

Удивительно, что за массой деревьев мы не увидели гиганта раньше. Коричневая листва на нижних ветвях указывала на приближение зимы. Вверху, там, где светило солнце, ветви зеленели изумрудными оттенками, словно принадлежали совсем другому миру. Дерево подавляло величием, было совершенно невозможным здесь, возле Вормса. Я видел уже такой ясень, мертвый, покрытый ледяной корой, когда шел через перевал воющих духов. Помню простирающуюся за перевалом ледяную равнину, покрытую торосами, светящееся небо и гигантский белый ясень Иггдрасиль, сохранивший свое величие даже после гибели. Он стоял на самом горизонте — огромное дерево в

ледяной броне, заросшее сосульками.

— Куда семена Иггдрасиля занесло, — сказал Олег. — Растет новое дерево предела. Город выглядит подозрительно пустым, ты заметил?

Мы прошли сквозь ворота. Ворон, сидящий на дереве каркнул, и его крик затих в лесном тумане.

Третья авентюра. Город-всех-дорог

Ветер гулял по площади, водил хороводы из опавшей листвы вокруг памятника Эрику Яростному, завывал в узких разбегающихся улочках. Каменный Эрик стоял, горделиво поднимая боевой молот, на котором вороны свили гнездо — наваленную так сяк кучу веток. Пернатый владелец гнезда взгромоздился к Эрику на макушку и сердито косил на нас взглядом.

У памятника прямо на каменной брусчатке сидел нищий. Обычный попрошайка, подобных встретишь в любом городе, будь то тихий Формир, или Вормс, где собираются толпы авантюристов.

Я должен был найти след Ёжика, остановился, сосредоточился, изменяя реальность. Сначала распался на отдельные составляющие памятник. Каменное тело Эрика превратилось в цилиндр, руки — в вытянутые трубки, голова стала шаром с нарисованным лицом. Вместо ворона — спрайтовая модель. Город — лишь нарисованные декорации среди программного кода, где выделялся цифровой след Ежи. След бежал, растворяясь среди символов, вновь выныривая среди спрайтовых моделей, а потом внезапно обрывался. Ёжик исчез. Я помахал головой, и город обрел реальность.

— Не густо людишек нынче! — Нищий поприветствовал нас поднятой склянкой, на дне которой плескалась мутная жидкость, приложился к горлышку и высосал содержимое. — Дело-то того, к вечеру идет. Кто был, по домам разбежались. Ну, и мне пора нору искать.

Он поднялся, помахал склянкой, проверяя, не остались еще капли пойла, затем швырнул ее в сторону ворот.

— Пойду я. — Он потянулся, не спеша уходить.

— Это NPC, — шепнул я Олегу. — Non-Player Character, неигровой персонаж, ходячий справочник. Слышь, подожди, добрый человек! — Я кинул нищему монетку, и тот с неожиданной ловкостью, будто и не пил вовсе, поймал ее на лету и сунул за пазуху. — Ты вчера здесь мальца не видел? Должен был прийти через ворота, новый иг… гость в городе.

— Видал, а как же не видеть? Я здесь всё время стою, пока не сожрут меня, несчастного, ни за что слопают с потрохами темной ночью.

— Куда он пошел? — нетерпеливо остановил словесный поток Олег.

— Пошел. — Нищий задумчиво поскреб щетину на подбородке. — Куда же он пошел?

— Я тебя спрашиваю, куда он пошел?

— Кто?

Олег поднял руку, над ладонью зажглись огненные руны. Я схватил его за рукав, потряс, сбивая магию, руны с шипением погасли.

— Мальчик, — сказал я. — Вчера. Куда направился?

«Мастерство дипломатии достигло второго уровня».

— А, мальчик! — улыбнулся нищий. — Так того. — Он покрутился, затем махнул рукой вглубь города. — Туда! Вот, значит, прямо туда и пошел, даже не заглянул к Илве.

Именно туда, на узкую улочку, мимо покосившейся башни вел увиденный мною цифровой след Ёжика. Там он и пропадал, не оставляя мысли, куда исчез мальчишка.

— Кто такая Илва? — спросил я.

— Владелица «Волчьей головы», вон, того, башка зубастая висит над входом. — Он ткнул пальцем в оббитую железными пластинами дверь. — Не ее башка, ясное дело, а волка, ха-ха, — рассмеялся нищий, демонстрируя пожелтевшие зубы. — Все, кто в город приходят, обязательно у нее останавливаются. И вам, значит, туда надобно.

— Зачем? — хмуро спросил Олег.

— Вечер, — поднял вверх указательный палец наш собеседник. — Скоро твари появятся, сожрут, значит, тех, кто не спрятался.

— Твари? Из леса? — удивился Олег. — А как же стражники?

— Так нет никого. Как, значит, дерево-то стену проломило, защищать город сразу некому стало. Вона, Граф всех поразогнал, сам охранять взялся, да только первым прячется, как цуцик.

— Ты лучше скажи, где у вас здесь алхимики? — задал вопрос Олег, почесывая грудь.

— Алхимики?

— Лекари, те, кто с травами возятся. Кто лечат, ну?

— А, травники! — обрадовался нищий. — Так нет их. Вернее, есть, но у Графа все. Он их, значит, под собственное покровительство взял, под крылышко, так сказать, хе-хе. Хотите что купить — к Графу идите, он денежки любит.

— Кто такой Граф? — спросил я.

Нищий обеспокоено поглядел на небо.

— Некогда мне с вами разговаривать. У вас, значит, денежки водятся, Илва примет, а мы люди бедные, нам искать, где спрятаться надо.

Я кинул еще одну монетку, нищий расплылся в улыбке,

повернулся и потопал с площади, припадая на правую ногу, словно выпавший из гнезда вороненок.

— Где в городе травники? — крикнул Олег в спину уходящего попрошайки. — Где мой сын?

— Идем в таверну, нам надо переждать ночь. Ёжик тоже спрятался, не волнуйся.

Его след потерялся, я не могу его найти, но говорить об этом Олегу тоже еще рано.

Глаза волка зловеще светились отраженным заходящим солнцем. Окна таверны закрывали толстые деревянные ставни, обшитые, как и дверь, стальными листами. На двери металл был исполосован, длинные царапины тянулись от верха до низа, словно кто-то пытался прогрызть проход либо рвал дверь когтями. Олег провел пальцем по бороздам и удивленно присвистнул.

Мы нырнули в душную атмосферу таверны, под свет горящих свечей и пропитавшие воздух дым, винный аромат и запах жареного мяса. На скрытых сумраком стенах висели охотничьи трофеи: головы вепрей и волков смотрели на посетителей стеклянными глазами, скалилась саблезубой пастью шкура тигра. Над очагом, в котором разлеглась сонная саламандра, хищно раскрывала клюв голова гасторниса. Свечи стояли на столе в центре зала. За столом сидели трое поздних посетителей — здоровенный бородатый детина со свернутым набок носом и напротив него двое других таких же громил. Бородач размахивал косточкой, подзывая хозяйку таверны.

— Илва! — От могучего рева вздрогнуло пламя свечей. — Илва, где ты, тролль тебя задери, иди сюда!

Из тени в углу комнаты вынырнула хозяйка заведения, гибкая, словно кошка, которую кто-то разодел в меховые куртку и юбку. Шерсть с пятнами жира склеилась, потеряла внешний вид, но не могла скрыть женскую красоту. У Илвы были тонкий нос и полные губы. Светлые волосы, собранные в тугую косу, падали на спину. Взгляд, который бросила на меня Илва, был взглядом белой моржихи во время брачных игр. Зрелище, когда самки первыми начинают заигрывать с толстыми неповоротливыми на суше моржами, забыть нельзя. Ласковые покусывания, ускользание из объятий, рев самцов, чьи огромные бивни окрашены кровью соперников. Но взгляд Илвы тут же изменился, когда она посмотрела на бородача. Он стал взглядом волка. Нет — взглядом яростной волчицы, охраняющей потомство, что гораздо страшнее. Я вдруг понял, что ее одежда скроена из шкуры черного волка. Добыть такую весьма непросто.

Илва безропотно подошла к здоровяку, но не вцепилась ему в

горло, а села на подставленное колено. Во мне вдруг вскипело чувство оскорбленного самца. Странно, я только что увидел незнакомую женщину, и чувство ревности, глупое, ничем не оправданное, заволокло сознание. Я охотник. Я убил ледяного дракона. Я пришел сюда за женщинами. Нет, зачем я себе вру, я пришел лишь за Гулльвейг. За ее улыбкой и упругими грудями, за смехом, подобным тому, которым заманивают путников снежные тролли, за пахнущими травами волосами. За девой, которая явилась в мой дом незваной и ушла, не спрашивая разрешения. Я понял, кого мне напоминает Илва — ее лицо, словно отраженное в зеркале лицо Гулльвейг, но черты немного другие, более резкие и хищные.

Прежде чем я успел что либо сделать, Олег подошел к столу и сел на лавку возле бородача. Тот словно только что нас заметил.

— Давай, выпей с нами. — Бородач придвинул чашу с вином к Олегу. — Пей, говорю. Тут питья вволю. Людей Графа нынче угощают. — Он посмотрел на Илву, вытер ладонь о свою куртку и схватил хозяйку таверны пониже спины, утопив пальцы в черном меху. Мне на мгновение представилась волчица, вгрызающаяся ему в лицо, но Илва лишь вздрогнула. — Сегодня ты еще не платила за охрану.

— Я передам деньги самому Графу. Завтра, — сказала Илва. Голос у нее оказался мелодичным, чем-то напоминающим звонкие переливы голоса Гулльвейг.

— А мы чем плохи? — ухмыльнулся бородач.

С треском разлетелась чаша, которую Олег опустил на голову бородача, вино выплеснулось багровыми потоками, бородач рухнул на стол, перевернув тарелку. Прежде чем тарелка скатилась на пол, Олег перегнулся через стол и ударил кулаком в лицо сидящего напротив. Тот с неподобающим для мужчины визгом опрокинулся на спину. Третий хрипел в моих объятьях. Я сам не понял, как это произошло, но обнаружил себя стоящим позади третьего громилы, сжимал его шею, и он тщетно пытался вырваться из моего захвата.

— От-т-тпусти! Хр-р-р…

Второй вскочил на ноги, из разбитого носа лилась кровь. Выхватил меч — грубый клинок, зазубренный, побывавший не в одной драке.

— Не советую, — сказал я, глядя на Олега.

Его руки лежали на столе раскрытыми ладонями вверх. По столу бегали огоньки. Словно живые, они заглядывали в тарелки, взбирались по чашам, с шипением гасли в вине. Воняло горелым мясом. Проснувшаяся в очаге саламандра оглядывала зал

поросячьими глазками. Я понял, что если Олега не остановить, то погибнут все. Сначала в неугасимом огне вспыхнул люди. Будут кататься по полу, в тщетной попытке погасить пламя, а волшебный огонь начнет пожирать одежду и плоть. Перекинется на пол, займутся лавки и столы, сгорят головы животных, рухнет крыша, и в пламени останется плясать лишь саламандра. Олег немигающе смотрел на второго громилу. В глазах моего друга плясали огоньки. Какого уровня твое мастерство огня? Что дала тебе игра при старте?

— Хр-р-р. — Пальцы третьего сжимали татуировку «Игорь Ламберт». Позже на руке проявятся синяки, но зато я помню. Всегда помню.

Я — ретурнер, явившийся в игру за сыном Олега. Мы в игре. Вокруг всё понарошку. Я усилил захват. Хрипение стало захлебывающимся.

— Олег, остановись, — сказал я. — Мы в игре, не забывай, кто ты.

Я видел не Олега — за столом сидел готовый убивать огненный тролль.

— Отпусти, — бросил второй. — Отпусти Сигмара.

Зазубренный меч вернулся в ножны. Режим «хардкор», вспомнил я, ослабевая захват. Только одна жизнь. Мой пленник схватился за горло, судорожно втягивая воздух.

«Умение рукопашного боя достигло второго уровняю Ваша сила выросла до семи».

— Забирайте этого и уходите, до темноты еще успеете, — кивнул на бородача Олег. Его голос был хриплым и незнакомым.

— Граф вам еще это припомнит, — выдохнул второй, выплевывая кровь на пол. — Я лично выпущу вам кишки.

Саламандра метко плюнула загоревшейся в воздухе слюной, громила схватился за обожженную щеку и выругался. Они подхватили своего предводителя под мышки, бранясь и опрокинув лавку, выволокли наружу. Из раскрытой двери дохнуло вечерним холодом. Мне показалось, что возле памятника стоит черная фигура в широкополой шляпе с вороном на плече.

— Запри на засов, — сказал Олег.

Тролль спрятался в теле моего друга. Огоньки собрались назад в его ладони. Я выполнил просьбу, оглянулся и спросил:

— Кто я?

— Игорь Глаз дракона.

— Кто я? Вспоминай!

— Ламберт! Игорь Ламберт.

— Кто ты?

— Олег. Я всё помню, Игорь, хватит.

Он зачем-то собрал с пола осколки разбитой тарелки и положил на стол.

— Зачем вы это сделали? — спросила Илва. — Вмешались в заведенный порядок.

— Не знаю, — пожал плечами Олег. — Как-то само получилось. Нам нужно переночевать, и на рассвете мы уйдем.

Он достал из кармана несколько монет, что достались при старте игры, и выстроил из них на столе башенку.

— Хватит? — спросил он.

— Ну, уж нет. — Инга села за стол, налила в чистую чашу вино, выпила за один присест и вытерла рот меховым рукавом. — Не получится. Завтра они вернутся вместе с Графом. Что мне прикажете тогда делать? Ваши деньги меня не спасут. Может, лучше выдать вас, и тогда они не сожгут мою таверну?

— Кто такой этот Граф? — поинтересовался я.

В очаге захихикала саламандра. Олег бросил ей косточку, саламандра поймала ее на лету и, урча, зачавкала, выпуская изо рта стайки искорок.

— Да никто! Самозванец, объявивший себя владельцем заброшенного замка. Сначала подбивал народ отправиться туда вместе с ним, чтобы отвоевать замок обратно. Потом сколотил банду и взял под контроль наш город. Разогнал ополчение. Мы все теперь в его руках. Хочешь купить у лекаря снадобье — плати втридорога, желаешь просто выжить в этом городе — или будь среди людей Графа или опять же плати. И побольше этого. — Она сгребла монеты и сунула в карман.

— Рэкет, — сказал я. — Обыкновенное вымогательство.

— Возможно, — улыбнулась Илва, — хотя я не знаю такого слова. Кто вы, воин и волшебник, что без разрешения вышвырнули людей Графа?

— Игорь, — слегка кивнул я. — Олег, — указал на друга. — Нам нужно лекарство — Олега поцарапал тролль. У тебя оно есть?

— Покажи, — нахмурилась Илва.

Олег расстегнул куртку и рубашку. Илва прикоснулась к расползшимся по его коже серым пятнам. Я вспомнил ласковые пальцы Гулльвейг, дотрагивающиеся до моей груди.

«Какая у тебя гладкая кожа, без волос, как у мальчишки», — смеялась она.

«Да», — улыбался в ответ я, мысленно возвращаясь в лютый холод, когда десятилетний мальчишка шел сквозь колючую метель вместе с остальными выжившими после нападения великанов. Я плакал, и слезы замерзали прозрачными бусами. Я покрывался коркой льда, не чувствуя тела. Но упрямо шел вперед.

Я выжил, один из пятерых счастливцев, что добрались до селения, где были огонь, тепло и еда. Наверное, с тех пор на моей коже не растут волосы. Она стала грубой и потеряла чувствительность. Но я ощущал коготки Гулльвейг, которые пришли на смену мягким подушечкам пальцев. Острые заточенные ногти оставляли на коже едва заметные царапины.

«Расскажи, где найти золотой цветок».

«Может быть, потом».

«Расскажи сейчас».

«Ты погибнешь там сама, тебе нужен я».

Ее губы прикасались к щеке, опускались на грудь.

«Мне не нужна ничья помощь».

— У меня нет лекарства, что может излечить касание тролля, — сказала Илва. — Его возможно достать лишь у травников Графа.

— Плохо, — нахмурился Олег.

— Алхимическая лаборатория была еще в заброшенном замке, но там поселились тролли.

— Тогда я убью Графа. — Олег сказал это, не задумываясь, словно такой выход был для него естественным и не требовал обсуждения. — Сколько у него человек?

— Около тридцати.

— Это усложняет дело. — Олег почесал зудящую кожу на груди.

Сколько ему осталось до превращения, когда он изменится и уйдет в лес?

— У тебя нет сестры? — спросил я у Илвы. — Ее звать Гулльвейг, и она травница.

— Нет, — улыбнулась Илва. — У меня нет сестры. Гулльвейг — это я сама. Но Гулльвейг погибла полгода назад.

***

Трижды рожденная, она умерла уже дважды. Гулльвейг — травница, ушедшая на север за своей мечтой, покоряющая мужчин роковая женщина и одновременно искусный лекарь, исцеляющая раны. Она не вернулась из похода, оставшись во льдах.

Бирта была воительницей, не знавшей пощады. Ее стремительных мечей, способных ловко разделить надвое падающую дождевую каплю, страшились враги. Но мечи не способны защитить от предательства и удара в спину.

Осталась лишь Илва. Самая осторожная и не желающая покидать город.

— Гулльвейг умерла? — всё еще не веря, вновь спросил я.

— Да, — сказала Илва.

Олег опустил руку мне на плечо и я не нашел силы ее сбросить.

— И нет, — добавила Илва. — Ведь я — это же она, Гулльвейг лишь покинутое мною тело.

— Нет, она другая. Возьми. — Я достал из кармана золотой цветок и протянул Илве. — Он мне больше не нужен.

Говорят, что из золотых цветов можно приготовить отвар, надолго сохраняющий молодость. Они распускаются за перевалом воющих духов в ночь, когда зима достигает своего пика. Цветы пробивают лед и расцветают — желтые пятна на снегу. Сорванные, они покрываются настоящей золотой коркой, под которой сохраняется сок, дарящий молодость. Если его, конечно, правильно приготовить, иначе текущая под золотом белесая жидкость лишь яд.

— Возьми, — повторил я.

Илва осторожно взяла цветок и поднесла к лицу, вдыхая несуществующий аромат — золотые цветы не пахнут.

— Почему ее трое? — спросил у меня Олег. — Как это может быть?

— Иногда, когда позволяет игра, чаще всего в начальных версиях, игроки могут создать для себя несколько персонажей. Между ними возможно переключаться в любой момент, проживая сразу несколько историй. Одно сознание, но разные судьбы.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — улыбнулась Илва. — Я не спорила, когда ты пытался рассказать, что мы живем в придуманном мире. В конце концов, люди могут верить, во что хотят. Но будь добр, не касайся моей жизни. Я всегда была такой, сколько себя помню.

Она не вспомнит себя из реального мира. Я не знаю, кто она в жизни, и не могу вернуть ее воспоминания. Илва так и останется трижды рожденной.

За входной дверью притаилась ночь.

— Мне надо выйти наружу, — сказал я.

— Зачем? — удивилась Илва. — Это опасно.

— Я потерял след Ёжика.

— Как?! — воскликнул Олег. — Когда?

— Кто такой Ёжик? — спросила Илва.

— Его сын. Я выйду и тут же вернусь.

Я осторожно выглянул за дверь, затем ступил на порог в чернильную ночь. Скрипела на ветру голова волка. Город освещала полная луна. По площади блуждали тени. Древнее людей, древнее самой земли, они казались бесформенными

клочками мрака, из которых появлялись щупальца и крылья, суставчатые ноги и скорпионьи хвосты — всё то, что подсказывала человеческая фантазия, придумывающая себе ночные страхи. Порождения Железного леса заполнили Вормс в поисках добычи. На Эрике возле вороньего гнезда сидел человек в плаще и шляпе. Увидев меня, он приветливо помахал рукой. Ворон на его плече сверкнул желтым глазом.

Я сосредоточился, и площадь утратила объем. Исчезло динамическое освещение, тени превратились в статические кляксы, луна стала желтым кругом. Появился след Ёжика. Он бежал, петляя среди домов, проваливаясь в программный код и снова выныривая в виртуальную реальность, вел туда, где спрятался мальчишка. Ёжик жив, и мы его найдем. Но почему днем пропадал его след?

В тот момент, когда мир обретал реальность, я увидел. Над Вормсом поднимался призрачный город. Блестящие дома сливались с домами города-всех-дорог. Белые башни, обшитые зеркалами и металлом, возвышались возле башен волшебников. Словно запутавшись среди подвесных мостиков, в воздухе висел летающий корабль, обтекаемый, будто капля воды, стремительный и неукротимый в своем совершенстве, он выглядел готовым в любой момент унестись в небесную высь.

— Кар-р-р! — заорал ворон, я вздрогнул от неожиданности.

Тени подобрались совсем близко. Я ощутил зловонное дыхание, услышал скрежет хитиновых панцирей и постукивание о камни множества лап. Я успел вернуться в таверну и захлопнуть за собой дверь. Лязгнул засов. С той стороны ударили чем-то тяжелым, заскребли по металлу, и наступила тишина.

— Нашел? — спросил Олег.

— Да, есть след!

В дверь снова ударили, кто-то вздохнул, процарапал по стене и подергал ставни.

— Не бойтесь, они не ворвутся, — сказала Илва.

— Где Ёжик? — снова спросил Олег.

Я повернулся к Илве.

— Я видел призрачные дома, что это?

— Лунный город, — ответила хозяйка таверны. — Он появляется лишь во время полной луны на несколько ночей, а потом исчезает с первыми лучами солнца. В него трудно попасть и невозможно выбраться. Говорят, что он не выпускает ступивших на его улицы.

— Как в него войти?

— Ночью надо отыскать вход. Зачем тебе это?

— Там Ёжик. Он вошел в Лунный город и пропал вместе с

ним. Сейчас вновь появился ведущий к нему след. Наверное Ёжик не может выбраться.

«Х-х-е-е!» — выдохнули за дверью.

Стена вздрогнула от удара, по ней застучали, будто выпустили множество стрел.

— Х-х-е-е! — ответил Олег.

Голос был не его, скрежещущий и хриплый.

— Ты чего? — спросил я.

Глаза моего друга неотрывно смотрели на стену.

— Олег! — прикоснулся я к его руке.

— А? — Он словно очнулся ото сна. — Я ничего, я в порядке.

— Сегодня не выбраться, — сказала Илва. — Они тебя почуяли. Ждут.

— Паршиво, — сказал Олег. — Игорь, как мы найдем Ёжика?

Он почесал зудящую кожу на груди.

— Завтра луна еще будет полной? — спросил я у Илвы. Та согласно кивнула. — Значит, следующей ночью мы должны пробраться мимо троллей и войти в Лунный город. Если переживем утро.

— Если переживем, — вздохнул Олег. — Откуда он взялся, это одна из локаций игры?

— Не думаю, — сказал я. — Однажды я уже встречал подобное. Программер создал игру, используя заготовки, и в его мире остались части старого кода. Они появлялись в виде артефактов из прошлой игры, миражей, в которые можно было попасть, фантастических пейзажей, возникающих, словно фата-моргана.

Снаружи раздался удар, и с потолка посыпалась пыль.

— До утра не выйти, — сказала Илва. — Тролли уберутся с первыми лучами солнца. Вам надо уйти до того, как появятся люди Графа.

—А ты? — спросил Олег.

— Справлюсь как-нибудь, — махнула рукой Илва. — Договоримся. Не впервой. Идемте, я провожу вас на второй этаж к спальням, — сказала Илва. — У вас несколько часов на отдых.

В очаге снова захихикала саламандра.

***

Ночная тишина отличается от дневной — она никогда не бывает полной. Кто-то шебуршит на чердаке — может, домовой, а может, старый филин бродит, переваливаясь с боку на бок в предвкушении удачной охоты. Кто-то едва слышно скребется в закрытые ставни, и ты не знаешь, ветка ли колышется под

порывами ветра, или это тролль пытается пробраться в комнату. В затхлой тишине летает проснувшаяся толстая бабочка. Во время отдыха медленно возвращаются единицы жизни.

По комнате ходит Олег. Скрип-скрип-скрип — из угла в угол. Мается бессонницей. Переживает о сыне, думает о том, сколько осталось времени на поиски лекарства. Я вспомнил, как мой друг отвечал на зов порождений леса, и мне показалось, что возле меня ходит не человек, а тролль.

Я чиркнул огнивом и зажег свечу на столе у кровати.

— Не спится? — спросил Олег, щурясь от света.

— Да. — Я не мог оторвать взгляд от его тени.

— Ты что там увидел? — Олег обернулся, и его тень снова стала прежней. Наверное, щупальца мне просто показались. Мало ли, что привидится на границе света и тени?

— Ложись спать, — сказал я и задул свечу.

Кровать Олега скрипнула под его весом.

— Ты спишь? — спросил он через некоторое время.

— Сплю.

— Она красивая, да?

— Кто?

— Илва.

— Угу. Наверное.

— Красивая. Она похожа на твою Гулльвейг?

— Да. Но она другая.

Олег сел на кровати.

— Но ведь это один и тот же человек.

— Нет. Вот ты сейчас кто?

— Не начинай опять свою проверку. Я помню, что живу не здесь, а в другом мире, где подключен к компьютеру. Всё в порядке.

— Я другое имею в виду. Кем ты себя больше чувствуешь — кандидатом наук, что пишет докторскую, и отцом семейства, или волшебником, которому подчиняется стихия огня, и который сжег дом своего соперника?

— Знаешь, — сказал Олег после раздумья, — я сейчас здесь, в этом теле, пусть оно и не настоящее. Я помню прошлую жизнь, но она как сон. В нее сложно поверить и принять за истину. Ты говоришь, что моя нынешняя жизнь придумана. Нет, я знаю точно, что она навязана мне игрой, но в нее веришь.

— Скажи, тот кандидат наук смог бы без раздумий наброситься на трех громил, как поступил ты?

— Не знаю. Может, и смог бы.

Я вспомнил, как в детстве Олег свалил ударом стула своего врага, и сказал:

— Но мы меняемся. Изменяются не только воспоминания, но и наши характеры. Вот так и Илва с Гулльвейг. Когда игрок переключалась на другого персонажа, она становилась им. Другая личность, другой характер, другая судьба. Это разные люди. Они лишь помнят о других «я». Конечно, что-то общее есть, но Илва — не Гулльвейг.

Возле моего лица прошелестели крылья бабочки.

— Значит, ты не будешь против, если я… в общем, слегка за Илвой приударю. Мне кажется, что у нее никого нет, — сказал Олег.

Теперь сел на кровати я.

— Ты с ума сошел? Нас утром могут убить!

— Спешу жить, — хмыкнул Олег.

— А как же Мария? Я понимаю, что твоя Брунхильда наставила тебе рога, но у тебя есть жена в реальном мире. Не забывай, что ты ее увел у меня!

— Мария… А вдруг та, другая жизнь лишь придумана нами? Волшебный сон, который мы принимаем за реальность. Может ее и нет вовсе?

«Он только мой сын, не его». Мягкие губы на щеке, теплое дыхание, моя ладонь на ее груди под халатом.

— Глупо. — Я лег, заложив руки за голову. — Лучше признайся, что ты бабник по жизни. Может, ты тогда увлекся Марией лишь потому, что она была моя?

— Не помню. Да и не жил я в том сне нормально. Знаешь, в молодости представлялось всё по-другому. А потом понеслось по накатанной. Работа, сын, заевшая рутина. Веришь — ни разу Марии не изменял. Хотя жили неважно, надо сказать. Ругались часто. Да и вообще.

Наверное, ночью легче изливать душу. Ты не видишь собеседника. Он словно безликий слушатель, который поймет, примет на себя часть твоих проблем. А даже если и не поймет, тебе в любом случае станет легче.

— Сейчас та прошлая жизнь, будто не моя, — сказал Олег. — Кажется, я понимаю людей, которые навсегда уходят в игры. Дурной сон забывается, и ты живешь с чистого листа. Ты что об этом думаешь?

— Дураки, я думаю. Лично я всегда возвращаюсь. Потому что так надо. И еще утром нам надо выжить и спасти твоего сына. Дай поспать.

Мы замолчали. Мне показалось, что по полу со стороны кровати Олега ко мне ползут щупальца. Я попытался отключиться, уснуть, но вскоре меня разбудил скрип кровати. Олег поднялся, судя по звукам, оделся и на цыпочках вышел из

комнаты.

Ну и пусть. Илва — не Гулльвейг. Вообще — какое мне дело?

Наверное, я уснул. Во сне я был волком и бежал за черной волчицей. Она неслась впереди, перепрыгивая сугробы и скользя меж торосов, неукротимая и смелая, звала за собой. Я бежал и не мог остановиться. Позади вздымался лед, торосы проваливались в воду, ревел кракен, но я не оглядывался. Глыба льда справа от меня встала на дыбы, замерла и рухнула с оглушительным грохотом.

Я проснулся. Сердце колотилось. Всё еще хотелось бежать. Вокруг темнота, и я не понимал, где был грохот — во сне или наяву? Но главное, я помнил, кто я на самом деле. Ночь не забрала мой разум.

Внизу что-то рухнуло, словно обвалилась ведущая на второй этаж лестница, закричал Олег.

Быстрее! Я вскочил и натянул штаны. Меч! Я оставлял его рядом с кроватью. Ножны долой — с оружием в руках я выскочил за дверь.

Нижняя часть лестницы отсутствовала. Клубилась пыль. В погасшем очаге металась разъяренная саламандра, ее сполохи освещали зал, в котором неистовал огромный обожженный тролль. Щупальца разбрасывали, крошили на щепки столы и лавки, срывали со стен чучела. Одно из них, обвившееся вокруг тела Олега, прижимало к бокам его руки так, что не пошевелиться, и подтаскивало к раскрытой зубастой пасти.

Из темноты выпрыгнул черный волк, вцепился в монстра, терзая склизкую плоть. Тролль взревел, взмахнул щупальцем — и волк с визгом отлетел к стене, ударился и тут же вскочил на ноги. Стоял, пошатываясь и оскалив зубы, готовый снова броситься в бой.

Раздумывать было некогда. Я обхватил меч двумя руками, оттолкнулся от края обвалившейся лестницы и прыгнул троллю на голову. Ее покрывала слизь, на панцире было не за что уцепиться, но, прежде чем соскользнуть, я успел вонзить меч. Клинок с хрустом проломил броню, вверх забил фонтан слизи. Я ударился плечом о пол, откатился в сторону. Тролль, ревя и размахивая щупальцами, исчезал под землей. Сначала в черном провале скрылась голова с моим мечом, следом толстыми змеями заползали щупальца. Одно из них уносило добычу. Олег уже не кричал, он безвольно повис, стиснутый серыми кольцами.

Я увидел его меч, лежащий на полу. Бросился, схватил оружие и рубанул по щупальцу. Волк прыгнул следом, схватил щупальце зубами. Под землей заревел уползающий тролль.

Перед глазами возникло сообщение: «Умение владение

мечом достигло второго уровня. Ваша ловкость увеличена до семи».

И все затихло. Оседала пыль. Тяжело дышал лежащий Олег. На его теле выделялись серые пятна, начавшие покрываться панцирем. Возле меня сидел на задних лапах волк. Нет, не волк — волчица. Она поднялась, подошла к Олегу и лизнула его в лицо. Раз, другой, третий, ее язык счищал с лица моего друга слизь и кровь. Олег застонал, открыл глаза и, увидев перед собой зубастую морду, в ужасе отшатнулся. Вскрикнул, заерзал ногами, пытаясь отползти.

— Перестань, — сказал я. — Это Илва.

— Кто? — спросил он.

Волчица отбежала в темный угол. Для того чтобы превратиться в человека, ей не понадобилось кувыркаться через голову или совершать какие-либо другие ритуалы, мгновение — и на месте волка стояла обнаженная женщина с исцарапанной правой рукой. На пол стекали капли крови.

— Илва — оборотень и не станет троллем, — пояснил я, видя недоумевающий взгляд Олега. — Удивлен, что ты не понял это с самого начала.

Илва приблизилась к Олегу, нагнулась, и опустила голову ему на грудь. На секунду мне показалось, что она снова лизнет его в лицо. Я отвернулся. Без одежды Илва напоминала Гулльвейг еще больше.

— Хи-хи, — сказала саламандра, сворачиваясь калачиком в очаге. — Хи-хи.

И что-то забормотала себе под нос, словно попугай-пересмешник, повторяющий человеческую речь.

***

Рассвет над Хвергельмиром стремительный, как удар меча. Только что город накрывала тьма, и вот уже площадь залита утренним светом. У самой земли стелется туманная дымка. Над домами выглядывает солнце. Мы стоим у входа в «Волчью голову» и смотрим на людей Графа. Опоздали, теперь не уйти.

После бегства тролля мы как можно быстрее собрались, чтобы покинуть таверну.

«Я иду с вами, — сказала Илва. — Даже не спорьте».

«Но…»

«Я же сказала — даже не спорьте».

Она обхватила руку Олега и прижалась к нему. Мой друг выглядел смущенным.

Из подземного хода, прорытого троллем, несло сыростью.

Туннель уходил в землю под углом, при желании, в него можно было спуститься. В темной глубине завывал ветер. Нагромоздив столы, мы сумели подняться на второй этаж за одеждой и вещами. Илва принесла с чердака меч в ножнах из дерева и плотной кожи.

«Держи, — сказала она, протягивая клинок. — Это один из мечей Бирты. За цветок, что ты подарил мне».

«Спасибо», — сказал я.

«Вы получили меч с бонусом к урону».

Оружие оказалось прекрасно сбалансированным. Шершавая на ощупь рукоять приятно лежала в руке. Круглая гарда и длинное слегка изогнутое лезвие вызывали в памяти мечи самураев — быстрые, способные перерубить падающее перо. Я вырвал из куртки Илвы клочок меха и уронил на подставленный клинок. Чуда не случилось — целые шерстинки скользнули по режущей кромке и опустились на пол. Ну и ладно. Всё равно меч был великолепен. Бонус у крону… Какой? В чем он проявляется?

«Идем?» — спросил Олег, посадивший саламандру в добытый у Илвы заплечный мешок, сотканной из нити огненных шелкопрядов с южной равнины Раах. Каждые двенадцать лет стаи этих бабочек перелетают через равнину, сжигая все на своем пути, чтобы в пепле отложить яйца, из которых выведутся гусеницы и окуклятся под землей. Собранная из коконов нить обладает огнеупорными свойствами, но вызывает зуд, если шить из нее одежду.

«Зачем тебе саламандра?» — поинтересовалась Илва. Видимо она не испытывала большой любви к живущему в очаге питомцу, и относилась к ящерице, как к неизбежной необходимости. Очаги, в которых обитают саламандры, горят дольше и дают больше тепла.

«Люблю огонь», — пожал плечами Олег.

Теперь мы смотрели на стоящего у памятника Графа. Он наблюдал за нами одним глазом — второй закрывала черная повязка, и улыбался улыбкой маньяка, загнавшего жертву в угол. Жертве не спрятаться. Она обречена, как пойманная кошкой мышь. Граф довольно потирал ладонью блестевшую на груди под меховой курткой кольчугу. Возле главаря банды переминался с ноги на ногу Сигмар с заряженным арбалетом в руках. Еще человек пятнадцать расположились на площади полукругом. Мне показалось, что среди них мелькнул Вот в черном плаще и широкополой шляпе. Над поднятыми ладонями Олега заплясали огненные руны.

— Даже не думай, — прокричал Граф. — Сигмар на вас весьма зол, и я не хочу его разочаровывать. Стреляет он метко,

можете мне поверить. Волшебник сдохнет быстрее, чем скажет «а».

Прищурившись, он проследил, чтобы Олег опустил руки.

— Когда я скажу, бегите в дом, — прошептал Олег.

— Это самоубийство, — ответил я.

— Наверное, — пожал плечами мой друг.

В его опущенных ладонях разгорались огоньки.

— Тебя, Илва, я прощаю, — крикнул Граф. — Разве что повышу арендную плату — жизнь нынче дорогая. А вот твоих гостей прошу в гости к нам. Пусть оставят свое оружие и… Стреляй! — Олег, пригибаясь, вскинул руки, и Граф бросился на землю.

Черный силуэт метнулся из толпы мимо Сигмара. Раздался вскрик, и арбалет упал на камни. Щелкнула тетива, болт ударил в каменного Эрика, срикошетил и звякнул о брусчатку. Сигмар схватился за окровавленную руку. Я потащил Илву в таверну. Скрытая в ней волчица рвалась в бой, рычала, Илву била дрожь, ее волосы поднимались дыбом. Но я прижал ее к себе, держал крепко, не позволяя превратиться в зверя.

«Не надо, — шептал я. — Ты человек».

За нашей спиной вспыхнуло, раздалось шипение, в таверну ворвались клубы дыма. Вбежал Олег, захлопнул за собой дверь. В железные пластины тут же ударило несколько стрел.

— Двое! — Глаза моего друга светились азартом боя. — Я вывел из строя двоих! Вспыхнули, как сухая трава! Мне нужна минута. Когда скажу, распахнешь дверь.

Над его руками закружились огненные руны.

— Ты псих, — сказал я.

— Тролльские выродки! — орал Граф с той стороны. — Я выкурю вас оттуда. Вы сдохните, как волчье отродье!

Илва упала на четвереньки и завыла. Я опустил ладони на ее плечи.

— Успокойся!

В мешке за спиной у Олега засмеялась саламандра.

— Уходим в туннель за троллем, — кивнул я в сторону провала.

Появилось сообщение: «Ваш интеллект достиг пяти единиц».

— Р-р-р! — зарычала Илва, махая головой.

Мне показалось, что ее лицо удлиняется, из-под верхней губы вылезают клыки.

— Цыц! Уходим! — Я потащил Илву к дыре в полу.

— Ты уверен? — спросил Олег.

— Нет!

— Хорошо, идем! — И он первый шагнул во тьму.

Ветер гулял по площади, водил хороводы из опавшей листвы вокруг памятника Эрику Яростному, завывал в узких разбегающихся улочках. Каменный Эрик стоял, горделиво поднимая боевой молот, на котором вороны свили гнездо — наваленную так сяк кучу веток. Пернатый владелец гнезда взгромоздился к Эрику на макушку и сердито косил на нас взглядом.

У памятника прямо на каменной брусчатке сидел нищий. Обычный попрошайка, подобных встретишь в любом городе, будь то тихий Формир, или Вормс, где собираются толпы авантюристов.

Я должен был найти след Ёжика, остановился, сосредоточился, изменяя реальность. Сначала распался на отдельные составляющие памятник. Каменное тело Эрика превратилось в цилиндр, руки — в вытянутые трубки, голова стала шаром с нарисованным лицом. Вместо ворона — спрайтовая модель. Город — лишь нарисованные декорации среди программного кода, где выделялся цифровой след Ежи. След бежал, растворяясь среди символов, вновь выныривая среди спрайтовых моделей, а потом внезапно обрывался. Ёжик исчез. Я помахал головой, и город обрел реальность.

— Не густо людишек нынче! — Нищий поприветствовал нас поднятой склянкой, на дне которой плескалась мутная жидкость, приложился к горлышку и высосал содержимое. — Дело-то того, к вечеру идет. Кто был, по домам разбежались. Ну, и мне пора нору искать.

Он поднялся, помахал склянкой, проверяя, не остались еще капли пойла, затем швырнул ее в сторону ворот.

— Пойду я. — Он потянулся, не спеша уходить.

— Это NPC, — шепнул я Олегу. — Non-Player Character, неигровой персонаж, ходячий справочник. Слышь, подожди, добрый человек! — Я кинул нищему монетку, и тот с неожиданной ловкостью, будто и не пил вовсе, поймал ее на лету и сунул за пазуху. — Ты вчера здесь мальца не видел? Должен был прийти через ворота, новый иг… гость в городе.

— Видал, а как же не видеть? Я здесь всё время стою, пока не сожрут меня, несчастного, ни за что слопают с потрохами темной ночью.

— Куда он пошел? — нетерпеливо остановил словесный поток Олег.

— Пошел. — Нищий задумчиво поскреб щетину на подбородке. — Куда же он пошел?

— Я тебя спрашиваю, куда он пошел?

— Кто?

Олег поднял руку, над ладонью зажглись огненные руны. Я схватил его за рукав, потряс, сбивая магию, руны с шипением погасли.

— Мальчик, — сказал я. — Вчера. Куда направился?

«Мастерство дипломатии достигло второго уровня».

— А, мальчик! — улыбнулся нищий. — Так того. — Он покрутился, затем махнул рукой вглубь города. — Туда! Вот, значит, прямо туда и пошел, даже не заглянул к Илве.

Именно туда, на узкую улочку, мимо покосившейся башни вел увиденный мною цифровой след Ёжика. Там он и пропадал, не оставляя мысли, куда исчез мальчишка.

— Кто такая Илва? — спросил я.

— Владелица «Волчьей головы», вон, того, башка зубастая висит над входом. — Он ткнул пальцем в оббитую железными пластинами дверь. — Не ее башка, ясное дело, а волка, ха-ха, — рассмеялся нищий, демонстрируя пожелтевшие зубы. — Все, кто в город приходят, обязательно у нее останавливаются. И вам, значит, туда надобно.

— Зачем? — хмуро спросил Олег.

— Вечер, — поднял вверх указательный палец наш собеседник. — Скоро твари появятся, сожрут, значит, тех, кто не спрятался.

— Твари? Из леса? — удивился Олег. — А как же стражники?

— Так нет никого. Как, значит, дерево-то стену проломило, защищать город сразу некому стало. Вона, Граф всех поразогнал, сам охранять взялся, да только первым прячется, как цуцик.

— Ты лучше скажи, где у вас здесь алхимики? — задал вопрос Олег, почесывая грудь.

— Алхимики?

— Лекари, те, кто с травами возятся. Кто лечат, ну?

— А, травники! — обрадовался нищий. — Так нет их. Вернее, есть, но у Графа все. Он их, значит, под собственное покровительство взял, под крылышко, так сказать, хе-хе. Хотите что купить — к Графу идите, он денежки любит.

— Кто такой Граф? — спросил я.

Нищий обеспокоено поглядел на небо.

— Некогда мне с вами разговаривать. У вас, значит, денежки водятся, Илва примет, а мы люди бедные, нам искать, где спрятаться надо.

Я кинул еще одну монетку, нищий расплылся в улыбке, повернулся и потопал с площади, припадая на правую ногу, словно выпавший из гнезда вороненок.

— Где в городе травники? — крикнул Олег в спину уходящего попрошайки. — Где мой сын?

— Идем в таверну, нам надо переждать ночь. Ёжик тоже спрятался, не волнуйся.

Его след потерялся, я не могу его найти, но говорить об этом Олегу тоже еще рано.

Глаза волка зловеще светились отраженным заходящим солнцем. Окна таверны закрывали толстые деревянные ставни, обшитые, как и дверь, стальными листами. На двери металл был исполосован, длинные царапины тянулись от верха до низа, словно кто-то пытался прогрызть проход либо рвал дверь когтями. Олег провел пальцем по бороздам и удивленно присвистнул.

Мы нырнули в душную атмосферу таверны, под свет горящих свечей и пропитавшие воздух дым, винный аромат и запах жареного мяса. На скрытых сумраком стенах висели охотничьи трофеи: головы вепрей и волков смотрели на посетителей стеклянными глазами, скалилась саблезубой пастью шкура тигра. Над очагом, в котором разлеглась сонная саламандра, хищно раскрывала клюв голова гасторниса. Свечи стояли на столе в центре зала. За столом сидели трое поздних посетителей — здоровенный бородатый детина со свернутым набок носом и напротив него двое других таких же громил. Бородач размахивал косточкой, подзывая хозяйку таверны.

— Илва! — От могучего рева вздрогнуло пламя свечей. — Илва, где ты, тролль тебя задери, иди сюда!

Из тени в углу комнаты вынырнула хозяйка заведения, гибкая, словно кошка, которую кто-то разодел в меховые куртку и юбку. Шерсть с пятнами жира склеилась, потеряла внешний вид, но не могла скрыть женскую красоту. У Илвы были тонкий нос и полные губы. Светлые волосы, собранные в тугую косу, падали на спину. Взгляд, который бросила на меня Илва, был взглядом белой моржихи во время брачных игр. Зрелище, когда самки первыми начинают заигрывать с толстыми неповоротливыми на суше моржами, забыть нельзя. Ласковые покусывания, ускользание из объятий, рев самцов, чьи огромные бивни окрашены кровью соперников. Но взгляд Илвы тут же изменился, когда она посмотрела на бородача. Он стал взглядом волка. Нет — взглядом яростной волчицы, охраняющей потомство, что гораздо страшнее. Я вдруг понял, что ее одежда скроена из шкуры черного волка. Добыть такую весьма непросто.

Илва безропотно подошла к здоровяку, но не вцепилась ему в горло, а села на подставленное колено. Во мне вдруг вскипело чувство оскорбленного самца. Странно, я только что увидел незнакомую женщину, и чувство ревности, глупое, ничем не оправданное, заволокло сознание. Я охотник. Я убил ледяного

дракона. Я пришел сюда за женщинами. Нет, зачем я себе вру, я пришел лишь за Гулльвейг. За ее улыбкой и упругими грудями, за смехом, подобным тому, которым заманивают путников снежные тролли, за пахнущими травами волосами. За девой, которая явилась в мой дом незваной и ушла, не спрашивая разрешения. Я понял, кого мне напоминает Илва — ее лицо, словно отраженное в зеркале лицо Гулльвейг, но черты немного другие, более резкие и хищные.

Прежде чем я успел что либо сделать, Олег подошел к столу и сел на лавку возле бородача. Тот словно только что нас заметил.

— Давай, выпей с нами. — Бородач придвинул чашу с вином к Олегу. — Пей, говорю. Тут питья вволю. Людей Графа нынче угощают. — Он посмотрел на Илву, вытер ладонь о свою куртку и схватил хозяйку таверны пониже спины, утопив пальцы в черном меху. Мне на мгновение представилась волчица, вгрызающаяся ему в лицо, но Илва лишь вздрогнула. — Сегодня ты еще не платила за охрану.

— Я передам деньги самому Графу. Завтра, — сказала Илва. Голос у нее оказался мелодичным, чем-то напоминающим звонкие переливы голоса Гулльвейг.

— А мы чем плохи? — ухмыльнулся бородач.

С треском разлетелась чаша, которую Олег опустил на голову бородача, вино выплеснулось багровыми потоками, бородач рухнул на стол, перевернув тарелку. Прежде чем тарелка скатилась на пол, Олег перегнулся через стол и ударил кулаком в лицо сидящего напротив. Тот с неподобающим для мужчины визгом опрокинулся на спину. Третий хрипел в моих объятьях. Я сам не понял, как это произошло, но обнаружил себя стоящим позади третьего громилы, сжимал его шею, и он тщетно пытался вырваться из моего захвата.

— От-т-тпусти! Хр-р-р…

Второй вскочил на ноги, из разбитого носа лилась кровь. Выхватил меч — грубый клинок, зазубренный, побывавший не в одной драке.

— Не советую, — сказал я, глядя на Олега.

Его руки лежали на столе раскрытыми ладонями вверх. По столу бегали огоньки. Словно живые, они заглядывали в тарелки, взбирались по чашам, с шипением гасли в вине. Воняло горелым мясом. Проснувшаяся в очаге саламандра оглядывала зал поросячьими глазками. Я понял, что если Олега не остановить, то погибнут все. Сначала в неугасимом огне вспыхнул люди. Будут кататься по полу, в тщетной попытке погасить пламя, а волшебный огонь начнет пожирать одежду и плоть. Перекинется

на пол, займутся лавки и столы, сгорят головы животных, рухнет крыша, и в пламени останется плясать лишь саламандра. Олег немигающе смотрел на второго громилу. В глазах моего друга плясали огоньки. Какого уровня твое мастерство огня? Что дала тебе игра при старте?

— Хр-р-р. — Пальцы третьего сжимали татуировку «Игорь Ламберт». Позже на руке проявятся синяки, но зато я помню. Всегда помню.

Я — ретурнер, явившийся в игру за сыном Олега. Мы в игре. Вокруг всё понарошку. Я усилил захват. Хрипение стало захлебывающимся.

— Олег, остановись, — сказал я. — Мы в игре, не забывай, кто ты.

Я видел не Олега — за столом сидел готовый убивать огненный тролль.

— Отпусти, — бросил второй. — Отпусти Сигмара.

Зазубренный меч вернулся в ножны. Режим «хардкор», вспомнил я, ослабевая захват. Только одна жизнь. Мой пленник схватился за горло, судорожно втягивая воздух.

«Умение рукопашного боя достигло второго уровняю Ваша сила выросла до семи».

— Забирайте этого и уходите, до темноты еще успеете, — кивнул на бородача Олег. Его голос был хриплым и незнакомым.

— Граф вам еще это припомнит, — выдохнул второй, выплевывая кровь на пол. — Я лично выпущу вам кишки.

Саламандра метко плюнула загоревшейся в воздухе слюной, громила схватился за обожженную щеку и выругался. Они подхватили своего предводителя под мышки, бранясь и опрокинув лавку, выволокли наружу. Из раскрытой двери дохнуло вечерним холодом. Мне показалось, что возле памятника стоит черная фигура в широкополой шляпе с вороном на плече.

— Запри на засов, — сказал Олег.

Тролль спрятался в теле моего друга. Огоньки собрались назад в его ладони. Я выполнил просьбу, оглянулся и спросил:

— Кто я?

— Игорь Глаз дракона.

— Кто я? Вспоминай!

— Ламберт! Игорь Ламберт.

— Кто ты?

— Олег. Я всё помню, Игорь, хватит.

Он зачем-то собрал с пола осколки разбитой тарелки и положил на стол.

— Зачем вы это сделали? — спросила Илва. — Вмешались в заведенный порядок.

— Не знаю, — пожал плечами Олег. — Как-то само получилось. Нам нужно переночевать, и на рассвете мы уйдем.

Он достал из кармана несколько монет, что достались при старте игры, и выстроил из них на столе башенку.

— Хватит? — спросил он.

— Ну, уж нет. — Инга села за стол, налила в чистую чашу вино, выпила за один присест и вытерла рот меховым рукавом. — Не получится. Завтра они вернутся вместе с Графом. Что мне прикажете тогда делать? Ваши деньги меня не спасут. Может, лучше выдать вас, и тогда они не сожгут мою таверну?

— Кто такой этот Граф? — поинтересовался я.

В очаге захихикала саламандра. Олег бросил ей косточку, саламандра поймала ее на лету и, урча, зачавкала, выпуская изо рта стайки искорок.

— Да никто! Самозванец, объявивший себя владельцем заброшенного замка. Сначала подбивал народ отправиться туда вместе с ним, чтобы отвоевать замок обратно. Потом сколотил банду и взял под контроль наш город. Разогнал ополчение. Мы все теперь в его руках. Хочешь купить у лекаря снадобье — плати втридорога, желаешь просто выжить в этом городе — или будь среди людей Графа или опять же плати. И побольше этого. — Она сгребла монеты и сунула в карман.

— Рэкет, — сказал я. — Обыкновенное вымогательство.

— Возможно, — улыбнулась Илва, — хотя я не знаю такого слова. Кто вы, воин и волшебник, что без разрешения вышвырнули людей Графа?

— Игорь, — слегка кивнул я. — Олег, — указал на друга. — Нам нужно лекарство — Олега поцарапал тролль. У тебя оно есть?

— Покажи, — нахмурилась Илва.

Олег расстегнул куртку и рубашку. Илва прикоснулась к расползшимся по его коже серым пятнам. Я вспомнил ласковые пальцы Гулльвейг, дотрагивающиеся до моей груди.

«Какая у тебя гладкая кожа, без волос, как у мальчишки», — смеялась она.

«Да», — улыбался в ответ я, мысленно возвращаясь в лютый холод, когда десятилетний мальчишка шел сквозь колючую метель вместе с остальными выжившими после нападения великанов. Я плакал, и слезы замерзали прозрачными бусами. Я покрывался коркой льда, не чувствуя тела. Но упрямо шел вперед. Я выжил, один из пятерых счастливцев, что добрались до селения, где были огонь, тепло и еда. Наверное, с тех пор на моей коже не растут волосы. Она стала грубой и потеряла чувствительность. Но я ощущал коготки Гулльвейг, которые пришли на смену мягким

подушечкам пальцев. Острые заточенные ногти оставляли на коже едва заметные царапины.

«Расскажи, где найти золотой цветок».

«Может быть, потом».

«Расскажи сейчас».

«Ты погибнешь там сама, тебе нужен я».

Ее губы прикасались к щеке, опускались на грудь.

«Мне не нужна ничья помощь».

— У меня нет лекарства, что может излечить касание тролля, — сказала Илва. — Его возможно достать лишь у травников Графа.

— Плохо, — нахмурился Олег.

— Алхимическая лаборатория была еще в заброшенном замке, но там поселились тролли.

— Тогда я убью Графа. — Олег сказал это, не задумываясь, словно такой выход был для него естественным и не требовал обсуждения. — Сколько у него человек?

— Около тридцати.

— Это усложняет дело. — Олег почесал зудящую кожу на груди.

Сколько ему осталось до превращения, когда он изменится и уйдет в лес?

— У тебя нет сестры? — спросил я у Илвы. — Ее звать Гулльвейг, и она травница.

— Нет, — улыбнулась Илва. — У меня нет сестры. Гулльвейг — это я сама. Но Гулльвейг погибла полгода назад.

***

Трижды рожденная, она умерла уже дважды. Гулльвейг — травница, ушедшая на север за своей мечтой, покоряющая мужчин роковая женщина и одновременно искусный лекарь, исцеляющая раны. Она не вернулась из похода, оставшись во льдах.

Бирта была воительницей, не знавшей пощады. Ее стремительных мечей, способных ловко разделить надвое падающую дождевую каплю, страшились враги. Но мечи не способны защитить от предательства и удара в спину.

Осталась лишь Илва. Самая осторожная и не желающая покидать город.

— Гулльвейг умерла? — всё еще не веря, вновь спросил я.

— Да, — сказала Илва.

Олег опустил руку мне на плечо и я не нашел силы ее сбросить.

— И нет, — добавила Илва. — Ведь я — это же она, Гулльвейг лишь покинутое мною тело.

— Нет, она другая. Возьми. — Я достал из кармана золотой цветок и протянул Илве. — Он мне больше не нужен.

Говорят, что из золотых цветов можно приготовить отвар, надолго сохраняющий молодость. Они распускаются за перевалом воющих духов в ночь, когда зима достигает своего пика. Цветы пробивают лед и расцветают — желтые пятна на снегу. Сорванные, они покрываются настоящей золотой коркой, под которой сохраняется сок, дарящий молодость. Если его, конечно, правильно приготовить, иначе текущая под золотом белесая жидкость лишь яд.

— Возьми, — повторил я.

Илва осторожно взяла цветок и поднесла к лицу, вдыхая несуществующий аромат — золотые цветы не пахнут.

— Почему ее трое? — спросил у меня Олег. — Как это может быть?

— Иногда, когда позволяет игра, чаще всего в начальных версиях, игроки могут создать для себя несколько персонажей. Между ними возможно переключаться в любой момент, проживая сразу несколько историй. Одно сознание, но разные судьбы.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — улыбнулась Илва. — Я не спорила, когда ты пытался рассказать, что мы живем в придуманном мире. В конце концов, люди могут верить, во что хотят. Но будь добр, не касайся моей жизни. Я всегда была такой, сколько себя помню.

Она не вспомнит себя из реального мира. Я не знаю, кто она в жизни, и не могу вернуть ее воспоминания. Илва так и останется трижды рожденной.

За входной дверью притаилась ночь.

— Мне надо выйти наружу, — сказал я.

— Зачем? — удивилась Илва. — Это опасно.

— Я потерял след Ёжика.

— Как?! — воскликнул Олег. — Когда?

— Кто такой Ёжик? — спросила Илва.

— Его сын. Я выйду и тут же вернусь.

Я осторожно выглянул за дверь, затем ступил на порог в чернильную ночь. Скрипела на ветру голова волка. Город освещала полная луна. По площади блуждали тени. Древнее людей, древнее самой земли, они казались бесформенными клочками мрака, из которых появлялись щупальца и крылья, суставчатые ноги и скорпионьи хвосты — всё то, что подсказывала человеческая фантазия, придумывающая себе ночные страхи. Порождения Железного леса заполнили Вормс в

поисках добычи. На Эрике возле вороньего гнезда сидел человек в плаще и шляпе. Увидев меня, он приветливо помахал рукой. Ворон на его плече сверкнул желтым глазом.

Я сосредоточился, и площадь утратила объем. Исчезло динамическое освещение, тени превратились в статические кляксы, луна стала желтым кругом. Появился след Ёжика. Он бежал, петляя среди домов, проваливаясь в программный код и снова выныривая в виртуальную реальность, вел туда, где спрятался мальчишка. Ёжик жив, и мы его найдем. Но почему днем пропадал его след?

В тот момент, когда мир обретал реальность, я увидел. Над Вормсом поднимался призрачный город. Блестящие дома сливались с домами города-всех-дорог. Белые башни, обшитые зеркалами и металлом, возвышались возле башен волшебников. Словно запутавшись среди подвесных мостиков, в воздухе висел летающий корабль, обтекаемый, будто капля воды, стремительный и неукротимый в своем совершенстве, он выглядел готовым в любой момент унестись в небесную высь.

— Кар-р-р! — заорал ворон, я вздрогнул от неожиданности.

Тени подобрались совсем близко. Я ощутил зловонное дыхание, услышал скрежет хитиновых панцирей и постукивание о камни множества лап. Я успел вернуться в таверну и захлопнуть за собой дверь. Лязгнул засов. С той стороны ударили чем-то тяжелым, заскребли по металлу, и наступила тишина.

— Нашел? — спросил Олег.

— Да, есть след!

В дверь снова ударили, кто-то вздохнул, процарапал по стене и подергал ставни.

— Не бойтесь, они не ворвутся, — сказала Илва.

— Где Ёжик? — снова спросил Олег.

Я повернулся к Илве.

— Я видел призрачные дома, что это?

— Лунный город, — ответила хозяйка таверны. — Он появляется лишь во время полной луны на несколько ночей, а потом исчезает с первыми лучами солнца. В него трудно попасть и невозможно выбраться. Говорят, что он не выпускает ступивших на его улицы.

— Как в него войти?

— Ночью надо отыскать вход. Зачем тебе это?

— Там Ёжик. Он вошел в Лунный город и пропал вместе с ним. Сейчас вновь появился ведущий к нему след. Наверное Ёжик не может выбраться.

«Х-х-е-е!» — выдохнули за дверью.

Стена вздрогнула от удара, по ней застучали, будто

выпустили множество стрел.

— Х-х-е-е! — ответил Олег.

Голос был не его, скрежещущий и хриплый.

— Ты чего? — спросил я.

Глаза моего друга неотрывно смотрели на стену.

— Олег! — прикоснулся я к его руке.

— А? — Он словно очнулся ото сна. — Я ничего, я в порядке.

— Сегодня не выбраться, — сказала Илва. — Они тебя почуяли. Ждут.

— Паршиво, — сказал Олег. — Игорь, как мы найдем Ёжика?

Он почесал зудящую кожу на груди.

— Завтра луна еще будет полной? — спросил я у Илвы. Та согласно кивнула. — Значит, следующей ночью мы должны пробраться мимо троллей и войти в Лунный город. Если переживем утро.

— Если переживем, — вздохнул Олег. — Откуда он взялся, это одна из локаций игры?

— Не думаю, — сказал я. — Однажды я уже встречал подобное. Программер создал игру, используя заготовки, и в его мире остались части старого кода. Они появлялись в виде артефактов из прошлой игры, миражей, в которые можно было попасть, фантастических пейзажей, возникающих, словно фата-моргана.

Снаружи раздался удар, и с потолка посыпалась пыль.

— До утра не выйти, — сказала Илва. — Тролли уберутся с первыми лучами солнца. Вам надо уйти до того, как появятся люди Графа.

—А ты? — спросил Олег.

— Справлюсь как-нибудь, — махнула рукой Илва. — Договоримся. Не впервой. Идемте, я провожу вас на второй этаж к спальням, — сказала Илва. — У вас несколько часов на отдых.

В очаге снова захихикала саламандра.

***

Ночная тишина отличается от дневной — она никогда не бывает полной. Кто-то шебуршит на чердаке — может, домовой, а может, старый филин бродит, переваливаясь с боку на бок в предвкушении удачной охоты. Кто-то едва слышно скребется в закрытые ставни, и ты не знаешь, ветка ли колышется под порывами ветра, или это тролль пытается пробраться в комнату. В затхлой тишине летает проснувшаяся толстая бабочка. Во время отдыха медленно возвращаются единицы жизни.

По комнате ходит Олег. Скрип-скрип-скрип — из угла в угол.

Мается бессонницей. Переживает о сыне, думает о том, сколько осталось времени на поиски лекарства. Я вспомнил, как мой друг отвечал на зов порождений леса, и мне показалось, что возле меня ходит не человек, а тролль.

Я чиркнул огнивом и зажег свечу на столе у кровати.

— Не спится? — спросил Олег, щурясь от света.

— Да. — Я не мог оторвать взгляд от его тени.

— Ты что там увидел? — Олег обернулся, и его тень снова стала прежней. Наверное, щупальца мне просто показались. Мало ли, что привидится на границе света и тени?

— Ложись спать, — сказал я и задул свечу.

Кровать Олега скрипнула под его весом.

— Ты спишь? — спросил он через некоторое время.

— Сплю.

— Она красивая, да?

— Кто?

— Илва.

— Угу. Наверное.

— Красивая. Она похожа на твою Гулльвейг?

— Да. Но она другая.

Олег сел на кровати.

— Но ведь это один и тот же человек.

— Нет. Вот ты сейчас кто?

— Не начинай опять свою проверку. Я помню, что живу не здесь, а в другом мире, где подключен к компьютеру. Всё в порядке.

— Я другое имею в виду. Кем ты себя больше чувствуешь — кандидатом наук, что пишет докторскую, и отцом семейства, или волшебником, которому подчиняется стихия огня, и который сжег дом своего соперника?

— Знаешь, — сказал Олег после раздумья, — я сейчас здесь, в этом теле, пусть оно и не настоящее. Я помню прошлую жизнь, но она как сон. В нее сложно поверить и принять за истину. Ты говоришь, что моя нынешняя жизнь придумана. Нет, я знаю точно, что она навязана мне игрой, но в нее веришь.

— Скажи, тот кандидат наук смог бы без раздумий наброситься на трех громил, как поступил ты?

— Не знаю. Может, и смог бы.

Я вспомнил, как в детстве Олег свалил ударом стула своего врага, и сказал:

— Но мы меняемся. Изменяются не только воспоминания, но и наши характеры. Вот так и Илва с Гулльвейг. Когда игрок переключалась на другого персонажа, она становилась им. Другая личность, другой характер, другая судьба. Это разные люди. Они

лишь помнят о других «я». Конечно, что-то общее есть, но Илва — не Гулльвейг.

Возле моего лица прошелестели крылья бабочки.

— Значит, ты не будешь против, если я… в общем, слегка за Илвой приударю. Мне кажется, что у нее никого нет, — сказал Олег.

Теперь сел на кровати я.

— Ты с ума сошел? Нас утром могут убить!

— Спешу жить, — хмыкнул Олег.

— А как же Мария? Я понимаю, что твоя Брунхильда наставила тебе рога, но у тебя есть жена в реальном мире. Не забывай, что ты ее увел у меня!

— Мария… А вдруг та, другая жизнь лишь придумана нами? Волшебный сон, который мы принимаем за реальность. Может ее и нет вовсе?

«Он только мой сын, не его». Мягкие губы на щеке, теплое дыхание, моя ладонь на ее груди под халатом.

— Глупо. — Я лег, заложив руки за голову. — Лучше признайся, что ты бабник по жизни. Может, ты тогда увлекся Марией лишь потому, что она была моя?

— Не помню. Да и не жил я в том сне нормально. Знаешь, в молодости представлялось всё по-другому. А потом понеслось по накатанной. Работа, сын, заевшая рутина. Веришь — ни разу Марии не изменял. Хотя жили неважно, надо сказать. Ругались часто. Да и вообще.

Наверное, ночью легче изливать душу. Ты не видишь собеседника. Он словно безликий слушатель, который поймет, примет на себя часть твоих проблем. А даже если и не поймет, тебе в любом случае станет легче.

— Сейчас та прошлая жизнь, будто не моя, — сказал Олег. — Кажется, я понимаю людей, которые навсегда уходят в игры. Дурной сон забывается, и ты живешь с чистого листа. Ты что об этом думаешь?

— Дураки, я думаю. Лично я всегда возвращаюсь. Потому что так надо. И еще утром нам надо выжить и спасти твоего сына. Дай поспать.

Мы замолчали. Мне показалось, что по полу со стороны кровати Олега ко мне ползут щупальца. Я попытался отключиться, уснуть, но вскоре меня разбудил скрип кровати. Олег поднялся, судя по звукам, оделся и на цыпочках вышел из комнаты.

Ну и пусть. Илва — не Гулльвейг. Вообще — какое мне дело?

Наверное, я уснул. Во сне я был волком и бежал за черной волчицей. Она неслась впереди, перепрыгивая сугробы и скользя

меж торосов, неукротимая и смелая, звала за собой. Я бежал и не мог остановиться. Позади вздымался лед, торосы проваливались в воду, ревел кракен, но я не оглядывался. Глыба льда справа от меня встала на дыбы, замерла и рухнула с оглушительным грохотом.

Я проснулся. Сердце колотилось. Всё еще хотелось бежать. Вокруг темнота, и я не понимал, где был грохот — во сне или наяву? Но главное, я помнил, кто я на самом деле. Ночь не забрала мой разум.

Внизу что-то рухнуло, словно обвалилась ведущая на второй этаж лестница, закричал Олег.

Быстрее! Я вскочил и натянул штаны. Меч! Я оставлял его рядом с кроватью. Ножны долой — с оружием в руках я выскочил за дверь.

Нижняя часть лестницы отсутствовала. Клубилась пыль. В погасшем очаге металась разъяренная саламандра, ее сполохи освещали зал, в котором неистовал огромный обожженный тролль. Щупальца разбрасывали, крошили на щепки столы и лавки, срывали со стен чучела. Одно из них, обвившееся вокруг тела Олега, прижимало к бокам его руки так, что не пошевелиться, и подтаскивало к раскрытой зубастой пасти.

Из темноты выпрыгнул черный волк, вцепился в монстра, терзая склизкую плоть. Тролль взревел, взмахнул щупальцем — и волк с визгом отлетел к стене, ударился и тут же вскочил на ноги. Стоял, пошатываясь и оскалив зубы, готовый снова броситься в бой.

Раздумывать было некогда. Я обхватил меч двумя руками, оттолкнулся от края обвалившейся лестницы и прыгнул троллю на голову. Ее покрывала слизь, на панцире было не за что уцепиться, но, прежде чем соскользнуть, я успел вонзить меч. Клинок с хрустом проломил броню, вверх забил фонтан слизи. Я ударился плечом о пол, откатился в сторону. Тролль, ревя и размахивая щупальцами, исчезал под землей. Сначала в черном провале скрылась голова с моим мечом, следом толстыми змеями заползали щупальца. Одно из них уносило добычу. Олег уже не кричал, он безвольно повис, стиснутый серыми кольцами.

Я увидел его меч, лежащий на полу. Бросился, схватил оружие и рубанул по щупальцу. Волк прыгнул следом, схватил щупальце зубами. Под землей заревел уползающий тролль.

Перед глазами возникло сообщение: «Умение владение мечом достигло второго уровня. Ваша ловкость увеличена до семи».

И все затихло. Оседала пыль. Тяжело дышал лежащий Олег. На его теле выделялись серые пятна, начавшие покрываться

панцирем. Возле меня сидел на задних лапах волк. Нет, не волк — волчица. Она поднялась, подошла к Олегу и лизнула его в лицо. Раз, другой, третий, ее язык счищал с лица моего друга слизь и кровь. Олег застонал, открыл глаза и, увидев перед собой зубастую морду, в ужасе отшатнулся. Вскрикнул, заерзал ногами, пытаясь отползти.

— Перестань, — сказал я. — Это Илва.

— Кто? — спросил он.

Волчица отбежала в темный угол. Для того чтобы превратиться в человека, ей не понадобилось кувыркаться через голову или совершать какие-либо другие ритуалы, мгновение — и на месте волка стояла обнаженная женщина с исцарапанной правой рукой. На пол стекали капли крови.

— Илва — оборотень и не станет троллем, — пояснил я, видя недоумевающий взгляд Олега. — Удивлен, что ты не понял это с самого начала.

Илва приблизилась к Олегу, нагнулась, и опустила голову ему на грудь. На секунду мне показалось, что она снова лизнет его в лицо. Я отвернулся. Без одежды Илва напоминала Гулльвейг еще больше.

— Хи-хи, — сказала саламандра, сворачиваясь калачиком в очаге. — Хи-хи.

И что-то забормотала себе под нос, словно попугай-пересмешник, повторяющий человеческую речь.

***

Рассвет над Хвергельмиром стремительный, как удар меча. Только что город накрывала тьма, и вот уже площадь залита утренним светом. У самой земли стелется туманная дымка. Над домами выглядывает солнце. Мы стоим у входа в «Волчью голову» и смотрим на людей Графа. Опоздали, теперь не уйти.

После бегства тролля мы как можно быстрее собрались, чтобы покинуть таверну.

«Я иду с вами, — сказала Илва. — Даже не спорьте».

«Но…»

«Я же сказала — даже не спорьте».

Она обхватила руку Олега и прижалась к нему. Мой друг выглядел смущенным.

Из подземного хода, прорытого троллем, несло сыростью. Туннель уходил в землю под углом, при желании, в него можно было спуститься. В темной глубине завывал ветер. Нагромоздив столы, мы сумели подняться на второй этаж за одеждой и вещами. Илва принесла с чердака меч в ножнах из дерева и

плотной кожи.

«Держи, — сказала она, протягивая клинок. — Это один из мечей Бирты. За цветок, что ты подарил мне».

«Спасибо», — сказал я.

«Вы получили меч с бонусом к урону».

Оружие оказалось прекрасно сбалансированным. Шершавая на ощупь рукоять приятно лежала в руке. Круглая гарда и длинное слегка изогнутое лезвие вызывали в памяти мечи самураев — быстрые, способные перерубить падающее перо. Я вырвал из куртки Илвы клочок меха и уронил на подставленный клинок. Чуда не случилось — целые шерстинки скользнули по режущей кромке и опустились на пол. Ну и ладно. Всё равно меч был великолепен. Бонус у крону… Какой? В чем он проявляется?

«Идем?» — спросил Олег, посадивший саламандру в добытый у Илвы заплечный мешок, сотканной из нити огненных шелкопрядов с южной равнины Раах. Каждые двенадцать лет стаи этих бабочек перелетают через равнину, сжигая все на своем пути, чтобы в пепле отложить яйца, из которых выведутся гусеницы и окуклятся под землей. Собранная из коконов нить обладает огнеупорными свойствами, но вызывает зуд, если шить из нее одежду.

«Зачем тебе саламандра?» — поинтересовалась Илва. Видимо она не испытывала большой любви к живущему в очаге питомцу, и относилась к ящерице, как к неизбежной необходимости. Очаги, в которых обитают саламандры, горят дольше и дают больше тепла.

«Люблю огонь», — пожал плечами Олег.

Теперь мы смотрели на стоящего у памятника Графа. Он наблюдал за нами одним глазом — второй закрывала черная повязка, и улыбался улыбкой маньяка, загнавшего жертву в угол. Жертве не спрятаться. Она обречена, как пойманная кошкой мышь. Граф довольно потирал ладонью блестевшую на груди под меховой курткой кольчугу. Возле главаря банды переминался с ноги на ногу Сигмар с заряженным арбалетом в руках. Еще человек пятнадцать расположились на площади полукругом. Мне показалось, что среди них мелькнул Вот в черном плаще и широкополой шляпе. Над поднятыми ладонями Олега заплясали огненные руны.

— Даже не думай, — прокричал Граф. — Сигмар на вас весьма зол, и я не хочу его разочаровывать. Стреляет он метко, можете мне поверить. Волшебник сдохнет быстрее, чем скажет «а».

Прищурившись, он проследил, чтобы Олег опустил руки.

— Когда я скажу, бегите в дом, — прошептал Олег.

— Это самоубийство, — ответил я.

— Наверное, — пожал плечами мой друг.

В его опущенных ладонях разгорались огоньки.

— Тебя, Илва, я прощаю, — крикнул Граф. — Разве что повышу арендную плату — жизнь нынче дорогая. А вот твоих гостей прошу в гости к нам. Пусть оставят свое оружие и… Стреляй! — Олег, пригибаясь, вскинул руки, и Граф бросился на землю.

Черный силуэт метнулся из толпы мимо Сигмара. Раздался вскрик, и арбалет упал на камни. Щелкнула тетива, болт ударил в каменного Эрика, срикошетил и звякнул о брусчатку. Сигмар схватился за окровавленную руку. Я потащил Илву в таверну. Скрытая в ней волчица рвалась в бой, рычала, Илву била дрожь, ее волосы поднимались дыбом. Но я прижал ее к себе, держал крепко, не позволяя превратиться в зверя.

«Не надо, — шептал я. — Ты человек».

За нашей спиной вспыхнуло, раздалось шипение, в таверну ворвались клубы дыма. Вбежал Олег, захлопнул за собой дверь. В железные пластины тут же ударило несколько стрел.

— Двое! — Глаза моего друга светились азартом боя. — Я вывел из строя двоих! Вспыхнули, как сухая трава! Мне нужна минута. Когда скажу, распахнешь дверь.

Над его руками закружились огненные руны.

— Ты псих, — сказал я.

— Тролльские выродки! — орал Граф с той стороны. — Я выкурю вас оттуда. Вы сдохните, как волчье отродье!

Илва упала на четвереньки и завыла. Я опустил ладони на ее плечи.

— Успокойся!

В мешке за спиной у Олега засмеялась саламандра.

— Уходим в туннель за троллем, — кивнул я в сторону провала.

Появилось сообщение: «Ваш интеллект достиг пяти единиц».

— Р-р-р! — зарычала Илва, махая головой.

Мне показалось, что ее лицо удлиняется, из-под верхней губы вылезают клыки.

— Цыц! Уходим! — Я потащил Илву к дыре в полу.

— Ты уверен? — спросил Олег.

— Нет!

— Хорошо, идем! — И он первый шагнул во тьму.

Четвертая авентюра. Подземелье

Подземная часть Хвергельмира живет собственной жизнью — неизведанной, опасной, чужой. Людям принадлежит поверхность, и в пространство, лежащее под их ногами, они предпочитают не заглядывать. Вольнонаемным и невольникам приходится спускаться в шахты за железной рудой, золотом, алмазами и черной кровью, что горит даже под водой, но шахтеры видят лишь крохи подземного мира. А те истории, что они рассказывают в тавернах, люди стараются принимать за байки — ведь чего только по пьяни не насочиняешь? Слушатели посмеются, угостят беднягу-шахтера еще пивом и разойдутся по домам, где будут прислушиваться к раздающимся из-под земли шорохам.

Если ты богач, и пол в твоем доме защищен прочными каменными плитами, пропитанными волшебством, — тебе бояться нечего. Хотя ходили россказни об огромной дыре прямо посреди тронного зала покойного маркграфа из Вормса, Берхарда Смелого. Пропал маркграф. Судя по кровавым следам, тянущимся к пролому в каменном полу, спасать было некого. Но экспедицию отправили. Пробыла она под землей недолго, встревоженные люди вскоре вернулись, увеличив количество рассказываемых за кружками пива баек.

Если ты не столь богат, и пол твоего жилища деревянный, или же спать приходится в хижине прямо на земле, завернувшись в куртку и подстелив сухую траву, то россказни пьяных шахтеров воспринимаются уже не так смешно. Улыбка выходит вымученной. Ведь проломать доски или бревна забравшемуся под землю троллю не составит больших хлопот. Правда, тролли под землю залезают редко — не любят они этого дела. Зато карлики-цверги привыкли наведываться к людям.

Цверги называют подземный мир Нидавеллиром, и это единственное неизменное слово в их языке. В пещерах Нидавелллира кипят озера магмы и резвятся саламандры. Порождения мрака обретают формы во тьме, куда не проникает солнечный свет. Всем известно: если цверга коснутся лучи солнца, то он окаменеет, серая кожа покроется каменой броней, превратив его в статую. Видел я нескольких карликов, встретивших рассвет, когда вместе с «Алым шиповником» бродил в горах Драгборна. Статуи, бывшие ранее живыми существами, стояли у входа в пещеру, словно произведения искусства, созданные великим скульптором.

Цверги приходят по ночам, предлагают на обмен товары, что-

то бомоча на своем странном языке, где каждое слово в новый день может означать совершенно иное, а каждая фраза — лишь изречение из старинных книг. Говорят, что цверги неразумны и только копируют людское поведение, подобно ворону, старающемуся запомнить человеческую речь. Не знаю, может быть, но Альфриг, с которым мы делить кувшин разогретого вина в морозную ночь, не казался неразумным. Цверг появился в моей хижине неожиданно. Пришел, уставший и измученный холодом и дорогой. Да, его речь была непонятной, но это не имело никакого значения. Помню, как часто он произносил фразу: «Зигфриду пора воссесть на отчий трон», каждый раз вкладывая в слова новый смысл.

Если увидеть вытатуированное на руке имя и вспомнить себя настоящего, то понимаешь, что цверги лишь порождения компьютерного мира, неигровые персонажи, чьи слова генерируются функцией случайного выбора. Но когда в руках зажата чаша с горячим, обжигающим губы вином, а возле тебя друг, то вы всегда найдете общий язык.

«Будем, за удачу».

«Зигфриду пора воссесть на отчий трон».

Он улыбался, мы чокались, пили, а потом наливали снова, и эта фаза Альфрига запомнилась мне на всю жизнь.

Говорят, что Берхард Смелый любил искусство и обожал хвастаться перед гостями окаменевшими цвергами. Пойманные карлики дожидались восхода в клетках под открытым небом. Маркграф сам придумывал названия, которые придворный гравер выбивал на табличках. «Ужас первого рассветного луча», «Страх солнца», «Карлик, застигнутый нежданным рассветом», — исчезнувший маркграф был большим фантазером.

Впервые мне пришлось спускаться под землю несколько лет назад в пещерах Драгборна. Три очаровательные девушки, называвшие себя «Алым шиповником», наняли меня в качестве проводника. Те места я знал плохо, но за душой не было ни гроша, и я согласился на эту работу, позволив женщинам собой командовать. Пришлось отыгрывать роль опытного следопыта. Иногда это выглядело… забавно. Я часто ловил на себе заинтересованные взгляды своих нанимательниц.

Марлис, Тересия и Адела мечтали найти фиал возрождения. По слухам, эти артефакты создал Безумный Кроу, спрятал в недоступных местах и оставил чудовищ для их охраны. Странная логика, но от волшебника с таким прозвищем можно было ожидать чего угодно.

Девушки тщательно скрывали от меня карту, на которой крестиком обозначалась пещера с творением сумасшедшего

колдуна. Фиал возрождения обещал вторую жизнь. Второй шанс. Вторую судьбу. Но «Алый шиповник» погибли, все трое. Отправились за сокровищем, оставив меня одного в лагере, и не вернулись. В пещере рядом с их растерзанными телами я нашел следы василиска. Они вели в глубину, туда, где среди свисающих сталактитов клубилась тьма и завывал подземный ветер.

Я похоронил девушек у входа, рядом с окаменевшими цвергами. Трижды возвращался за телами, после чего копал могилы, ломая оружие о камни.

***

Теперь я снова под землей. Стены прокопанного троллем туннеля, высокого, не вынуждающего нагибаться, скрепляла засохшая слизь. Тень идущего впереди Олега то путалась у меня под ногами, то запрыгивала на стены, словно сгусток ожившей темноты. На поднятой ладони моего друга горел волшебный огонь, и пламя отражалось в голубых глазах Илвы. Девушка шла рядом со мной, ступала мягко и осторожно, как хищный зверь, чувствующий опасность. Илва напряжена — дотронься, и она либо вздрогнет от неожиданности, либо откусит тебе руку.

В подземелье гулял ветер. Обдувал лица, вздыхал, словно море в огромной пустой раковине, накатывался волной, и отступал, скрываясь в темноте. Казалось, что это дыхание великана Имира, спящего в глубинах земли.

Где-то впереди должен быть тролль, утащивший в черепе мой меч. Мы либо найдем его логово, и тогда вновь придется драться, либо туннель выведет на поверхность. Возможно, тролль сдох от моего удара, и его тело лежит во тьме бесформенной массой щупалец.

Олег шел, выпрямившись, равномерно и быстро переставляя ноги. С момента спуска в подземелье он еще не произнес ни слова. Его тень в очередной раз метнулась на стену, и я с опаской на нее посмотрел. У тени были щупальца. Они, как и в комнате «Волчьей головы» тянулись ко мне, стараясь вцепиться множеством изогнутых коготков.

— Олег! — сказал я.

Щупальца спрятались. Мой друг остановился, но не обернулся. В его заплечном мешке шевелилась саламандра. Илва замерла и едва слышно зарычала, обнажив зубы. Мне показалось, что волосы у нее на затылке под тяжелой косой начали подниматься дыбом, и я опустил ладонь на ее шею.

— Х-х-е-е, — выдохнул Олег.

Эхо затихло в глубине туннеля: «Х-х-е-е».

Олег обернулся:

— Что? — спросил он, нахмурившись.

Я перевел дыхание.

— Думаешь, они пойдут за нами?

— Обязательно. Сам Граф, конечно, не сунется, а вот своих людей в погоню пошлет. Во всяком случае, на его месте я бы так поступил. Такие как он не прощают врагов, боятся потерять авторитет в глазах банды. У нас в запасе есть время, пока они не раздобудут факелы.

Илва зажмурилась и вдохнула через нос сырой воздух туннеля.

— Идут, — сказала она и нагнулась.

Я испугался, что Илва превратится в волка, но она лишь опустила ладонь на землю.

— Человек десять. — Девушка выпрямилась и вытерла запачканную слизью руку о свою куртку. — Только что спустились в туннель.

— У тебя такой нюх? — удивился я. — Можешь определить что впереди?

— Нет, — покачала головой Илва. — У людей Графа резкий запах, я учуяла его еще на площади. Смесь пота, страха и отчаянья. Такой слышен издалека. А темнота впереди пахнет троллем. И опасностью. Мне трудно себя сдерживать, чтобы не стать… волчицей.

Мне захотелось ее обнять и успокоить, но, боюсь, Олег неправильно понял бы мой поступок.

— Я смогу их сдержать, — сообщил Олег, кивнув в сторону, откуда мы пришли.

— Нет! Мы идем дальше! Ты хочешь завалить проход, заперев нас в ловушке? Что, если впереди тоже тупик?

Я шагнул мимо него в темноту. Олег пожал плечами и пошел следом. Теперь моя тень бежала впереди.

— Но тролль же откуда-то приполз? — сказал Олег мне в спину.

Мы едва не бежали, зная о преследователях. Под ногами попадались осколки кирпичей и щепки — тролль рыл землю, не выбирая дороги, круша всё на своем пути. Казалось, что вот-вот появится выход на поверхность, но мы всё шли и шли по темному туннелю, сопровождаемые ветром.

— Издалека полз, — прошептал Олег.

— Под землей расстояние кажется большим, чем на самом деле, — сказала Илва.

— На самом деле, — повторил ее слова кто-то впереди.

«Ш-ш-ш», — накатился прилив подземного ветра. Саламандра

захихикала.

Мы остановились. Огонь, горящий на ладони Олега, усилился и выхватил из темноты большее пространство. Пламя отразилось в двух глазах, размером с блюдца. Олег отшатнулся, огонь вздрогнул, тени заплясали по туннелю.

— На самом деле, — сказали из темноты более испуганно.

«Ух-х-х», — скрылся ветер в глубине туннеля.

Я схватил Илву за плечи и зашептал ей на ухо:

— Всё хорошо, успокойся, я рядом.

Ухо уменьшилось, снова став человеческим, выросшая на нем шерсть исчезла.

— Я в порядке, — сказала Илва и тихо зарычала.

Впереди лежал дохлый тролль, глядел на нас неподвижными глазами. Рядом с ним стояли два цверга. Один из них, с толстым носом, свисающим как у обезьяны-носача, держал во рту курительную трубку и отрезал от тролля куски мяса моим мечом. Усы второго карлика топорщились в стороны и даже шевелились, делая его похожим на таракана. Усатый сжимал под мышкой заряженный арбалет и нанизывал срезанное мясо на прут. После того как нас заметили, арбалет мгновенно оказался у карлика в руке.

Для цвергов опасен лишь солнечный свет. Они стояли и недовольно щурились от волшебного огня моего друга. Нацеленный на нас арбалет ходил из стороны в сторону.

— Осторожнее с этой штукой, — сказал я. — Мы не причиним вреда. Нам нужно только пройти.

— Где выход? — нелюбезно спросил Олег.

Казалось, оружие в руках карлика не произвело на моего друга ни малейшего впечатления. Цверги переглянулись.

— На самом деле, — сказал Носач, оборачиваясь к нам и поднимая меч.

— Выход там есть или нет? — снова спросил Олег и махнул рукой, указывая вглубь туннеля. — Откуда приполз тролль?

— На самом деле? — удивился Носач.

— Тьфу! — плюнул Олег. Огонек на его ладони превратился в огненный шар.

— Что ты делаешь?! — заорал я. — Прекрати! Это всего лишь цверги! Они не опасны. Почти не опасны, — добавил я, глядя на арбалет.

Успею ли я его отобрать, прежде чем получу стрелу в живот? Не думаю, что стоит создавать лишние проблемы.

— Мы спешим. Нас преследуют люди Графа, — обратился я к карликам. — Мы идем дальше и расходимся мирно, договорились?

— На самом деле? — переспросил Носач и тут же обернулся ко второму:

— Храф! — сказал он. — Храф!

— Храф! — заверещал Усатый, опуская арбалет.

Возникло сообщение: «Мастерство дипломатии достигло третьего уровня».

Мы прошли мимо цвергов, которые проводили нас тревожными взглядами. Олег остановился возле Носача и выхватил у него изо рта трубку. Карлик отшатнуться, выставив перед собой меч.

— Спасибо, — кивнул Олег. — Потом сочтемся.

— На самом деле, — пробормотал цверг, в его словах дребезжала злость.

— Прячьтесь, — сказал я. — Или бегите. Это мой меч, но пусть он будет для тебя подарком в обмен за трубку. Зигфриду пора воссесть на отчий трон.

Они защебетали, зачирикали друг к другу, а потом Носач ухмыльнулся.

— На отчий трон, — повторил он, и я услышал его мысли, далекие, шипящие, словно подземный ветер. — Вол-шеб-ник там.

Карлик махнул рукой вглубь туннеля.

— Что? — спросил я, но цверги уже слились со стеной.

Там, где они стояли, теперь клубилась мгла, будто карлики мне только привиделись.

Почему я услышал мысли цверга? Нахлынули забытые воспоминания из детства, которого не было. Я, тогда еще десятилетний мальчишка, спускался в сад по каменной лестнице. «Куда ты, господин? Отец не позволяет…», — пытался остановить меня Олх — слуга и телохранитель, но я лишь отмахивался. Среди деревьев меня ждал мой друг и учитель. Он мог быть камнем и деревом, ветром, несущим горячую пыль и темнотой, приходящей, когда светит луна. И еще он мог быть человеком. Стариком, учившим меня держать меч и слышать, о чем думают нелюди. Я старался читать его мысли.

— Скорее, — бросила Илва. — Люди Графа уже близко.

Сейчас не время для воспоминаний. Я оставил их на потом, зная, что при первой возможности снова к ним вернусь, возвращая моменты придуманного детства. Было приятно осознавать, что есть нечто, загадочное и необычное, хранящееся в моей памяти.

Мы осторожно протиснулись мимо туши тролля, переступая через серые щупальца. Пробежали несколько десятков шагов и наткнулись на дыру в стене. Туннель шел дальше, но в этом месте земля осыпалась, освободив разрушенную кирпичную кладку.

— Туда? — спросил Олег, заглядывая в дыру. От огня на его ладони вспыхнули свисающие пряди паутины. — Чей-то подвал? Возможно, выберемся на поверхность?

В туннеле послышался вскрик.

— Тетива щелкнула, — сказала Илва, прислушиваясь. — Цверги. Наверное, у них с Графом свои счеты.

— Глупо, — пожал плечами Олег.

Я протиснулся сквозь дыру. Тьма в подвале была не такой непроглядной, как в туннеле, — на потолке сквозь щели в деревянной двери пробивались серые полосы света. Вдоль стен стояли сундуки и стеллажи, заполненные припорошенными пылью книгами, колбами, ретортами и неизвестными мне устройствами — всем тем, что любят хранить алхимики в своих кладовых. На ближайшей ко мне полке я узнал секстант, которым пользуются моряки и волшебники. Рядом в треснувшей реторте лежал глаз василиска, высохший и уже безопасный. В центре подвала в куче паутины сгрудились несколько лопнувших паучьих коконов, каждый размером с человеческую голову. Детеныши восьмилапого хищника давно выбрались наружу.

Противоположную стену занимал накопитель молний — большой стальной шкаф с множеством рычагов. Мелькнула мысль, а не загородить ли им дыру в стене, помешав преследователям? Нет, его не сдвинуть, слишком тяжелый. Да и опасно к нему прикасаться, бывало, что такие накопители хранили заряды десятки лет, выпуская молнии на свободу в самый неподходящий момент. Значит, выбираемся наверх.

Лестницы я нигде не нашел, пришлось подтащить под дверцу стеллаж.

— Олег, помогай, быстрее!

Я обернулся. Олег стоял в туннеле, раскинув руки в стороны. Из его рта торчала зажженная курительная трубка. Над ладонями плясали огни, на пол сыпались искры, разбегались и с едва слышными хлопками гасли в темноте.

— Огонь извечный, всепоглощающий, дай мне свою силу! Я выпускаю тебя на волю, сожги моих врагов. Развей их пепел. Освободи дорогу для твоего повелителя. — Слова у Олега выходили певучими, тембр звуков менялся от горлового баса до визгливых возгласов. Его речь завораживала, заставляла неотрывно прислушиваться. В ней слились природные стихии: тьма и огонь, силы вулканов и ветра, всесокрушающие и беспощадные.

Руки Олега сблизились, ладони сомкнулись, и по туннелю с ревом и клубами дыма прокатилась волна пламени. Я на мгновение ослеп. Инга упала на землю и завыла.

— Это их задержит, — услышал я возле себя обычный голос Олега. — Надеюсь, что они не успеют укрыться.

— Там же цверги! — Я разлепил глаза, перед которыми плыли огненные круги.

Олег, помогающий Илве встать на ноги, пожал плечами.

— Значит, не повезло.

Он закашлялся, вынул изо рта трубку, погасил и сунул в карман.

— Что за мерзость они курят? Пахнет как табак, а на вкус, словно высушенные помои.

После чего поднялся на стеллаж, сбросив несколько книг. Упала и разлетелась вдребезги колба. Олег открыл дверь в потолке, стряхнув облачко пыли, и выглянул наружу.

— Здесь винтовая лестница, — сообщил он. — Мне кажется, что это башня волшебника. Недалеко же мы ушли.

— Люди Графа близко, — прошептала Илва. — Обожжены, злы и жаждут крови. Сейчас они будут здесь.

Я вынул из ножен меч. Сталь сверкнула холодным отблеском от попавшего на нее лучика света. Я подумал, что в клинке не только металл. В нем заключена магия — укрощенная, скрытая, но от этого непредсказуемая и еще более опасная. Возможно, меч не перерезал клок шерсти, потому что я не выпустил волшебство на свободу?

Олег выбрался из подвала.

— Поднимайтесь! — он нагнулся и протянул Илве руку.

Я поднялся последним, захлопнул дверь, закрыл на металлическую поржавевшую щеколду. Поискал, чем привалить, но не нашел ничего подходящего. Старая, обшарпанная входная дверь, уползающая спиралью вверх лестница, груда тряпья под ней и висящие клочья паутины. Пусто. Обычно волшебники держат у входа магических слуг, но эта башня была давно покинута.

Где-то вышине закричал ворон. Груда тряпья зашевелилась и поднялась черной фигурой. Я замахнулся мечом, но тут же понял, что это всего лишь нищий с площади.

— Не убивайте меня! — закричал он. — Это же я, Ульрик, помните? Я вам помог, подсказал, куда идти! Вчера на площади.

Он посмотрел на нас бегающим взглядом и добавил:

— Можно сказать, что спас, значит. Иначе сожрали бы вас, несчастных, ни за что ни про что.

NPC, живой справочник. В подвале послышались шаги, что-то громыхнуло, упало, покатилось, и в дверь в полу ударили. Затрещали доски. Сквозь щель между ними просунулся клинок и царапнул по щеколде. Олег зажег на ладони огненный шар.

Нищий с испугом наблюдал за происходящим. Надо бежать, прятаться на извилистых улочках города-всех-дорог, забрать беднягу с собой, иначе погибнет.

Но нищий меня опередил. Он бросился к входной двери, распахнул и выбежал наружу.

— Они здесь! — закричал он. — Сюда! Здесь Волчица!

Олег выругался, выскочил следом, но тут же отшатнулся обратно. В раскрытую дверь воткнулся арбалетный болт. Еще один просвистел мимо. Послышался вскрик и звук падающего тела. Саламандра заливисто засмеялась.

Я захлопнул дверь, успев разглядеть нескольких человек, бегущих к башне, и скрюченного, держащегося за живот Ульрика. Олег шептал заклинания. Казалось, что от его тихих слов пыль в башне закручивалась вихорками, в которых вспыхивали огненные руны. В дверь в полу снова ударили. Щеколда слетела, дверь распахнулась, и Олег метнул в проем огненный шар. Внизу кто-то заорал, из подвала вырвались клубы пламени — вспыхнула старая паутина и пыль. Снаружи доносился приближающийся топот и громкие стоны Ульрика.

— Наверх! — закричал я и первым взбежал на лестницу.

Там, на самой вершине, должен быть подвесной мостик. Волшебник просто обязан его построить. Но что если я ошибаюсь и веду всех в ловушку? Олег и Илва бежали следом, доверившись моей интуиции.

— Предал, а! — возмущался Олег. — Какая скотина. Надо было от него сразу избавиться.

Снизу доносился шум погони. Свет проникал через окна в стенах башни, высокие и узкие, словно бойницы. Старая деревянная лестница скрипела под ногами. Я бежал, перепрыгивая сразу несколько ступенек. Скоро должна появиться комната наверху, но окажется ли там подвесной мост? Если выхода не будет, нам останется только погибнуть, сражаясь с городской бандой.

Вершина башни. Круглая площадка, затянутая паутиной. С одной стороны дверь в комнату волшебника, с другой — балкон, за который цеплялся узкий подвесной мостик. Посредине площадки лежал огромный паук, и я с разгону едва на него не налетел.

Наверное, паук тоже был недоволен, что в его жилище, где он собирался провести зиму, так бесцеремонно вломились. Возможно, он не хотел драться, но другого выхода не было. В моих руках меч, и я намеревался пройти дальше. Паук зашипел, поднялся на вытянутых лапах и угрожающе затрясся. Его наполненное брюхо заколыхалось, словно бурдюк с водой.

— Осторожнее, паук! — вскрикнул Олег.

Будто сам не вижу! Я взмахнул мечом, паук отскочил с неожиданной прытью и тут же бросился в атаку. Я успел подставить клинок, он вошел пауку под голову, пробил грудь. Мгновение — и перед моими глазами щелкали паучьи челюсти с искривленными клыками. По ним на мой меч сбегали ядовитые зеленые капли.

— Ты быстрый, — сказал Олег.

«Умение владение мечом достигло третьего уровня. Ваша ловкость достигла восьми единиц».

Я выдернул меч и взмахнул им, очищая от яда. Продолжив движение, вернул в ножны. Паук осел, зацарапал когтями по каменному полу.

— На мост, — скомандовал я.

Лестница дрожала под ногами бегущих людей. Где-то внизу орал Граф, призывая убить «тролльских выродков». Как и паук, он не мог отступить.

На балконе свежий ветер заполнил холодом легкие. Над нами, на остроконечной крыше заорал ворон. Узкий мостик раскачивался, бежал по воздуху, но не к другой башне — его противоположный конец исчезал в коричневой листве Иггдрасиля. До огромной, повисшей на городом, ветви, затянутой паутиной, было шагов тридцать.

Я первым ступил на мост, с осторожностью проверяя тонкие, связанные канатом доски. Держась за веревочные перила, пробежал несколько шагов. За мной спешила Илва. Замыкал строй Олег.

— Быстрее, Игорь, быстрее! — говорил он, словно твердил заклинание.

Город качался под ногами. Маленький Эрик грозил игрушечным молотом. Тропинки дорог разбегались во все стороны. До ветви оставалось несколько шагов, когда люди Графа выбежали на балкон. Раздались щелчки арбалетов. Болт, просвистев возле моего уха, воткнулся в ветвь, пробил изборожденную рытвинами кору. Я прыгнул на дерево и успел подхватить Илву.

— Я сама, — прорычала девушка.

Она скрылась в густой засохшей листве. Но Олег остался на мосту. Стоял спиной ко мне, раскинув руки в стороны, словно собрался взлететь. Казалось чудом, что он ухитрялся сохранять равновесие. С его ладоней фейерверками сыпались вниз искры. В воздухе возникали огненные знаки.

— Олег, не надо! — успел крикнуть я.

Двое из людей Графа выскочили на мост. Остальные

натягивали тетивы арбалетов.

Олег выпрямил руки, и по воздуху прокатилась огненная волна, врезалась в основание балкона. Вспыхнули веревки, и мост начал падать. Он падал медленно. Сначала ушла вниз крепившаяся к балкону часть, роняя горящие доски, и потащила за собой остальной мост. Словно нехотя, сопротивляясь, он устремился к земле. Один из тех людей Графа, что находились на мосту, с криком полетел вниз. Второй успел запрыгнуть на балкон, и теперь сбивал пламя со своей куртки, внося сумятицу среди стрелков.

— Олег!

Мой друг повернулся, и мост ушел у него из-под ног. Я успел схватить Олега за руки, лежал на ветке, держа его на весу. Подбежала Илва и упала рядом со мной, пытаясь помочь.

— Я сейчас, — сказал Олег, пытаясь зацепиться ногами за остатки моста. — Я поднимаюсь.

Щелкнул арбалет, за ним второй. Олег дернулся, обмяк и сразу стал тяжелее. Из его спины торчал болт. Он вошел точно между лопаток выше заплечного мешка, как копье в спину легендарного Зигфрида.

«Всё, не спасти!» — мелькнула мысль.

Холодное, тупое отчаянье заполнило сознание, затмило разум. Я словно наблюдал за собой со стороны. Кто я — коммерческий советник, даже во сне видящий биржевые графики, или воин, что ушел, бросив свой дом и свою привычную жизнь? Какая судьба настоящая? Я потерял всех, кого любил — Марию и Гулльвейг, а теперь теряю Олега. Он мой друг и мой враг, единственный, на кого могу положиться. Где-то там, в другом мире у компьютера билось его тело.

Мы втащили Олега не ветку, листва скрыла нас от преследователей. На губах Олега выступила кровавая пена.

— Не умирай, Бефстроган, не умирай, — прошептал я.

Режим «хардкор». У каждого персонажа лишь одна жизнь. Сколько продлится соединение, после того, как информация о виртуале будет стерта? Сколько времени осталось у Олега в реальности?

Илва громко и протяжно завыла, подняв голову к небу.

Я вынул из кармана склянку с мутной жидкостью, вытащил пробку и влил содержимое в рот Олега.

— Что это? — спросила Илва.

Я вспомнил пещеру в горах Драгборна и три могилы у ее входа. После того, как похоронил воительниц из «Алого шиповника», я вошел в пещеру сам. Что вело меня — месть или желание заполучить артефакт? Я не знаю. Каждый раз мой разум

подсказывает иные варианты тех событий.

***

Пропитанный черной кровью факел горел, источая смрадный дым, но едва разгонял темноту пещеры. Я стоял в маленьком, отвоеванном у тьмы пространстве света. Мгла клубилась среди сталактитов, на которых кое-где светились искорки светлячков. Ее холодное дыхание проникало под куртку, заставляя дрожать тело. Возможно, это был страх, граничащий с отчаяньем. Тот, который бросает тебя в бой, на погибель, когда ты не хочешь, но всё равно делаешь, что должен.

«Ш-шорх. Ш-шорх». Удивительно, как такое большое создание могло так тихо красться? Обычно ящерицы шипят, принюхиваясь к окружающему длинным раздвоенным языком, но василиск молчал. В тишине его лапы издавали едва слышный шорох. Я зажмурился, крепко сжимая меч. Перед глазами остались искорки светлячков.

Главное, не смотреть василиску в глаза. Его взгляд подавляет, лишает воли, и тогда огромная ящерица съедает живого парализованного врага. Так они и погибли, Марлис, Тересия и Адела. Я не слышал, когда они уходили из лагеря. Не знал. Монстр убил девушек и оставил их тела на потом. Что ж, сейчас перед ним новый враг.

Я увидел глаза василиска даже сквозь закрытые веки — во тьме появились два новых подвижных светлячка. Они ползли, приближались, увеличиваясь в размерах.

«Ш-шорх. Ш-шорх».

Захотелось опустить меч. Всё равно не спастись. Всё в этом мире бессмысленно, не лучше ли закончить жизнь здесь и сейчас? Но у входа — три могилы. Мои пальцы содраны о камни, когда я их копал.

Я скорее почувствовал, чем услышал взмах когтистой лапы. Главное, не открывать глаза! Я отскочил в сторону, стукнулся спиной о сталагмит и рубанул мечом. Клинок нашел свою цель, пробил чешую, вонзаясь в плоть. Василиск заревел. Раненый, он бросился в атаку с намерением смять ненавистную добычу, что не хочет позволить себя спокойно сожрать. Шаг влево и новый удар! Туда, где по моим расчетам должна находиться шея чудовища. Рев василиска оборвался. Рухнул сбитый телом ящера сталагмит. И наступила тишина.

Василиск еще дышал, когда я вонзил острие меча в его грудь. Наверное, чешую и глаза можно было продать, а из когтей сделать ожерелье — символ доблести любого воина, но меня это

не интересовало. То, что я хотел найти, находилось глубже в пещере.

Когда я подошел к сундуку, несколько теней бросились в разные стороны и скрылись в темных углах пещеры. Интересно, оставил ли Безумный Кроу ловушку? Вопрос удачи. Я открыл незапертый сундук и достал единственное, что скрывали его глубины — склянку, наполненную мутной жидкостью.

Жаль, что со времени смерти трех девушек прошло слишком много времени, и их уже не вернуть.

***

— Это фиал возрождения?! — удивилась Илва.

Я не ответил, наблюдая, как мутная жидкость, больше похожая на продукт жизнедеятельности, чем на волшебство, дарящее вторую жизнь, клокотала во рту Олега. Мой друг поперхнулся, закашлялся, выплевывая жидкость вместе с кровью. На ветвь упал вышедший из его спины арбалетный болт, покатился и полетел к земле.

— Сам ты Бефстроган, — сказал Олег, через силу улыбаясь.

Кровь медленно возвращалась к его побелевшему лицу.

Когда у меня появился фиал возрождения? Сейчас, едва я вспомнил подробности придуманной жизни, или случайный могущественный артефакт достается каждому при входе в игру? Воспоминания накладывались друг на друга, не позволяя охватить четкую картину происходящего.

Илва расстегнула куртку Олега. На груди моего друга по-прежнему расплывалась бесформенной кляксой серая затвердевшая кожа. Один из ее отростков поднимался на шею. Фиал возрождения дарит новую жизнь, но не может отменить превращение в тролля. Таковы законы этого мира.

— Спасибо, — поморщился Олег, приподнимаясь. — Что будем делать дальше?

Он достал из кармана трубку, подумал и спрятал обратно. Затем сорвал веточку с листом и сунул в рот.

Пространство вокруг нас затягивала паутина, ловчие сети висели на ветках серыми грязными лоскутами. Невдалеке виднелись остатки брошенного паучьего корабля — летающего гнезда, который осенний ветер гонит по воздуху, перенося пауков в новые места обитания. Запасы паутины хранятся в коконах, из которых уже выбрались детеныши. Раскрой один из них — и сотни метров паутины развернутся парусами, подхватят корабль и понесут вдаль.

Враги ждали внизу, враги стояли на балконе башни

волшебника, готовые выстрелить, едва нас заметят. Ближе к дереву ветвь голая — выйди на нее и окажешься открытой мишенью. Я посмотрел в небо. Высоко над нами светило солнце и зеленела листва.

— Пленники, что пойманы судьбой, как им спастись, куда идти?

У основания ветви сидел Вот. Ветер развевал его черный плащ, теребил перья ворона на его плече.

— Откуда ты взялся? — прокричал я.

— Ведь пленники не птицы, летать не могут. — Вот, словно не замечая моего вопроса, пригладил перья птицы. — Но коль рискнут они последовать дорогой восьмилапых, то смогут изменить несправедливый приговор судьбы.

— Кар-р! — заорал Хугин.

— Не кричи на ухо! — стукнул его по клюву Вот.

— Возможно, он прав, — сказал Олег и выплюнул ветку. Кружась, она полетела к земле. — За дело? — Он первым пошел к гнезду пауков.

На его куртке между лопаток расплылось кровавое пятно.

— Я не полечу, — сказала Илва.

Старое гнездо цеплялось за ветки, ошметки парусов трепетали на ветру. Раздвинув клочья паутины, Олег вошел внутрь воздушного корабля.

— Есть целые коконы, — сообщил он оттуда.

— Пойдем, — потянул я Илву за собой.

— Вы сумасшедшие, — сказала она. — Волки летать не умеют.

— У тебя есть другой план?

Стрелки заметили движение, и в ветвь воткнулись несколько болтов.

— Нет. — Илва нырнула под серые пряди паутины.

Вот снял шляпу и поклонился. Я помахал ему рукой. Внутри гнездо почти не защищало от ветра. Десятки слоев паутины стягивали множество тонких и хрупких на вид веток, прочно крепили к полу коконы.

— Держитесь? — спросил я.

Казалось, что ветки сломаются под нашим весом. Паутина прогибалась, но не рвалась. Коконы лежали так, что освободившиеся паруса вырвутся через вход наружу.

— Держимся, — сказал Олег.

— Давай быстрее! — взвизгнула Илва.

Схватившись за стенку гнезда левой рукой, правой открыл крышку кокона и едва успел увернуться от выстрелившего комка паутины. Вылетев, он развернулся длинным парусом. Воздушный

корабль рванулся на свободу, сдерживающие его ветки затрещали.

— Еще! Давай еще, на одном не улетим! — закричал Олег.

Завизжала Илва. Возле меня тугим жгутом сплетенных из паутины веревок гудело растянутое основание паруса. За гнездом оно становилось все шире и шире, превращаясь в огромное крыло-парашют. Я дотянулся до второго кокона и сбросил с него крышку. На этот раз я был подготовлен к тому, насколько стремительно вылетит паутинный сгусток, и успел уклониться. Зазевайся — и тебя собьет с ног, выбросит за пределы воздушного корабля.

Возникло сообщение: «Ваша ловкость достигла девяти единиц».

Гнездо дернулось и соскочило с ветви. Я не удержался, упал на противоположную движению стену. Сначала гнездо рухнуло вниз, но потом, подхваченное воздушными потоками, выровнялось и начало набирать высоту. Мы перелетели через городскую стену, зацепив днищем ее край.

Ветер уносил воздушный корабль всё дальше и дальше от города-всех-дорог, оставив преследователей далеко позади.

Подземная часть Хвергельмира живет собственной жизнью — неизведанной, опасной, чужой. Людям принадлежит поверхность, и в пространство, лежащее под их ногами, они предпочитают не заглядывать. Вольнонаемным и невольникам приходится спускаться в шахты за железной рудой, золотом, алмазами и черной кровью, что горит даже под водой, но шахтеры видят лишь крохи подземного мира. А те истории, что они рассказывают в тавернах, люди стараются принимать за байки — ведь чего только по пьяни не насочиняешь? Слушатели посмеются, угостят беднягу-шахтера еще пивом и разойдутся по домам, где будут прислушиваться к раздающимся из-под земли шорохам.

Если ты богач, и пол в твоем доме защищен прочными каменными плитами, пропитанными волшебством, — тебе бояться нечего. Хотя ходили россказни об огромной дыре прямо посреди тронного зала покойного маркграфа из Вормса, Берхарда Смелого. Пропал маркграф. Судя по кровавым следам, тянущимся к пролому в каменном полу, спасать было некого. Но экспедицию отправили. Пробыла она под землей недолго, встревоженные люди вскоре вернулись, увеличив количество рассказываемых за кружками пива баек.

Если ты не столь богат, и пол твоего жилища деревянный, или же спать приходится в хижине прямо на земле, завернувшись в куртку и подстелив сухую траву, то россказни пьяных шахтеров воспринимаются уже не так смешно. Улыбка выходит

вымученной. Ведь проломать доски или бревна забравшемуся под землю троллю не составит больших хлопот. Правда, тролли под землю залезают редко — не любят они этого дела. Зато карлики-цверги привыкли наведываться к людям.

Цверги называют подземный мир Нидавеллиром, и это единственное неизменное слово в их языке. В пещерах Нидавелллира кипят озера магмы и резвятся саламандры. Порождения мрака обретают формы во тьме, куда не проникает солнечный свет. Всем известно: если цверга коснутся лучи солнца, то он окаменеет, серая кожа покроется каменой броней, превратив его в статую. Видел я нескольких карликов, встретивших рассвет, когда вместе с «Алым шиповником» бродил в горах Драгборна. Статуи, бывшие ранее живыми существами, стояли у входа в пещеру, словно произведения искусства, созданные великим скульптором.

Цверги приходят по ночам, предлагают на обмен товары, что-то бомоча на своем странном языке, где каждое слово в новый день может означать совершенно иное, а каждая фраза — лишь изречение из старинных книг. Говорят, что цверги неразумны и только копируют людское поведение, подобно ворону, старающемуся запомнить человеческую речь. Не знаю, может быть, но Альфриг, с которым мы делить кувшин разогретого вина в морозную ночь, не казался неразумным. Цверг появился в моей хижине неожиданно. Пришел, уставший и измученный холодом и дорогой. Да, его речь была непонятной, но это не имело никакого значения. Помню, как часто он произносил фразу: «Зигфриду пора воссесть на отчий трон», каждый раз вкладывая в слова новый смысл.

Если увидеть вытатуированное на руке имя и вспомнить себя настоящего, то понимаешь, что цверги лишь порождения компьютерного мира, неигровые персонажи, чьи слова генерируются функцией случайного выбора. Но когда в руках зажата чаша с горячим, обжигающим губы вином, а возле тебя друг, то вы всегда найдете общий язык.

«Будем, за удачу».

«Зигфриду пора воссесть на отчий трон».

Он улыбался, мы чокались, пили, а потом наливали снова, и эта фаза Альфрига запомнилась мне на всю жизнь.

Говорят, что Берхард Смелый любил искусство и обожал хвастаться перед гостями окаменевшими цвергами. Пойманные карлики дожидались восхода в клетках под открытым небом. Маркграф сам придумывал названия, которые придворный гравер выбивал на табличках. «Ужас первого рассветного луча», «Страх солнца», «Карлик, застигнутый нежданным рассветом», —

исчезнувший маркграф был большим фантазером.

Впервые мне пришлось спускаться под землю несколько лет назад в пещерах Драгборна. Три очаровательные девушки, называвшие себя «Алым шиповником», наняли меня в качестве проводника. Те места я знал плохо, но за душой не было ни гроша, и я согласился на эту работу, позволив женщинам собой командовать. Пришлось отыгрывать роль опытного следопыта. Иногда это выглядело… забавно. Я часто ловил на себе заинтересованные взгляды своих нанимательниц.

Марлис, Тересия и Адела мечтали найти фиал возрождения. По слухам, эти артефакты создал Безумный Кроу, спрятал в недоступных местах и оставил чудовищ для их охраны. Странная логика, но от волшебника с таким прозвищем можно было ожидать чего угодно.

Девушки тщательно скрывали от меня карту, на которой крестиком обозначалась пещера с творением сумасшедшего колдуна. Фиал возрождения обещал вторую жизнь. Второй шанс. Вторую судьбу. Но «Алый шиповник» погибли, все трое. Отправились за сокровищем, оставив меня одного в лагере, и не вернулись. В пещере рядом с их растерзанными телами я нашел следы василиска. Они вели в глубину, туда, где среди свисающих сталактитов клубилась тьма и завывал подземный ветер.

Я похоронил девушек у входа, рядом с окаменевшими цвергами. Трижды возвращался за телами, после чего копал могилы, ломая оружие о камни.

***

Теперь я снова под землей. Стены прокопанного троллем туннеля, высокого, не вынуждающего нагибаться, скрепляла засохшая слизь. Тень идущего впереди Олега то путалась у меня под ногами, то запрыгивала на стены, словно сгусток ожившей темноты. На поднятой ладони моего друга горел волшебный огонь, и пламя отражалось в голубых глазах Илвы. Девушка шла рядом со мной, ступала мягко и осторожно, как хищный зверь, чувствующий опасность. Илва напряжена — дотронься, и она либо вздрогнет от неожиданности, либо откусит тебе руку.

В подземелье гулял ветер. Обдувал лица, вздыхал, словно море в огромной пустой раковине, накатывался волной, и отступал, скрываясь в темноте. Казалось, что это дыхание великана Имира, спящего в глубинах земли.

Где-то впереди должен быть тролль, утащивший в черепе мой меч. Мы либо найдем его логово, и тогда вновь придется драться, либо туннель выведет на поверхность. Возможно, тролль сдох от

моего удара, и его тело лежит во тьме бесформенной массой щупалец.

Олег шел, выпрямившись, равномерно и быстро переставляя ноги. С момента спуска в подземелье он еще не произнес ни слова. Его тень в очередной раз метнулась на стену, и я с опаской на нее посмотрел. У тени были щупальца. Они, как и в комнате «Волчьей головы» тянулись ко мне, стараясь вцепиться множеством изогнутых коготков.

— Олег! — сказал я.

Щупальца спрятались. Мой друг остановился, но не обернулся. В его заплечном мешке шевелилась саламандра. Илва замерла и едва слышно зарычала, обнажив зубы. Мне показалось, что волосы у нее на затылке под тяжелой косой начали подниматься дыбом, и я опустил ладонь на ее шею.

— Х-х-е-е, — выдохнул Олег.

Эхо затихло в глубине туннеля: «Х-х-е-е».

Олег обернулся:

— Что? — спросил он, нахмурившись.

Я перевел дыхание.

— Думаешь, они пойдут за нами?

— Обязательно. Сам Граф, конечно, не сунется, а вот своих людей в погоню пошлет. Во всяком случае, на его месте я бы так поступил. Такие как он не прощают врагов, боятся потерять авторитет в глазах банды. У нас в запасе есть время, пока они не раздобудут факелы.

Илва зажмурилась и вдохнула через нос сырой воздух туннеля.

— Идут, — сказала она и нагнулась.

Я испугался, что Илва превратится в волка, но она лишь опустила ладонь на землю.

— Человек десять. — Девушка выпрямилась и вытерла запачканную слизью руку о свою куртку. — Только что спустились в туннель.

— У тебя такой нюх? — удивился я. — Можешь определить что впереди?

— Нет, — покачала головой Илва. — У людей Графа резкий запах, я учуяла его еще на площади. Смесь пота, страха и отчаянья. Такой слышен издалека. А темнота впереди пахнет троллем. И опасностью. Мне трудно себя сдерживать, чтобы не стать… волчицей.

Мне захотелось ее обнять и успокоить, но, боюсь, Олег неправильно понял бы мой поступок.

— Я смогу их сдержать, — сообщил Олег, кивнув в сторону, откуда мы пришли.

— Нет! Мы идем дальше! Ты хочешь завалить проход, заперев нас в ловушке? Что, если впереди тоже тупик?

Я шагнул мимо него в темноту. Олег пожал плечами и пошел следом. Теперь моя тень бежала впереди.

— Но тролль же откуда-то приполз? — сказал Олег мне в спину.

Мы едва не бежали, зная о преследователях. Под ногами попадались осколки кирпичей и щепки — тролль рыл землю, не выбирая дороги, круша всё на своем пути. Казалось, что вот-вот появится выход на поверхность, но мы всё шли и шли по темному туннелю, сопровождаемые ветром.

— Издалека полз, — прошептал Олег.

— Под землей расстояние кажется большим, чем на самом деле, — сказала Илва.

— На самом деле, — повторил ее слова кто-то впереди.

«Ш-ш-ш», — накатился прилив подземного ветра. Саламандра захихикала.

Мы остановились. Огонь, горящий на ладони Олега, усилился и выхватил из темноты большее пространство. Пламя отразилось в двух глазах, размером с блюдца. Олег отшатнулся, огонь вздрогнул, тени заплясали по туннелю.

— На самом деле, — сказали из темноты более испуганно.

«Ух-х-х», — скрылся ветер в глубине туннеля.

Я схватил Илву за плечи и зашептал ей на ухо:

— Всё хорошо, успокойся, я рядом.

Ухо уменьшилось, снова став человеческим, выросшая на нем шерсть исчезла.

— Я в порядке, — сказала Илва и тихо зарычала.

Впереди лежал дохлый тролль, глядел на нас неподвижными глазами. Рядом с ним стояли два цверга. Один из них, с толстым носом, свисающим как у обезьяны-носача, держал во рту курительную трубку и отрезал от тролля куски мяса моим мечом. Усы второго карлика топорщились в стороны и даже шевелились, делая его похожим на таракана. Усатый сжимал под мышкой заряженный арбалет и нанизывал срезанное мясо на прут. После того как нас заметили, арбалет мгновенно оказался у карлика в руке.

Для цвергов опасен лишь солнечный свет. Они стояли и недовольно щурились от волшебного огня моего друга. Нацеленный на нас арбалет ходил из стороны в сторону.

— Осторожнее с этой штукой, — сказал я. — Мы не причиним вреда. Нам нужно только пройти.

— Где выход? — нелюбезно спросил Олег.

Казалось, оружие в руках карлика не произвело на моего

друга ни малейшего впечатления. Цверги переглянулись.

— На самом деле, — сказал Носач, оборачиваясь к нам и поднимая меч.

— Выход там есть или нет? — снова спросил Олег и махнул рукой, указывая вглубь туннеля. — Откуда приполз тролль?

— На самом деле? — удивился Носач.

— Тьфу! — плюнул Олег. Огонек на его ладони превратился в огненный шар.

— Что ты делаешь?! — заорал я. — Прекрати! Это всего лишь цверги! Они не опасны. Почти не опасны, — добавил я, глядя на арбалет.

Успею ли я его отобрать, прежде чем получу стрелу в живот? Не думаю, что стоит создавать лишние проблемы.

— Мы спешим. Нас преследуют люди Графа, — обратился я к карликам. — Мы идем дальше и расходимся мирно, договорились?

— На самом деле? — переспросил Носач и тут же обернулся ко второму:

— Храф! — сказал он. — Храф!

— Храф! — заверещал Усатый, опуская арбалет.

Возникло сообщение: «Мастерство дипломатии достигло третьего уровня».

Мы прошли мимо цвергов, которые проводили нас тревожными взглядами. Олег остановился возле Носача и выхватил у него изо рта трубку. Карлик отшатнуться, выставив перед собой меч.

— Спасибо, — кивнул Олег. — Потом сочтемся.

— На самом деле, — пробормотал цверг, в его словах дребезжала злость.

— Прячьтесь, — сказал я. — Или бегите. Это мой меч, но пусть он будет для тебя подарком в обмен за трубку. Зигфриду пора воссесть на отчий трон.

Они защебетали, зачирикали друг к другу, а потом Носач ухмыльнулся.

— На отчий трон, — повторил он, и я услышал его мысли, далекие, шипящие, словно подземный ветер. — Вол-шеб-ник там.

Карлик махнул рукой вглубь туннеля.

— Что? — спросил я, но цверги уже слились со стеной.

Там, где они стояли, теперь клубилась мгла, будто карлики мне только привиделись.

Почему я услышал мысли цверга? Нахлынули забытые воспоминания из детства, которого не было. Я, тогда еще десятилетний мальчишка, спускался в сад по каменной лестнице. «Куда ты, господин? Отец не позволяет…», — пытался остановить

меня Олх — слуга и телохранитель, но я лишь отмахивался. Среди деревьев меня ждал мой друг и учитель. Он мог быть камнем и деревом, ветром, несущим горячую пыль и темнотой, приходящей, когда светит луна. И еще он мог быть человеком. Стариком, учившим меня держать меч и слышать, о чем думают нелюди. Я старался читать его мысли.

— Скорее, — бросила Илва. — Люди Графа уже близко.

Сейчас не время для воспоминаний. Я оставил их на потом, зная, что при первой возможности снова к ним вернусь, возвращая моменты придуманного детства. Было приятно осознавать, что есть нечто, загадочное и необычное, хранящееся в моей памяти.

Мы осторожно протиснулись мимо туши тролля, переступая через серые щупальца. Пробежали несколько десятков шагов и наткнулись на дыру в стене. Туннель шел дальше, но в этом месте земля осыпалась, освободив разрушенную кирпичную кладку.

— Туда? — спросил Олег, заглядывая в дыру. От огня на его ладони вспыхнули свисающие пряди паутины. — Чей-то подвал? Возможно, выберемся на поверхность?

В туннеле послышался вскрик.

— Тетива щелкнула, — сказала Илва, прислушиваясь. — Цверги. Наверное, у них с Графом свои счеты.

— Глупо, — пожал плечами Олег.

Я протиснулся сквозь дыру. Тьма в подвале была не такой непроглядной, как в туннеле, — на потолке сквозь щели в деревянной двери пробивались серые полосы света. Вдоль стен стояли сундуки и стеллажи, заполненные припорошенными пылью книгами, колбами, ретортами и неизвестными мне устройствами — всем тем, что любят хранить алхимики в своих кладовых. На ближайшей ко мне полке я узнал секстант, которым пользуются моряки и волшебники. Рядом в треснувшей реторте лежал глаз василиска, высохший и уже безопасный. В центре подвала в куче паутины сгрудились несколько лопнувших паучьих коконов, каждый размером с человеческую голову. Детеныши восьмилапого хищника давно выбрались наружу.

Противоположную стену занимал накопитель молний — большой стальной шкаф с множеством рычагов. Мелькнула мысль, а не загородить ли им дыру в стене, помешав преследователям? Нет, его не сдвинуть, слишком тяжелый. Да и опасно к нему прикасаться, бывало, что такие накопители хранили заряды десятки лет, выпуская молнии на свободу в самый неподходящий момент. Значит, выбираемся наверх.

Лестницы я нигде не нашел, пришлось подтащить под дверцу стеллаж.

— Олег, помогай, быстрее!

Я обернулся. Олег стоял в туннеле, раскинув руки в стороны. Из его рта торчала зажженная курительная трубка. Над ладонями плясали огни, на пол сыпались искры, разбегались и с едва слышными хлопками гасли в темноте.

— Огонь извечный, всепоглощающий, дай мне свою силу! Я выпускаю тебя на волю, сожги моих врагов. Развей их пепел. Освободи дорогу для твоего повелителя. — Слова у Олега выходили певучими, тембр звуков менялся от горлового баса до визгливых возгласов. Его речь завораживала, заставляла неотрывно прислушиваться. В ней слились природные стихии: тьма и огонь, силы вулканов и ветра, всесокрушающие и беспощадные.

Руки Олега сблизились, ладони сомкнулись, и по туннелю с ревом и клубами дыма прокатилась волна пламени. Я на мгновение ослеп. Инга упала на землю и завыла.

— Это их задержит, — услышал я возле себя обычный голос Олега. — Надеюсь, что они не успеют укрыться.

— Там же цверги! — Я разлепил глаза, перед которыми плыли огненные круги.

Олег, помогающий Илве встать на ноги, пожал плечами.

— Значит, не повезло.

Он закашлялся, вынул изо рта трубку, погасил и сунул в карман.

— Что за мерзость они курят? Пахнет как табак, а на вкус, словно высушенные помои.

После чего поднялся на стеллаж, сбросив несколько книг. Упала и разлетелась вдребезги колба. Олег открыл дверь в потолке, стряхнув облачко пыли, и выглянул наружу.

— Здесь винтовая лестница, — сообщил он. — Мне кажется, что это башня волшебника. Недалеко же мы ушли.

— Люди Графа близко, — прошептала Илва. — Обожжены, злы и жаждут крови. Сейчас они будут здесь.

Я вынул из ножен меч. Сталь сверкнула холодным отблеском от попавшего на нее лучика света. Я подумал, что в клинке не только металл. В нем заключена магия — укрощенная, скрытая, но от этого непредсказуемая и еще более опасная. Возможно, меч не перерезал клок шерсти, потому что я не выпустил волшебство на свободу?

Олег выбрался из подвала.

— Поднимайтесь! — он нагнулся и протянул Илве руку.

Я поднялся последним, захлопнул дверь, закрыл на металлическую поржавевшую щеколду. Поискал, чем привалить, но не нашел ничего подходящего. Старая, обшарпанная входная

дверь, уползающая спиралью вверх лестница, груда тряпья под ней и висящие клочья паутины. Пусто. Обычно волшебники держат у входа магических слуг, но эта башня была давно покинута.

Где-то вышине закричал ворон. Груда тряпья зашевелилась и поднялась черной фигурой. Я замахнулся мечом, но тут же понял, что это всего лишь нищий с площади.

— Не убивайте меня! — закричал он. — Это же я, Ульрик, помните? Я вам помог, подсказал, куда идти! Вчера на площади.

Он посмотрел на нас бегающим взглядом и добавил:

— Можно сказать, что спас, значит. Иначе сожрали бы вас, несчастных, ни за что ни про что.

NPC, живой справочник. В подвале послышались шаги, что-то громыхнуло, упало, покатилось, и в дверь в полу ударили. Затрещали доски. Сквозь щель между ними просунулся клинок и царапнул по щеколде. Олег зажег на ладони огненный шар. Нищий с испугом наблюдал за происходящим. Надо бежать, прятаться на извилистых улочках города-всех-дорог, забрать беднягу с собой, иначе погибнет.

Но нищий меня опередил. Он бросился к входной двери, распахнул и выбежал наружу.

— Они здесь! — закричал он. — Сюда! Здесь Волчица!

Олег выругался, выскочил следом, но тут же отшатнулся обратно. В раскрытую дверь воткнулся арбалетный болт. Еще один просвистел мимо. Послышался вскрик и звук падающего тела. Саламандра заливисто засмеялась.

Я захлопнул дверь, успев разглядеть нескольких человек, бегущих к башне, и скрюченного, держащегося за живот Ульрика. Олег шептал заклинания. Казалось, что от его тихих слов пыль в башне закручивалась вихорками, в которых вспыхивали огненные руны. В дверь в полу снова ударили. Щеколда слетела, дверь распахнулась, и Олег метнул в проем огненный шар. Внизу кто-то заорал, из подвала вырвались клубы пламени — вспыхнула старая паутина и пыль. Снаружи доносился приближающийся топот и громкие стоны Ульрика.

— Наверх! — закричал я и первым взбежал на лестницу.

Там, на самой вершине, должен быть подвесной мостик. Волшебник просто обязан его построить. Но что если я ошибаюсь и веду всех в ловушку? Олег и Илва бежали следом, доверившись моей интуиции.

— Предал, а! — возмущался Олег. — Какая скотина. Надо было от него сразу избавиться.

Снизу доносился шум погони. Свет проникал через окна в стенах башни, высокие и узкие, словно бойницы. Старая

деревянная лестница скрипела под ногами. Я бежал, перепрыгивая сразу несколько ступенек. Скоро должна появиться комната наверху, но окажется ли там подвесной мост? Если выхода не будет, нам останется только погибнуть, сражаясь с городской бандой.

Вершина башни. Круглая площадка, затянутая паутиной. С одной стороны дверь в комнату волшебника, с другой — балкон, за который цеплялся узкий подвесной мостик. Посредине площадки лежал огромный паук, и я с разгону едва на него не налетел.

Наверное, паук тоже был недоволен, что в его жилище, где он собирался провести зиму, так бесцеремонно вломились. Возможно, он не хотел драться, но другого выхода не было. В моих руках меч, и я намеревался пройти дальше. Паук зашипел, поднялся на вытянутых лапах и угрожающе затрясся. Его наполненное брюхо заколыхалось, словно бурдюк с водой.

— Осторожнее, паук! — вскрикнул Олег.

Будто сам не вижу! Я взмахнул мечом, паук отскочил с неожиданной прытью и тут же бросился в атаку. Я успел подставить клинок, он вошел пауку под голову, пробил грудь. Мгновение — и перед моими глазами щелкали паучьи челюсти с искривленными клыками. По ним на мой меч сбегали ядовитые зеленые капли.

— Ты быстрый, — сказал Олег.

«Умение владение мечом достигло третьего уровня. Ваша ловкость достигла восьми единиц».

Я выдернул меч и взмахнул им, очищая от яда. Продолжив движение, вернул в ножны. Паук осел, зацарапал когтями по каменному полу.

— На мост, — скомандовал я.

Лестница дрожала под ногами бегущих людей. Где-то внизу орал Граф, призывая убить «тролльских выродков». Как и паук, он не мог отступить.

На балконе свежий ветер заполнил холодом легкие. Над нами, на остроконечной крыше заорал ворон. Узкий мостик раскачивался, бежал по воздуху, но не к другой башне — его противоположный конец исчезал в коричневой листве Иггдрасиля. До огромной, повисшей на городом, ветви, затянутой паутиной, было шагов тридцать.

Я первым ступил на мост, с осторожностью проверяя тонкие, связанные канатом доски. Держась за веревочные перила, пробежал несколько шагов. За мной спешила Илва. Замыкал строй Олег.

— Быстрее, Игорь, быстрее! — говорил он, словно твердил

заклинание.

Город качался под ногами. Маленький Эрик грозил игрушечным молотом. Тропинки дорог разбегались во все стороны. До ветви оставалось несколько шагов, когда люди Графа выбежали на балкон. Раздались щелчки арбалетов. Болт, просвистев возле моего уха, воткнулся в ветвь, пробил изборожденную рытвинами кору. Я прыгнул на дерево и успел подхватить Илву.

— Я сама, — прорычала девушка.

Она скрылась в густой засохшей листве. Но Олег остался на мосту. Стоял спиной ко мне, раскинув руки в стороны, словно собрался взлететь. Казалось чудом, что он ухитрялся сохранять равновесие. С его ладоней фейерверками сыпались вниз искры. В воздухе возникали огненные знаки.

— Олег, не надо! — успел крикнуть я.

Двое из людей Графа выскочили на мост. Остальные натягивали тетивы арбалетов.

Олег выпрямил руки, и по воздуху прокатилась огненная волна, врезалась в основание балкона. Вспыхнули веревки, и мост начал падать. Он падал медленно. Сначала ушла вниз крепившаяся к балкону часть, роняя горящие доски, и потащила за собой остальной мост. Словно нехотя, сопротивляясь, он устремился к земле. Один из тех людей Графа, что находились на мосту, с криком полетел вниз. Второй успел запрыгнуть на балкон, и теперь сбивал пламя со своей куртки, внося сумятицу среди стрелков.

— Олег!

Мой друг повернулся, и мост ушел у него из-под ног. Я успел схватить Олега за руки, лежал на ветке, держа его на весу. Подбежала Илва и упала рядом со мной, пытаясь помочь.

— Я сейчас, — сказал Олег, пытаясь зацепиться ногами за остатки моста. — Я поднимаюсь.

Щелкнул арбалет, за ним второй. Олег дернулся, обмяк и сразу стал тяжелее. Из его спины торчал болт. Он вошел точно между лопаток выше заплечного мешка, как копье в спину легендарного Зигфрида.

«Всё, не спасти!» — мелькнула мысль.

Холодное, тупое отчаянье заполнило сознание, затмило разум. Я словно наблюдал за собой со стороны. Кто я — коммерческий советник, даже во сне видящий биржевые графики, или воин, что ушел, бросив свой дом и свою привычную жизнь? Какая судьба настоящая? Я потерял всех, кого любил — Марию и Гулльвейг, а теперь теряю Олега. Он мой друг и мой враг, единственный, на кого могу положиться. Где-то там, в другом

мире у компьютера билось его тело.

Мы втащили Олега не ветку, листва скрыла нас от преследователей. На губах Олега выступила кровавая пена.

— Не умирай, Бефстроган, не умирай, — прошептал я.

Режим «хардкор». У каждого персонажа лишь одна жизнь. Сколько продлится соединение, после того, как информация о виртуале будет стерта? Сколько времени осталось у Олега в реальности?

Илва громко и протяжно завыла, подняв голову к небу.

Я вынул из кармана склянку с мутной жидкостью, вытащил пробку и влил содержимое в рот Олега.

— Что это? — спросила Илва.

Я вспомнил пещеру в горах Драгборна и три могилы у ее входа. После того, как похоронил воительниц из «Алого шиповника», я вошел в пещеру сам. Что вело меня — месть или желание заполучить артефакт? Я не знаю. Каждый раз мой разум подсказывает иные варианты тех событий.

***

Пропитанный черной кровью факел горел, источая смрадный дым, но едва разгонял темноту пещеры. Я стоял в маленьком, отвоеванном у тьмы пространстве света. Мгла клубилась среди сталактитов, на которых кое-где светились искорки светлячков. Ее холодное дыхание проникало под куртку, заставляя дрожать тело. Возможно, это был страх, граничащий с отчаяньем. Тот, который бросает тебя в бой, на погибель, когда ты не хочешь, но всё равно делаешь, что должен.

«Ш-шорх. Ш-шорх». Удивительно, как такое большое создание могло так тихо красться? Обычно ящерицы шипят, принюхиваясь к окружающему длинным раздвоенным языком, но василиск молчал. В тишине его лапы издавали едва слышный шорох. Я зажмурился, крепко сжимая меч. Перед глазами остались искорки светлячков.

Главное, не смотреть василиску в глаза. Его взгляд подавляет, лишает воли, и тогда огромная ящерица съедает живого парализованного врага. Так они и погибли, Марлис, Тересия и Адела. Я не слышал, когда они уходили из лагеря. Не знал. Монстр убил девушек и оставил их тела на потом. Что ж, сейчас перед ним новый враг.

Я увидел глаза василиска даже сквозь закрытые веки — во тьме появились два новых подвижных светлячка. Они ползли, приближались, увеличиваясь в размерах.

«Ш-шорх. Ш-шорх».

Захотелось опустить меч. Всё равно не спастись. Всё в этом мире бессмысленно, не лучше ли закончить жизнь здесь и сейчас? Но у входа — три могилы. Мои пальцы содраны о камни, когда я их копал.

Я скорее почувствовал, чем услышал взмах когтистой лапы. Главное, не открывать глаза! Я отскочил в сторону, стукнулся спиной о сталагмит и рубанул мечом. Клинок нашел свою цель, пробил чешую, вонзаясь в плоть. Василиск заревел. Раненый, он бросился в атаку с намерением смять ненавистную добычу, что не хочет позволить себя спокойно сожрать. Шаг влево и новый удар! Туда, где по моим расчетам должна находиться шея чудовища. Рев василиска оборвался. Рухнул сбитый телом ящера сталагмит. И наступила тишина.

Василиск еще дышал, когда я вонзил острие меча в его грудь. Наверное, чешую и глаза можно было продать, а из когтей сделать ожерелье — символ доблести любого воина, но меня это не интересовало. То, что я хотел найти, находилось глубже в пещере.

Когда я подошел к сундуку, несколько теней бросились в разные стороны и скрылись в темных углах пещеры. Интересно, оставил ли Безумный Кроу ловушку? Вопрос удачи. Я открыл незапертый сундук и достал единственное, что скрывали его глубины — склянку, наполненную мутной жидкостью.

Жаль, что со времени смерти трех девушек прошло слишком много времени, и их уже не вернуть.

***

— Это фиал возрождения?! — удивилась Илва.

Я не ответил, наблюдая, как мутная жидкость, больше похожая на продукт жизнедеятельности, чем на волшебство, дарящее вторую жизнь, клокотала во рту Олега. Мой друг поперхнулся, закашлялся, выплевывая жидкость вместе с кровью. На ветвь упал вышедший из его спины арбалетный болт, покатился и полетел к земле.

— Сам ты Бефстроган, — сказал Олег, через силу улыбаясь.

Кровь медленно возвращалась к его побелевшему лицу.

Когда у меня появился фиал возрождения? Сейчас, едва я вспомнил подробности придуманной жизни, или случайный могущественный артефакт достается каждому при входе в игру? Воспоминания накладывались друг на друга, не позволяя охватить четкую картину происходящего.

Илва расстегнула куртку Олега. На груди моего друга по-прежнему расплывалась бесформенной кляксой серая

затвердевшая кожа. Один из ее отростков поднимался на шею. Фиал возрождения дарит новую жизнь, но не может отменить превращение в тролля. Таковы законы этого мира.

— Спасибо, — поморщился Олег, приподнимаясь. — Что будем делать дальше?

Он достал из кармана трубку, подумал и спрятал обратно. Затем сорвал веточку с листом и сунул в рот.

Пространство вокруг нас затягивала паутина, ловчие сети висели на ветках серыми грязными лоскутами. Невдалеке виднелись остатки брошенного паучьего корабля — летающего гнезда, который осенний ветер гонит по воздуху, перенося пауков в новые места обитания. Запасы паутины хранятся в коконах, из которых уже выбрались детеныши. Раскрой один из них — и сотни метров паутины развернутся парусами, подхватят корабль и понесут вдаль.

Враги ждали внизу, враги стояли на балконе башни волшебника, готовые выстрелить, едва нас заметят. Ближе к дереву ветвь голая — выйди на нее и окажешься открытой мишенью. Я посмотрел в небо. Высоко над нами светило солнце и зеленела листва.

— Пленники, что пойманы судьбой, как им спастись, куда идти?

У основания ветви сидел Вот. Ветер развевал его черный плащ, теребил перья ворона на его плече.

— Откуда ты взялся? — прокричал я.

— Ведь пленники не птицы, летать не могут. — Вот, словно не замечая моего вопроса, пригладил перья птицы. — Но коль рискнут они последовать дорогой восьмилапых, то смогут изменить несправедливый приговор судьбы.

— Кар-р! — заорал Хугин.

— Не кричи на ухо! — стукнул его по клюву Вот.

— Возможно, он прав, — сказал Олег и выплюнул ветку. Кружась, она полетела к земле. — За дело? — Он первым пошел к гнезду пауков.

На его куртке между лопаток расплылось кровавое пятно.

— Я не полечу, — сказала Илва.

Старое гнездо цеплялось за ветки, ошметки парусов трепетали на ветру. Раздвинув клочья паутины, Олег вошел внутрь воздушного корабля.

— Есть целые коконы, — сообщил он оттуда.

— Пойдем, — потянул я Илву за собой.

— Вы сумасшедшие, — сказала она. — Волки летать не умеют.

— У тебя есть другой план?

Стрелки заметили движение, и в ветвь воткнулись несколько болтов.

— Нет. — Илва нырнула под серые пряди паутины.

Вот снял шляпу и поклонился. Я помахал ему рукой. Внутри гнездо почти не защищало от ветра. Десятки слоев паутины стягивали множество тонких и хрупких на вид веток, прочно крепили к полу коконы.

— Держитесь? — спросил я.

Казалось, что ветки сломаются под нашим весом. Паутина прогибалась, но не рвалась. Коконы лежали так, что освободившиеся паруса вырвутся через вход наружу.

— Держимся, — сказал Олег.

— Давай быстрее! — взвизгнула Илва.

Схватившись за стенку гнезда левой рукой, правой открыл крышку кокона и едва успел увернуться от выстрелившего комка паутины. Вылетев, он развернулся длинным парусом. Воздушный корабль рванулся на свободу, сдерживающие его ветки затрещали.

— Еще! Давай еще, на одном не улетим! — закричал Олег.

Завизжала Илва. Возле меня тугим жгутом сплетенных из паутины веревок гудело растянутое основание паруса. За гнездом оно становилось все шире и шире, превращаясь в огромное крыло-парашют. Я дотянулся до второго кокона и сбросил с него крышку. На этот раз я был подготовлен к тому, насколько стремительно вылетит паутинный сгусток, и успел уклониться. Зазевайся — и тебя собьет с ног, выбросит за пределы воздушного корабля.

Возникло сообщение: «Ваша ловкость достигла девяти единиц».

Гнездо дернулось и соскочило с ветви. Я не удержался, упал на противоположную движению стену. Сначала гнездо рухнуло вниз, но потом, подхваченное воздушными потоками, выровнялось и начало набирать высоту. Мы перелетели через городскую стену, зацепив днищем ее край.

Ветер уносил воздушный корабль всё дальше и дальше от города-всех-дорог, оставив преследователей далеко позади.

Пятая авентюра. Холодная заверть

Прошли несколько минут полета, когда крик рвался наружу, а руки цеплялись за паутину так, что, казалось, потом нельзя будет разжать побелевшие пальцы. В прорехах мелькали серое небо и черные лоскуты полей. Горизонт закрывала стена Железного леса, за которой поднимались башни с зубчатыми крышами и провалами бойниц — ветер нес паучье гнездо к старому маркрафскому замку.

Внезапно воздушный корабль рвануло в сторону, завертело, стропы запутались, один парус выпрямился и забился на ветру, словно тряпка. Корабль бросило к земле. Мы неслись к деревьям, ощетинившимся копьями веток.

— Паруса! — закричал Олег. — Руби паруса!

Я ударил мечом по стропам, но с одного раза перерубить толстый жгут не удалось — клинок лишь перерезал часть веревок и завяз в тугой паутине.

— Чего ты возишься? — Олег кинулся на помощь, и в этот момент две стропы лопнули.

Веревки хлестнули Олега по лицу, парус вырвался на свободу огромным воздушным змеем. Наш корабль стукнуло о землю, раз, другой, и поволокло, разрывая его стены, ломая скрепленные паутиной ветки.

Олег вывалился наружу первым, с коротким криком исчез в образовавшейся прорехе. Илву швырнуло на меня, и мы выпали из гнезда вместе, я — спиной вперед, до боли в легких и мысли о сломанном позвоночнике.

«Минус пять единиц жизни».

Сверху упала Илва.

— Извини, — сказала она.

— Ничего, — ответил я, пытаясь заставить себя дышать.

Спина и легкие — сплошной комок боли. Илва смотрела мне в лицо. Глаза у нее были голубые как небо в солнечный день над шумным городом. Интересно, какого они цвета, когда Илва превращается в волчицу? Глупо, наверное, думать о подобном в такой момент.

— Отпусти, — прошептала Илва.

— Уже, — сказал я, убирая руки с ее талии.

Раздался треск — это паучье гнездо налетело на деревья. Оставшийся парус разорвался, опутав ветки серыми тенетами. Илва поднялась, глядя на приближающегося Олега. Выпачканный в грязи, он шел, хромая на правую ногу. По щеке струилась кровь,

и мой друг вытирал ее лоскутом паутины.

— Живые, — сказал Олег и устало опустился на землю возле меня. — Саламандра сбежала.

Он продемонстрировал разорванный мешок.

— Чёрт с ней, — пробормотал я.

В воздухе кружилась мелкая ледяная крупа, падала на застывшую землю, оседала на нашей одежде и волосах. Ветер, гнавший по небу свинцовые тучи, поднимал над заброшенным полем белые вихорки. Стоящий невдалеке покинутый крестьянский дом скрипел незапертой дверью. Наклонившееся пугало — того и гляди упадет, смотрело вырезанными в сухой тыкве глазами на замок маркграфа. На тыкве сидел ворон. Вокруг царили ветряная заверть, холод и запустение.

— Что будем делать? — спросил Олег. — Мне надо отдохнуть у огня, иначе не смогу сотворить даже простого заклинания. Заодно и единицы жизни восстановим.

Серое пятно за время полета наползло на его левую скулу.

— Совсем плохо? — поинтересовался Олег, проследив за моим взглядом, поскреб пальцами шею и сказал: — Надо найти хворост. Возможно, в доме остались запасы.

Он поднялся. Дверь снова заскрипела, словно приглашая войти. Было бы неплохо укрыться под крышей от непогоды, но в пустых домах часто поселяется нечисть.

— Стой, подожди. — Я поднялся и вошел в дом первым.

Остановился у входа и сосредоточился. Голые стены с потоками плесени, висящая паутина и прогнивший потолок начали терять объем, распадаясь на составляющие их элементарные фигуры. Сквозь прорехи в крыше пробивались лучи-ниточки, рисуя на полу овалы. Разбегались статические тени из квадратов, среди которых проявлялись следы прошедших событий. Они были повсюду. Я видел, как в прошлом дверь распахнулась, и в дом забрался тролль — модель из цилиндра с нарисованными зубами, и расходящимися угловатыми щупальцами. Молодой и еще неопытный, он вошел осторожно, словно вспоминая то время, когда был человеком.

Тролль заметил спрятавшуюся под кровать дочку хозяина и пополз к ней. Я видел, как хозяин — плоская фигура, почти не отличающаяся от пугала, бежал с мечом в руках, но я знал, что он опоздает. Крик — и пиксели крови разлились на полу.

Потом — пустота. Лишь тени собирались, пируя на остатках трапезы. Одна из них осталась в доме до сих пор. Сидела, забившись в угол, и зло смотрела на меня красными угольками глаз. Верни полную модель мира — и тень исчезнет, сольется с окружающим мраком. Неприятный сосед, но нам она не причинит

вреда.

Мне кажется, я помню хозяина дома. Он любил угощать маленького сына маркграфа красными яблоками, настолько сочными, что сок сбегал по подбородку, стоило погрузить зубы в мякоть плода. Теперь он тоже мертв. После гибели дочки, когда захлестывает отчаянье, немудрено допустить неосторожность в бою с троллем.

— Всё в порядке, опасности нет, — сказал я. — Но лучше развести костер снаружи.

Я вышел из дома и вдохнул свежий морозный воздух.

В доме нашлась вязанка хвороста, и мы вынесли ее во двор. Олег зажег на ладони огонек, который вскоре превратил груду отсыревших веток в жаркий костер. Плотные клубы дыма стелились над самой землей.

Олег сидел у огня, скрестив ноги и закрыв глаза. Казалось, его тело впитывало часть искр, вылетающих из костра. Илва стояла позади моего друга, опершись на его плечи. Но смотрела она на меня. Не мигая и едва заметно улыбаясь. И этот взгляд определенно смущал. Чтобы чем-то заняться, я положил меч на колени и наполовину вынул его из ножен.

— Что такое магия, Бефстроган? — спросил я.

Олег открыл глаза.

— Прекрати меня так называть, — сказал он. — Магия… Трудно объяснить, что это. Я чувствую, как некая волна зажигается внутри меня огнем, поднимается по телу, перетекает в руки. Усилие — и я выпускаю ее на свободу, испытывая приятное опустошение.

— Как в пик любовных отношений, — улыбнулась Илва.

— Э-э-э… Ну да, наверное. — Олег накрыл своей ладонью Илвину у себя на плече и тоже улыбнулся. — Хотя и не настолько приятно. Иногда магия сама рвется на свободу, а порой прячется где-то глубоко и нужны слова, чтобы ее вызвать. Необходимо сосредоточиться и произносить их мысленно или вслух, обращаясь к внутренней силе.

— Какие слова? — поинтересовался я.

— Лично я говорю то, что приходит в голову. Слова неважны. Главное в это время иметь нужный настрой.

— А если сила не в тебе, а в каком-либо предмете?

Я спрятал меч обратно в ножны.

— Не знаю, — пожал плечами Олег. — Это нужно у заклинателей спрашивать, а не у огненного волшебника. Тем более у самоучки.

Он вдруг сунул правую руку в костер. Я на мгновение испугался. Прошли долгие несколько минут, во время которых мы

молчали. Наконец Олег достал раскаленную до свечения руку и поднес к лицу. От его ладони шел дым, и с тонких длинных пальцев, казалось, сбегали капли магмы. Хотя это могла оказаться и кровь.

Олег задумчиво посмотрел на раскрытую ладонь и резко прижал ее к пятну серой кожи у себя на шее. Илва отшатнулась. Запахло горелой плотью. Олег сидел, крепко зажмурившись и сжав губы, из-под его пальцев струился серый дым.

Наконец он отвел руку, и я увидел оставшийся на шее ожог. Кожа собиралась багровыми струпьями в виде раскрытой пятерни, серое перемешалось с красным и выглядело… отталкивающим.

— Зачем? — спросил я.

Олегу было очень больно, но он не хотел этого показывать, крепился, словно всё случившееся обычная для него процедура.

— Огонь лечит, — сглотнув, проговорил он, и начал водить ладонью над раной.

Рана заживала, испарялась искрами, которые летели к руке. Минута — и она полностью исчезла. Но серая кожа осталась, вернувшись на место излеченного ожога. Казалось, что она даже увеличилась, пустив щупальца на щеку.

— Не помогло, — сказал Олег.

В его словах звучала обреченность. Илва погладила его по голове, как ребенка. Лекари остались в городе. Там же поджидающая нас банда. Между нами расстояние, которое еще надо преодолеть. Глупо всё получилось. Мы пришли в игру, чтобы спасать Ёжика, а не Олега. Бефстроган сам виноват. Кто его просил заступаться за Илву? Зачем менять установившиеся правила?

Руки Волчицы ласкали его шею, без страха касались серой кожи.

— В замке маркграфа есть алхимическая лаборатория, — сказал я.

Они одновременно посмотрели на меня. Мы сидели, разделенные костром, ветер стих, и искры поднимались вверх короной, словно в огне оживала птица феникс.

— Я уже говорила о лаборатории, — сообщила Илва. — Но это только слухи.

— Нет, я знаю точно. Лотар берег ее, как зеницу ока. Вечно запирал на магические замки и не пускал никого, даже самого маркграфа. Старый пройдоха готовил исключительные снадобья, и за это ему прощались все чудачества. Однажды он ухитрился спасти сына маркграфа после укус аспида и от этого возгордился еще больше. Если его лаборатория сохранилась, а магической защиты было столько, что не пробился бы и отряд волшебников,

то в ней должны остаться снадобья для излечения тролльской заразы.

— Откуда такие подробности? — удивилась Илва.

Я посмотрел на правую руку, где возле вытатуированной буквы «о» в моем имени виднелись старые следы от змеиных зубов, и ничего не ответил.

— Он всегда себе на уме, — сказал Олег. — Бывало, молчит, а потом выдаст такое, что хоть стой, хоть падай. Но если уж скажет — то знает, о чем говорит. Но откуда знает — меня это тоже интересует.

— Да так, — отмахнулся я. — Вспоминаю кое-что из своей жизни.

«Той, которой не было», — захотелось добавить.

Появилось сообщение: «Ваш интеллект увеличен до шести единиц». Неужели, параметр увеличивается, когда я продвигаюсь по сюжету в верном направлении или выполняю квест? Либо, интеллект вырос из-за воспоминаний?

Ветер снова задул, прибил к земле дым, и воображаемая огненная птица так и не ожила.

— Как пройти магическую защиту тоже помнишь? — спросила Илва.

— Да. Думаю, что смогу повторить то, что делал Лотар.

— Стоял у него за спиной? — усмехнулся Олег. — Предлагаешь заглянуть в замок?

Илва, согнув пальцы, провела острыми ногтями по шее Олега и, расстегнув ворот куртки, опустила ладонь на его грудь. Я вспомнил Гулльвейг.

«Расскажи, где найти золотой цветок».

«Может быть, потом».

«Расскажи сейчас».

Я помахал головой, прогоняя воспоминания. Как, всё-таки похожи их голоса.

— Я проведу нас по тайному проходу, — сказал я. — Но сначала действительно стоит отдохнуть.

— Лес рядом, значит, будет и добыча. — Илва, зажмурившись, вдохнула воздух и забрала руку. Олег попытался ее удержать. — Я скоро вернусь.

Она выскользнула из объятий Олега и, покачивая бедрами, отправилась к деревьям.

— Подожди! Я с тобой! — Олег вскочил на ноги и поспешил за девушкой.

— Не боишься волков? — спросила Илва.

Сейчас она вновь мне напомнила не волчицу, а кошку — гибкую и неприрученную.

— Ты собирался отдохнуть, — сказал я.

— А! — махнул рукой Олег и поспешил следом за Илвой.

Он догнал ее возле леса, и две фигуры скрылись в сумраке среди деревьев.

Я вздохнул и подбросил в костер хворост. Кружащиеся в воздухе льдинки сгорали в пламени. Я вынул из ножен меч, принял боевую стойку, подняв оружие над головой обеими руками. Кто я — Игорь Ламберт или Глаз дракона? Кого во мне больше? Кто учил меня фехтованию — Сергей Галушка, тренер первой категории, одинокий, не имеющий семьи мужичок, любивший нас как собственных детей и отдающий все силы спортивной школе, или Джереон, ожидающий меня каждый раз в новом месте? Что для меня более реально — кубок за победу на республиканских соревнованиях или удивление Манфрида, учителя, нанятого отцом, когда я победил его неизвестным ему приемом.

«Кто тебя этому научил?»

«Никто».

Джереон не любил, когда о нем рассказывали. Да и как расскажешь о ветре, подувшем в твое окно, или о лунной дороге, ведущей в ночь? Зачем умножать слухи о сумасшествии сына маркграфа?

«Благородное искусство средневекового боя дарит вам славные традиции предков. Дает шанс ощутить себя настоящими мужчинами, храбрыми, не боящимися врагов, — это говорил нам Сергей Викторович, и мы слушали его с открытыми ртами. — Вы не враги, вы — друзья-соперники. Обхитри друга, обойди его защиту, а потом научи защищаться от своего удара, чтобы товарищ в следующий раз помог тебе».

Сергей Викторович был низенький, от силы метр шестьдесят ростом, щуплый, но как он преображался, когда брал в руки рапиру! Словно в нем просыпался миниатюрный лев. Его слова в моих воспоминаниях перекрывал хриплый голос скрывающегося во тьме Джереона: «Убей, или убьют тебя. Подари противнику пощаду, и он вернется, чтобы отомстить. Не оставляй ему шанс. Ты должен быть быстр и не раздумывать, когда надо нанести удар».

Я ударил, рассекая падающие льдинки и искры. Отступил. Принял защитную стойку. Новый удар, разя невидимого врага.

«Не размахивай мечом, как палкой. Бей тогда, когда уверен в том, что клинок достигнет цели».

Подаренный Илвой меч превращался в продолжение моих рук.

«Не забывай, что мечом можно не только рубить, но и

колоть. Рубящий удар — сильный, но медленный. От него легко уклониться или парировать. Колющий — слабее, им не пробьешь доспехи. Зато укол, неожиданный и стремительный, не оставляет противнику шанса уклониться. Сколько есть способов атаки?».

«Восемь», — отвечал я.

«Сколько есть линий атаки?»

«Четыре».

«Покажи атаку по первой линии».

Я занимал стойку, поднимал созданный из лунного света меч и атаковал ускользающую тень.

«Нет! Правую ногу вперед. Увереннее! Не стой, как утка!»

Из темноты выползало щупальце и подталкивало мою ногу вперед. Сильно и в то же время осторожно, чтобы не задеть острыми коготками.

Отец был доволен, видя, каких результатов я достиг в фехтовании. Но Манфрид хмурился, не узнавая приемов, которым он меня обучал.

Атака по первой линии, по второй. Защита. Я отступил и замер в боевой стойке. На этот раз меч опущен под углом к земле. Ветер ронял льдинки на клинок. Мне казалось, что сталь едва заметно светилась холодным светом, словно капля заключенной в ней магии вырвалась на свободу.

«Умение владение мечом достигло четвертого уровня. Ваша сила выросла до восьми единиц. Ваша ловкость достигла десяти единиц. Интеллект повышен до семи единиц».

Как? Что повысило уровень — тренировка или воспоминания, которые я выудил из памяти?

Я подмигнул пугалу и вошел в дом. Теперь мне не пришлось присматриваться, чтобы увидеть тень — она сидела на прежнем месте. Мрак собирался в обретшую очертания фигуру: скрюченные лапы с длинными, как у скелета летучей мыши, пальцами, изогнутый нос-хобот, над ним красные глаза — тень с испугом сжалась, наблюдая за моим приближением.

Они всегда ждут, что прольется свежая кровь.

Я ударил мечом, быстро и наверняка, не оставляя тени шанса спастись. Два клочка мрака растворились в воздухе, красные точки глаз погасли.

— Вот так, — сказал я и вышел под серый свет дня. Хорошо бы сейчас выпить горячего вина, как той ночью с цвергом Альфригом. Но сейчас я не думаю, что он был мне другом.

«Не доверяй нелюдям. Они обманут и используют тебя в своих целях», — говорил Джереон.

«Не верить даже тебе?» — удивлялся я.

«Мне — тем более».

Его смех звучал, как скатывающиеся с горы камешки.

«Впрочем, людям не доверяй еще больше».

— Выходи, — сказал я, не пряча меч в ножны. — Сколько можно вот так стоять?

Черная фигура выскользнула из-за угла дома. Вот подошел и сел к костру. Ворон сорвался с головы пугала и, шумно хлопая крыльями, опустился на его плечо.

— Приветствую, скиталец, с мечом ты управляешься настолько хорошо, что разрубить упавшее на острие перо тебе не сложно. Я впечатлен.

Словно вторя его словам, Хугин вытащил из крыла перо, и оно, кружась, упало в костер. Вот вынул из сумки на поясе кусок мяса, насадил на ветку и поднял над огнем. Я сосредоточился, и виртуал Вота распался на элементарные фигуры. Спустя несколько мгновений объемная модель собралась воедино — было трудно повторять этот трюк так часто. Но времени хватило, чтобы почувствовать произошедшее в его прошлом, увидеть уходящую в реальность цепочку следов.

— Ты Черный Хакер, — сказал я. — Создатель «Хвергельмира».

— Твои слова звучат не как вопрос, а словно истина, но впрочем, я не спорю. Как и не утверждаю, что правду ты сказал. Отвечу я уклончиво: возможно.

— Всё, что с нами произошло, подстроил ты? Надо спастись из окруженного дома, и обнаруживаешь, как удачно прокопал туннель тролль. Улететь — и нас ожидает гнездо пауков. Слишком много случайностей, чтобы быть правдой. Будто с нами кто-то играет.

— Играем мы в игру, она играет нами, — улыбнулся Вот. — Что здесь всерьез, что понарошку — не нам решать. Ведь мир игры живет законами иными, чтоб было интересно игроку. Пройти по лезвию, на грани, чем не азарт? Шаг в сторону — и ты погиб. Но шанс спастись игра всегда предоставляет. Найди его, воспользуйся — фортуна, быть может, улыбнется и тебе.

— Почему ты нам помогаешь?

— Возможно, так я просто развлекаюсь, — пожал плечами Вот. — А может быть, по отношению к тебе есть планы, их скажу я позже. Но сначала ты должен стать сильнее. Вспомни детство. То, как тебя учил могучий тролль, столь древний, что казалось, он был до написания игры. Ты для меня загадка. Обычный человек внутри игры программный код не может видеть. Возьми на память. — Он протянул большую мертвую пчелу.

Я принял высушенное насекомое в подставленную ладонь.

— Что это? — спросил я. — Зачем?

Вместо ответа Вот смахнул с плеча Хугина, и ворон, шумно возмущаясь, улетел в сторону леса. Я заметил движение — по полю бежала саламандра, стремительно переставляя лапы, будто боясь опоздать. С разгону она запрыгнула в середину костра, разбросав ветки. Пламя стало сильнее, оно горело ровными языками вокруг свернувшейся калачиком саламандры.

— Готово, — сказал Вот, прикасаясь кончиком языка к мясу. — Волне съедобно. Угостить?

Я отрицательно помахал головой.

— Ну, как хочешь. — Вот принялся, обжигаясь, откусывать кусочки полусырого мяса.

— Зачем ты создал «Хвергельмир»? — поинтересовался я. — Не обвиняю, просто спрашиваю. Я был во многих играх, но ни разу не встречался с их создателями. Интересно, что вами движет?

— То, что и всеми: жажда власти, приключений и любви. Сказать подобное о каждом можно.

— Что тебе не хватало в жизни, Вот? Ты же хотел вернуться назад вместе с накопленными в игре умениями. Говорят, даже написал для этого программу. Но не отдал ее всем, хотя мог заработать миллионы. Подумать только, самые известные фирмы не могли справиться с задачей, которую решил заурядный программер с подавленной манией величия.

Вот отложил мясо и сердито на меня глянул из-под шляпы. Глаза у него были желтыми, как у ворона.

— С огнем играешь ты. По краю ходишь.

— Ты же говорил, что все мы играем ради азарта. Кто-то убивает монстров. — Я вернул меч в ножны. — А кто-то любит дразнить Черного Хакера. Тебя обижали в детстве. Я угадал? Обидно быть мальчиком для битья, подавленным, сломленным, которого угнетают даже девчонки. Комплексы не проходят, даже когда вырастаешь, остаются обида на весь мир и желание доказать, что ты лучший. Не делиться удачей со всеми, а вернуться самому — сверхсильным и сверхумным, чтобы все девушки были твоими.

— Одна, — буркнул Вот.

— О! Так все это ради прекрасной дамы? Может быть, ты ей подошел бы таким, каким есть в жизни? Или ты хотел доказать не ей, а самому себе? Для того и создал игру? Я думаю, что твоя программа действует, только когда игрок относится к игре, как к жизни. Поэтому ты включил режим «хардкор» и запретил вызов меню. Запрограммируй себе сразу параметры по максимуму, и программа не сработает, твое «я» в реальности не воспримет полученные умения. Ведь всё надо испытать на собственной

шкуре, чтобы сделать своим. Но в игре есть преимущество по сравнению с жизнью — все умения получаешь достаточно быстро. Ты здесь уже давно. Почему не вернулся, что помешало?

— У меня максимальный уровень по всем параметрам, — буркнул Вот. — Но есть трудности с возвращением. Если ты вернуться хочешь, то стань сильнее, и я тебя возьму с собой.

Интересно, зачем я ему нужен? Здесь он почти всесилен. Наверное, еще и чит-кодами пользуется. Хочет помощи там, где нет его власти?

Я не сказал ему того, что почувствовал, когда заглянул в его следы. Мне показалось, что в жизни он был не просто слабаком, а слегка «не в себе». В моей школе учился подобный мальчишка, Петька-двинутый. На вид нормальный, но при общении с ним становилось понятно, что человек несколько неадекватен. Петька любил рисовать, но всегда изображал только один рисунок. На переменах он вновь и вновь выводил в тетради одного и того же дракона — черного с маленькими крыльями и большими выпученными глазами. У доски он отвечал заученно, глядя в потолок. Общаться со сверстниками ему было трудно, глаза начинали бегать, из уголков губ стекала слюна. Петьку отдали не в спецшколу, а в обычную, к нам, посчитав, что общение с ровесниками пойдет ему на пользу, не подумав, насколько жестокими бывают дети. Я встречал его недавно — Петр шел с женой. Вполне успешный семьянин, только взгляд остался немного бегающим, и появилось легкое заикание.

Я думаю, что черная одежда и странная манера общения — Вот говорил так, будто всё время произносил стихи, были защитным механизмом его сознания.

— Ты возьмешь с собой не только меня, но и Олега с Ёжиком, — сказал я твердо.

— Хорошо, — быстро согласился Вот. — Похвально, что заботишься о друге. А Волчица?

— Я не знаю, кто она в жизни. Не смогу помочь вспомнить. К сожалению, мое умение не позволяет определить адрес пользователя или узнать его настоящее имя.

— Понятно.

Он бросил откушенный кусочек мяса в огонь, и саламандра, подпрыгнув, поймала его в воздухе. Довольно чавкая, она снова свернулась в кольцо, словно решив проглотить свой хвост.

— Олег совсем забыл о Ёжике. Вернее, помнит, я не позволяю ему полностью отказаться от сына, но игра постепенно завладевает его сознанием. Вылечи его, — сказал я. — Ты же можешь. Убери тролльскую заразу, измени правила, дай мне чит-код.

— Нет! Я не стану законы «Хвергельмира» нарушать. Но не забудь: игра всегда предоставляет пути спастись.

— Закон игры, — проговорил я. — Нам идти в замок за лекарством?

Вот промолчал. Саламандра захихикала сквозь сон.

— Что за призрачный город, Ёжик сейчас там в безопасности? — спросил я.

— Игра не хочет, чтобы игрок знал, что будет дальше. Ведь это квест — закон игры, — сказал Вот.

К черту все игровые законы! Я пришел сюда не играть. Рука у Глаза дракона потянулась к мечу, но Ламберт ее остановил. Я заметил, что мой импульсивный поступок не скрылся от глаз Вота, вызвав у него легкую улыбку. Драться с ним я не стану — слишком разные у нас уровни. Силой здесь ничего не добьешься.

— До встречи, — сказал Вот, поднимаясь.

— Ты драконов рисовать не умеешь? — спросил я.

— Нет, а что? — удивился Вот.

— Да так, ничего.

Я не заметил, когда он пропал. В поле негде было спрятаться, но у Черного Хакера это получилось. Его фигура растворилась в заверти падающих льдинок.

***

— Еда, — сказала Илва, бросив мертвого зайца на землю.

Из костра метнулась саламандра, но Олег успел подхватить зайца перед самым ее носом. Саламандра сердито щелкнула челюстями и уползла в огонь.

— Вернулась, — улыбнулся Олег.

Илва принюхалась и вопросительно посмотрела на меня.

— Что ты жарил? Здесь кто-то был?

— Я уничтожил тень, — быстро сказал я и показал ей засушенное насекомое. — Что это за пчела?

— Какая большая, — удивилась Илва. — В доме нашел? Одну? Это пчелиная матка. Она всегда летает, сопровождаемая роем. Когда в улье появляются две матки, то новая либо уводит с собой часть пчел, либо вступает в борьбу, и тогда матки сражаются насмерть. Победительнице достается весь рой. Наверное, этой не повезло.

Я хмыкнул и спрятал пчелу в карман. Олег в это время сооружал держатель из веток, чтобы можно было подвесить зайца над костром.

— Ты приготовишь завтрак? — спросил он у Илвы.

Судя по ее взгляду, она готова была съесть добычу сырой.

— Посетители в таверне не жаловались.

Илва отошла дальше от костра и принялась свежевать зайца с помощью ножа, который достала из голенища. Олег протянул руки к костру.

— Думаешь, у нас есть шанс найти лекарство? — спросил он.

Слова он выговаривал нечетко, его нижняя губа, на которую наползла твердая серая кожа, загрубела и плохо двигалась.

«Игра всегда дает шанс спастись».

— Да, мы найдем лекарство в замке. Я в этом уверен.

— Кто ты, Игорь? — спросила вернувшаяся Илва.

Сквозь зайца была продета ветка, и Волчица водрузила будущую еду над костром. В уголках ее рта прятались несколько пятнышек крови. Заметив мой взгляд, Илва улыбнулась и их слизнула.

Перед моими глазами появились картины севера: одинокая хижина на обрывистом берегу и бесконечный океан, встречающийся на горизонте с небом. Правда или нет? Быль или навязанная игрой выдумка?

— Кто я? Игорь Глаз дракона, охотник на моржей, живущий на берегу океана. Почти весь год океан сковывает лед, это царство торосов и морозных великанов. По ночам слышны далекие крики мужчин их племени, вызывающих на поединок соперников. Говорят, что дыхание морозных великанов замерзает в небе кристалликами льда, в которых сияет свет луны.

В глазах Илвы отражались языки пламени, но мне казалось, что это отблески северного сияния. Такие же были в глазах Гулльвейг в ту ночь, которую мы провели вместе.

— Лишь в недолгие летние дни океан просыпается и ломает лед. Моржи и великаны к тому времени уходят. Незатихающий шторм накатывается волнами в тщетной попытке разрушить берег, с грохотом сталкиваются льдины. В вышине, где сверкают молнии, летают громовые птицы. Ты стоишь посреди бушующей стихии, словно ее повелитель. Когда шторм уходит, возвращаются моржи и устраивают на берегу свои свадьбы.

Илва неотрывно смотрела на меня, и ее взгляд больше не смущал.

— Кто я? Игорь Смелый, сын Вилфрида Смелого, маркграфа из Вормса. Это мой родовой замок, — показал я на возвышающиеся над лесом башни. — Здесь я провел свое детство. Я был сумасшедшим, во всяком случае, меня таковым считали. С ранних пор мне казалось, что по-настоящему я живу где-то совсем в другом мире. Мне снилась маленькая квартира в доме, напоминающем муравейник, с сотнями живущих в нем людей. Меня учил грамоте алхимик Лотар, но в своих фантазиях я ходил

в школу вместе с другими детьми. Меня обучал фехтованию Манфрид, нанятый отцом учитель из восточных земель, что всегда страдал вечным насморком и говорил в нос, но мне снилось, что я тренируюсь у маленького человечка со смешным именем Галушка. «Хвергельмир» и та далекая страна перемешались в моей голове, и я не знал, кто я на самом деле. Не знаю до сих пор.

Саламандра попыталась дотянуться до шкворчашего над огнем зайца, но получила от Олега щелчок по носу и обиженно нырнула обратно в костер.

— Меня считали сумасшедшим, — повторил я. — И потому, когда мой отец умер, маркграфом стал мой дядя Берхарт, а я отправился в изгнание. Теперь я простой охотник, мой родовой замок захвачен троллями и пришел в упадок.

Яркие картины детства вновь появились в памяти.

«Игорь, тебя ждет мастер Манфрид».

«Отстань, Олх. Скажи ему, чтобы тренировался сам. Или составь компанию».

Я спускался вниз по лестнице, выбегал сквозь главные ворота на повисший надо рвом мост. Внизу зеленую воду баламутил Дайпожрать, шумно вздыхал и шлепал щупальцами по поверхности, выпрашивая еду. Присутствие во рву тролля должно было внушать ужас врагам, но мне казалось, что Дайпожрать сбежит при первой же опасности. Кроме еды его ничего не интересовало. Я останавливался, бросал вниз оставшееся с обеда мясо и бежал дальше. Там, среди деревьев ждал меня Джереон. Он мог быть старым деревом или лежащим у дороги камнем. Порой его хриплый голос звучал в ветре, а порой проникал в голову вместе с солнечными лучами.

«Почему ты такой? — спрашивал я. — Дайпожрать во рву глупый, а ты…»

«Умный? — подсказывал Джереон, и в его голосе звучали падающие камешки. — Или тоже глупый, потому что вожусь с человеческим детенышем? Может быть, ты напоминаешь мне моего внука. Ведь когда-то мы все были людьми. Но приходит время, и ты меняешь оболочку».

«Я тоже хочу быть троллем!»

«А я хочу быть человеком, — смеялся Джероен. — Но не все наши мечты могут исполниться. Ты отрабатывал дома прием, которому я тебе вчера обучил?»

«Да, продемонстрировал его на Манфриде».

«И каков результат?»

«Враг повержен на обе лопатки!»

Из темноты, как всегда неожиданно, появлялось щупальце, и

я не успевал отразить его удар. Джереон сбивал меня на землю, я падал в траву с мыслями, что в следующий раз у меня обязательно получится. Увидеть и отразить. Почувствовать присутствие Джереона, ощутить, куда он нанесет удар. Щупальце с коготками скрывалось. Я мечтал, что стоит мне об него поцарапаться, и я стану таким, как Джереон — сильным, умным, свободным.

«Или ты станешь таким, как Дайпожрать?» — смеялся мой тайный учитель.

«Нет, этого не может быть! — возмущался я. — Это неправильно!»

«Хочешь проверить? — В спину щелкало щупальце, и я вновь оказывался на траве. — Ты недостаточно ловок, чтобы поцарапаться о мои когти. Занимай вторую стойку!»

Возле меня оказывался меч, созданный Джереоном из ветра прямо на моих глазах, я поднимал оружие и становился в боевую стойку. Когда-нибудь, у меня получится схватить старого тролля за щупальце, и тогда…

«Тогда Лотар тебя вылечит, — говорил Джереон. — И ты не сможешь составить мне компанию. Оставайся сыном своего отца, наследником рода».

Я подвел тебя, Джереон. Ты ушел, надолго меня оставил, и я погряз в своих мыслях. Я не смог остаться наследником. Изгнанный из собственного замка, я стал Глазом дракона, одиночкой, живущим на пустынном берегу.

«Беги», — сказал Лотар в тот последний день.

Я пришел к нему в лабораторию в поисках утешения, которого мне больше негде было найти. Моя мать умерла очень давно, и я ее не помнил, Джереон ушел, а остальным в замке был безразличен чокнутый сын покойного маркграфа. Я оставался наедине со своим горем. Лотар был единственным, с кем я мог поговорить, хотя старик и не питал ко мне любви. Я служил для него, скорее, подопытным кроликом, как живущий в банке ледяной демон. Банка стояла на полке в его лаборатории, демон при моем появлении разевал рот с зубами-сосульками, наверное, в воображении проглатывая меня целиком. Казалось, что тварь состояла из одного глубокого ненасытного рта.

«Твой дядя тебя убьет, — сказал Лотар. — Единственный шанс спастись — бежать далеко на север. Стать охотником. Ты не видел демона?»

Я давно привык к тому, насколько старый алхимик легко менял тему разговора.

«Нет, а что, сбежал?»

В сброшенной на пол крышке банки торчали таявшие

сосульки.

«Сбежал».

Лотар поправил очки, сидящие на длинном носу и заглянул в банку, будто всё еще надеясь найти там демона.

«К сожалению, оказавшись на свободе, эта тварь вырастает. Но тебе надо бежать. Возьми, — протянул он мне перстень. — Это один из ключей, открывающих потайной проход, ведущий наружу из винного погреба. Он выкопан по приказу твоего отца. И с его разрешения я пользовался подземным ходом, когда мне надо было тайно покидать замок».

Да уж, видел я, как Лотар бегал в город в заведение, которое местные называли «домом мадам Жу-жу». Алхимик был еще тот ходок, испытывающий на себе действие своих смесей, которые должны были увеличивать мужскую силу.

«Этим же перстнем открывается лаборатория. Если тебе вдруг когда-нибудь понадобится моя помощь или лекарства. — Он неожиданно меня обнял, прижав к старой мантии, и добавил: — Я буду по тебе скучать, Игорь. Через ворота не иди, твой дядя дал приказ стражам тебя задержать. Беги через погреб, как я сказал. Проход открывается за главной бочкой, стоит лишь приложить перстень к стене».

Так ушел Игорь Смелый и появился Игорь Глаз дракона. Вернее, это прозвище я получил гораздо позже, через много лет скитаний по побережным землям.

Я поднял правую руку и полюбовался перстнем, надетым на средний палец.

— Олег, — сказал я. — Ты видел мой перстень раньше?

— Конечно, ты носишь эту безделушку, сколько я тебя знаю.

Когда появился волшебный ключ? Я ношу его с детства, или он возник на моей руке сейчас, когда игра подарила мне эту историю? Игра ли? Может быть, тот другой мир только придуман мною, и я действительно сумасшедший? Я закатал правый рукав и прочитал буквы моего имени: «Игорь Ламберт». Врешь, не возьмешь, я не забуду себя настоящего. Думаю, что путь для решения этого квеста подарил мне Черный Хакер, таким образом, не нарушив законы игры. Он создал для меня мнимое прошлое, в котором я оказался наследником древнего рода. Он или сама игра?

Возникла предательская мысль, что я обманываю сам себя. Игровое меню вызвать нельзя, как и доказать самому себе, что мы в игре.

— Доедаем зайца и идем к замку, — сказал я. — Главный вход закрыт, там может быть опасно. Пройдем по подземному ходу, который начинается в лесу, я покажу где. Но я не знаю, что

сейчас творится в замке.

— Из тех, кто ходил в него за сокровищами, никто не вернулся, — сообщила Илва. — После того, как убили твоего дядю, замок пал. Лишенные властелина защитники не смогли, или не захотели противостоять лесному хаосу и покинули стены крепости. Сбежали, проще говоря. Кто-то остался в Вормсе, кто-то ушел в Формир.

— Но мы всё равно попытаемся. — Я отрезал от зайца кусок мяса, попробовал на вкус и сказал: — Кажется, уже можно есть.

***

В моем детстве деревья казались реже и меньше. Тогда Железный лес еще совсем робко пытался захватить новые земли, прорастая молодыми деревцами. Сейчас, после того, как замок пал, лес показал свою полную силу. Ветви могучих деревьев переплетались, создавая непроходимые заросли. Казалось, даже холод не мог вырваться из их объятий — в лесу было гораздо холоднее, чем на поле, хотя и безветренно. Стволы покрывал толстый слой инея, длинные сосульки свешивались с ветвей ледяным частоколом.

Мы остановились на краю широкой поляны. Впереди, на открытом пространстве, кое-где торчали пни, но деревья были не спилены, а сломаны или выкорчеваны с нечеловеческой силой.

— Странно, — сказала Илва, и ее слова прозвучали глухо, отразившись эхом, словно мы находились в пещере. — Совсем недавно было не так холодно. Где спуск в подземных ход?

— Возле старого дуба на том конце поляны. Там, где лежит камень, напоминающий спящего гасторниса. Что-то мне это не нравится. Слышите, какая тишина?

Олег зажег на ладони огонь и поднес к сосульке, наблюдая, как она тает. Саламандра, сидящая в заштопанном мешке, заворочалась у него за спиной. Илва провела пальцем по наклонившейся ветви, соскребая иней, и сломала одну из сосулек. Я услышал как звон, тонкий, будто гудение комара, прокатился по дереву и скрылся под землей. Мне показалось, в глубине завозился кто-то большой и вздохнул, почувствовав добычу. Чужие мысли возникли в голове — Джереон учил меня слышать нелюдей.

«Съесть, — шептали они. — Добыча».

— Назад! — вскрикнул я, отпрыгнул и потащил за собой Илву.

Олег среагировал быстрее, оказавшись за моей спиной. Из-под земли, в том месте, где мы только что стояли, проломав

корку льда, выскочили высокие, в мой рост, острые сосульки. Ловушка! Я выхватил меч из ножен и перерубил ледяные копья.

Земля на той стороне поляны вспучилась холмом и лопнула, разбросав в стороны осколки льда и сдвинув в сторону камень. Нечто белое и бесформенное выползало на поверхность. На поляне закружился ветер, наполненный снегом и острым льдом.

— Это ледяной демон! — закричал я, защищая лицо от болезненных уколов.

Олег бросил огненный шар, но сгусток пламени не долетел до цели, его поглотил холодный ветер. Демон открыл пасть, наполненную зубами-сосульками. Илва упала на четвереньки. Миг — и возле меня стояла черная волчица, поскуливающая от страха. Она боялась, но рвалась в бой.

Вокруг нас закружился хоровод зимнего ветра со снегом и льдом. Тело сковало холодом, будто на морозе окатили ведром с водой. Стало трудно дышать. Олег хватал воздух ртом, как вытащенная на берег рыба. Волчица жалась к его ногам.

Я помню, как Лотар кормил своего питомца, забрасывая в банку мышат. Ледяной демон замораживал их дыханием, а потом пожирал, обессиленных, неподвижных, но еще живых. Сейчас хищник ждал на другом конце поляны, пока мы упадем без сознания. Не было сил уйти. Холод его дыхания всё равно нас догонит.

Олег зажег на ладони огонек; сначала едва заметный, он разгорался всё больше, но я видел, каких усилий это стоило моему другу. Меня коснулось тепло пламени, придало сил. Я опустил непослушную руку на рукоять меча, достал клинок из ножен. На металле тут же пробежали ледяные узоры.

— Будьте здесь, — сказал я, а может быть, лишь беззвучно пошевелил губами.

Облачко пара вырывались у меня изо рта

— Что? — спросил Олег.

— Останьтесь здесь, — проговорил я, опустив ладонь на холку Волчицы. — Береги ее.

— Ты точно знаешь, что делаешь?

Огонь на руке Олега заколыхался, погас, но тут же снова вспыхнул.

— Да, — ответил я и, подняв меч, шагнул на поляну.

Прошли несколько минут полета, когда крик рвался наружу, а руки цеплялись за паутину так, что, казалось, потом нельзя будет разжать побелевшие пальцы. В прорехах мелькали серое небо и черные лоскуты полей. Горизонт закрывала стена Железного леса, за которой поднимались башни с зубчатыми крышами и провалами бойниц — ветер нес паучье гнездо к

старому маркрафскому замку.

Внезапно воздушный корабль рвануло в сторону, завертело, стропы запутались, один парус выпрямился и забился на ветру, словно тряпка. Корабль бросило к земле. Мы неслись к деревьям, ощетинившимся копьями веток.

— Паруса! — закричал Олег. — Руби паруса!

Я ударил мечом по стропам, но с одного раза перерубить толстый жгут не удалось — клинок лишь перерезал часть веревок и завяз в тугой паутине.

— Чего ты возишься? — Олег кинулся на помощь, и в этот момент две стропы лопнули.

Веревки хлестнули Олега по лицу, парус вырвался на свободу огромным воздушным змеем. Наш корабль стукнуло о землю, раз, другой, и поволокло, разрывая его стены, ломая скрепленные паутиной ветки.

Олег вывалился наружу первым, с коротким криком исчез в образовавшейся прорехе. Илву швырнуло на меня, и мы выпали из гнезда вместе, я — спиной вперед, до боли в легких и мысли о сломанном позвоночнике.

«Минус пять единиц жизни».

Сверху упала Илва.

— Извини, — сказала она.

— Ничего, — ответил я, пытаясь заставить себя дышать.

Спина и легкие — сплошной комок боли. Илва смотрела мне в лицо. Глаза у нее были голубые как небо в солнечный день над шумным городом. Интересно, какого они цвета, когда Илва превращается в волчицу? Глупо, наверное, думать о подобном в такой момент.

— Отпусти, — прошептала Илва.

— Уже, — сказал я, убирая руки с ее талии.

Раздался треск — это паучье гнездо налетело на деревья. Оставшийся парус разорвался, опутав ветки серыми тенетами. Илва поднялась, глядя на приближающегося Олега. Выпачканный в грязи, он шел, хромая на правую ногу. По щеке струилась кровь, и мой друг вытирал ее лоскутом паутины.

— Живые, — сказал Олег и устало опустился на землю возле меня. — Саламандра сбежала.

Он продемонстрировал разорванный мешок.

— Чёрт с ней, — пробормотал я.

В воздухе кружилась мелкая ледяная крупа, падала на застывшую землю, оседала на нашей одежде и волосах. Ветер, гнавший по небу свинцовые тучи, поднимал над заброшенным полем белые вихорки. Стоящий невдалеке покинутый крестьянский дом скрипел незапертой дверью. Наклонившееся

пугало — того и гляди упадет, смотрело вырезанными в сухой тыкве глазами на замок маркграфа. На тыкве сидел ворон. Вокруг царили ветряная заверть, холод и запустение.

— Что будем делать? — спросил Олег. — Мне надо отдохнуть у огня, иначе не смогу сотворить даже простого заклинания. Заодно и единицы жизни восстановим.

Серое пятно за время полета наползло на его левую скулу.

— Совсем плохо? — поинтересовался Олег, проследив за моим взглядом, поскреб пальцами шею и сказал: — Надо найти хворост. Возможно, в доме остались запасы.

Он поднялся. Дверь снова заскрипела, словно приглашая войти. Было бы неплохо укрыться под крышей от непогоды, но в пустых домах часто поселяется нечисть.

— Стой, подожди. — Я поднялся и вошел в дом первым.

Остановился у входа и сосредоточился. Голые стены с потоками плесени, висящая паутина и прогнивший потолок начали терять объем, распадаясь на составляющие их элементарные фигуры. Сквозь прорехи в крыше пробивались лучи-ниточки, рисуя на полу овалы. Разбегались статические тени из квадратов, среди которых проявлялись следы прошедших событий. Они были повсюду. Я видел, как в прошлом дверь распахнулась, и в дом забрался тролль — модель из цилиндра с нарисованными зубами, и расходящимися угловатыми щупальцами. Молодой и еще неопытный, он вошел осторожно, словно вспоминая то время, когда был человеком.

Тролль заметил спрятавшуюся под кровать дочку хозяина и пополз к ней. Я видел, как хозяин — плоская фигура, почти не отличающаяся от пугала, бежал с мечом в руках, но я знал, что он опоздает. Крик — и пиксели крови разлились на полу.

Потом — пустота. Лишь тени собирались, пируя на остатках трапезы. Одна из них осталась в доме до сих пор. Сидела, забившись в угол, и зло смотрела на меня красными угольками глаз. Верни полную модель мира — и тень исчезнет, сольется с окружающим мраком. Неприятный сосед, но нам она не причинит вреда.

Мне кажется, я помню хозяина дома. Он любил угощать маленького сына маркграфа красными яблоками, настолько сочными, что сок сбегал по подбородку, стоило погрузить зубы в мякоть плода. Теперь он тоже мертв. После гибели дочки, когда захлестывает отчаянье, немудрено допустить неосторожность в бою с троллем.

— Всё в порядке, опасности нет, — сказал я. — Но лучше развести костер снаружи.

Я вышел из дома и вдохнул свежий морозный воздух.

В доме нашлась вязанка хвороста, и мы вынесли ее во двор. Олег зажег на ладони огонек, который вскоре превратил груду отсыревших веток в жаркий костер. Плотные клубы дыма стелились над самой землей.

Олег сидел у огня, скрестив ноги и закрыв глаза. Казалось, его тело впитывало часть искр, вылетающих из костра. Илва стояла позади моего друга, опершись на его плечи. Но смотрела она на меня. Не мигая и едва заметно улыбаясь. И этот взгляд определенно смущал. Чтобы чем-то заняться, я положил меч на колени и наполовину вынул его из ножен.

— Что такое магия, Бефстроган? — спросил я.

Олег открыл глаза.

— Прекрати меня так называть, — сказал он. — Магия… Трудно объяснить, что это. Я чувствую, как некая волна зажигается внутри меня огнем, поднимается по телу, перетекает в руки. Усилие — и я выпускаю ее на свободу, испытывая приятное опустошение.

— Как в пик любовных отношений, — улыбнулась Илва.

— Э-э-э… Ну да, наверное. — Олег накрыл своей ладонью Илвину у себя на плече и тоже улыбнулся. — Хотя и не настолько приятно. Иногда магия сама рвется на свободу, а порой прячется где-то глубоко и нужны слова, чтобы ее вызвать. Необходимо сосредоточиться и произносить их мысленно или вслух, обращаясь к внутренней силе.

— Какие слова? — поинтересовался я.

— Лично я говорю то, что приходит в голову. Слова неважны. Главное в это время иметь нужный настрой.

— А если сила не в тебе, а в каком-либо предмете?

Я спрятал меч обратно в ножны.

— Не знаю, — пожал плечами Олег. — Это нужно у заклинателей спрашивать, а не у огненного волшебника. Тем более у самоучки.

Он вдруг сунул правую руку в костер. Я на мгновение испугался. Прошли долгие несколько минут, во время которых мы молчали. Наконец Олег достал раскаленную до свечения руку и поднес к лицу. От его ладони шел дым, и с тонких длинных пальцев, казалось, сбегали капли магмы. Хотя это могла оказаться и кровь.

Олег задумчиво посмотрел на раскрытую ладонь и резко прижал ее к пятну серой кожи у себя на шее. Илва отшатнулась. Запахло горелой плотью. Олег сидел, крепко зажмурившись и сжав губы, из-под его пальцев струился серый дым.

Наконец он отвел руку, и я увидел оставшийся на шее ожог. Кожа собиралась багровыми струпьями в виде раскрытой пятерни,

серое перемешалось с красным и выглядело… отталкивающим.

— Зачем? — спросил я.

Олегу было очень больно, но он не хотел этого показывать, крепился, словно всё случившееся обычная для него процедура.

— Огонь лечит, — сглотнув, проговорил он, и начал водить ладонью над раной.

Рана заживала, испарялась искрами, которые летели к руке. Минута — и она полностью исчезла. Но серая кожа осталась, вернувшись на место излеченного ожога. Казалось, что она даже увеличилась, пустив щупальца на щеку.

— Не помогло, — сказал Олег.

В его словах звучала обреченность. Илва погладила его по голове, как ребенка. Лекари остались в городе. Там же поджидающая нас банда. Между нами расстояние, которое еще надо преодолеть. Глупо всё получилось. Мы пришли в игру, чтобы спасать Ёжика, а не Олега. Бефстроган сам виноват. Кто его просил заступаться за Илву? Зачем менять установившиеся правила?

Руки Волчицы ласкали его шею, без страха касались серой кожи.

— В замке маркграфа есть алхимическая лаборатория, — сказал я.

Они одновременно посмотрели на меня. Мы сидели, разделенные костром, ветер стих, и искры поднимались вверх короной, словно в огне оживала птица феникс.

— Я уже говорила о лаборатории, — сообщила Илва. — Но это только слухи.

— Нет, я знаю точно. Лотар берег ее, как зеницу ока. Вечно запирал на магические замки и не пускал никого, даже самого маркграфа. Старый пройдоха готовил исключительные снадобья, и за это ему прощались все чудачества. Однажды он ухитрился спасти сына маркграфа после укус аспида и от этого возгордился еще больше. Если его лаборатория сохранилась, а магической защиты было столько, что не пробился бы и отряд волшебников, то в ней должны остаться снадобья для излечения тролльской заразы.

— Откуда такие подробности? — удивилась Илва.

Я посмотрел на правую руку, где возле вытатуированной буквы «о» в моем имени виднелись старые следы от змеиных зубов, и ничего не ответил.

— Он всегда себе на уме, — сказал Олег. — Бывало, молчит, а потом выдаст такое, что хоть стой, хоть падай. Но если уж скажет — то знает, о чем говорит. Но откуда знает — меня это тоже интересует.

— Да так, — отмахнулся я. — Вспоминаю кое-что из своей жизни.

«Той, которой не было», — захотелось добавить.

Появилось сообщение: «Ваш интеллект увеличен до шести единиц». Неужели, параметр увеличивается, когда я продвигаюсь по сюжету в верном направлении или выполняю квест? Либо, интеллект вырос из-за воспоминаний?

Ветер снова задул, прибил к земле дым, и воображаемая огненная птица так и не ожила.

— Как пройти магическую защиту тоже помнишь? — спросила Илва.

— Да. Думаю, что смогу повторит то, что делал Лотар.

— Стоял у него за спиной? — усмехнулся Олег. — Предлагаешь заглянуть в замок?

Илва, согнув пальцы, провела острыми ногтями по шее Олега и, расстегнув ворот куртки, опустила ладонь на его грудь. Я вспомнил Гулльвейг.

«Расскажи, где найти золотой цветок».

«Может быть, потом».

«Расскажи сейчас».

Я помахал головой, прогоняя воспоминания. Как, всё-таки похожи их голоса.

— Я проведу нас по тайному проходу, — сказал я. — Но сначала действительно стоит отдохнуть.

— Лес рядом, значит, будет и добыча. — Илва, зажмурившись, вдохнула воздух и забрала руку. Олег попытался ее удержать. — Я скоро вернусь.

Она выскользнула из объятий Олега и, покачивая бедрами, отправилась к деревьям.

— Подожди! Я с тобой! — Олег вскочил на ноги и поспешил за девушкой.

— Не боишься волков? — спросила Илва.

Сейчас она вновь мне напомнила не волчицу, а кошку — гибкую и неприрученную.

— Ты собирался отдохнуть, — сказал я.

— А! — махнул рукой Олег и поспешил следом за Илвой.

Он догнал ее возле леса, и две фигуры скрылись в сумраке среди деревьев.

Я вздохнул и подбросил в костер хворост. Кружащиеся в воздухе льдинки сгорали в пламени. Я вынул из ножен меч, принял боевую стойку, подняв оружие над головой обеими руками. Кто я — Игорь Ламберт или Глаз дракона? Кого во мне больше? Кто учил меня фехтованию — Сергей Галушка, тренер первой категории, одинокий, не имеющий семьи мужичок,

любивший нас как собственных детей и отдающий все силы спортивной школе, или Джереон, ожидающий меня каждый раз в новом месте? Что для меня более реально — кубок за победу на республиканских соревнованиях или удивление Манфрида, учителя, нанятого отцом, когда я победил его неизвестным ему приемом.

«Кто тебя этому научил?»

«Никто».

Джереон не любил, когда о нем рассказывали. Да и как расскажешь о ветре, подувшем в твое окно, или о лунной дороге, ведущей в ночь? Зачем умножать слухи о сумасшествии сына маркграфа?

«Благородное искусство средневекового боя дарит вам славные традиции предков. Дает шанс ощутить себя настоящими мужчинами, храбрыми, не боящимися врагов, — это говорил нам Сергей Викторович, и мы слушали его с открытыми ртами. — Вы не враги, вы — друзья-соперники. Обхитри друга, обойди его защиту, а потом научи защищаться от своего удара, чтобы товарищ в следующий раз помог тебе».

Сергей Викторович был низенький, от силы метр шестьдесят ростом, щуплый, но как он преображался, когда брал в руки рапиру! Словно в нем просыпался миниатюрный лев. Его слова в моих воспоминаниях перекрывал хриплый голос скрывающегося во тьме Джереона: «Убей, или убьют тебя. Подари противнику пощаду, и он вернется, чтобы отомстить. Не оставляй ему шанс. Ты должен быть быстр и не раздумывать, когда надо нанести удар».

Я ударил, рассекая падающие льдинки и искры. Отступил. Принял защитную стойку. Новый удар, разя невидимого врага.

«Не размахивай мечом, как палкой. Бей тогда, когда уверен в том, что клинок достигнет цели».

Подаренный Илвой меч превращался в продолжение моих рук.

«Не забывай, что мечом можно не только рубить, но и колоть. Рубящий удар — сильный, но медленный. От него легко уклониться или парировать. Колющий — слабее, им не пробьешь доспехи. Зато укол, неожиданный и стремительный, не оставляет противнику шанса уклониться. Сколько есть способов атаки?».

«Восемь», — отвечал я.

«Сколько есть линий атаки?»

«Четыре».

«Покажи атаку по первой линии».

Я занимал стойку, поднимал созданный из лунного света меч и атаковал ускользающую тень.

«Нет! Правую ногу вперед. Увереннее! Не стой, как утка!»

Из темноты выползало щупальце и подталкивало мою ногу вперед. Сильно и в то же время осторожно, чтобы не задеть острыми коготками.

Отец был доволен, видя, каких результатов я достиг в фехтовании. Но Манфрид хмурился, не узнавая приемов, которым он меня обучал.

Атака по первой линии, по второй. Защита. Я отступил и замер в боевой стойке. На этот раз меч опущен под углом к земле. Ветер ронял льдинки на клинок. Мне казалось, что сталь едва заметно светилась холодным светом, словно капля заключенной в ней магии вырвалась на свободу.

«Умение владение мечом достигло четвертого уровня. Ваша сила выросла до восьми единиц. Ваша ловкость достигла десяти единиц. Интеллект повышен до семи единиц».

Как? Что повысило уровень — тренировка или воспоминания, которые я выудил из памяти?

Я подмигнул пугалу и вошел в дом. Теперь мне не пришлось присматриваться, чтобы увидеть тень — она сидела на прежнем месте. Мрак собирался в обретшую очертания фигуру: скрюченные лапы с длинными, как у скелета летучей мыши, пальцами, изогнутый нос-хобот, над ним красные глаза — тень с испугом сжалась, наблюдая за моим приближением.

Они всегда ждут, что прольется свежая кровь.

Я ударил мечом, быстро и наверняка, не оставляя тени шанса спастись. Два клочка мрака растворились в воздухе, красные точки глаз погасли.

— Вот так, — сказал я и вышел под серый свет дня. Хорошо бы сейчас выпить горячего вина, как той ночью с цвергом Альфригом. Но сейчас я не думаю, что он был мне другом.

«Не доверяй нелюдям. Они обманут и используют тебя в своих целях», — говорил Джереон.

«Не верить даже тебе?» — удивлялся я.

«Мне — тем более».

Его смех звучал, как скатывающиеся с горы камешки.

«Впрочем, людям не доверяй еще больше».

— Выходи, — сказал я, не пряча меч в ножны. — Сколько можно вот так стоять?

Черная фигура выскользнула из-за угла дома. Вот подошел и сел к костру. Ворон сорвался с головы пугала и, шумно хлопая крыльями, опустился на его плечо.

— Приветствую, скиталец, с мечом ты управляешься настолько хорошо, что разрубить упавшее на острие перо тебе не сложно. Я впечатлен.

Словно вторя его словам, Хугин вытащил из крыла перо, и оно, кружась, упало в костер. Вот вынул из сумки на поясе кусок мяса, насадил на ветку и поднял над огнем. Я сосредоточился, и виртуал Вота распался на элементарные фигуры. Спустя несколько мгновений объемная модель собралась воедино — было трудно повторять этот трюк так часто. Но времени хватило, чтобы почувствовать произошедшее в его прошлом, увидеть уходящую в реальность цепочку следов.

— Ты Черный Хакер, — сказал я. — Создатель «Хвергельмира».

— Твои слова звучат не как вопрос, а словно истина, но впрочем, я не спорю. Как и не утверждаю, что правду ты сказал. Отвечу я уклончиво: возможно.

— Всё, что с нами произошло, подстроил ты? Надо спастись из окруженного дома, и обнаруживаешь, как удачно прокопал туннель тролль. Улететь — и нас ожидает гнездо пауков. Слишком много случайностей, чтобы быть правдой. Будто с нами кто-то играет.

— Играем мы в игру, она играет нами, — улыбнулся Вот. — Что здесь всерьез, что понарошку — не нам решать. Ведь мир игры живет законами иными, чтоб было интересно игроку. Пройти по лезвию, на грани, чем не азарт? Шаг в сторону — и ты погиб. Но шанс спастись игра всегда предоставляет. Найди его, воспользуйся — фортуна, быть может, улыбнется и тебе.

— Почему ты нам помогаешь?

— Возможно, так я просто развлекаюсь, — пожал плечами Вот. — А может быть, по отношению к тебе есть планы, их скажу я позже. Но сначала ты должен стать сильнее. Вспомни детство. То, как тебя учил могучий тролль, столь древний, что казалось, он был до написания игры. Ты для меня загадка. Обычный человек внутри игры программный код не может видеть. Возьми на память. — Он протянул большую мертвую пчелу.

Я принял высушенное насекомое в подставленную ладонь.

— Что это? — спросил я. — Зачем?

Вместо ответа Вот смахнул с плеча Хугина, и ворон, шумно возмущаясь, улетел в сторону леса. Я заметил движение — по полю бежала саламандра, стремительно переставляя лапы, будто боясь опоздать. С разгону она запрыгнула в середину костра, разбросав ветки. Пламя стало сильнее, оно горело ровными языками вокруг свернувшейся калачиком саламандры.

— Готово, — сказал Вот, прикасаясь кончиком языка к мясу. — Волне съедобно. Угостить?

Я отрицательно помахал головой.

— Ну, как хочешь. — Вот принялся, обжигаясь, откусывать

кусочки полусырого мяса.

— Зачем ты создал «Хвергельмир»? — поинтересовался я. — Не обвиняю, просто спрашиваю. Я был во многих играх, но ни разу не встречался с их создателями. Интересно, что вами движет?

— То, что и всеми: жажда власти, приключений и любви. Сказать подобное о каждом можно.

— Что тебе не хватало в жизни, Вот? Ты же хотел вернуться назад вместе с накопленными в игре умениями. Говорят, даже написал для этого программу. Но не отдал ее всем, хотя мог заработать миллионы. Подумать только, самые известные фирмы не могли справиться с задачей, которую решил заурядный программер с подавленной манией величия.

Вот отложил мясо и сердито на меня глянул из-под шляпы. Глаза у него были желтыми, как у ворона.

— С огнем играешь ты. По краю ходишь.

— Ты же говорил, что все мы играем ради азарта. Кто-то убивает монстров. — Я вернул меч в ножны. — А кто-то любит дразнить Черного Хакера. Тебя обижали в детстве. Я угадал? Обидно быть мальчиком для битья, подавленным, сломленным, которого угнетают даже девчонки. Комплексы не проходят, даже когда вырастаешь, остаются обида на весь мир и желание доказать, что ты лучший. Не делиться удачей со всеми, а вернуться самому — сверхсильным и сверхумным, чтобы все девушки были твоими.

— Одна, — буркнул Вот.

— О! Так все это ради прекрасной дамы? Может быть, ты ей подошел бы таким, каким есть в жизни? Или ты хотел доказать не ей, а самому себе? Для того и создал игру? Я думаю, что твоя программа действует, только когда игрок относится к игре, как к жизни. Поэтому ты включил режим «хардкор» и запретил вызов меню. Запрограммируй себе сразу параметры по максимуму, и программа не сработает, твое «я» в реальности не воспримет полученные умения. Ведь всё надо испытать на собственной шкуре, чтобы сделать своим. Но в игре есть преимущество по сравнению с жизнью — все умения получаешь достаточно быстро. Ты здесь уже давно. Почему не вернулся, что помешало?

— У меня максимальный уровень по всем параметрам, — буркнул Вот. — Но есть трудности с возвращением. Если ты вернуться хочешь, то стань сильнее, и я тебя возьму с собой.

Интересно, зачем я ему нужен? Здесь он почти всесилен. Наверное, еще и чит-кодами пользуется. Хочет помощи там, где нет его власти?

Я не сказал ему того, что почувствовал, когда заглянул в его

следы. Мне показалось, что в жизни он был не просто слабаком, а слегка «не в себе». В моей школе учился подобный мальчишка, Петька-двинутый. На вид нормальный, но при общении с ним становилось понятно, что человек несколько неадекватен. Петька любил рисовать, но всегда изображал только один рисунок. На переменах он вновь и вновь выводил в тетради одного и того же дракона — черного с маленькими крыльями и большими выпученными глазами. У доски он отвечал заученно, глядя в потолок. Общаться со сверстниками ему было трудно, глаза начинали бегать, из уголков губ стекала слюна. Петьку отдали не в спецшколу, а в обычную, к нам, посчитав, что общение с ровесниками пойдет ему на пользу, не подумав, насколько жестокими бывают дети. Я встречал его недавно — Петр шел с женой. Вполне успешный семьянин, только взгляд остался немного бегающим, и появилось легкое заикание.

Я думаю, что черная одежда и странная манера общения — Вот говорил так, будто всё время произносил стихи, были защитным механизмом его сознания.

— Ты возьмешь с собой не только меня, но и Олега с Ёжиком, — сказал я твердо.

— Хорошо, — быстро согласился Вот. — Похвально, что заботишься о друге. А Волчица?

— Я не знаю, кто она в жизни. Не смогу помочь вспомнить. К сожалению, мое умение не позволяет определить адрес пользователя или узнать его настоящее имя.

— Понятно.

Он бросил откушенный кусочек мяса в огонь, и саламандра, подпрыгнув, поймала его в воздухе. Довольно чавкая, она снова свернулась в кольцо, словно решив проглотить свой хвост.

— Олег совсем забыл о Ёжике. Вернее, помнит, я не позволяю ему полностью отказаться от сына, но игра постепенно завладевает его сознанием. Вылечи его, — сказал я. — Ты же можешь. Убери тролльскую заразу, измени правила, дай мне чит-код.

— Нет! Я не стану законы «Хвергельмира» нарушать. Но не забудь: игра всегда предоставляет пути спастись.

— Закон игры, — проговорил я. — Нам идти в замок за лекарством?

Вот промолчал. Саламандра захихикала сквозь сон.

— Что за призрачный город, Ёжик сейчас там в безопасности? — спросил я.

— Игра не хочет, чтобы игрок знал, что будет дальше. Ведь это квест — закон игры, — сказал Вот.

К черту все игровые законы! Я пришел сюда не играть. Рука у

Глаза дракона потянулась к мечу, но Ламберт ее остановил. Я заметил, что мой импульсивный поступок не скрылся от глаз Вота, вызвав у него легкую улыбку. Драться с ним я не стану — слишком разные у нас уровни. Силой здесь ничего не добьешься.

— До встречи, — сказал Вот, поднимаясь.

— Ты драконов рисовать не умеешь? — спросил я.

— Нет, а что? — удивился Вот.

— Да так, ничего.

Я не заметил, когда он пропал. В поле негде было спрятаться, но у Черного Хакера это получилось. Его фигура растворилась в заверти падающих льдинок.

***

— Еда, — сказала Илва, бросив мертвого зайца на землю.

Из костра метнулась саламандра, но Олег успел подхватить зайца перед самым ее носом. Саламандра сердито щелкнула челюстями и уползла в огонь.

— Вернулась, — улыбнулся Олег.

Илва принюхалась и вопросительно посмотрела на меня.

— Что ты жарил? Здесь кто-то был?

— Я уничтожил тень, — быстро сказал я и показал ей засушенное насекомое. — Что это за пчела?

— Какая большая, — удивилась Илва. — В доме нашел? Одну? Это пчелиная матка. Она всегда летает, сопровождаемая роем. Когда в улье появляются две матки, то новая либо уводит с собой часть пчел, либо вступает в борьбу, и тогда матки сражаются насмерть. Победительнице достается весь рой. Наверное, этой не повезло.

Я хмыкнул и спрятал пчелу в карман. Олег в это время сооружал держатель из веток, чтобы можно было подвесить зайца над костром.

— Ты приготовишь завтрак? — спросил он у Илвы.

Судя по ее взгляду, она готова была съесть добычу сырой.

— Посетители в таверне не жаловались.

Илва отошла дальше от костра и принялась свежевать зайца с помощью ножа, который достала из голенища. Олег протянул руки к костру.

— Думаешь, у нас есть шанс найти лекарство? — спросил он.

Слова он выговаривал нечетко, его нижняя губа, на которую наползла твердая серая кожа, загрубела и плохо двигалась.

«Игра всегда дает шанс спастись».

— Да, мы найдем лекарство в замке. Я в этом уверен.

— Кто ты, Игорь? — спросила вернувшаяся Илва.

Сквозь зайца была продета ветка, и Волчица водрузила будущую еду над костром. В уголках ее рта прятались несколько пятнышек крови. Заметив мой взгляд, Илва улыбнулась и их слизнула.

Перед моими глазами появились картины севера: одинокая хижина на обрывистом берегу и бесконечный океан, встречающийся на горизонте с небом. Правда или нет? Быль или навязанная игрой выдумка?

— Кто я? Игорь Глаз дракона, охотник на моржей, живущий на берегу океана. Почти весь год океан сковывает лед, это царство торосов и морозных великанов. По ночам слышны далекие крики мужчин их племени, вызывающих на поединок соперников. Говорят, что дыхание морозных великанов замерзает в небе кристалликами льда, в которых сияет свет луны.

В глазах Илвы отражались языки пламени, но мне казалось, что это отблески северного сияния. Такие же были в глазах Гулльвейг в ту ночь, которую мы провели вместе.

— Лишь в недолгие летние дни океан просыпается и ломает лед. Моржи и великаны к тому времени уходят. Незатихающий шторм накатывается волнами в тщетной попытке разрушить берег, с грохотом сталкиваются льдины. В вышине, где сверкают молнии, летают громовые птицы. Ты стоишь посреди бушующей стихии, словно ее повелитель. Когда шторм уходит, возвращаются моржи и устраивают на берегу свои свадьбы.

Илва неотрывно смотрела на меня, и ее взгляд больше не смущал.

— Кто я? Игорь Смелый, сын Вилфрида Смелого, маркграфа из Вормса. Это мой родовой замок, — показал я на возвышающиеся над лесом башни. — Здесь я провел свое детство. Я был сумасшедшим, во всяком случае, меня таковым считали. С ранних пор мне казалось, что по-настоящему я живу где-то совсем в другом мире. Мне снилась маленькая квартира в доме, напоминающем муравейник, с сотнями живущих в нем людей. Меня учил грамоте алхимик Лотар, но в своих фантазиях я ходил в школу вместе с другими детьми. Меня обучал фехтованию Манфрид, нанятый отцом учитель из восточных земель, что всегда страдал вечным насморком и говорил в нос, но мне снилось, что я тренируюсь у маленького человечка со смешным именем Галушка. «Хвергельмир» и та далекая страна перемешались в моей голове, и я не знал, кто я на самом деле. Не знаю до сих пор.

Саламандра попыталась дотянуться до шкворчашего над огнем зайца, но получила от Олега щелчок по носу и обиженно нырнула обратно в костер.

— Меня считали сумасшедшим, — повторил я. — И потому, когда мой отец умер, маркграфом стал мой дядя Берхарт, а я отправился в изгнание. Теперь я простой охотник, мой родовой замок захвачен троллями и пришел в упадок.

Яркие картины детства вновь появились в памяти.

«Игорь, тебя ждет мастер Манфрид».

«Отстань, Олх. Скажи ему, чтобы тренировался сам. Или составь компанию».

Я спускался вниз по лестнице, выбегал сквозь главные ворота на повисший надо рвом мост. Внизу зеленую воду баламутил Дайпожрать, шумно вздыхал и шлепал щупальцами по поверхности, выпрашивая еду. Присутствие во рву тролля должно было внушать ужас врагам, но мне казалось, что Дайпожрать сбежит при первой же опасности. Кроме еды его ничего не интересовало. Я останавливался, бросал вниз оставшееся с обеда мясо и бежал дальше. Там, среди деревьев ждал меня Джереон. Он мог быть старым деревом или лежащим у дороги камнем. Порой его хриплый голос звучал в ветре, а порой проникал в голову вместе с солнечными лучами.

«Почему ты такой? — спрашивал я. — Дайпожрать во рву глупый, а ты…»

«Умный? — подсказывал Джереон, и в его голосе звучали падающие камешки. — Или тоже глупый, потому что вожусь с человеческим детенышем? Может быть, ты напоминаешь мне моего внука. Ведь когда-то мы все были людьми. Но приходит время, и ты меняешь оболочку».

«Я тоже хочу быть троллем!»

«А я хочу быть человеком, — смеялся Джероен. — Но не все наши мечты могут исполниться. Ты отрабатывал дома прием, которому я тебе вчера обучил?»

«Да, продемонстрировал его на Манфриде».

«И каков результат?»

«Враг повержен на обе лопатки!»

Из темноты, как всегда неожиданно, появлялось щупальце, и я не успевал отразить его удар. Джереон сбивал меня на землю, я падал в траву с мыслями, что в следующий раз у меня обязательно получится. Увидеть и отразить. Почувствовать присутствие Джереона, ощутить, куда он нанесет удар. Щупальце с коготками скрывалось. Я мечтал, что стоит мне об него поцарапаться, и я стану таким, как Джереон — сильным, умным, свободным.

«Или ты станешь таким, как Дайпожрать?» — смеялся мой тайный учитель.

«Нет, этого не может быть! — возмущался я. — Это

неправильно!»

«Хочешь проверить? — В спину щелкало щупальце, и я вновь оказывался на траве. — Ты недостаточно ловок, чтобы поцарапаться о мои когти. Занимай вторую стойку!»

Возле меня оказывался меч, созданный Джереоном из ветра прямо на моих глазах, я поднимал оружие и становился в боевую стойку. Когда-нибудь, у меня получится схватить старого тролля за щупальце, и тогда…

«Тогда Лотар тебя вылечит, — говорил Джереон. — И ты не сможешь составить мне компанию. Оставайся сыном своего отца, наследником рода».

Я подвел тебя, Джереон. Ты ушел, надолго меня оставил, и я погряз в своих мыслях. Я не смог остаться наследником. Изгнанный из собственного замка, я стал Глазом дракона, одиночкой, живущим на пустынном берегу.

«Беги», — сказал Лотар в тот последний день.

Я пришел к нему в лабораторию в поисках утешения, которого мне больше негде было найти. Моя мать умерла очень давно, и я ее не помнил, Джереон ушел, а остальным в замке был безразличен чокнутый сын покойного маркграфа. Я оставался наедине со своим горем. Лотар был единственным, с кем я мог поговорить, хотя старик и не питал ко мне любви. Я служил для него, скорее, подопытным кроликом, как живущий в банке ледяной демон. Банка стояла на полке в его лаборатории, демон при моем появлении разевал рот с зубами-сосульками, наверное, в воображении проглатывая меня целиком. Казалось, что тварь состояла из одного глубокого ненасытного рта.

«Твой дядя тебя убьет, — сказал Лотар. — Единственный шанс спастись — бежать далеко на север. Стать охотником. Ты не видел демона?»

Я давно привык к тому, насколько старый алхимик легко менял тему разговора.

«Нет, а что, сбежал?»

В сброшенной на пол крышке банки торчали таявшие сосульки.

«Сбежал».

Лотар поправил очки, сидящие на длинном носу и заглянул в банку, будто всё еще надеясь найти там демона.

«К сожалению, оказавшись на свободе, эта тварь вырастает. Но тебе надо бежать. Возьми, — протянул он мне перстень. — Это один из ключей, открывающих потайной проход, ведущий наружу из винного погреба. Он выкопан по приказу твоего отца. И с его разрешения я пользовался подземным ходом, когда мне надо было тайно покидать замок».

Да уж, видел я, как Лотар бегал в город в заведение, которое местные называли «домом мадам Жу-жу». Алхимик был еще тот ходок, испытывающий на себе действие своих смесей, которые должны были увеличивать мужскую силу.

«Этим же перстнем открывается лаборатория. Если тебе вдруг когда-нибудь понадобится моя помощь или лекарства. — Он неожиданно меня обнял, прижав к старой мантии, и добавил: — Я буду по тебе скучать, Игорь. Через ворота не иди, твой дядя дал приказ стражам тебя задержать. Беги через погреб, как я сказал. Проход открывается за главной бочкой, стоит лишь приложить перстень к стене».

Так ушел Игорь Смелый и появился Игорь Глаз дракона. Вернее, это прозвище я получил гораздо позже, через много лет скитаний по побережным землям.

Я поднял правую руку и полюбовался перстнем, надетым на средний палец.

— Олег, — сказал я. — Ты видел мой перстень раньше?

— Конечно, ты носишь эту безделушку, сколько я тебя знаю.

Когда появился волшебный ключ? Я ношу его с детства, или он возник на моей руке сейчас, когда игра подарила мне эту историю? Игра ли? Может быть, тот другой мир только придуман мною, и я действительно сумасшедший? Я закатал правый рукав и прочитал буквы моего имени: «Игорь Ламберт». Врешь, не возьмешь, я не забуду себя настоящего. Думаю, что путь для решения этого квеста подарил мне Черный Хакер, таким образом, не нарушив законы игры. Он создал для меня мнимое прошлое, в котором я оказался наследником древнего рода. Он или сама игра?

Возникла предательская мысль, что я обманываю сам себя. Игровое меню вызвать нельзя, как и доказать самому себе, что мы в игре.

— Доедаем зайца и идем к замку, — сказал я. — Главный вход закрыт, там может быть опасно. Пройдем по подземному ходу, который начинается в лесу, я покажу где. Но я не знаю, что сейчас творится в замке.

— Из тех, кто ходил в него за сокровищами, никто не вернулся, — сообщила Илва. — После того, как убили твоего дядю, замок пал. Лишенные властелина защитники не смогли, или не захотели противостоять лесному хаосу и покинули стены крепости. Сбежали, проще говоря. Кто-то остался в Вормсе, кто-то ушел в Формир.

— Но мы всё равно попытаемся. — Я отрезал от зайца кусок мяса, попробовал на вкус и сказал: — Кажется, уже можно есть.

***

В моем детстве деревья казались реже и меньше. Тогда Железный лес еще совсем робко пытался захватить новые земли, прорастая молодыми деревцами. Сейчас, после того, как замок пал, лес показал свою полную силу. Ветви могучих деревьев переплетались, создавая непроходимые заросли. Казалось, даже холод не мог вырваться из их объятий — в лесу было гораздо холоднее, чем на поле, хотя и безветренно. Стволы покрывал толстый слой инея, длинные сосульки свешивались с ветвей ледяным частоколом.

Мы остановились на краю широкой поляны. Впереди, на открытом пространстве, кое-где торчали пни, но деревья были не спилены, а сломаны или выкорчеваны с нечеловеческой силой.

— Странно, — сказала Илва, и ее слова прозвучали глухо, отразившись эхом, словно мы находились в пещере. — Совсем недавно было не так холодно. Где спуск в подземных ход?

— Возле старого дуба на том конце поляны. Там, где лежит камень, напоминающий спящего гасторниса. Что-то мне это не нравится. Слышите, какая тишина?

Олег зажег на ладони огонь и поднес к сосульке, наблюдая, как она тает. Саламандра, сидящая в заштопанном мешке, заворочалась у него за спиной. Илва провела пальцем по наклонившейся ветви, соскребая иней, и сломала одну из сосулек. Я услышал как звон, тонкий, будто гудение комара, прокатился по дереву и скрылся под землей. Мне показалось, в глубине завозился кто-то большой и вздохнул, почувствовав добычу. Чужие мысли возникли в голове — Джереон учил меня слышать нелюдей.

«Съесть, — шептали они. — Добыча».

— Назад! — вскрикнул я, отпрыгнул и потащил за собой Илву.

Олег среагировал быстрее, оказавшись за моей спиной. Из-под земли, в том месте, где мы только что стояли, проломав корку льда, выскочили высокие, в мой рост, острые сосульки. Ловушка! Я выхватил меч из ножен и перерубил ледяные копья.

Земля на той стороне поляны вспучилась холмом и лопнула, разбросав в стороны осколки льда и сдвинув в сторону камень. Нечто белое и бесформенное выползало на поверхность. На поляне закружился ветер, наполненный снегом и острым льдом.

— Это ледяной демон! — закричал я, защищая лицо от болезненных уколов.

Олег бросил огненный шар, но сгусток пламени не долетел до цели, его поглотил холодный ветер. Демон открыл пасть,

наполненную зубами-сосульками. Илва упала на четвереньки. Миг — и возле меня стояла черная волчица, поскуливающая от страха. Она боялась, но рвалась в бой.

Вокруг нас закружился хоровод зимнего ветра со снегом и льдом. Тело сковало холодом, будто на морозе окатили ведром с водой. Стало трудно дышать. Олег хватал воздух ртом, как вытащенная на берег рыба. Волчица жалась к его ногам.

Я помню, как Лотар кормил своего питомца, забрасывая в банку мышат. Ледяной демон замораживал их дыханием, а потом пожирал, обессиленных, неподвижных, но еще живых. Сейчас хищник ждал на другом конце поляны, пока мы упадем без сознания. Не было сил уйти. Холод его дыхания всё равно нас догонит.

Олег зажег на ладони огонек; сначала едва заметный, он разгорался всё больше, но я видел, каких усилий это стоило моему другу. Меня коснулось тепло пламени, придало сил. Я опустил непослушную руку на рукоять меча, достал клинок из ножен. На металле тут же пробежали ледяные узоры.

— Будьте здесь, — сказал я, а может быть, лишь беззвучно пошевелил губами.

Облачко пара вырывались у меня изо рта

— Что? — спросил Олег.

— Останьтесь здесь, — проговорил я, опустив ладонь на холку Волчицы. — Береги ее.

— Ты точно знаешь, что делаешь?

Огонь на руке Олега заколыхался, погас, но тут же снова вспыхнул.

— Да, — ответил я и, подняв меч, шагнул на поляну.

Шестая авентюра. Старый замок

Я шел сквозь ветер и колючую стену холода. Ледяные иголки впивались в кожу, оставляя на лице и руках кровоточащие царапины. Под ногами трещал лед. Главное было не споткнуться о торчащие пни — если упаду, вряд ли хватит сил подняться. Видимость закрывала ледяная мгла, и путь казался бесконечным. Я никогда не доберусь до цели. Демон получит свою добычу.

Я обернулся. Сквозь ледяной вихрь виднелись темные фигуры человека с горящим на ладони огоньком и волка. Показалось, что Олег опустился на колени. Огонь погас и тут же вспыхнул у самой земли. Тогда я повернулся и продолжил путь. Пальцы на руках я не чувствовал, лишь видел, как крепко они сжимали рукоять меча.

Где-то впереди ждала раскрытая пасть чудовища. Я помню, как демон глотал предложенную алхимиком добычу.

«Посмотри, Игорь, забавное зрелище».

Лотар опускал мышь,держа ее за хвост, в банку с демоном. Шансов спастись у грызуна не было — обездвиженная холодом, мышь падала на дно прямо в открытую пасть маленького монстра. Лотар быстро захлопывал крышку и дышал на замерзшую ладонь.

«Никогда не надоедает на это смотреть, — пояснял алхимик, думая, что я разделяю его страсть. — О! Смотри, сейчас заглотнет».

Не подозревал, что окажусь на месте несчастной мыши.

Я шел, и казалось, что мои тело и разум существовали отдельно друг от друга. Тело уже сдалось, но разум не хотел мириться с участью обреченного грызуна.

Я снова был десятилетним мальчишкой, который сбежал из родового замка. Мальчишка замерзал во льдах, пока его не подобрали ледяные кочевники. Их юрты защищали от холода. Внутри горели высушенные лепешки шестиногов, и едкий дым с непривычки щипал мальчишке глаза. Это была новая жизнь, пусть не такая как раньше, но она позволяла существовать среди этих странных людей, чьи плоские круглые лица покрывали морщины, как трещины лед. Шаман племени собирался сделать мальчишку своим преемником.

«Тывоя жизнь, — говорил старый Крик белой птицы. — Она дывойная. Ты здесь и там. Ты со мыной и где-то далеко».

Крик белой птицы учил мальчишку слушать океан. Стоило лечь на расстеленную шкуру и опустить ухо к самому льду, как

перед закрытыми глазами возникали русалки. На глубине, в черной пучине, они плавали, пели свои песни, охотились и спасались от кракенов. Если научиться понимать их речь, то можно узнать о многом: о том, что было, что будет и что могло бы быть, но уже никогда не случится.

«Выставай, — поднимал меня шаман. — Ты замерзнешь».

Я открыл глаза и понял, что лежу на земле. Казалось, что одежда и руки вмерзли в корку льда. Я знал тебя, старый шаман, слишком мало, ты не смог заменить мне Джереона, но ты в меня верил. Благодаря тебе я выжил. Тогда и сейчас. Я нащупал лежащий рядом меч и, опираясь на него, поднялся, сначала на колени, а потом выпрямился в полный рост. Шаг, еще один на дрожащих ногах — я снова шел к ледяному демону.

«Ты мыногому научишься, мальчик-с-нежной-кожей», — говорил шаман.

Однажды он открыл сундук, спрятанный под шкурами моржей, — окованный железом, купленный у побережников, и достал маленькую склянку с голубоватой жидкостью.

«Кыровь мохнатого червя», — сообщил он.

«Мохнатых червей не бывает», — засмеялся я.

К тому времени я уже мог отличать правду от сказок северного народа.

«Ты обвиняешь меня во лыжи? — возмутился шаман. — Раздевайся и марш из юрты».

Всё еще не понимая, что хотел сделать старик, я сбросил одежду, оставшись дрожать от холода. Мальчишка, привыкший к жизни в замке, но слишком упрямый, чтобы без борьбы умереть во льдах. Шаман вытолкнул меня наружу, и я стоял, пока холодный ветер не заставил забыть о моем теле. Тогда шаман внес меня обратно в юрту и обтер тряпкой, смоченной в голубой крови мохнатого червя.

«Теперь тебе не страшен хыолод зимы. Завтра я научу тебя слышать белую птицу», — сказал шаман, улыбаясь.

Белая птица, парящая высоко в небе и никогда не садящаяся на землю, в отличие от русалок всегда говорила только то, что должно случиться. Шаман обманул меня, потому что сам ее не услышал той ночью. Перед рассветом пришли морозные великаны, и Крик белой птицы умер. Я успел выскочить из хижины, прежде чем на нее опустилась нога великана, и бежал к побережью вместе с остальными выжившими.

К концу путешествия нас осталось лишь пятеро. Странно, но холода я почти не чувствовал. Только на моем обмороженном теле с тех пор не росли волосы, и мальчишки из прибрежного поселения смеялись надо мной, пока я не убил краба-людоеда. Я

вошел в ледяную воду, пронзил его несколькими ударами копья и выволок на берег.

Жидкость, которой обтер меня шаман, не позволила мне замерзнуть.

Возникло сообщение: «Вы получили постоянную защиту от холода».

Значит, я действительно в игре, либо это фантазии моего больного мозга? Неужели игра меняет на ходу мою жизнь, или я вспоминаю то, что успел забыть?

Я шел, и холод больше не причинял мне боль. Я вновь ощущал пальцы, сжимающие оружие.

Впереди из скрытой за завесой льда пасти чудовища вырывались хрипы и клекот. Ледяной демон понял, что добыча не собирается сдаваться без борьбы. Я слышал мысли чудовища, которые выдавали его намерения.

«Убить! Съесть!»

Шаг влево. Из-подо льда в том месте, где я только что стоял, вырвались сосульки. Удар мечом, и они со звоном упали, расколовшись на сотни частей.

«Убить! Съесть!»

Демон мог управлять льдом на расстоянии, но думал об этом слишком явно — я чувствовал, где он собирался нанести следующий удар. Шаг назад, взмах мечом, звон льда и раздающийся рев чудовища.

«Убить! Съесть!»

Передо мной раскрытая пасть, за которой пряталось выползшее на поверхность уродливое тело с десятком коротких лапок. Я вложил в удар всю силу, разрубая мечом верхнюю челюсть чудовища, а потом, ударил снова, кроша ледяную броню на его голове. Из-под прозрачного панциря на меня смотрели множество красных глаз.

«Убить!»

Один глаз лопнул, когда я всадил в него меч по самую рукоять.

«Съесть!»

Истекая кровью, демон попытался спрятаться под землю, но я выдернул меч и снова погрузил его в тело чудовища.

«Съесть!»

Ледяной демон затих. Я стоял и смотрел на его мертвое тело, маленькое, несуразное по сравнению с огромной головой. С меча скатывались капли крови и падали на лед замерзшими розовыми кристаллами. Подошел Олег и стал возле меня. Волчица села у моих ног. Я протянул руку, чтобы ее погладить, но Волчица предостерегающе зарычала. Она рванулась вперед и вцепилась в

демона. Ледяной панцирь прогнулся, лопнул, раскрошился, и Волчица погрузила пасть в мягкую плоть. Я отвернулся.

Перед глазами появилось сообщение: «Умение владение мечом достигло пятого уровня. Ваша сила выросла до девяти единиц. Ваша ловкость выросла до одиннадцати единиц».

Ловкость перевалила за десятку. Бонусные значения, намного превышающие средний параметр виртуала в игре. Насколько я знаю, два десятка в «Хвергельмире» предельная граница значений.

— Спасибо что спас нас всех, — сказал Олег.

Я взмахнул мечом, очищая его от крови, и вернул оружие в ножны.

— Нам туда, — указал я на развороченную демоном дыру в земле. — Когда-то это было тайным проходом. Думаешь, Илва останется волком?

— А ты сможешь ее уговорить превратиться в человека?

Илва повернула к нам голову с окровавленной пастью и оскалила острые клыки.

— Нет, — покачал я головой.

***

С потолка свисали корни деревьев, и капала вода — темноту подземелья наполнял влажный теплый туман. Думаю, что демон отводил под землю тепло, охлаждая свои охотничьи угодья.

Хорошо он поработал, хмыкнул я, разглядывая зеленые побеги ночницы с бледными цветами, что взбирались по стенам. Летящие на свет мошки сгорали искорками в пламени на руке Олега. Здесь словно теплица, не хватает только яркого солнца.

Под ногами хрустнула кость — этот звук я не спутаю ни с одним другим. Я нагнулся и поднял с земли обглоданную человеческую руку со следами зубов.

— Кому-то не повезло, — прошептал Олег.

Рядом с останками блеснули треснувшими стеклами круглые очки. Я поднял их, подержал на ладони, вспоминая того, кому они раньше принадлежали.

«Я буду по тебе скучать, Игорь».

Прощай, Лотар. Нам не суждено было свидеться — тебя съел собственный питомец. Я переступил через останки алхимика и пошел дальше в темноту. Насколько я помню, туннель вел недалеко — нырял под деревья, проходил подо рвом и упирался в скрытую дверь винного погреба. Вот она. Я отвел мечом свисающие нити паутины.

— Пришли. Лаборатория Лотара в подвале, невдалеке от

винного погреба. Отец постарался отдалить алхимика как можно дальше — не любил запахи химических опытов, да и сами опыты считал опасными. Нам надо выйти из погреба, незаметно пройти по коридору и добраться до лаборатории.

— Говорят, что цвергов в замок провел кто-то из своих, — сказала Илва, вновь принявшая человеческий облик. Она выглядела смущенной и вытирала ладонью рот.

— Я был далеко, — сказал я.

— Знаю, — кивнула Волчица, рассматривая свою ладонь. — Странно, что ты не хотел вернуть замок себе всё это время.

«Зигфриду пора воссесть на отчий трон».

Я покачал головой, прогоняя воспоминание, и приложил к двери перстень. В щелях между досками проскочили искры. Где-то в стене щелкнул замок, дверь вздрогнула и открылась.

Появилось сообщение: «Ваш интеллект вырос до восьми единиц».

Дохнуло затхлым винным ароматом. Перед нами стояла огромная бочка. Из дырки на ее боку просачивалось вино, собиралось на полу в лужу, возле которой сидели несколько больших сверчков. Вдоль стен до самого выхода выстроились шеренги бочонков поменьше — запасы вина и коньяка, которыми всегда славился мой род.

«Кап, кап. Кап, кап» — монотонное звучание капели растворялось во тьме погреба. Темнота казалась живой. Разреженная у потолка, она сгущалась к полу черной пеленой, заполнявшей пространство между бочонками. Отдельные ее участки передвигались, протягивали руки с длинными пальцами, изредка вспыхивали красные светлячки глаз. Тени! Нам они не страшны. А вот замершая у выхода фигура меня беспокоила. Она стояла неподвижно, словно статуя или рыцарские доспехи, но я не помню, чтобы в винном погребе находилось нечто подобное.

Олег увидел висящую на стене лампу и зажег в ней свечу. Илва глубоко вдохнула воздух через нос. В свете пляшущего в лампе огонька было видно, как отростки темноты потянулись к ее лицу.

— Странно пахнет, — прошептала Волчица. — Старое вино и еще что-то незнакомое. — Она нахмурилась.

Словно в ответ на ее слова из темноты высунулась длинная лапа тени и схватила сверчка. Остальные насекомые брызнули в разные стороны. Один из сверчков угодил в лужу и завертелся на месте, дергая ногами. Фигура у двери метнулась к нам, рассекая тьму. Блеснул меч. Я успел парировать удар. Мечи столкнулись, оружие едва не выбило у меня из рук, и враг отпрянул обратно во тьму. Олег вскинул руку с зажженным огненным шаром.

— Нет! — заорал я. — Нельзя!

В голове на мгновение проскочили картины залитого огнем погреба. Тогда не спастись. Верная гибель.

— Назад!

Я взмахнул мечом, целясь в шею темной фигуры, но враг успел уклониться. Острие его меча устремилось к моему лицу. Время замедлилось. Я видел повязку на лице противника, что закрывала глаза и нос, оставляя свободным лишь рот. Видел приближающийся клинок, который я не успевал отразить. Прыгнувшая Волчица летела наперерез его выпаду. В последний момент она сомкнула зубы на запястье врага, и меч скользнул мимо моего лица. Время снова убыстрило свой бег. Враг опустил сжатую в кулак левую руку на голову Волчицы. Илва, взвизгнув, упала на пол.

Я ударил, как учил меня Джереон. Ударил наверняка, зная, что оружие достигнет цели и разрубит противника от шеи до пояса. Но враг уклонился. Миг — и он отпрянул в темноту. Меч свистнул в воздухе. Обратным движением я отбил ответный выпад противника.

— Назад! — закричал я, чувствуя, что Олег выхватил оружие и собирается вступить в бой. — Назад!

Это меня отвлечет и замедлит. В узком проходе между бочками я буду бояться задеть друга.

Враг ударил, я уклонился. Его меч попал в одну из бочек, пробив старые доски. На пол хлынуло вино, и в этот момент я нанес колющий удар. Меч вошел в грудь врага под правую ключицу. Враг отшатнулся, освобождаясь от моего клинка, не удержался на ногах и упал на спину. Олег бросился вперед и всадил меч в его грудь.

В погребе вновь разлилась тишина, которую нарушало лишь журчание вытекающего из бочки вина. Тени забились в темные углы, спрятались между бочонками. Олег нагнулся к Илве, которая уже приняла человеческий облик, и положил ее голову к себе на колени. Не замечая, что руки выпачканы в крови, он гладил волосы Илвы, и его пальцы оставляли красные следы на ее лбу.

Перед глазами появилось сообщение: «Умение владение мечом достигло шестого уровня. Ваша сила возросла до десяти единиц».

Я склонился над павшим противником и сорвал повязку с его лица.

— Посвети, — сказал я Олегу.

Он протянул руку, на которой вспыхнул волшебный огонь. В его свете враг выглядел обычным человеком, но его кожа была

неестественного светло-серого цвета. Голый череп, отсутствие растительности на подбородке, глаза, лишенные зрачков.

— Он слеп! — удивился я.

— Мы убили сокейта, — сказала Илва. — Как болит голова.

Она застонала и схватилась за виски. Олег помог ей встать, вновь наклонился к врагу и перерезал ему горло.

— Зачем? — воскликнул я.

— Это сокейт, — хриплым, незнакомым голосом сказал Олег. — Они выходят из-под земли, как серые крысы. Появляются в ваших домах и крадут детей. Им нет числа. Они не знают пощады. Тот, кто ведет их в бой, не ведает поражений, и горе военачальнику, которому приходится сражаться против серой нечисти. Х-х-е-е!

— Олег, что с тобой?

Мой друг опустился на колени возле поверженного врага. Его тень преображалась. Она отращивала щупальца, которые впивались в тень сокейта и отрывали от нее куски.

— Х-х-е-е!

— Олег!

Я опустил ладонь на его плечо, Олег взмахнул рукой, с чудовищной силой отбрасывая меня в сторону. Я поскользнулся на луже вина и едва не упал, успев схватиться за бочку.

— Они — серая стая, разрывающая врага, — говорил Олег. — Цверги крадут их еще детьми и воспитывают у себя в темных пещерах. Сокейта надо убить наверняка, ибо его раны затянутся, и он снова поднимется с единственной целью — убивать тех, на кого укажет хозяин. Они слепы, ибо под землей не нужно зрение. Они ориентируются лишь на слух, но их слух лучше, чем глаза живущих на поверхности. Они не знают речи, подчиняясь мысленным приказаниям хозяина.

Илва тихо подошла и положила руку на мою кисть, заставив вернуть меч в ножны.

— Не спеши, — шепнула она.

Олег поднял на меня невидящий взгляд, на секунду замер и нахмурился. Я удивился, насколько серым стало его лицо. Кожа тролля расползлась по нему от уха до уха. Тень Олега медленно вернулась в нормальное состояние. Мой друг с недоумением посмотрел на мертвого сокейта, потом вновь перевел взгляд на нас и поднялся на ноги.

— Сокейты обмениваются мыслями, — сказал он хриплым голосом.

— Но я его не слышал, — сообщил я. — Хотя иногда улавливаю мысли нелюдей.

Олег бросил на меня хмурый взгляд и вытер свой меч об

одежду сокейта.

— Он человек. Наверное. Этот был поставлен охранять проход, о котором, выходит, знали. В замке уже известно, что мы здесь. Карлики либо надежно тут обосновались, либо продали сокейтов кому-нибудь другому. Они торгуют бывшими людьми, как рабами. Не знал? Этим маленьким тварям доверять нельзя. Где твоя лаборатория? Х-х-е-е, — вновь захрипел он, тут же превратив хрип в кашель.

Я задул лампу и подошел к выходу из погреба. Открыл толстую дверь. Олег дышал мне в спину, и мне вспомнились темные щупальца, впивающиеся в сокейта. Коридор наполняла темнота. Не горела ни одна лампа, нигде не пробивалось ни лучика света.

— Куда идти? — спросила Илва, ее шепот прозвучал в темноте излишне громко.

— Шагов двадцать направо и будет железная дверь. Олег, зажги огонь. Олег, ты где?

Моего друга нигде не было. Лишь слева, в коридоре, ведущем к акведуку, слышался шелест, будто по камням скользили щупальца.

— Олег! — позвал я громче, понимая, что случилось.

— Я за ним! — Илва превратилась в волчицу и скользнула мимо меня.

Я не успел ее задержать. Издалека послышался скрипящий голос: «Х-х-е-е», и я услышал мысли Олега.

***

Вокруг темнота, словно меня окунули в чернильницу. Полное отсутствие света, в котором теряешь своё «я», не понимаешь, где находишься и что здесь делаешь. Я должен был спасти Ёжика. Я помню его, худого мальчишку, подключенного к компьютеру. Мы все сейчас в сети, если верить моим воспоминаниям. Кто-то из окружающих меня игроки. Кто-то — NPC или монстры, порожденные алгоритмом игры. Почему я до сих пор не спас Ёжика? Вместо этого я притащил в игру Олега и потерял его в заброшенном замке. Илва тоже пропала. Теперь я сам в наполненной шорохами тишине.

В памяти всплыли чужие слова: «Играем мы в игру, она играет нами».

Я не собираюсь быть чьей-то игрушкой. Я человек и сам игрок.

«Что здесь всерьез, что понарошку — не нам решать».

Думаю, что решать всё же придется мне. Надо идти по

намеченному плану, хотя всё пошло наперекосяк. Я должен помочь Олегу вернуть человеческий облик. В голове до сих пор звучали отголоски его громких и примитивных мыслей молодого тролля.

«Свобода. Еда», и еще: «Убить!»

Убить, разорвать всех, кто не его племени. Тролли могут быть ветром и землей, камнями и солнечным светом, но в начале своей жизни они имеют один, неизменный облик — голова с зубастой прорезью-ртом и глазами-блюдцами, бесформенное тело, из которого растут множество щупалец. Впрочем, люди часто называют троллями любых порождений Железного леса.

Где-то вдалеке раздался волчий вой.

Я пошел направо, ощупывая перед собой дорогу, используя меч в ножнах в качестве трости. Я снова был дома. В этих стенах прошло моё детство. Здесь я прятался, наблюдая, как Лотар проверял свои ящики-мышеловки. Тут вместе с одноглазым Вигом, который ходил, громко стуча деревянной ногой и напевая под нос похабные солдатские песенки, я зажигал свечи в лампах. Старый солдат учил меня играть на деньги, бросая камешки в цель и устраивая гонки слизней. Он умер незадолго до смерти отца.

Я был дома, но всё вокруг стало чужим. Больше не горели фонари. Темноту пропитывала опасность. В замке скрывались сокейты, и в любой момент можно было ожидать их нападения.

Стена, по которой стукнул мой меч, отозвалась железным гулом. Вот он, вход в лабораторию. На двери нет ни ручки, ни замочной скважины. Ее не пробить оружием, и даже сильные волшебники лишний раз подумали бы, прежде чем пытаться проникнуть во владения Лотара. Я прикоснулся перстнем к металлу, проскочили яркие искры, и дверь отворилась. Я зашел внутрь, захлопнув ее за собой.

В фонаре, висящем на стене, загорелся висп — болотный дух, которого Лотар как-то принес после возвращения из города. Никогда не поверю, что алхимик поймал его сам, скорее, купил у заезжего торговца. Светящаяся голубая сфера плавала в воздухе за мутным стеклом и кое-как освещала небольшой зал. Может быть, висп даже радовался моему появлению.

В глубине лаборатории стоял стол алхимика — сделанный из красного дерева гигант, наполненный потайными ящиками. Он обладал строптивым характером: спрятанное в его недрах обычно находилось совсем не там, где должно было лежать. Или Лотара подводила память, ведь старый алхимик не допускал меня проверять его теорию, предпочитая сражаться со столом в одиночку. На столе стоял перегонный куб, напоминавший

чудовище со стеклянным хоботом и металлическими паучьими лапами, на фоне которого терялся остальной магический хлам. Разве что выделялась лежащая в стороне толстая книга с алхимическими рецептами. В детстве Лотар иногда позволял разглядывать рисунки на ее пожелтевших от времени страницах. Нарисованные драконы соседствовали с русалками, бесстыдно демонстрировавшими свои тела, изображения алхимических ингредиентов и рун поясняли таинственные формулы. Я подошел и смахнул пыль с кожаной обложки. Рассыпанные по столу семена проросли колючими побегами, и, для того чтобы раскрыть книгу, мне пришлось оторвать вцепившийся в нее росток.

Нет! Я пришел сюда не за детскими воспоминаниями. Я захлопнул книгу, подняв облако пыли, и подошел к протянувшемуся вдоль стены шкафу. За стеклянными дверцами на полках стояли снадобья и яды, компоненты для опытов и хранящие магию рунные камни. Удивительно, но я помнил, что и где находится. Значит, не зря Лотар заставлял меня заучивать ненужную на первый взгляд информацию.

«Корень мандрагоры, растворенный в белом вине помогает от бессонницы. Пыль летающего цветка, смешанная на камне «рёк» с желчью кролика — когда отказывают в темноте глаза. А если кого поцарапает тролль, то болезнь вылечит отвар чернокорня и печени мантикоры. Отвар боится света, и хранить его надо в защищенном сосуде. Вот он, на нижней полке».

Я взял склянку из темного стекла, на ярлыке которой были нанесены руны тайнописи южных волшебников. Лотар не учил меня понимать эти каракули. Думаю, что старый пройдоха сам не знал, что они обозначают. Я заметил на полке несколько снадобий лечения — пузырьков с гранатовой жидкостью, и положил их в карман, куда спрятал и лекарство от болезни. Теперь оставалось найти сбежавшего Олега.

В лаборатории царила тишина, лишь едва слышно бился о стекло фонаря висп. Я услышал далекие мысли.

«Игорь», — кто-то отчетливо думал обо мне.

Мысли были хриплыми, словно их приглушал вой ветра в горах. Будто где-то катилась лавина, и шум сталкивающихся камней звучал, как мое имя.

«Игорь».

Я вышел из лаборатории, дверь закрылась за моей спиной. Вновь вернулась темнота и чувство опасности. Винный погреб находился рядом. Стоило лишь пройти по коридору, свернуть, и я выберусь из замка. Там — лес и свобода. Здесь — темнота и неопределенность. Но что я скажу Ёжику, когда вытащу его из игры? Нет, я пойду за Олегом и найду этого глупца, позволившего

превратить себя в тролля. Олег направился в сторону, где возле акведука было логово Дайпожрать. Наверное, слышал запах другого тролля и решил, что так сможет выбраться в Железный лес. Возможно, он просто забыл про выход в винном погребе.

«Игорь, это ты пришел?».

Чьи мысли я слышу? Их звучание мне знакомо, но это слишком невозможно, чтобы быть правдой.

Я шел, и эхо моих шагов отражалось от стен пустых коридоров. Но существовали другие звуки — тревожные, заставляющие учащенно биться сердце. Я замер, закрыл глаза, хотя в этом не было нужды, и прислушался. Тихие шаги чужаков слышались отовсюду — сокейты спешили на зов погибшего собрата. Двое шли сзади, спустившись из кухни. Один бежал со стороны акведука. Только что совсем близко я слышал еще одного врага. Где же он?

Коридор шел полукругом, огибая донжон. От лаборатории я насчитал тридцать шагов, значит, винный погреб остался позади. Справа должна быть ниша, в которой когда-то жил Виг. За ней резкий поворот направо, где начинается ведущая наверх лестница.

Я увидел сокейта так же ясно, как мальчишкой видел плавающих подо льдом русалок. Он стоял за углом. Готовый к удару, замер, словно статуя, с поднятым над головой мечом. Тогда я ударил мечом из-за угла. Клинок проткнул тело сокейта, враг с коротким стоном повалился на пол.

Я замер в боевой стойке, слушая темноту. В памяти всплыли слова Джереона.

«Не стой, как утка! Возьми платок».

«Зачем?»

«Завяжи глаза. Плотнее! А теперь подними меч и отрази удар».

«Ай!»

«Неправильно! Ты смотришь. Глаза у тебя закрыты, но ты смотришь, когда должен слушать. Надо смотреть ушами, слышать, как противник наносит удар. Вот так!»

«Ай! Зачем это?»

«Глаза могут подвести, но твой меч должен поразить врага».

Первыми появились те двое, что бежали со стороны кухни. Я шагнул вправо, скрываясь в нише старого Вига, и взмахом меча разрубил одного из преследователей. Второй сокейт отпрыгнул в сторону.

«Слушай врага!»

Я отразил выпад сокейта и толкнул противника плечом. Не удержавшись на ногах, он налетел на стену. Мой следующий удар

не достиг цели — сокейт уклонился, и меч звякнул о камни. Враг ударил в ответ, но я был готов к его выпаду, отпрянул назад, и острие меча лишь разрезало куртку на животе.

«Улови каждый следующий шаг противника».

И голос из настоящего: «Игорь, это ты? Ответь, и я отзову своих псов».

Кто это говорит? Неважно. Я снова был Глазом дракона, северным охотником. Я был единым со своим мечом. В груди возникла теплая волна, прошла сквозь руки, сконцентрировалась в клинке, и скрытая в нем сила вырвалась на свободу. Мой следующий удар сломал оружие врага, прошел сквозь его руку и тело, а я обернулся и нанес выпад по последнему противнику, тому, что приближался со стороны акведука.

Он бежал слишком быстро и не успел замедлить движение. Мой меч, ускоренный вырвавшейся на свободу магией, проткнул его грудь. Я выдернул оружие, и мертвый враг рухнул на пол.

Первый сокейт поднимался, цепляясь за стену. Звякнул поднятый с пола меч. Я шагнул к врагу и одним ударом снес ему голову.

«Браво! — сказал Джереон из прошлого, когда я с завязанными глазами смог шлепнуть мечом по его щупальцу. — Ты делаешь успехи, сын маркграфа. Может быть, теперь ты даже сможешь прихлопнуть комара».

В темноте перед моими глазами возникло сообщение: «Умение владение мечом достигло седьмого уровня».

Затем сменилось еще одним: «Получено умение бой вслепую».

И еще: «Ваша ловкость возросла до двенадцати единиц».

Я пошатнулся, оперся о стену, и меня вырвало, едва не вывернув желудок наизнанку. Это были всего лишь NPC, не люди, но есть ли здесь разница? Кое-как отдышавшись, я пошел к акведуку.

***

Свет я увидел издалека. Решетка, перекрывающая путь наружу, была сломана, с потолка торчали остатки металлических прутьев. Коридор выводил на акведук, соединяющий донжон с одной из сторожевых башен. Под акведуком журчала вода, и скрипело мельничное колесо. Гьёлль вытекала из черного каменного провала под главной стеной, чтобы вскоре вновь скрыться в Нидавеллире. Скованная у берегов тонким льдом подземная река ответвлялась и заполняла водой ров вокруг замка. Сквозь обрушенную часть стены виднелся Железный лес.

Деревья прорастали через пролом, цеплялись корнями за камни и крошили их в пыль. Если ничего не изменится, спустя несколько десятков лет замок превратиться в руины.

У Гьёлль сидела Илва и бросала в воду камешки.

— Я слышала, что ты идешь. Нашел лекарство? — Она обернулась и вскрикнула: — Ты ранен!

— Не моя кровь, — буркнул я. — Да, снадобье у меня.

Свет с непривычки резал глаза. Илва поднялась и шагнула мне навстречу.

— А это что? — Она прикоснулась к моей куртке.

Меч сокейта разрезал не только одежду — сквозь прореху виднелась неглубокая рана, из которой текла кровь. Странно, что раньше я не чувствовал боли.

— Надо перевязать, — забеспокоилась Илва.

— Потом. Где Олег?

— Ушел в лес, — махнула она рукой, указывая на пролом в стене. — Я не смогла его задержать. В сторожевой башне никого нет. Здесь был лишь один сокейт, но он пропустил Олега, а потом убежал в замок. Меня не услышал, и я осталась здесь ждать тебя.

Значит, Волчицу сокейт тоже пропустил, как свою? Кому принадлежат оборотни — людям или порождениям леса?

— Я убил четверых из них.

Илва отвернулась.

— Прости — я струсила, — сказала она тихо. — Не смогла вернуться. Ты сражался — я слышала звон оружия, порывалась бежать на помощь, но не могла заставить себя вновь войти в темный коридор. Я не воин, как Бирта, и не такая храбрая, как Гулльвейг. Наверное, я зря пошла с вами.

Я пожал плечами и кивнул в сторону разрушенной стены.

— Жди меня в лесу.

— А ты? — подняла Илва на меня взгляд.

— Мне надо вернуться в замок.

— Зачем?!

— Есть незаконченное дело. Иди!

Я повернулся и пошел к входу в донжон — владелец замка не должен пробираться через подвал, как вор.

Появилось сообщение: «Ваш интеллект вырос до девяти единиц».

***

Вооруженные мечами цверги, закованные в волшебные не пропускающие солнечный свет доспехи, встретили меня у раскрытых ворот. В зале блуждали тени, среди которых

появлялись щупальца и крылья, чудовищные когти царапали пол, загорались красные глаза с вертикальными зрачками. По обе стороны трона стояли два сокейта. На троне сидел повелитель замка.

— Но красоту в пороках не сберечь. Ржавея, остроту теряет меч, — шагнул ко мне один из цвергов.

— Хорошо, что ты не рыба, а то был бы ты соленой трескою. Скорей, где твой меч? (*) — Второй карлик требовательно протянул руку в латной перчатке.

(*) цверги разговаривают цитатами из произведений Шекспира.

Я ухмыльнулся и взялся за рукоять меча.

«Пропустите моего гостя! — послышались мысли повелителя. — Он может оставить свое оружие при себе. Сомневаюсь, что отдаст его без боя».

Карлики вернулись на свои места. Мгла, порождающая призрачных чудовищ, отступила к стенам. Я прошел по каменному полу и остановился в десяти шагах от трона.

— Здравствуй, Джереон.

«Я ждал тебя, Игорь. Долго же ты возвращался в родной замок».

— Много чего случилось, после того, как ты ушел, — сказал я.

Тролль был мертв. Во всяком случае, его высохшее тело не подавало признаков жизни.

«Всего лишь старая оболочка, в которой продолжает существовать мое сознание, — рассмеялся Джереон. — Привязанность, от которой трудно избавиться. Ты же знаешь, что я могу быть кем угодно».

— Или не можешь, — хмыкнул я. — Ты удачно умеешь внушать то, что тебе нужно. Возможно, старые тролли, как и молодые не могут трансформировать свои тела?

Кончики высохших щупалец вздрогнули.

«Ты вырос, сын маркграфа, но не поумнел. В каком мире живет твой разум сейчас? Всё еще не можешь определиться?»

— Этот мир всего лишь игра.

«Ты в этом уверен? А может быть, игрой является твой другой воображаемый мир?»

— Зачем ты ушел и оставил меня одного? — перевел я тему разговора.

«У всех есть свои дела».

— Но ты мог хотя бы предупредить! Ты сидишь на

принадлежащем мне троне.

«Мне встать и уступить место? — Джереон зашумел падающими вдалеке камнями. Одно из его щупалец с трудом поднялось и пошаталось из стороны в сторону. — Я же предупреждал тебя мне не верить? Как любит говорить твой ничтожный друг в черной одежде, играем мы в игру, а она играет нами. Но я тоже предпочитаю играть людьми. Мне нравится, когда всё идет по продуманному плану».

— Ты человек, — сказал я. — Не NPC.

«Нет, не человек. Игрок, но не человек. В игры приходят не только люди. Ты не знал, что по ту сторону пространства Чендлера лежат другие миры?»

— Не верь троллю, — тихо проговорил я.

«Не верь вообще никому. Твой друг, уведший твою девушку в прошлом мире, что ты знаешь о нем? Думаешь, он волшебник-самоучка? Он боевой маг империи Ютан, генерал, возглавлявший армию купленных у цвергов сокейтов. Он залил кровью не один город, прежде чем дезертировал и остался жить на севере. Неужели он скрывал от тебя свое прошлое?»

— У всех есть секреты, — хмыкнул я.

«Что тебе пообещал Чернушка? Вернуть домой? Но хочешь ли ты вернуться? Что ты забыл в том мире? Одиночество? Судьбу неудачника? Здесь ты можешь стать кем угодно. С моей помощью ты победишь Вота и займешь его место».

— Мое подключенное к компьютеру тело смертно, — сказал я. — Как только оно умрет, здесь меня тоже не станет.

«Ты в этом уверен? Я подарю тебе вечную жизнь здесь даже после смерти там. Ты продолжишь жить в «Хвергельмире».

— Зачем это тебе?

«Возможно, это моя маленькая игра».

Тьма за моей спиной шевелилась, но я не оборачивался. Передо мной сидела высохшая, но еще живая мумия моего учителя, моей тайны, моей мечты вновь встретиться с прошлым, но теперь это не вызывало во мне никаких чувств. Сокейты стояли неподвижно, ожидая команды своего повелителя.

«Ты помог мне раз, поможешь и снова».

— Когда я тебе помог?

Я знал, но не хотел вспоминать.

«Вспомни Альфрига. Цвергов, которых твой дядя заставлял встречать рассвет, чьи окаменевшие тела до сих пор стоят во дворе замка. Верящими в справедливость людьми несложно манипулировать».

Воспоминания, запертые в глубине памяти, вырвались на свободу, заставляя вновь пережить давно прошедшие события.

***

Он пришел ночью, уставший цверг, который валился с ног от голода. Мы пили горячее вино, Альфриг говорил фразами из известных книг, а за стенами хижины завывал зимний ветер.

«Зигфриду пора воссесть на отчий трон».

Но я слышал мысли карлика, которые он хотел мне поведать. Перед глазами возникали картины запертых в клетки цвергов. Солнце поднималось всё выше и выглядывало над стенами замка. Мой дядя Берхарт часто пополнял свою коллекцию скульптур.

«Это ты виноват. Ты сбежал, хотя должен был занять место отца. Из-за тебя творится несправедливость. Наш народ страдает».

Я не хотел его слышать, но никак не мог опьянеть, чтобы заглушить чужие мысли.

«Замок защищен магией. Нам не пройти. Но ты можешь. Ты наследник. Назначь дяде встречу, пронеси руну. Она создаст проход».

Но я не хочу быть маркграфом! Вернее, не могу! Сумасшедший не должен править. Но холодный камень уже лег в мою руку.

«Пронеси руну. Этого достаточно».

Я встретился с маркграфом Берхартом в замке. Он посмеялся надо мной, не удостоив пленения или смерти, не посчитал меня опасным.

«Ты стал хорошим охотником, Игорь. Как тебя сейчас звать? Глаз дракона?»

Да, я стал хорошим охотником. Я уронил камень возле колонны, и он слился с полом, чтобы через день взорваться, открыв цвергам проход. Я ушел с мыслью больше никогда не возвращаться, но судьба распорядилась иначе.

Долгими вечерами, когда до меня доходили слухи о происходящих в Вормсе событиях, я задумывался, и мне начинало казаться, что те услышанные мною мысли не принадлежали Альфригу. Цверг служил лишь посредником. Если посмотреть на сокейтов — детей, превращенных карликами в послушных слепых воинов, то правильность моих действий кажется весьма условной.

***

— Ты всё знал заранее, когда возился с маленьким сыном маркграфа? — спросил я у Джереона.

«Всё знать наперед невозможно, иначе в игре отсутствовал бы смысл. Ты согласен на мое предложение? Убей Вота, и я дам

тебе вечную жизнь здесь. С твоими умениями мы многого достигнем. Ты же хочешь быть мне полезным?»

— Знаешь, — сказал я. — Теперь я понял, что ты не человек. Для людей не столь важно быть полезными. Люди хотят быть нужными, хотят, чтобы их любили. Маленький мальчишка привязался к тебе, Джереон, и думал, что ты тоже испытываешь к нему подобные чувства. Вечная жизнь идея неплохая, но я не могу нарушить данное слово. Я обещал и должен вернуть Ёжика. Интересно, что ты потребуешь от меня потом, после того, как я убью Вота, мою душу? — Я вынул меч из ножен и добавил: — Ты сам говорил никому не верить.

«Ты собираешься драться со мною?! — удивился Джереон. — Я учил тебя быть рассудительным».

Сокейты выхватили мечи. Джереон не пошевелился, но откуда-то сбоку появились щупальца, состоящие из сгустков тьмы, и схватили стражей за шеи. Раздался хруст, сокейты упали на пол.

«Преданные до смерти цепные псы защищают хозяина без приказа. Они могли испортить развлечение. Ты всё еще хочешь драться?»

Я поднял меч и шагнул к трону. Два выросших из тьмы щупальца устремились ко мне, их движения были столь быстрыми, что в воздухе остались лишь размытые следы. Первое щупальце я отрубил мечом, и оно разлилось по полу черным туманом. Второе ударило меня под колени, заставив сесть на пол.

«Слабак. Разве я так учил тебя драться?», — рассмеялся Джереон, и тогда я кинул в него меч.

Подаренный Илвой клинок пробил тело тролля и пригвоздил его к деревянной спинке трона. В моей голове послышался рев чудовища. Темнота задрожала, выползшие из нее щупальца упали и втянулись обратно. Высохшие конечности тролля попытались подняться, но я уже был возле трона. Схватил рукоять меча, выдернул оружие и нанес удар.

— Меня учил не ты, а Сергей Викторович Галушка, — сказал я.

Верхняя половина тела Джереона свалилась на пол.

Перед глазами возникло сообщение: «Получено умение бросок меча», и сразу за ним сменяющие одна другую надписи: «Умение владение мечом достигло восьмого уровня», «Умение владение мечом достигло девятого уровня», «Умение владение мечом достигло десятого уровня», «Ваша сила достигла одиннадцати единиц», «Ваша ловкость повышена до тринадцати единиц», «Ваш интеллект вырос до десяти единиц».

Я развернулся к подбегающим цвергам. Откуда-то издалека

послышались мысли: «До встречи, Игорь Ламберт», но, возможно, мне это только показалось.

***

Илва ждала меня на лесной опушке. В лесу было тихо и сравнительно тепло. В воздухе кружились, медленно оседая на землю, пушистые хлопья снега. Илва поднялась со ствола упавшего дерева и бросилась мне навстречу. На мгновение показалось, что она собиралась меня обнять, но вместо этого Волчица остановилась и сказала:

— Ты задержался. Надо спасать Олега, а ты задержался. Ты выполнил, что хотел?

— Да. Убил одного тролля, возомнившего себя правителем. Ты знаешь, куда идти?

Илва улыбнулась.

— Конечно. Запахи могут рассказать о многом. Олег пошел вглубь леса, туда, где обитают тролли. Люди не ходят в Железный лес. Отдай мне снадобье, и я пойду за Олегом сама.

— Нет.

— Почему? Не доверяешь?

— Глупо. Олег мой друг, и я должен его спасти.

— Друг или враг? Он рассказал мне о том, как в молодости увел у тебя девушку.

Я промолчал.

— Ну что, ты дашь мне снадобье? — протянула руку Илва.

— Я же сказал, что нет! Показывай, куда идти.

— Как хочешь. Одной в лесу мне было бы легче. С тобой незаметно не проскользнешь. Ладно, идем, раз ты такой упрямый. Но вначале надо перевязать твою рану.

Она достала бинт, и я безропотно подчинился, хотя не считал, что мой порез достоин внимания. Снегопад усилился, Илва выглядела снежной девой, чьи ледяные прикосновения могли заморозить забредшего в лес путника.

Я шел сквозь ветер и колючую стену холода. Ледяные иголки впивались в кожу, оставляя на лице и руках кровоточащие царапины. Под ногами трещал лед. Главное было не споткнуться о торчащие пни — если упаду, вряд ли хватит сил подняться. Видимость закрывала ледяная мгла, и путь казался бесконечным. Я никогда не доберусь до цели. Демон получит свою добычу.

Я обернулся. Сквозь ледяной вихрь виднелись темные фигуры человека с горящим на ладони огоньком и волка. Показалось, что Олег опустился на колени. Огонь погас и тут же вспыхнул у самой земли. Тогда я повернулся и продолжил путь. Пальцы на руках я

не чувствовал, лишь видел, как крепко они сжимали рукоять меча.

Где-то впереди ждала раскрытая пасть чудовища. Я помню, как демон глотал предложенную алхимиком добычу.

«Посмотри, Игорь, забавное зрелище».

Лотар опускал мышь,держа ее за хвост, в банку с демоном. Шансов спастись у грызуна не было — обездвиженная холодом, мышь падала на дно прямо в открытую пасть маленького монстра. Лотар быстро захлопывал крышку и дышал на замерзшую ладонь.

«Никогда не надоедает на это смотреть, — пояснял алхимик, думая, что я разделяю его страсть. — О! Смотри, сейчас заглотнет».

Не подозревал, что окажусь на месте несчастной мыши.

Я шел, и казалось, что мои тело и разум существовали отдельно друг от друга. Тело уже сдалось, но разум не хотел мириться с участью обреченного грызуна.

Я снова был десятилетним мальчишкой, который сбежал из родового замка. Мальчишка замерзал во льдах, пока его не подобрали ледяные кочевники. Их юрты защищали от холода. Внутри горели высушенные лепешки шестиногов, и едкий дым с непривычки щипал мальчишке глаза. Это была новая жизнь, пусть не такая как раньше, но она позволяла существовать среди этих странных людей, чьи плоские круглые лица покрывали морщины, как трещины лед. Шаман племени собирался сделать мальчишку своим преемником.

«Тывоя жизнь, — говорил старый Крик белой птицы. — Она дывойная. Ты здесь и там. Ты со мыной и где-то далеко».

Крик белой птицы учил мальчишку слушать океан. Стоило лечь на расстеленную шкуру и опустить ухо к самому льду, как перед закрытыми глазами возникали русалки. На глубине, в черной пучине, они плавали, пели свои песни, охотились и спасались от кракенов. Если научиться понимать их речь, то можно узнать о многом: о том, что было, что будет и что могло бы быть, но уже никогда не случится.

«Выставай, — поднимал меня шаман. — Ты замерзнешь».

Я открыл глаза и понял, что лежу на земле. Казалось, что одежда и руки вмерзли в корку льда. Я знал тебя, старый шаман, слишком мало, ты не смог заменить мне Джереона, но ты в меня верил. Благодаря тебе я выжил. Тогда и сейчас. Я нащупал лежащий рядом меч и, опираясь на него, поднялся, сначала на колени, а потом выпрямился в полный рост. Шаг, еще один на дрожащих ногах — я снова шел к ледяному демону.

«Ты мыногому научишься, мальчик-с-нежной-кожей», —

говорил шаман.

Однажды он открыл сундук, спрятанный под шкурами моржей, — окованный железом, купленный у побережников, и достал маленькую склянку с голубоватой жидкостью.

«Кыровь мохнатого червя», — сообщил он.

«Мохнатых червей не бывает», — засмеялся я.

К тому времени я уже мог отличать правду от сказок северного народа.

«Ты обвиняешь меня во лыжи? — возмутился шаман. — Раздевайся и марш из юрты».

Всё еще не понимая, что хотел сделать старик, я сбросил одежду, оставшись дрожать от холода. Мальчишка, привыкший к жизни в замке, но слишком упрямый, чтобы без борьбы умереть во льдах. Шаман вытолкнул меня наружу, и я стоял, пока холодный ветер не заставил забыть о моем теле. Тогда шаман внес меня обратно в юрту и обтер тряпкой, смоченной в голубой крови мохнатого червя.

«Теперь тебе не страшен хыолод зимы. Завтра я научу тебя слышать белую птицу», — сказал шаман, улыбаясь.

Белая птица, парящая высоко в небе и никогда не садящаяся на землю, в отличие от русалок всегда говорила только то, что должно случиться. Шаман обманул меня, потому что сам ее не услышал той ночью. Перед рассветом пришли морозные великаны, и Крик белой птицы умер. Я успел выскочить из хижины, прежде чем на нее опустилась нога великана, и бежал к побережью вместе с остальными выжившими.

К концу путешествия нас осталось лишь пятеро. Странно, но холода я почти не чувствовал. Только на моем обмороженном теле с тех пор не росли волосы, и мальчишки из прибрежного поселения смеялись надо мной, пока я не убил краба-людоеда. Я вошел в ледяную воду, пронзил его несколькими ударами копья и выволок на берег.

Жидкость, которой обтер меня шаман, не позволила мне замерзнуть.

Возникло сообщение: «Вы получили постоянную защиту от холода».

Значит, я действительно в игре, либо это фантазии моего больного мозга? Неужели игра меняет на ходу мою жизнь, или я вспоминаю то, что успел забыть?

Я шел, и холод больше не причинял мне боль. Я вновь ощущал пальцы, сжимающие оружие.

Впереди из скрытой за завесой льда пасти чудовища вырывались хрипы и клекот. Ледяной демон понял, что добыча не собирается сдаваться без борьбы. Я слышал мысли чудовища,

которые выдавали его намерения.

«Убить! Съесть!»

Шаг влево. Из-подо льда в том месте, где я только что стоял, вырвались сосульки. Удар мечом, и они со звоном упали, расколовшись на сотни частей.

«Убить! Съесть!»

Демон мог управлять льдом на расстоянии, но думал об этом слишком явно — я чувствовал, где он собирался нанести следующий удар. Шаг назад, взмах мечом, звон льда и раздающийся рев чудовища.

«Убить! Съесть!»

Передо мной раскрытая пасть, за которой пряталось выползшее на поверхность уродливое тело с десятком коротких лапок. Я вложил в удар всю силу, разрубая мечом верхнюю челюсть чудовища, а потом, ударил снова, кроша ледяную броню на его голове. Из-под прозрачного панциря на меня смотрели множество красных глаз.

«Убить!»

Один глаз лопнул, когда я всадил в него меч по самую рукоять.

«Съесть!»

Истекая кровью, демон попытался спрятаться под землю, но я выдернул меч и снова погрузил его в тело чудовища.

«Съесть!»

Ледяной демон затих. Я стоял и смотрел на его мертвое тело, маленькое, несуразное по сравнению с огромной головой. С меча скатывались капли крови и падали на лед замерзшими розовыми кристаллами. Подошел Олег и стал возле меня. Волчица села у моих ног. Я протянул руку, чтобы ее погладить, но Волчица предостерегающе зарычала. Она рванулась вперед и вцепилась в демона. Ледяной панцирь прогнулся, лопнул, раскрошился, и Волчица погрузила пасть в мягкую плоть. Я отвернулся.

Перед глазами появилось сообщение: «Умение владение мечом достигло пятого уровня. Ваша сила выросла до девяти единиц. Ваша ловкость выросла до одиннадцати единиц».

Ловкость перевалила за десятку. Бонусные значения, намного превышающие средний параметр виртуала в игре. Насколько я знаю, два десятка в «Хвергельмире» предельная граница значений.

— Спасибо что спас нас всех, — сказал Олег.

Я взмахнул мечом, очищая его от крови, и вернул оружие в ножны.

— Нам туда, — указал я на развороченную демоном дыру в земле. — Когда-то это было тайным проходом. Думаешь, Илва

останется волком?

— А ты сможешь ее уговорить превратиться в человека?

Илва повернула к нам голову с окровавленной пастью и оскалила острые клыки.

— Нет, — покачал я головой.

***

С потолка свисали корни деревьев, и капала вода — темноту подземелья наполнял влажный теплый туман. Думаю, что демон отводил под землю тепло, охлаждая свои охотничьи угодья.

Хорошо он поработал, хмыкнул я, разглядывая зеленые побеги ночницы с бледными цветами, что взбирались по стенам. Летящие на свет мошки сгорали искорками в пламени на руке Олега. Здесь словно теплица, не хватает только яркого солнца.

Под ногами хрустнула кость — этот звук я не спутаю ни с одним другим. Я нагнулся и поднял с земли обглоданную человеческую руку со следами зубов.

— Кому-то не повезло, — прошептал Олег.

Рядом с останками блеснули треснувшими стеклами круглые очки. Я поднял их, подержал на ладони, вспоминая того, кому они раньше принадлежали.

«Я буду по тебе скучать, Игорь».

Прощай, Лотар. Нам не суждено было свидеться — тебя съел собственный питомец. Я переступил через останки алхимика и пошел дальше в темноту. Насколько я помню, туннель вел недалеко — нырял под деревья, проходил подо рвом и упирался в скрытую дверь винного погреба. Вот она. Я отвел мечом свисающие нити паутины.

— Пришли. Лаборатория Лотара в подвале, невдалеке от винного погреба. Отец постарался отдалить алхимика как можно дальше — не любил запахи химических опытов, да и сами опыты считал опасными. Нам надо выйти из погреба, незаметно пройти по коридору и добраться до лаборатории.

— Говорят, что цвергов в замок провел кто-то из своих, — сказала Илва, вновь принявшая человеческий облик. Она выглядела смущенной и вытирала ладонью рот.

— Я был далеко, — сказал я.

— Знаю, — кивнула Волчица, рассматривая свою ладонь. — Странно, что ты не хотел вернуть замок себе всё это время.

«Зигфриду пора воссесть на отчий трон».

Я покачал головой, прогоняя воспоминание, и приложил к двери перстень. В щелях между досками проскочили искры. Где-то в стене щелкнул замок, дверь вздрогнула и открылась.

Появилось сообщение: «Ваш интеллект вырос до восьми единиц».

Дохнуло затхлым винным ароматом. Перед нами стояла огромная бочка. Из дырки на ее боку просачивалось вино, собиралось на полу в лужу, возле которой сидели несколько больших сверчков. Вдоль стен до самого выхода выстроились шеренги бочонков поменьше — запасы вина и коньяка, которыми всегда славился мой род.

«Кап, кап. Кап, кап» — монотонное звучание капели растворялось во тьме погреба. Темнота казалась живой. Разреженная у потолка, она сгущалась к полу черной пеленой, заполнявшей пространство между бочонками. Отдельные ее участки передвигались, протягивали руки с длинными пальцами, изредка вспыхивали красные светлячки глаз. Тени! Нам они не страшны. А вот замершая у выхода фигура меня беспокоила. Она стояла неподвижно, словно статуя или рыцарские доспехи, но я не помню, чтобы в винном погребе находилось нечто подобное.

Олег увидел висящую на стене лампу и зажег в ней свечу. Илва глубоко вдохнула воздух через нос. В свете пляшущего в лампе огонька было видно, как отростки темноты потянулись к ее лицу.

— Странно пахнет, — прошептала Волчица. — Старое вино и еще что-то незнакомое. — Она нахмурилась.

Словно в ответ на ее слова из темноты высунулась длинная лапа тени и схватила сверчка. Остальные насекомые брызнули в разные стороны. Один из сверчков угодил в лужу и завертелся на месте, дергая ногами. Фигура у двери метнулась к нам, рассекая тьму. Блеснул меч. Я успел парировать удар. Мечи столкнулись, оружие едва не выбило у меня из рук, и враг отпрянул обратно во тьму. Олег вскинул руку с зажженным огненным шаром.

— Нет! — заорал я. — Нельзя!

В голове на мгновение проскочили картины залитого огнем погреба. Тогда не спастись. Верная гибель.

— Назад!

Я взмахнул мечом, целясь в шею темной фигуры, но враг успел уклониться. Острие его меча устремилось к моему лицу. Время замедлилось. Я видел повязку на лице противника, что закрывала глаза и нос, оставляя свободным лишь рот. Видел приближающийся клинок, который я не успевал отразить. Прыгнувшая Волчица летела наперерез его выпаду. В последний момент она сомкнула зубы на запястье врага, и меч скользнул мимо моего лица. Время снова убыстрило свой бег. Враг опустил сжатую в кулак левую руку на голову Волчицы. Илва, взвизгнув, упала на пол.

Я ударил, как учил меня Джереон. Ударил наверняка, зная, что оружие достигнет цели и разрубит противника от шеи до пояса. Но враг уклонился. Миг — и он отпрянул в темноту. Меч свистнул в воздухе. Обратным движением я отбил ответный выпад противника.

— Назад! — закричал я, чувствуя, что Олег выхватил оружие и собирается вступить в бой. — Назад!

Это меня отвлечет и замедлит. В узком проходе между бочками я буду бояться задеть друга.

Враг ударил, я уклонился. Его меч попал в одну из бочек, пробив старые доски. На пол хлынуло вино, и в этот момент я нанес колющий удар. Меч вошел в грудь врага под правую ключицу. Враг отшатнулся, освобождаясь от моего клинка, не удержался на ногах и упал на спину. Олег бросился вперед и всадил меч в его грудь.

В погребе вновь разлилась тишина, которую нарушало лишь журчание вытекающего из бочки вина. Тени забились в темные углы, спрятались между бочонками. Олег нагнулся к Илве, которая уже приняла человеческий облик, и положил ее голову к себе на колени. Не замечая, что руки выпачканы в крови, он гладил волосы Илвы, и его пальцы оставляли красные следы на ее лбу.

Перед глазами появилось сообщение: «Умение владение мечом достигло шестого уровня. Ваша сила возросла до десяти единиц».

Я склонился над павшим противником и сорвал повязку с его лица.

— Посвети, — сказал я Олегу.

Он протянул руку, на которой вспыхнул волшебный огонь. В его свете враг выглядел обычным человеком, но его кожа была неестественного светло-серого цвета. Голый череп, отсутствие растительности на подбородке, глаза, лишенные зрачков.

— Он слеп! — удивился я.

— Мы убили сокейта, — сказала Илва. — Как болит голова.

Она застонала и схватилась за виски. Олег помог ей встать, вновь наклонился к врагу и перерезал ему горло.

— Зачем? — воскликнул я.

— Это сокейт, — хриплым, незнакомым голосом сказал Олег. — Они выходят из-под земли, как серые крысы. Появляются в ваших домах и крадут детей. Им нет числа. Они не знают пощады. Тот, кто ведет их в бой, не ведает поражений, и горе военачальнику, которому приходится сражаться против серой нечисти. Х-х-е-е!

— Олег, что с тобой?

Мой друг опустился на колени возле поверженного врага. Его тень преображалась. Она отращивала щупальца, которые впивались в тень сокейта и отрывали от нее куски.

— Х-х-е-е!

— Олег!

Я опустил ладонь на его плечо, Олег взмахнул рукой, с чудовищной силой отбрасывая меня в сторону. Я поскользнулся на луже вина и едва не упал, успев схватиться за бочку.

— Они — серая стая, разрывающая врага, — говорил Олег. — Цверги крадут их еще детьми и воспитывают у себя в темных пещерах. Сокейта надо убить наверняка, ибо его раны затянутся, и он снова поднимется с единственной целью — убивать тех, на кого укажет хозяин. Они слепы, ибо под землей не нужно зрение. Они ориентируются лишь на слух, но их слух лучше, чем глаза живущих на поверхности. Они не знают речи, подчиняясь мысленным приказаниям хозяина.

Илва тихо подошла и положила руку на мою кисть, заставив вернуть меч в ножны.

— Не спеши, — шепнула она.

Олег поднял на меня невидящий взгляд, на секунду замер и нахмурился. Я удивился, насколько серым стало его лицо. Кожа тролля расползлась по нему от уха до уха. Тень Олега медленно вернулась в нормальное состояние. Мой друг с недоумением посмотрел на мертвого сокейта, потом вновь перевел взгляд на нас и поднялся на ноги.

— Сокейты обмениваются мыслями, — сказал он хриплым голосом.

— Но я его не слышал, — сообщил я. — Хотя иногда улавливаю мысли нелюдей.

Олег бросил на меня хмурый взгляд и вытер свой меч об одежду сокейта.

— Он человек. Наверное. Этот был поставлен охранять проход, о котором, выходит, знали. В замке уже известно, что мы здесь. Карлики либо надежно тут обосновались, либо продали сокейтов кому-нибудь другому. Они торгуют бывшими людьми, как рабами. Не знал? Этим маленьким тварям доверять нельзя. Где твоя лаборатория? Х-х-е-е, — вновь захрипел он, тут же превратив хрип в кашель.

Я задул лампу и подошел к выходу из погреба. Открыл толстую дверь. Олег дышал мне в спину, и мне вспомнились темные щупальца, впивающиеся в сокейта. Коридор наполняла темнота. Не горела ни одна лампа, нигде не пробивалось ни лучика света.

— Куда идти? — спросила Илва, ее шепот прозвучал в

темноте излишне громко.

— Шагов двадцать направо и будет железная дверь. Олег, зажги огонь. Олег, ты где?

Моего друга нигде не было. Лишь слева, в коридоре, ведущем к акведуку, слышался шелест, будто по камням скользили щупальца.

— Олег! — позвал я громче, понимая, что случилось.

— Я за ним! — Илва превратилась в волчицу и скользнула мимо меня.

Я не успел ее задержать. Издалека послышался скрипящий голос: «Х-х-е-е», и я услышал мысли Олега.

***

Вокруг темнота, словно меня окунули в чернильницу. Полное отсутствие света, в котором теряешь своё «я», не понимаешь, где находишься и что здесь делаешь. Я должен был спасти Ёжика. Я помню его, худого мальчишку, подключенного к компьютеру. Мы все сейчас в сети, если верить моим воспоминаниям. Кто-то из окружающих меня игроки. Кто-то — NPC или монстры, порожденные алгоритмом игры. Почему я до сих пор не спас Ёжика? Вместо этого я притащил в игру Олега и потерял его в заброшенном замке. Илва тоже пропала. Теперь я сам в наполненной шорохами тишине.

В памяти всплыли чужие слова: «Играем мы в игру, она играет нами».

Я не собираюсь быть чьей-то игрушкой. Я человек и сам игрок.

«Что здесь всерьез, что понарошку — не нам решать».

Думаю, что решать всё же придется мне. Надо идти по намеченному плану, хотя всё пошло наперекосяк. Я должен помочь Олегу вернуть человеческий облик. В голове до сих пор звучали отголоски его громких и примитивных мыслей молодого тролля.

«Свобода. Еда», и еще: «Убить!»

Убить, разорвать всех, кто не его племени. Тролли могут быть ветром и землей, камнями и солнечным светом, но в начале своей жизни они имеют один, неизменный облик — голова с зубастой прорезью-ртом и глазами-блюдцами, бесформенное тело, из которого растут множество щупалец. Впрочем, люди часто называют троллями любых порождений Железного леса.

Где-то вдалеке раздался волчий вой.

Я пошел направо, ощупывая перед собой дорогу, используя меч в ножнах в качестве трости. Я снова был дома. В этих стенах

прошло моё детство. Здесь я прятался, наблюдая, как Лотар проверял свои ящики-мышеловки. Тут вместе с одноглазым Вигом, который ходил, громко стуча деревянной ногой и напевая под нос похабные солдатские песенки, я зажигал свечи в лампах. Старый солдат учил меня играть на деньги, бросая камешки в цель и устраивая гонки слизней. Он умер незадолго до смерти отца.

Я был дома, но всё вокруг стало чужим. Больше не горели фонари. Темноту пропитывала опасность. В замке скрывались сокейты, и в любой момент можно было ожидать их нападения.

Стена, по которой стукнул мой меч, отозвалась железным гулом. Вот он, вход в лабораторию. На двери нет ни ручки, ни замочной скважины. Ее не пробить оружием, и даже сильные волшебники лишний раз подумали бы, прежде чем пытаться проникнуть во владения Лотара. Я прикоснулся перстнем к металлу, проскочили яркие искры, и дверь отворилась. Я зашел внутрь, захлопнув ее за собой.

В фонаре, висящем на стене, загорелся висп — болотный дух, которого Лотар как-то принес после возвращения из города. Никогда не поверю, что алхимик поймал его сам, скорее, купил у заезжего торговца. Светящаяся голубая сфера плавала в воздухе за мутным стеклом и кое-как освещала небольшой зал. Может быть, висп даже радовался моему появлению.

В глубине лаборатории стоял стол алхимика — сделанный из красного дерева гигант, наполненный потайными ящиками. Он обладал строптивым характером: спрятанное в его недрах обычно находилось совсем не там, где должно было лежать. Или Лотара подводила память, ведь старый алхимик не допускал меня проверять его теорию, предпочитая сражаться со столом в одиночку. На столе стоял перегонный куб, напоминавший чудовище со стеклянным хоботом и металлическими паучьими лапами, на фоне которого терялся остальной магический хлам. Разве что выделялась лежащая в стороне толстая книга с алхимическими рецептами. В детстве Лотар иногда позволял разглядывать рисунки на ее пожелтевших от времени страницах. Нарисованные драконы соседствовали с русалками, бесстыдно демонстрировавшими свои тела, изображения алхимических ингредиентов и рун поясняли таинственные формулы. Я подошел и смахнул пыль с кожаной обложки. Рассыпанные по столу семена проросли колючими побегами, и, для того чтобы раскрыть книгу, мне пришлось оторвать вцепившийся в нее росток.

Нет! Я пришел сюда не за детскими воспоминаниями. Я захлопнул книгу, подняв облако пыли, и подошел к протянувшемуся вдоль стены шкафу. За стеклянными дверцами

на полках стояли снадобья и яды, компоненты для опытов и хранящие магию рунные камни. Удивительно, но я помнил, что и где находится. Значит, не зря Лотар заставлял меня заучивать ненужную на первый взгляд информацию.

«Корень мандрагоры, растворенный в белом вине помогает от бессонницы. Пыль летающего цветка, смешанная на камне «рёк» с желчью кролика — когда отказывают в темноте глаза. А если кого поцарапает тролль, то болезнь вылечит отвар чернокорня и печени мантикоры. Отвар боится света, и хранить его надо в защищенном сосуде. Вот он, на нижней полке».

Я взял склянку из темного стекла, на ярлыке которой были нанесены руны тайнописи южных волшебников. Лотар не учил меня понимать эти каракули. Думаю, что старый пройдоха сам не знал, что они обозначают. Я заметил на полке несколько снадобий лечения — пузырьков с гранатовой жидкостью, и положил их в карман, куда спрятал и лекарство от болезни. Теперь оставалось найти сбежавшего Олега.

В лаборатории царила тишина, лишь едва слышно бился о стекло фонаря висп. Я услышал далекие мысли.

«Игорь», — кто-то отчетливо думал обо мне.

Мысли были хриплыми, словно их приглушал вой ветра в горах. Будто где-то катилась лавина, и шум сталкивающихся камней звучал, как мое имя.

«Игорь».

Я вышел из лаборатории, дверь закрылась за моей спиной. Вновь вернулась темнота и чувство опасности. Винный погреб находился рядом. Стоило лишь пройти по коридору, свернуть, и я выберусь из замка. Там — лес и свобода. Здесь — темнота и неопределенность. Но что я скажу Ёжику, когда вытащу его из игры? Нет, я пойду за Олегом и найду этого глупца, позволившего превратить себя в тролля. Олег направился в сторону, где возле акведука было логово Дайпожрать. Наверное, слышал запах другого тролля и решил, что так сможет выбраться в Железный лес. Возможно, он просто забыл про выход в винном погребе.

«Игорь, это ты пришел?».

Чьи мысли я слышу? Их звучание мне знакомо, но это слишком невозможно, чтобы быть правдой.

Я шел, и эхо моих шагов отражалось от стен пустых коридоров. Но существовали другие звуки — тревожные, заставляющие учащенно биться сердце. Я замер, закрыл глаза, хотя в этом не было нужды, и прислушался. Тихие шаги чужаков слышались отовсюду — сокейты спешили на зов погибшего собрата. Двое шли сзади, спустившись из кухни. Один бежал со стороны акведука. Только что совсем близко я слышал еще одного

врага. Где же он?

Коридор шел полукругом, огибая донжон. От лаборатории я насчитал тридцать шагов, значит, винный погреб остался позади. Справа должна быть ниша, в которой когда-то жил Виг. За ней резкий поворот направо, где начинается ведущая наверх лестница.

Я увидел сокейта так же ясно, как мальчишкой видел плавающих подо льдом русалок. Он стоял за углом. Готовый к удару, замер, словно статуя, с поднятым над головой мечом. Тогда я ударил мечом из-за угла. Клинок проткнул тело сокейта, враг с коротким стоном повалился на пол.

Я замер в боевой стойке, слушая темноту. В памяти всплыли слова Джереона.

«Не стой, как утка! Возьми платок».

«Зачем?»

«Завяжи глаза. Плотнее! А теперь подними меч и отрази удар».

«Ай!»

«Неправильно! Ты смотришь. Глаза у тебя закрыты, но ты смотришь, когда должен слушать. Надо смотреть ушами, слышать, как противник наносит удар. Вот так!»

«Ай! Зачем это?»

«Глаза могут подвести, но твой меч должен поразить врага».

Первыми появились те двое, что бежали со стороны кухни. Я шагнул вправо, скрываясь в нише старого Вига, и взмахом меча разрубил одного из преследователей. Второй сокейт отпрыгнул в сторону.

«Слушай врага!»

Я отразил выпад сокейта и толкнул противника плечом. Не удержавшись на ногах, он налетел на стену. Мой следующий удар не достиг цели — сокейт уклонился, и меч звякнул о камни. Враг ударил в ответ, но я был готов к его выпаду, отпрянул назад, и острие меча лишь разрезало куртку на животе.

«Улови каждый следующий шаг противника».

И голос из настоящего: «Игорь, это ты? Ответь, и я отзову своих псов».

Кто это говорит? Неважно. Я снова был Глазом дракона, северным охотником. Я был единым со своим мечом. В груди возникла теплая волна, прошла сквозь руки, сконцентрировалась в клинке, и скрытая в нем сила вырвалась на свободу. Мой следующий удар сломал оружие врага, прошел сквозь его руку и тело, а я обернулся и нанес выпад по последнему противнику, тому, что приближался со стороны акведука.

Он бежал слишком быстро и не успел замедлить движение.

Мой меч, ускоренный вырвавшейся на свободу магией, проткнул его грудь. Я выдернул оружие, и мертвый враг рухнул на пол.

Первый сокейт поднимался, цепляясь за стену. Звякнул поднятый с пола меч. Я шагнул к врагу и одним ударом снес ему голову.

«Браво! — сказал Джереон из прошлого, когда я с завязанными глазами смог шлепнуть мечом по его щупальцу. — Ты делаешь успехи, сын маркграфа. Может быть, теперь ты даже сможешь прихлопнуть комара».

В темноте перед моими глазами возникло сообщение: «Умение владение мечом достигло седьмого уровня».

Затем сменилось еще одним: «Получено умение бой вслепую».

И еще: «Ваша ловкость возросла до двенадцати единиц».

Я пошатнулся, оперся о стену, и меня вырвало, едва не вывернув желудок наизнанку. Это были всего лишь NPC, не люди, но есть ли здесь разница? Кое-как отдышавшись, я пошел к акведуку.

***

Свет я увидел издалека. Решетка, перекрывающая путь наружу, была сломана, с потолка торчали остатки металлических прутьев. Коридор выводил на акведук, соединяющий донжон с одной из сторожевых башен. Под акведуком журчала вода, и скрипело мельничное колесо. Гьёлль вытекала из черного каменного провала под главной стеной, чтобы вскоре вновь скрыться в Нидавеллире. Скованная у берегов тонким льдом подземная река ответвлялась и заполняла водой ров вокруг замка. Сквозь обрушенную часть стены виднелся Железный лес. Деревья прорастали через пролом, цеплялись корнями за камни и крошили их в пыль. Если ничего не изменится, спустя несколько десятков лет замок превратиться в руины.

У Гьёлль сидела Илва и бросала в воду камешки.

— Я слышала, что ты идешь. Нашел лекарство? — Она обернулась и вскрикнула: — Ты ранен!

— Не моя кровь, — буркнул я. — Да, снадобье у меня.

Свет с непривычки резал глаза. Илва поднялась и шагнула мне навстречу.

— А это что? — Она прикоснулась к моей куртке.

Меч сокейта разрезал не только одежду — сквозь прореху виднелась неглубокая рана, из которой текла кровь. Странно, что раньше я не чувствовал боли.

— Надо перевязать, — забеспокоилась Илва.

— Потом. Где Олег?

— Ушел в лес, — махнула она рукой, указывая на пролом в стене. — Я не смогла его задержать. В сторожевой башне никого нет. Здесь был лишь один сокейт, но он пропустил Олега, а потом убежал в замок. Меня не услышал, и я осталась здесь ждать тебя.

Значит, Волчицу сокейт тоже пропустил, как свою? Кому принадлежат оборотни — людям или порождениям леса?

— Я убил четверых из них.

Илва отвернулась.

— Прости — я струсила, — сказала она тихо. — Не смогла вернуться. Ты сражался — я слышала звон оружия, порывалась бежать на помощь, но не могла заставить себя вновь войти в темный коридор. Я не воин, как Бирта, и не такая храбрая, как Гулльвейг. Наверное, я зря пошла с вами.

Я пожал плечами и кивнул в сторону разрушенной стены.

— Жди меня в лесу.

— А ты? — подняла Илва на меня взгляд.

— Мне надо вернуться в замок.

— Зачем?!

— Есть незаконченное дело. Иди!

Я повернулся и пошел к входу в донжон — владелец замка не должен пробираться через подвал, как вор.

Появилось сообщение: «Ваш интеллект вырос до девяти единиц».

***

Вооруженные мечами цверги, закованные в волшебные не пропускающие солнечный свет доспехи, встретили меня у раскрытых ворот. В зале блуждали тени, среди которых появлялись щупальца и крылья, чудовищные когти царапали пол, загорались красные глаза с вертикальными зрачками. По обе стороны трона стояли два сокейта. На троне сидел повелитель замка.

— Но красоту в пороках не сберечь. Ржавея, остроту теряет меч, — шагнул ко мне один из цвергов.

— Хорошо, что ты не рыба, а то был бы ты соленой трескою. Скорей, где твой меч? (*) — Второй карлик требовательно протянул руку в латной перчатке.

(*) цверги разговаривают цитатами из произведений Шекспира.

Я ухмыльнулся и взялся за рукоять меча.

«Пропустите моего гостя! — послышались мысли повелителя. — Он может оставить свое оружие при себе. Сомневаюсь, что отдаст его без боя».

Карлики вернулись на свои места. Мгла, порождающая призрачных чудовищ, отступила к стенам. Я прошел по каменному полу и остановился в десяти шагах от трона.

— Здравствуй, Джереон.

«Я ждал тебя, Игорь. Долго же ты возвращался в родной замок».

— Много чего случилось, после того, как ты ушел, — сказал я.

Тролль был мертв. Во всяком случае, его высохшее тело не подавало признаков жизни.

«Всего лишь старая оболочка, в которой продолжает существовать мое сознание, — рассмеялся Джереон. — Привязанность, от которой трудно избавиться. Ты же знаешь, что я могу быть кем угодно».

— Или не можешь, — хмыкнул я. — Ты удачно умеешь внушать то, что тебе нужно. Возможно, старые тролли, как и молодые не могут трансформировать свои тела?

Кончики высохших щупалец вздрогнули.

«Ты вырос, сын маркграфа, но не поумнел. В каком мире живет твой разум сейчас? Всё еще не можешь определиться?»

— Этот мир всего лишь игра.

«Ты в этом уверен? А может быть, игрой является твой другой воображаемый мир?»

— Зачем ты ушел и оставил меня одного? — перевел я тему разговора.

«У всех есть свои дела».

— Но ты мог хотя бы предупредить! Ты сидишь на принадлежащем мне троне.

«Мне встать и уступить место? — Джереон зашумел падающими вдалеке камнями. Одно из его щупалец с трудом поднялось и пошаталось из стороны в сторону. — Я же предупреждал тебя мне не верить? Как любит говорить твой ничтожный друг в черной одежде, играем мы в игру, а она играет нами. Но я тоже предпочитаю играть людьми. Мне нравится, когда всё идет по продуманному плану».

— Ты человек, — сказал я. — Не NPC.

«Нет, не человек. Игрок, но не человек. В игры приходят не только люди. Ты не знал, что по ту сторону пространства Чендлера лежат другие миры?»

— Не верь троллю, — тихо проговорил я.

«Не верь вообще никому. Твой друг, уведший твою девушку в

прошлом мире, что ты знаешь о нем? Думаешь, он волшебник-самоучка? Он боевой маг империи Ютан, генерал, возглавлявший армию купленных у цвергов сокейтов. Он залил кровью не один город, прежде чем дезертировал и остался жить на севере. Неужели он скрывал от тебя свое прошлое?»

— У всех есть секреты, — хмыкнул я.

«Что тебе пообещал Чернушка? Вернуть домой? Но хочешь ли ты вернуться? Что ты забыл в том мире? Одиночество? Судьбу неудачника? Здесь ты можешь стать кем угодно. С моей помощью ты победишь Вота и займешь его место».

— Мое подключенное к компьютеру тело смертно, — сказал я. — Как только оно умрет, здесь меня тоже не станет.

«Ты в этом уверен? Я подарю тебе вечную жизнь здесь даже после смерти там. Ты продолжишь жить в «Хвергельмире».

— Зачем это тебе?

«Возможно, это моя маленькая игра».

Тьма за моей спиной шевелилась, но я не оборачивался. Передо мной сидела высохшая, но еще живая мумия моего учителя, моей тайны, моей мечты вновь встретиться с прошлым, но теперь это не вызывало во мне никаких чувств. Сокейты стояли неподвижно, ожидая команды своего повелителя.

«Ты помог мне раз, поможешь и снова».

— Когда я тебе помог?

Я знал, но не хотел вспоминать.

«Вспомни Альфрига. Цвергов, которых твой дядя заставлял встречать рассвет, чьи окаменевшие тела до сих пор стоят во дворе замка. Верящими в справедливость людьми несложно манипулировать».

Воспоминания, запертые в глубине памяти, вырвались на свободу, заставляя вновь пережить давно прошедшие события.

***

Он пришел ночью, уставший цверг, который валился с ног от голода. Мы пили горячее вино, Альфриг говорил фразами из известных книг, а за стенами хижины завывал зимний ветер.

«Зигфриду пора воссесть на отчий трон».

Но я слышал мысли карлика, которые он хотел мне поведать. Перед глазами возникали картины запертых в клетки цвергов. Солнце поднималось всё выше и выглядывало над стенами замка. Мой дядя Берхарт часто пополнял свою коллекцию скульптур.

«Это ты виноват. Ты сбежал, хотя должен был занять место отца. Из-за тебя творится несправедливость. Наш народ страдает».

Я не хотел его слышать, но никак не мог опьянеть, чтобы

заглушить чужие мысли.

«Замок защищен магией. Нам не пройти. Но ты можешь. Ты наследник. Назначь дяде встречу, пронеси руну. Она создаст проход».

Но я не хочу быть маркграфом! Вернее, не могу! Сумасшедший не должен править. Но холодный камень уже лег в мою руку.

«Пронеси руну. Этого достаточно».

Я встретился с маркграфом Берхартом в замке. Он посмеялся надо мной, не удостоив пленения или смерти, не посчитал меня опасным.

«Ты стал хорошим охотником, Игорь. Как тебя сейчас звать? Глаз дракона?»

Да, я стал хорошим охотником. Я уронил камень возле колонны, и он слился с полом, чтобы через день взорваться, открыв цвергам проход. Я ушел с мыслью больше никогда не возвращаться, но судьба распорядилась иначе.

Долгими вечерами, когда до меня доходили слухи о происходящих в Вормсе событиях, я задумывался, и мне начинало казаться, что те услышанные мною мысли не принадлежали Альфригу. Цверг служил лишь посредником. Если посмотреть на сокейтов — детей, превращенных карликами в послушных слепых воинов, то правильность моих действий кажется весьма условной.

***

— Ты всё знал заранее, когда возился с маленьким сыном маркграфа? — спросил я у Джереона.

«Всё знать наперед невозможно, иначе в игре отсутствовал бы смысл. Ты согласен на мое предложение? Убей Вота, и я дам тебе вечную жизнь здесь. С твоими умениями мы многого достигнем. Ты же хочешь быть мне полезным?»

— Знаешь, — сказал я. — Теперь я понял, что ты не человек. Для людей не столь важно быть полезными. Люди хотят быть нужными, хотят, чтобы их любили. Маленький мальчишка привязался к тебе, Джереон, и думал, что ты тоже испытываешь к нему подобные чувства. Вечная жизнь идея неплохая, но я не могу нарушить данное слово. Я обещал и должен вернуть Ёжика. Интересно, что ты потребуешь от меня потом, после того, как я убью Вота, мою душу? — Я вынул меч из ножен и добавил: — Ты сам говорил никому не верить.

«Ты собираешься драться со мною?! — удивился Джереон. — Я учил тебя быть рассудительным».

Сокейты выхватили мечи. Джереон не пошевелился, но

откуда-то сбоку появились щупальца, состоящие из сгустков тьмы, и схватили стражей за шеи. Раздался хруст, сокейты упали на пол.

«Преданные до смерти цепные псы защищают хозяина без приказа. Они могли испортить развлечение. Ты всё еще хочешь драться?»

Я поднял меч и шагнул к трону. Два выросших из тьмы щупальца устремились ко мне, их движения были столь быстрыми, что в воздухе остались лишь размытые следы. Первое щупальце я отрубил мечом, и оно разлилось по полу черным туманом. Второе ударило меня под колени, заставив сесть на пол.

«Слабак. Разве я так учил тебя драться?», — рассмеялся Джереон, и тогда я кинул в него меч.

Подаренный Илвой клинок пробил тело тролля и пригвоздил его к деревянной спинке трона. В моей голове послышался рев чудовища. Темнота задрожала, выползшие из нее щупальца упали и втянулись обратно. Высохшие конечности тролля попытались подняться, но я уже был возле трона. Схватил рукоять меча, выдернул оружие и нанес удар.

— Меня учил не ты, а Сергей Викторович Галушка, — сказал я.

Верхняя половина тела Джереона свалилась на пол.

Перед глазами возникло сообщение: «Получено умение бросок меча», и сразу за ним сменяющие одна другую надписи: «Умение владение мечом достигло восьмого уровня», «Умение владение мечом достигло девятого уровня», «Умение владение мечом достигло десятого уровня», «Ваша сила достигла одиннадцати единиц», «Ваша ловкость повышена до тринадцати единиц», «Ваш интеллект вырос до десяти единиц».

Я развернулся к подбегающим цвергам. Откуда-то издалека послышались мысли: «До встречи, Игорь Ламберт», но, возможно, мне это только показалось.

***

Илва ждала меня на лесной опушке. В лесу было тихо и сравнительно тепло. В воздухе кружились, медленно оседая на землю, пушистые хлопья снега. Илва поднялась со ствола упавшего дерева и бросилась мне навстречу. На мгновение показалось, что она собиралась меня обнять, но вместо этого Волчица остановилась и сказала:

— Ты задержался. Надо спасать Олега, а ты задержался. Ты выполнил, что хотел?

— Да. Убил одного тролля, возомнившего себя правителем.

Ты знаешь, куда идти?

Илва улыбнулась.

— Конечно. Запахи могут рассказать о многом. Олег пошел вглубь леса, туда, где обитают тролли. Люди не ходят в Железный лес. Отдай мне снадобье, и я пойду за Олегом сама.

— Нет.

— Почему? Не доверяешь?

— Глупо. Олег мой друг, и я должен его спасти.

— Друг или враг? Он рассказал мне о том, как в молодости увел у тебя девушку.

Я промолчал.

— Ну что, ты дашь мне снадобье? — протянула руку Илва.

— Я же сказал, что нет! Показывай, куда идти.

— Как хочешь. Одной в лесу мне было бы легче. С тобой незаметно не проскользнешь. Ладно, идем, раз ты такой упрямый. Но вначале надо перевязать твою рану.

Она достала бинт, и я безропотно подчинился, хотя не считал, что мой порез достоин внимания. Снегопад усилился, Илва выглядела снежной девой, чьи ледяные прикосновения могли заморозить забредшего в лес путника.

Взгляд в настоящее

Мальчишка стоял посреди площади и разглядывал памятник. Он никак не мог вспомнить, кто этот высеченный из камня гигант, что поднимает вверх молот. Не мог мальчишка вспомнить и своего имени. Вместо него в голове возникал пыхтящий зверь, ощетинившийся колючками. Как говорила мама, «наежаченный». Мама! Мальчика вспомнил ее улыбку, руки, то, как она прижимала его к себе, а он для вида сопротивлялся, хотя хотелось обхватить и никогда не отпускать родного человека. Если бы папа его хоть раз так же похвалил.

Папа… Он писал какую-то важную работу и был идеалом, с которым можно сравниться лишь когда-нибудь в будущем, когда закончишь школу, поступишь в институт и станешь очень важным. Но вот это «когда-нибудь» наступит так нескоро, а хочется побыстрее.

Или его папа — купец, торгующий солью и пряностями, и мама, что вечно недовольно ворчала, погибли во время пожара, когда он, задыхаясь от дыма, смог выбираться из горящего дома, но не смог спасти? Нет! Не может быть! Мальчишка поднял руку к глазам, изучая свежие ожоги. В ладони была зажата черная коробочка.

— Интересная вещица, — послышался голос позади.

Мальчишка обернулся, пряча коробку. К нему обращался человек в черном плаще, широкополой шляпе и вороном на плече. Когда незнакомец вновь заговорил, кончик его носа смешно задергался.

— Как звать тебя, юноша?

Голос был с хрипотцой, мальчишке показалось, что незнакомец сейчас закаркает, словно ворон.

— Ёжик, — неожиданно для себя ответил мальчишка. — Меня звать Ёжиком.

— А меня кличут Вотом, — снял шляпу собеседник, задев ею ворона. Тот возмущенно захлопал крыльями, сумев удержаться на плече. — Как занесло тебя сюда, в холодный город, где не найти тебе приюта?

Ёжик вспомнил дорогу сквозь лес, то, как он брел по ней, неся всё, что смог спасти после пожара: несколько монет и эту черную коробочку, которая почему-то казалась очень важной.

— Я… Я не знаю, — смог пробормотать он.

В голове всё перемешалось. Мальчишка уже не мог отличить, какие из его родителей настоящие, а какие появились в воспоминаниях непрошенными гостями. Наверное, это пси-хо-ло-

гическая (вспомнил он трудное слово) травма после пожара. Или нет? Ёжику казалось, что он собирался сделать что-то очень важное, доказать отцу, что он может… Может что? И как с этим всем связана коробка?

«Программа!» — вспомнил мальчишка. Он нашел программу, которая позволяет перенести в жизнь накопленные в игре умения. Но что такое программа, как она связана с черной коробкой, и что значит быть в игре — этого он не понимал. Может быть, коробка и есть программа?

— Я помогу тебе сегодня, — сказал Вот. — Со мною ты пойдешь туда, где будет безопасно. Скоро ночь. А с нею в город явится опасность.

Ёжик неожиданно согласился. Сначала мысленно, потом кивнул и следом еще добавил: «Конечно», опасаясь, что Вот сейчас уйдет и оставит его самого в незнакомом городе.

— Но ты взамен отдашь мне коробку.

— Нет! — вырвалось у мальчишки.

Ёжик сам не понял, почему так сказал. Он был готов отдать всё, чтобы его не бросили, но изо рта вырвалось лишь резкое «нет». Он не мог отдать коробку.

Мальчишка отвернулся и побежал мимо памятника и дремлющего нищего, прильнувшего к каменному основанию. Скорее найти укрытие, юркнуть в любую дверь, но дома были заперты, а в улочках клубилась вечерняя мгла. Мальчишка свернул в узкий переулок, и увидел, что в его конце стоит темная фигура в широкополой шляпе.

— Я передумал, — сказал Вот. — Я отведу тебя просто так.

— Правда? — недоверчиво посмотрел на него запыхавшийся Ёжик.

Вот улыбнулся.

— Кар-р-р! — закричал ворон у него на плече, будто соглашаясь, захлопал крыльями и улетел в вечернее небо.

— Где же ваше безопасное убежище? — спросил Ёжик.

— Потерпи, придем мы скоро, — ответил Вот.

Они шли, и мальчишке казалось, что всё это понарошку: пожар, в котором погибли его ненастоящие родители, вечерний город и незнакомец, ведущий его непонятно куда.

— Здесь, — сказал Вот, протягивая руку, и что-то ища в воздухе.

Он искажался, как отражение в широкой чашке с чаем.

— Идем за мной, давай мне руку.

На этот раз Ёжик уцепился за протянутую руку Вота и вместе с ним шагнул в неведомое. Город сжался до толщины листа. Мальчишке показалось, что его тело стало тонким, как солнечный

зайчик на тетрадном листе. Мир наполнился шорохами. Его звала мама, и папа рассказывал что-то интересное, но непонятное. Вместе с Валеркой — его лучшим другом надо было готовиться к контрольной по географии, но сил не было. Хотелось лечь на кровать и ни о чем не беспокоиться. Коробка в руке то становилась холодной, то разогревалась, но это продолжалось недолго — мир вспыхнул синим солнцем, дохнул разгоряченным ветром пустыни, и они оказались у неведомого города, чьи башни возносились в небо металлическими стрелами.

— Что это? — спросил мальчишка. — Где это мы?

— Мы там, где ты будешь в безопасности. Где стены пирамиды непробиваемы, а воин-ягуар позаботится о тебе. Но вначале мне надо кое-что сделать.

Вот посмотрел Ёжику в глаза, и мальчишка утонул в его черном взгляде.

***

— Тебе сны снятся? — спросил Ёжик у Валерки, когда они шли по дороге домой.

Жаркое солнце грело, как в пустыне, думать о завтрашней контрольной по географии совсем не хотелось. А надо было. Среди всех учителей друзья больше всего боялись Анны Дмитриевны. Стоило ей посмотреть на класс поверх очков, примостившихся на длинном носу, и сказать: «К доске пойдет…», как моментально воцарялась тишина. Тишина продолжалась минут десять, пока Анна Дмитриевна занималась своими делами — проверяла тетради и что-то писала в большом журнале. Потом тревожное ожидание нарушал ее грозный голос, называющий чью-то фамилию. Например, Ёжикину.

Тогда Ёжик вставал и обреченно шел к висевшей на доске потрепанной карте, с ужасом вспоминая названия далеких рек, гор и населенных пунктов. Завтра такое испытание предстояло всем без исключения.

— Да нет, — ответил Валерка. — Мне как-то вообще сны не снятся.

— Или не помнишь.

— Или не помню.

— А мне снятся, — протянул Ёжик. — Разные.

— Везет же некоторым, — буркнул Валерка.

Географию он знал еще хуже, чем Ёжик, поэтому причин радоваться у него не было никаких. Валерка нес свой портфель, держа его за длинный ремень. Несчастный портфель болтался почти над самым асфальтом и пересчитывал собой все

неровности на дороге.

— Везет… — сказал Ёжик. — Когда я просыпаюсь, такая обида и разочарование. Не хочется возвращаться. Краски яркие, всё яркое, живое такое. Говорят, что ушедшие в сетевые игры, те, что в квантовом пространстве, попадают в подобные миры.

— Лучше о завтрашней контрольной по географии думай, — проворчал Валерка. — Те игры запрещены. Хочешь навсегда остаться у компьютера? Что у тебя в руке, где взял?

— Вот это? — повертел Ёжик в руке черную коробочку.

И правда, где он ее раздобыл? И что это такое?

Словно из далекого прошлого всплыло воспоминание о программе, найденной на одном сервере. Она лежала в общем доступе, но количество загрузок было равно нулю. Ёжик поспешил сунуть коробку в карман до выяснения обстоятельств.

— Ты бы не хотел очутиться в такой игре, где всё по-настоящему?

— Нет, — сказал Валерка, — я хотел бы, чтобы ты спрашивал у меня географию.

Какой, всё-таки, лучший друг приземленный человек.

— Ты читал «Алису в Зазеркалье»? — спросил Ёжик.

— Ну.

— Что «ну»? Так читал или нет?

— Читал… Когда-то.

— Вот и я читал. Еще во втором классе. Я так испугался тогда, после книги. Но никому не признавался. Вот, тебе первому рассказываю. Помнишь, там всё Зазеркалье и даже сама Алиса — это всего лишь сон Черного Короля. Представляешь, он проснется и всё — конец. Я тогда подумал, а что, если наш мир — это компьютерная игра? Что, если в один момент мы вдруг пропадем, потому что наш Черный Король проснулся, то есть игру стерли? Так что там с географией? Про какие страны тебя спрашивать?

— А что такое страны? — спросил Валерка.

Ёжик остановился.

— Очень интересно, — сказал я. — Сам меня просил спрашивать, и сам же начинаешь шутить.

— Я не шучу! — рассердился Валерка. — Это ты ерунду городишь! Прекрасно знаешь, что существует только наша страна и всё.

Ёжик впервые заметил, что Валеркин школьный костюм черного цвета. Странно, ему казалось, что все в их школе обязаны носить синее.

— То есть, как это «всё»? — удивился Ёжик.

Валерка посмотрел на солнце и демонстративно попытался прикоснуться ко лбу друга.

— Да ну тебя! — отмахнулся Ёжик. — Не хочешь отвечать — не надо! Тогда про что тебя спрашивать? Ладно, давай про города. Рассказывай о количестве населения Москвы.

— Население Москвы составляет… насчитывает… — начал Валерка. — Слушай, а Москва — это где?

Голову Валерки скрывала от солнца широкополая черная шляпа.

— Так, — сказал Ёжик. — А какие города ты знаешь вообще?

— Ну… Наш город… Наверное. Потому что дальше него ничего нет.

Вот так, наверное, сходят с ума. Или Валерка, или Ёжик. Охватил страх. Ёжику показалось, что весь исчезает. Мальчишка крепко зажмурился. А когда открыл глаза, то встретился с сочувствующим взглядом Валерки.

— Как нет? — спросил Ёжик.

— Давай где-то посидим, и у тебя это пройдет, — предложил Валерка.

Что пройдет? Что?! Ёжик чувствовал, как родной город пропадает в «никуда». Тают и растворяются в «нигде» дома и улицы. А жители… А есть ли вообще жители в их городе, кроме него и Валерки?

Мама! Папа! Где вы?

А, может быть… Ёжик обхватил голову. Может быть, это всего лишь игра, которую кто-то стирает?

Валерка потащил Ёжика в книжный магазин на краю улицы.

— Подальше от солнца, — сказал он. — Ты перегрелся.

Черный плащ за его плечами развевался, словно вороньи крылья.

— Валерка, мы в игре! — закричал Ёжик.

— Идем-идем. — Валерка протолкнул Ёжика сквозь раскрывшиеся стеклянные двери, и мальчишка оказался в темном помещении с пустыми шкафами. В наполненной пылью пустой комнате.

— Валерка! — Ёжик бросился на улицу.

Его друг стал гораздо выше. Его длинный нос высовывался из под широкополой шляпы и смешно шевелился, только смеяться не хотелось.

— Я возьму это себе, — сказал Валерка, показывая черную коробку, лежащую на ладони, и пропал, рассыпался пылью. Улица стремительно сжималась. Ёжик обернулся, захотел спрятаться в магазине, но вместо дома клубилась серая пыльная пустота.

— Валерка! Кто-нибудь! — прокатился крик Ёжика по улице и затих, поглощенный пустотой.

Потому что улицы уже не существовало.

Не существовало и Ёжика.

Весь мир исчез, сжался в точку-пустоту. И посреди нее был мальчишка, который не ощущал своего тела.

— Ты побудешь в самом защищенном месте, как я и обещал, — послышался голос в темноте, и где-то вдали закричал ворон.

Мальчишка стоял посреди площади и разглядывал памятник. Он никак не мог вспомнить, кто этот высеченный из камня гигант, что поднимает вверх молот. Не мог мальчишка вспомнить и своего имени. Вместо него в голове возникал пыхтящий зверь, ощетинившийся колючками. Как говорила мама, «наежаченный». Мама! Мальчика вспомнил ее улыбку, руки, то, как она прижимала его к себе, а он для вида сопротивлялся, хотя хотелось обхватить и никогда не отпускать родного человека. Если бы папа его хоть раз так же похвалил.

Папа… Он писал какую-то важную работу и был идеалом, с которым можно сравниться лишь когда-нибудь в будущем, когда закончишь школу, поступишь в институт и станешь очень важным. Но вот это «когда-нибудь» наступит так нескоро, а хочется побыстрее.

Или его папа — купец, торгующий солью и пряностями, и мама, что вечно недовольно ворчала, погибли во время пожара, когда он, задыхаясь от дыма, смог выбираться из горящего дома, но не смог спасти? Нет! Не может быть! Мальчишка поднял руку к глазам, изучая свежие ожоги. В ладони была зажата черная коробочка.

— Интересная вещица, — послышался голос позади.

Мальчишка обернулся, пряча коробку. К нему обращался человек в черном плаще, широкополой шляпе и вороном на плече. Когда незнакомец вновь заговорил, кончик его носа смешно задергался.

— Как звать тебя, юноша?

Голос был с хрипотцой, мальчишке показалось, что незнакомец сейчас закаркает, словно ворон.

— Ёжик, — неожиданно для себя ответил мальчишка. — Меня звать Ёжиком.

— А меня кличут Вотом, — снял шляпу собеседник, задев ею ворона. Тот возмущенно захлопал крыльями, сумев удержаться на плече. — Как занесло тебя сюда, в холодный город, где не найти тебе приюта?

Ёжик вспомнил дорогу сквозь лес, то, как он брел по ней, неся всё, что смог спасти после пожара: несколько монет и эту черную коробочку, которая почему-то казалась очень важной.

— Я… Я не знаю, — смог пробормотать он.

В голове всё перемешалось. Мальчишка уже не мог отличить,

какие из его родителей настоящие, а какие появились в воспоминаниях непрошенными гостями. Наверное, это пси-хо-ло-гическая (вспомнил он трудное слово) травма после пожара. Или нет? Ёжику казалось, что он собирался сделать что-то очень важное, доказать отцу, что он может… Может что? И как с этим всем связана коробка?

«Программа!» — вспомнил мальчишка. Он нашел программу, которая позволяет перенести в жизнь накопленные в игре умения. Но что такое программа, как она связана с черной коробкой, и что значит быть в игре — этого он не понимал. Может быть, коробка и есть программа?

— Я помогу тебе сегодня, — сказал Вот. — Со мною ты пойдешь туда, где будет безопасно. Скоро ночь. А с нею в город явится опасность.

Ёжик неожиданно согласился. Сначала мысленно, потом кивнул и следом еще добавил: «Конечно», опасаясь, что Вот сейчас уйдет и оставит его самого в незнакомом городе.

— Но ты взамен отдашь мне коробку.

— Нет! — вырвалось у мальчишки.

Ёжик сам не понял, почему так сказал. Он был готов отдать всё, чтобы его не бросили, но изо рта вырвалось лишь резкое «нет». Он не мог отдать коробку.

Мальчишка отвернулся и побежал мимо памятника и дремлющего нищего, прильнувшего к каменному основанию. Скорее найти укрытие, юркнуть в любую дверь, но дома были заперты, а в улочках клубилась вечерняя мгла. Мальчишка свернул в узкий переулок, и увидел, что в его конце стоит темная фигура в широкополой шляпе.

— Я передумал, — сказал Вот. — Я отведу тебя просто так.

— Правда? — недоверчиво посмотрел на него запыхавшийся Ёжик.

Вот улыбнулся.

— Кар-р-р! — закричал ворон у него на плече, будто соглашаясь, захлопал крыльями и улетел в вечернее небо.

— Где же ваше безопасное убежище? — спросил Ёжик.

— Потерпи, придем мы скоро, — ответил Вот.

Они шли, и мальчишке казалось, что всё это понарошку: пожар, в котором погибли его ненастоящие родители, вечерний город и незнакомец, ведущий его непонятно куда.

— Здесь, — сказал Вот, протягивая руку, и что-то ища в воздухе.

Он искажался, как отражение в широкой чашке с чаем.

— Идем за мной, давай мне руку.

На этот раз Ёжик уцепился за протянутую руку Вота и вместе

с ним шагнул в неведомое. Город сжался до толщины листа. Мальчишке показалось, что его тело стало тонким, как солнечный зайчик на тетрадном листе. Мир наполнился шорохами. Его звала мама, и папа рассказывал что-то интересное, но непонятное. Вместе с Валеркой — его лучшим другом надо было готовиться к контрольной по географии, но сил не было. Хотелось лечь на кровать и ни о чем не беспокоиться. Коробка в руке то становилась холодной, то разогревалась, но это продолжалось недолго — мир вспыхнул синим солнцем, дохнул разгоряченным ветром пустыни, и они оказались у неведомого города, чьи башни возносились в небо металлическими стрелами.

— Что это? — спросил мальчишка. — Где это мы?

— Мы там, где ты будешь в безопасности. Где стены пирамиды непробиваемы, а воин-ягуар позаботится о тебе. Но вначале мне надо кое-что сделать.

Вот посмотрел Ёжику в глаза, и мальчишка утонул в его черном взгляде.

***

— Тебе сны снятся? — спросил Ёжик у Валерки, когда они шли по дороге домой.

Жаркое солнце грело, как в пустыне, думать о завтрашней контрольной по географии совсем не хотелось. А надо было. Среди всех учителей друзья больше всего боялись Анны Дмитриевны. Стоило ей посмотреть на класс поверх очков, примостившихся на длинном носу, и сказать: «К доске пойдет…», как моментально воцарялась тишина. Тишина продолжалась минут десять, пока Анна Дмитриевна занималась своими делами — проверяла тетради и что-то писала в большом журнале. Потом тревожное ожидание нарушал ее грозный голос, называющий чью-то фамилию. Например, Ёжикину.

Тогда Ёжик вставал и обреченно шел к висевшей на доске потрепанной карте, с ужасом вспоминая названия далеких рек, гор и населенных пунктов. Завтра такое испытание предстояло всем без исключения.

— Да нет, — ответил Валерка. — Мне как-то вообще сны не снятся.

— Или не помнишь.

— Или не помню.

— А мне снятся, — протянул Ёжик. — Разные.

— Везет же некоторым, — буркнул Валерка.

Географию он знал еще хуже, чем Ёжик, поэтому причин радоваться у него не было никаких. Валерка нес свой портфель,

держа его за длинный ремень. Несчастный портфель болтался почти над самым асфальтом и пересчитывал собой все неровности на дороге.

— Везет… — сказал Ёжик. — Когда я просыпаюсь, такая обида и разочарование. Не хочется возвращаться. Краски яркие, всё яркое, живое такое. Говорят, что ушедшие в сетевые игры, те, что в квантовом пространстве, попадают в подобные миры.

— Лучше о завтрашней контрольной по географии думай, — проворчал Валерка. — Те игры запрещены. Хочешь навсегда остаться у компьютера? Что у тебя в руке, где взял?

— Вот это? — повертел Ёжик в руке черную коробочку.

И правда, где он ее раздобыл? И что это такое?

Словно из далекого прошлого всплыло воспоминание о программе, найденной на одном сервере. Она лежала в общем доступе, но количество загрузок было равно нулю. Ёжик поспешил сунуть коробку в карман до выяснения обстоятельств.

— Ты бы не хотел очутиться в такой игре, где всё по-настоящему?

— Нет, — сказал Валерка, — я хотел бы, чтобы ты спрашивал у меня географию.

Какой, всё-таки, лучший друг приземленный человек.

— Ты читал «Алису в Зазеркалье»? — спросил Ёжик.

— Ну.

— Что «ну»? Так читал или нет?

— Читал… Когда-то.

— Вот и я читал. Еще во втором классе. Я так испугался тогда, после книги. Но никому не признавался. Вот, тебе первому рассказываю. Помнишь, там всё Зазеркалье и даже сама Алиса — это всего лишь сон Черного Короля. Представляешь, он проснется и всё — конец. Я тогда подумал, а что, если наш мир — это компьютерная игра? Что, если в один момент мы вдруг пропадем, потому что наш Черный Король проснулся, то есть игру стерли? Так что там с географией? Про какие страны тебя спрашивать?

— А что такое страны? — спросил Валерка.

Ёжик остановился.

— Очень интересно, — сказал я. — Сам меня просил спрашивать, и сам же начинаешь шутить.

— Я не шучу! — рассердился Валерка. — Это ты ерунду городишь! Прекрасно знаешь, что существует только наша страна и всё.

Ёжик впервые заметил, что Валеркин школьный костюм черного цвета. Странно, ему казалось, что все в их школе обязаны носить синее.

— То есть, как это «всё»? — удивился Ёжик.

Валерка посмотрел на солнце и демонстративно попытался прикоснуться ко лбу друга.

— Да ну тебя! — отмахнулся Ёжик. — Не хочешь отвечать — не надо! Тогда про что тебя спрашивать? Ладно, давай про города. Рассказывай о количестве населения Москвы.

— Население Москвы составляет… насчитывает… — начал Валерка. — Слушай, а Москва — это где?

Голову Валерки скрывала от солнца широкополая черная шляпа.

— Так, — сказал Ёжик. — А какие города ты знаешь вообще?

— Ну… Наш город… Наверное. Потому что дальше него ничего нет.

Вот так, наверное, сходят с ума. Или Валерка, или Ёжик. Охватил страх. Ёжику показалось, что весь исчезает. Мальчишка крепко зажмурился. А когда открыл глаза, то встретился с сочувствующим взглядом Валерки.

— Как нет? — спросил Ёжик.

— Давай где-то посидим, и у тебя это пройдет, — предложил Валерка.

Что пройдет? Что?! Ёжик чувствовал, как родной город пропадает в «никуда». Тают и растворяются в «нигде» дома и улицы. А жители… А есть ли вообще жители в их городе, кроме него и Валерки?

Мама! Папа! Где вы?

А, может быть… Ёжик обхватил голову. Может быть, это всего лишь игра, которую кто-то стирает?

Валерка потащил Ёжика в книжный магазин на краю улицы.

— Подальше от солнца, — сказал он. — Ты перегрелся.

Черный плащ за его плечами развевался, словно вороньи крылья.

— Валерка, мы в игре! — закричал Ёжик.

— Идем-идем. — Валерка протолкнул Ёжика сквозь раскрывшиеся стеклянные двери, и мальчишка оказался в темном помещении с пустыми шкафами. В наполненной пылью пустой комнате.

— Валерка! — Ёжик бросился на улицу.

Его друг стал гораздо выше. Его длинный нос высовывался из под широкополой шляпы и смешно шевелился, только смеяться не хотелось.

— Я возьму это себе, — сказал Валерка, показывая черную коробку, лежащую на ладони, и пропал, рассыпался пылью. Улица стремительно сжималась. Ёжик обернулся, захотел спрятаться в магазине, но вместо дома клубилась серая пыльная пустота.

— Валерка! Кто-нибудь! — прокатился крик Ёжика по улице и

затих, поглощенный пустотой.

Потому что улицы уже не существовало.

Не существовало и Ёжика.

Весь мир исчез, сжался в точку-пустоту. И посреди нее был мальчишка, который не ощущал своего тела.

— Ты побудешь в самом защищенном месте, как я и обещал, — послышался голос в темноте, и где-то вдали закричал ворон.

Седьмая авентюра. Руины Абеларда

Снег в лесу не был белым — возле деревьев он казался светло-серым, кое-где краснели пятна кровянницы, а возле следов Имира его пушистое покрывало искрилось изумрудными тонами. Снежинки не падали на эти растянутые цепочкой круглые поляны, заросшие вечнозеленым мхом.

— Говорят, что здесь танцуют зимние феи, — сказала Илва, когда мы впервые увидели след Имира. — Действительно, будто великан шагал сквозь лес. Но я заходить в них не собираюсь.

Илва оставалась человеком, но черты оборотня доминировали: она постоянно принюхивалась к окружающему, шла согнувшись, будто всё время норовила опуститься на четвереньки. Волчица чувствовала себя в лесу как дома. Мною же овладевало беспокойство.

Деревья, широкие, разлапистые, растущие здесь уже тысячи лет, преграждали путь, и приходилось продираться сквозь их сомкнутые ряды. Меня тревожило, что без Илвы я не найду дорогу назад, заблужусь в Железном лесу. За каждым деревом чудился притаившийся тролль.

— Далеко еще? — спросил я.

— Олег был здесь не так давно, — повернула ко мне вытянутое лицо Илва. — Вскоре мы его догоним.

Она выглядела хищником, вышедшим на охоту. Глаза блестели, ноздри вздрагивали.

«Они догонят, и что сделают?» — раздался мысленный голос позади.

Я обернулся, схватился за оружие. Завернутый в клетчатый плед старик с пепельной торчащей клочками бородой стоял под деревом. Я не видел его, когда мы шли, Илва не почувствовала. Глаза Волчицы сузились, из ее рта вырвалось рычание.

«Пусть волк успокоится! — бросил старик, и Илва неожиданно села на снег, подчинившись приказу. — Так что делают в нашем лесу волчица и мясо? Как они поступят с тем, кого найдут? Убьют? Нет, не думаю. Заберут с собой? Возможно. — Он рассуждал, не обращая на нас внимания. — Мясу лучше не доставать оружие».

Старик смотрел куда-то мимо меня. Я вдруг ощутил, как невидимые руки разгибают мои пальцы.

«Вот так, пусть мясо теперь расскажет, что они сделает с выскочкой».

— Ты говоришь об Олеге? — спросил я, пытаясь

противостоять незримой силе. — О тролле, что недавно пришел в лес?

«Думаю, что мы говорим об одном и том же. Может быть, нам не стоит сразу убивать мясо, и оно окажется полезным?»

Старик приблизился. От него необычно пахло мускусом и кровью. Илва упала животом на снег и заскулила.

«Почему полукровка боится? — спросил у себя старик. — Мы ведь не причиним ей вреда. А вот мясом бы пообедали. Но оно может нам помочь, и поэтому пускай пока поживет. Ведь оно пришло за другом? Я вижу у него в кармане снадобье, которое позволяет вернуться в оболочку хризалиды. (Я схватился за карман, испугавшись, что невидимая сила сейчас вытащит склянку). Мясо хочет применить его на выскочке? Что ж, это нам выгодно».

Старик повернулся, хватка ослабла, и я смог снова сжать ладонь на рукояти меча. Оружие придало уверенность.

«Мясо не должно вытаскивать сталь, иначе умрет, — подумал старик. — Есть обычай — любой сын леса может бросить вызов вожаку. И вожак не в праве уклониться. Вожак сильный, вожак уверенный, но в молодом есть необъяснимая сила, словно у него внутри горит огонь. Никто из сынов леса не может его убить до начала боя. Может быть, если не съесть мясо сейчас, оно заберет выскочку с собой? Что ж, пусть мясо идет, как и шло, мы скажем преданным сыновьям, чтобы его не трогали».

— Ты струсил, — сказал я. — Ты боишься Олега. Как старая пчелиная матка, не желающая выпустить из лап свой рой.

Миг — и старик оказался возле меня. Его глаза смотрели в мои, рот с острыми зубами раскрылся, и из него раздался клекот, переходящий в хрип: — Х-х-е-е!

«Не смей обвинять меня в трусости! Бой в изначальной форме скоро состоится на площади, поспеши, иначе после победы я лично выпущу тебе кишки. За тобой идут двое серых, я не хочу, чтобы они убили тебя до того, как ты выполнишь, что собирался».

Подул ветер, и старик рассыпался пылью, которая смешалась с потоком воздуха. Ветер унес ее прочь, в темную глубину леса.

— Узнаю Олега, — сказал я. — Не успел превратиться в тролля, как уже бросил вызов вожаку. Это всё детские комплексы виноваты. Вставай, — протянул я руку Илве.

Волчица не зарычала, подчинилась безропотно, словно испуганный щенок. Не хватало только поджатого хвоста.

— Такой старик нагонит страх на кого угодно, если не догадываться, что он конкретно сдрейфил. Олег постарался. Бой в изначальной форме — значит, два тролля будут драться в истинном обличье, не растворяясь в ветре и не притворяясь…

людьми, — посмотрел я в сторону, куда улетел старик.

— Я не тварь из леса, — проворчала Илва. Она выпрямилась, ее лицо снова стало обычным.

— Конечно, — согласился я. — Идем дальше?

— Они убьют тебя… нас, — сказала Волчица. — После того, как мы спасем Олега.

— Значит, надо придумать, как спастись самим.

— Он сказал, что за нами идут серые.

— Наверное, это сокейты из замка. Хотят отомстить за своего хозяина. Будем осторожными.

Мы пошли дальше, ускорив шаг. Илва держалась рядом, лишь изредка указывала направление.

— Олег был здесь, сидел, отдыхал, наверное, или собирался с мыслями, какие они там у тролля, — сказала она, остановившись возле следа Имира. — Знаешь, Игорь, мне впервые сказали, что я могу быть с тварями леса. Меня это беспокоит. Я человек, а не монстр.

— Махни рукой и не морочь себе голову, — сказал я. — Главное это то, к кому ты сама себя причисляешь.

Порой казалось, что между деревьями кто-то ходит. Призрачные силуэты смотрели нам вслед, я постоянно ощущал спиной чужие взгляды.

Я почувствовал под ногой плоский камень. Остановился, проверяя его носком сапога. Целую группу камней покрывали мох, опавшие листья и снег. Из земли торчали остатки колонны, еще дальше — основание разрушенной стены.

— Руины Абеларда, — прошептала Илва.

Я уже бывал здесь в детстве, в своих мечтах, когда рассматривал из окна подступающие к замку кроны Железного леса. В прошлом, еще до моего рождения, Абелард процветал. По торговой дороге к Вормсу в обе стороны ехали купцы, шли путешественники и охотники. По обочинам возле разноцветных шатров бродячие комедианты устраивали шумные представления. Запряженные лошадьми фургоны торговцев с востока везли огнеупорную ткань, пряности и заговоренное оружие, что слушалось только своего хозяина. Их обгоняли колесницы с гасторнисами, которыми правили купцы семьи Сао, вечно спешащие, чтобы первыми успеть на торги. Покрытые густой шерстью шестиноги медленно тащили за собой тяжелые повозки. Ехавшие на них побережники, торговавшие моржовыми шкурами, мясом и топленым жиром, всегда успевали продать свои товары и не торопились. Иногда на механических птицах проезжали волшебники Саргары, дорога перед ними вмиг становилась свободной — все прижимались к обочинам, смотря вслед

могущественным чародеям.

А потом Абелард пал. Последняя битва между людьми и порождениями леса состоялась уже под его стенами, а позже, когда укрепления были разрушены, внутри города. Погибло много людей и монстров. Лес победил. Он всегда выигрывал своим упорством. На смену старым деревьям приходили новые, из темных глубин выползали монстры, и казалось, что дни людей сочтены.

Так я думал, стоя у открытого окна на вершине башни, но это было очень давно. Мысленно я тогда оказывался посреди сражения и совершал множество подвигов в городе, который теперь превратился в руины.

— Мы не одни, — тихо сказала Илва.

— Знаю, — ответил я.

Нас окружали тени. Они прятались у разрушенных стен, скрывались в сохранившихся подвалах, выглядывали темными силуэтами между деревьев. Призраки людей и монстров, погибших в давнем сражении.

— Не бойся, — прошептал я. — Они не опасны. Всего лишь лишенные разума проекции виртуалов, теперь ими управляет сама игра.

— Ты сумасшедший. — Илва смотрела, как призрак человека сошелся в бою с призраком тролля.

Тени сплетались, в стелящейся над руинами снежной мгле было не отличить, кто есть кто в бесконечном сражении. Мы шли по остаткам города, и вокруг кипела давно минувшая битва.

— Здесь теперь собираются тролли, чтобы устроить поединки — сказала Илва. — Сползаются со всего Железного леса. Твоим снадобьем тролля достаточно облить, чтобы он вновь превратился в человека?

— Да. Слышишь? — спросил я. Под каменной кладкой, на которой мы стояли, журчала вода. — Кажется, это течет Гьёлль. Когда-то по этой подземной реке доставляли товары прямо в замок. Речной путь контролировали саргарцы, но я знаю это лишь по рассказам.

Старый Виг, бывало, показывал мне свои шрамы, полученные в многочисленных сражениях.

«Вот это, — говорил он, демонстрируя рубец на правой руке, — след от молнии саргарца. Проклятые волшебники! Говорят, что свою магию они получили в призрачном городе. Это они изобрели накопители молний, но не те громадины в подвалах, что используют неудачники. Для себя саргарцы придержали махонькие, вот такие, — показывал старый вояка расстояние между большим пальцем и обрубком, что остался от

указательного. — И потому могли метать молнии прямо из рук».

— Призрачный город, — пробормотал я. — Прошлый код, исходники старой игры.

— Что ты сказал? — переспросила Илва.

— Ничего.

Выходит, что я знал о том городе и раньше, просто забыл. Или игра позволила мне вспомнить только сейчас? Я обошел стену и наткнулся на провал — широкую дыру с осыпавшимися краями. На глубину вели каменные ступени. В темноте плескалась вода и скрипела древесина — подобный звук издают трущиеся друг о друга борта лодок. Раздался шорох, из провала выползла саламандра. Обежав вокруг нас, она захихикала и свернулась калачиком у моих ног.

— Где ты Олега потеряла? — спросила Илва.

Саламандра подняла голову и кашлянула. По комку сухой травы пробежало пламя. Я сорвал горящий клок и бросил в провал. Падающий огонек на секунду осветил качающиеся на волнах лодки. Черная вода Гьёлль разливалась у каменного берега широким омутом, а затем убыстряла свой бег и пропадала под сводами туннеля.

— Игра всегда дает шанс спастись, — сказал я. — Как думаешь, тролли в воду не полезут? Идем, а то не успеем до поединка.

Саламандра, недовольно чихнув, поползла за нами.

Центральная часть города сохранилась лучше окраин. Стены становились все выше, полуразрушенные дома прилегали друг к другу. На одной из крыш сидел ворон и разглядывал нас желтым взглядом. Когда я сделал шаг к дому, ворон сорвался с места и улетел, выкрикивая ругательства на своем птичьем языке. Переступив через остатки стены, мы зашли под крышу. Сквозь прорехи в потолке струился солнечный свет. Окна дома выходили на круглую площадь, где ветер играл снегом в безлюдном пространстве, закручивал вихри ледяных искорок вокруг сохранившегося остова какого-то памятника.

— Наверное, здесь тролли и сражаются, — прошептала Илва.

«Ты права, — подумали позади нас. — На старой площади проходят ритуальные бои».

Я обернулся, выхватывая меч. Это был не старик. Молодой черноволосый парень, почти мальчишка, стоял невдалеке и смотрел на нас пристальным, слегка прищуренным взглядом.

«Джереона убил ты?» — спросил тролль и сплюнул под ноги.

— Допустим, я.

Интересно, насколько он силен? Меня не обмануть нарочито молодым видом. Только высшие тролли способны принимать

обличье человека.

«И правильно. — Тролль проследил за саламандрой, которая миновала его, обежав по дуге. — Не наш он был. Не признавал лесных законов. Но ты не обольщайся — я сильнее его и всё равно тебя убью. Отец победит выскочку, и тогда я тебя убью. Говорю сразу, потому что ты можешь попробовать спастись, а охота за бегущей добычей намного интереснее».

От удовольствия тролль пощелкал языком. Ну, этот хоть не называет меня мясом.

«Давно я не охотился. Походы в город с его сонными жителями не считаются. А волчица ничего, аппетитная. Отец приказал за тобой присматривать, чтобы ты выполнил, что должен. Вот здесь выскочку и поведут, по этой дороге, ты его легко достанешь. — Тролль подошел к обвалившейся стене и указал наружу. — Сопровождать его двое будут. Мрарк — он из наших, из отцовских. А второй — Круст, вот его остерегайся. Он тебя сразу убьет, как увидит. Не забывай, что ты мне должен достаться. Главное, удирать начни».

Тролль выглянул за стену, повернувшись ко мне спиной. Я едва сдержался, чтобы не рвануться и не ударить его мечом. Именно этого он ждал от меня. Хотел, чтобы я поддался безрассудному поступку. Я представил, насколько стремительно он обернется и схватит мою руку, ломая кости, вторым ударом проломит грудь. Или не успеет? Рискнуть? Вместо этого я опустил руку на плечо Илвы, которая готова была броситься на врага.

Тролль обернулся, ухмыляясь.

«Вот не понимаю я отца, — подумал он. — Старик ослабел? Что он заметил такого в этом выскочке? Наверное, пора мне самому стать вождем».

Тролль прикрыл глаза от приятных мыслей. Из-за угла метнулась темная фигура, схватила его за голову и перерезала горло. Тролль упал и уже на земле принял изначальную форму. Щупальца судорожно вздрагивали, из пузырящейся кровью раны вырывался хрип. Сокейт наступил на поверженное тело, несколько раз ударил мечом, затем выпрямился и поднял на меня лицо, скрытое за повязкой. В солнечных лучах блеснули острые зубы.

— Благодарить не буду, — сказал я. — Кажется, ты пришел убить меня.

Из-за угла вышел второй сокейт и остановился возле затихшего тролля. Шея серого так и осталась свернутой набок, и сокейт стоял, повернувшись ко мне вполоборота. Двое против двоих. Но сможет ли Илва драться?

На площадь, к месту поединка шли тролли. По дороге ползли тени их огромных изначальных тел. Мне не успеть к Олегу! Я взмахнул мечом и поднял его над головой. Если повезет, то кто-то из сокейтов нападет раньше собрата. Может быть, я даже успею с ним расправиться, прежде чем придется сражаться сразу против двух противников. Но Илва не выдержала. Упав на четвереньки, она превратилась в волчицу и бросилась на врагов. Сокейт, которому она собиралась вцепиться в горло, успел подставить меч, обхватив оружие у острия левой рукой. Пасть Волчицы сомкнулась на клинке, забрызгав сокейта кровью. Противники упали, покатились по земле. Волчица оказалась сверху и вонзила зубы в лицо врага.

Второй сокейт взмахнул мечом, собираясь снести Волчице голову, но я успел отразить его удар своим клинком. Парирование! Ответный выпад! Враг схватился за рану на груди, шагнул назад и упал на спину.

Волчица посмотрела на меня и торжествующе зарычала. С ее израненной пасти на врага стекала кровь — своя и чужая. Я вспомнил, как Олег перерезал горло сокейту, но повторить его действия не смог — к горлу вновь подкатила тошнота. Я отвернулся и подошел к окну.

Перед глазами появилось сообщение: «Ваша ловкость увеличена до четырнадцати единиц».

На площади дрались тролли. Их щупальца сплетались в безумном танце, сталкивались, рвали друг друга острыми когтями, из зубастых пастей раздавались крики и хрипение. Олег был справа. Я сразу его узнал. Светло-серое тело моего друга отличалось от старого, покрытого шрамами и наростами тела его противника — вожака троллей. Старик двигался медленнее, но в его движениях чувствовались опыт и сила воина, выигравшего не один бой на арене. По краям площади клубилась тьма. В ней изначальные тела троллей растворялись с призрачными порождениями леса.

Мелькнула мысль, что я не повысил свой уровень владения мечом. Может быть, десятый, заработанный после сражения с Джереоном уровень, последний? Возможно, битвы должны быть более сложными, чтобы подняться до одиннадцатого? Или я настолько сросся с игрой, что потерял способность видеть системные сообщения? Нет, я помню свое имя. Я рывком, лихорадочно поднял правый рукав, чтобы увидеть татуировку. Вот она. Мы в игре, если это не мое сумасшествие.

— Илва, — позвал я, оглянулся…

Волчица стояла над поверженным мною сокейтом. Из его разорванной шеи бил фонтан крови, орошая снег, словно здесь

выросла целая колония красных водорослей. Илва превратилась в человека, шагнула ко мне, улыбнулась разорванным ртом и опустилась на колени. Прежде чем она упала, я успел ее подхватить, посадил на снег и прижал к себе. Рана от меча сокейта на ее правой щеке доходила едва ли не уха. Меховую куртку заливала кровь.

— Сейчас… сейчас. — Я достал из кармана склянку со снадобьем лечения, открыл пробку и поднес ко рту Илвы.

Она принялась пить взахлеб, рубиновая жидкость стекала по подбородку на шею. Раны заживали, оставляя после себя лишь тонкие едва заметные шрамы. Потом исчезнут и они. Илва вновь улыбнулась. Это движение вызвало боль, и девушка поморщилась.

— Тебе говорили, что когда ты волчица, у тебя тоже голубые глаза, — сказал я и поцеловал ее в губы.

К моему удивлению, девушка ответила, так же жадно, как до этого пила зелье лечения. Мы целовались, и я шептал ей на ухо:

— Гуллльвейг.

— Я не Гуллльвейг, — говорила она.

Ее губы были мягкими, как в ту ночь, когда за стенами моей хижины выл ветер.

Тролли дрались на площади. От их рева сотрясались стены. Я не хотел отпускать Волчицу, прижимая ее к себе.

Наконец я заставил себя посмотреть в окно. Бой переместился к краю площади, и противники находились невдалеке от нас. Вожак нависал над Олегом огромным бесформенным телом. Оторванное щупальце моего друга извивалось, разбрасывая снег, и оставляло на земле пузырящуюся слизь. Я почувствовал, как сжался Олег. Не от страха — мой друг не отступает. Он сосредоточился, словно перед заклинанием огня, когда обращался к силе, сидящей внутри него, и нанес удар сразу несколькими щупальцами в грудь врага, сложив их вместе наподобие копья. Панцирь старого тролля с хрустом проломился, а потом раздался второй треск — это щупальца вышли из его спины. Мне показалось, что вместе с брызгами слизи выплеснулись языки пламени. Рев старого тролля затих, захлебнулся, его тело опрокинулось на землю, разбросав по сторонам вздрагивающие щупальца. Олег выпрямился во весь рост и заревел, провозглашая себя новым вожаком стаи. Темнота по краям площади заколыхалась.

— Теперь, — сказала Илва. — Второго случая может не представиться.

Я высунулся из окна и выплеснул на Олега содержимое склянки из темного стекла. Вой тролля перешел в хрипение,

хрипение — в человеческий кашель. Олег стоял на площади — обнаженный, худой, раскинув в стороны руки. На обеих его ладонях горели волшебные огни. Тьма, ощетинившись щупальцами, клыками и скорпионьими хвостами сжималась вокруг, окружая моего друга. Олег попятился, оглянулся, и я увидел в его взгляде — растерянном и испуганном, оттенки торжества.

— Беги! — закричал я. — К нам, скорее!

Но Олег отвернулся, выпрямляя руки. По площади прокатилась огненная волна, разбрасывая тьму, разрывая ее на клочки раскаленным ветром. Лицо обожгло жаром. Оторванное щупальце пузырилось, источая вонь уксуса и горелой плоти.

Олег запрыгнул в окно. Илва бросилась ему на шею. Саламандра радостно захихикала. Я сорвал с сокейта куртку и накинул Олегу на плечи.

— Быстрее, и штаны надень.

Олег окинул взглядом лежащие трупы.

— Да, натворили вы тут дел без меня.

Сквозь окно пролезло несколько щупалец, и я рубанул по ним мечом, заставляя убраться.

— Быстрее!

В стену ударили, с крыши посыпались пыль и мелкие камни. Олег натянул штаны сокейта, которые оказались ему коротки, и теперь снимал с другого мертвого врага сапоги. Илва пыталась ему помочь, но лишь суетилась и мешала.

— Трубку мою не находили? — спросил Олег.

— Нет!

Новый удар. Стена обрушилась, часть крыши обвалилась на появившегося тролля. Я взмахнул мечом, но мой удар не достиг цели — тролль отшатнулся, и я едва уклонился от его щупальца. Позади тролля ползло еще несколько врагов.

Мы побежали. Олег убегал вприпрыжку в одном сапоге, держа второй левой рукой, и охал, когда наступал на острые камни. В правой руке он сжимал меч сокейта — короткий кривой клинок, больше похожий на оружие варвара из пустыни Соро, чем на клинок карликов.

— Куда бежим? — спросил Олег.

— К реке!

Впереди показался провал. Ветви деревьев качались от ветра. В вихрях из пыли и снега несколько фигур троллей обретали плоть. Нас не выпустят из Железного леса живыми.

— Туда! — указал я на каменную лестницу, ведущую во тьму провала.

— А саламандра? — спросил Олег.

Огненная ящерица не успевала за нами. Она бежала изо всех сил, но осталась позади, там, где ползли, сгибая деревья, несколько огромных троллей. Казалось, что нас преследует стая гигантских змей. Олег остановился, на его руке начал вспухать огненный шар.

— Брось! — вскрикнул я.

На сей раз Олег послушался и нырнул во тьму следом за нами. Мы запрыгнули в лодки: я в одну, Олег и Илва — во вторую. Звякнули мечи, перерубая цепи, которыми лодки были привязаны к каменному причалу. Мы оттолкнулись веслами, и нас поглотил темный грот с журчащей водой.

Возникло сообщение: «Ваш интеллект повышен до одиннадцати единиц».

Где-то позади раздалось негромкое «плюх», и шипение, словно в воду упал уголек — следом за нами прыгнула в Гьёлль саламандра.

***

С потолка пещеры свешивались сосульки сталактитов и светящиеся нити подземных ловцов. Иногда нити опускались так низко, что я видел, как бьются прилипшие к ним комары. Мошкара летела к горящему на ладони Олега огню, чтобы погибнуть в его пламени и уступить место таким же несметным крылатым полчищам.

Лодка Олега и Илвы плыла впереди, я видел их силуэты сквозь марево теплого тумана. Олег стоял на корме и правил веслом. Из темной воды поднимались испарения, и казалось, что лодка скользит по разлитому над чернилами туману. В глубине плавали светящиеся огоньки, но если присмотреться, то становились видны изгибающиеся тела огромных рыб с фонариками на лбах. Создания с клубками щупалец выпускали темные, сверкающие по краям облака и стремились быстрее удрать от лодок. Длинные черви поднимались со дна к самой поверхности, и было непонятно: водоросли это или живые создания.

Течение реки стремительно несло наши лодки. Стоя на корме и правя веслом, надо было следить, чтобы не налететь на торчащие у стен пещеры камни. Кроме камней взгляд выхватывал из темноты и рукотворные изделия: на вбитых в стены шестах висели давно погасшие фонари с обрывками электрических проводов — Гьёлль когда-то принадлежала волшебникам Саргары, а те пользовались своим изобретением.

Вскоре после битвы у Абеларда саргарцы исчезли. Речной

путь остался заброшенным. Теперь здесь только подводные обитатели, мошкара и убегающие из Железного леса путешественники.

— Они идут за нами! — прокричал Олег. — Слышишь, как шумит ветер наверху? Нити колеблются, словно их раздвигают невидимые руки. Тролли здесь! Но почему не нападают?

— Может быть, они боятся? — ответил я, перекрикивая шум бурлящей воды.

Боятся, но кого? Реки, которая раньше принадлежала волшебникам с востока? Я помню рассказы Вига об ужасном колдовстве саргарцев.

«Они шли на нас, павшие воины, не живые, но и не мертвые, соединенные с металлом. Их вела в бой магическая сила. Искры проскакивали в их доспехах, заставляя двигаться тела. Я убил Форга, снес ему голову, а он все шел на меня, пока твой отец не пригвоздил его копьем к дереву. Мы сражались со стариной Форгом бок о бок, и погиб он на моих глазах, а восточные колдуны превратили его во врага. Хорошо, что в войне с троллями саргарцы были на нашей стороне. Нет, лучше быть фонарщиком, чем воевать с мертвецами».

— Далеко еще плыть? — спросил Олег, его лодка покачнулась, едва не налетев на камни. Илву окатило водой, и девушка взвизгнула.

— Не знаю. Думаю, что вскоре должна быть развилка.

Гьёлль должна разделиться на два потока — один поведет к замку, а второй свернет к Вормсу, но выход подземной реки на поверхность в городе-всех-дорог давно завалили — люди боялись появления из него троллей. Скорее всего, нам придется вновь плыть к заброшенному замку или искать другой выход на поверхность.

«Ух-х-х», — прокатился по воде вздох. Плывущие за лодками рыбы бросились врассыпную.

— Что это? — вскрикнул Олег.

В воде снова кто-то вздохнул, заскрежетал, и этот звук мне напомнил о металле, соединенном с живой плотью. Со дна поднималась огромная тень. Подобные я видел в далеком придуманном детстве под толстым слоем льда, когда лежал с закрытыми глазами и слушал океан.

— Греби! Греби быстрее! — заорал я. — Здесь кракен!

Иногда их называют морскими троллями. Старый Крик-белой-птицы говорил о кракенах не иначе, как о «тыварях-из-глубины». Не удивительно, что порождения леса не захотели опускаться к темной воде.

Река забурлила, из нее поднялось толстое щупальце,

развернулось над моей лодкой, продемонстрировав ряд присосок и длинные когти на конце, искривленные, как жвалы паука. К щупальцу крепились соединенные друг с другом стальные пластины, между которыми проскакивали искры. Где-то на глубине им вторили яркие вспышки.

«Они шли на нас, павшие воины, не живые, но и не мертвые, соединенные с металлом».

Я взмахнул мечом, срезав со щупальца кусок плоти. Из-под воды последовал толчок, от удара мою лодку подбросило, и уже в воздухе на нее опустилось щупальце, разбивая в щепки. Не дожидаясь гибели, я успел спрятать меч в ножны и спрыгнуть в реку. С головой накрыло чернильной водой. Я вынырнул, захлебываясь, и схватился за проплывающую рядом лодку. Олег и Илва помогли взобраться на борт.

Река позади нас шла бурунами. Кракен поднимался из воды огромным черным пузырем, по которому пробегали электрические искры.

«Их вела в бой магическая сила».

Волшебники Саргары притащили в свою реку дохлого кракена и оставили его вечным стражем. Монстр давно мертв. Ему всё равно, в какой воде — пресной или соленой, влачить свое существование. Он словно кукла, которую заставляет двигаться и атаковать неведомая сила электричества.

«Ух-х-х», — вздохнул кракен, и по реке пробежала волна. Из воды вновь поднималось несколько щупалец. С треском проскакивали искры, в темноте это походило на праздничную иллюминацию, или на аттракцион ужасов.

— Держи весло! — прокричал мне на ухо Олег.

С меня ручьями стекала вода, я задыхался, как вытащенная на берег рыба. Почти не думая, я взялся за весло. Олег повернулся к Кракену.

— Силы огня, что живут в глубинах земли и вырываются в вулканах на поверхность раскаленной магмой, я призываю вас помочь, — певуче говорил он, перекрикивая шум волн. Глаза моего друга были закрыты, руки раскинуты в стороны. — Испепелите эту тварь. Чуждую огню, чуждую вашему повелителю.

Одно из щупалец поднялось над лодкой, скрученное на конце, как растущий лист папоротника. Кусок мертвой плоти, удерживаемый металлом и магией. Илва сжалась на дне лодки и затравленно смотрела на монстра. Мне хотелось поторопить Олега — «быстрее, останови эту тварь!» но своими словами я бы только сбил его настрой, ту волну стихии, что зарождалась внутри огненного мага.

— Я призываю вас испепелить чудовище из океана,

порождение чужой магии. Придите на помощь к своему повелителю!

С ладоней Олега сыпались искры и с шипением гасли в воде. В темноте пещеры возникали и пропадали огненные руны. Волосы моего друга поднялись дыбом. Наконец Олег оборвал свою речь на громком возгласе и хлопком соединил ладони. По воде прокатилась огненная волна, разрезая щупальца, заставляя поверхность реки вскипеть пузырями, и затихла в глубине туннеля.

Кракен не вскрикнул — мертвая тварь не испытывала боли. Он лишь вздохнул, и отделенные от тела щупальца упали в воду, подняв тучи брызг. Искрились торчащие из реки обрубки.

«Ух-х-х». — Кракен снова поднял волну, которая всколыхнула нашу лодку. Из воды поднимались новые щупальца. Олег устало опустился на сидение. Я греб, отрешенно наблюдая, как тварь пытается нас догнать, но атака Олега замедлила кракена и дала нам шанс оторваться.

Течение усиливалось. Река поворачивала, волны с грохотом разбивались о стену пещеры.

— Берегись! — закричала Илва.

Впереди река изливалась в пропасть, противоположный край которой скрывался в темноте, и казалось, что его не существует. Шума падения слышно не было — вода исчезала в черной бесконечности. Изменить направление движения оказалось невозможным. Весло треснуло, в моих руках остался лишь его обломок. Лодку закрутило потоком, и мы помчались к гибели. Я закричал.

Лодка достигла края пропасти, но не упала, остановленная упругой сетью, натянутой вдоль обрыва. Вода проходила сквозь ее ячейки, низвергалась водопадом, беззвучно теряющимся во мгле. Позади приближался кракен. Секунды — и нас раздавит его телом.

— Выбираемся, быстрее! — закричал я и первым прыгнул на сеть.

Схватился за крепкие нити и пополз — скорее уйти, спастись! Но тут же остановился, чтобы помочь Олегу и Илве. Волчица прыгнула сосредоточенно, с закрытыми глазами, я поймал девушку за руку. Прыгнувшему следом Олегу повезло меньше: он не удержался и заскользил вниз, успев ухватиться, лишь когда погрузился в воду по пояс. Волшебный огонь на его ладони погас.

— Олег! — вскрикнула Илва.

Речной поток прижал моего друга к сети, но он выкарабкался, упрямо, настойчиво, как и всё, что делал до сих пор. Я слышал,

как Олег полз, тяжело дыша. Сеть вздрагивала, когда он хватался за ее нити. Выше, еще выше… Огонь вновь вспыхнул на его ладони.

— Туда! — прохрипел Олег, указывая в сторону, где у самой пропасти из стены пещеры ответвлялся туннель с ровными стенами, по дну которого бежал ручей.

У входа в туннель крепился один конец сети и стоял прильнувший к стене маленький каменный дом с непропорционально большой входной дверью.

Кракен навалился на лодку всем весом, разбивая ее в щепки. Сеть прогнулась, но выдержала вес монстра.

«Ух-х-х», — кракен выбросил фонтан воды и пополз к нам, цепляясь когтями.

— Уходите, — сказал я, держась левой рукой, а правой вынимая из ножен меч.

— Но?.. — проговорил Олег.

— Быстрее! И держитесь крепче — я перерублю сеть!

Размахнувшись, я ударил мечом, но клинок не перерезал ни одной нити из прочного материала. Кракен, словно почувствовав опасность, рывком подтащил ко мне свое огромное тело. Он походил на паука, ползущего к запутавшейся добыче.

Я закрыл глаза. Вспомнил силу, вырвавшуюся из меча во время поединка с сокейтами в подземелье замка. Ощущение, возникшее тогда во мне, появилось снова. Хотя глаза были закрыты, но я увидел, как засветился мой клинок. Не знаю, кто нанес удар — я или он сам, но меч прошел сквозь металл, плоть чудовища и разрезал несколько ячеек сети. Словно продолжая его движение, нити разрывались, пока последняя не лопнула где-то под водой, и две половинки сети не повисли над пропастью.

На меня обрушились потоки воды. Я держался одной рукой из последних сил. Спрятать меч в ножны? Нет, я не брошу волшебное оружие.

Я оглянулся. Кракен повис над пропастью ниже меня, запутавшись в сети двумя щупальцами.

— Игорь, хватайся! — услышал я крик Олега.

Мой друг вернулся, он висел над водой, протягивая мне руку. Я покачал головой и начал спускаться. Кракен дернулся, словно муха в паутине, я взмахнул мечом, разрубая щупальца, и тело монстра полетело в пропасть. Во мгле еще несколько секунд сверкали искры, но затем пропали и они.

Сеть лишилась сдерживающего груза и распрямилась, подхваченная порывом подземного ветра. Я повис над черной бездной. Охватила усталость. Что-то рассказывал шелестящий ветер, его шепот сливался с журчанием воды. До меня долетали

слова из другого мира.

«Игорь, ты меня слышишь?» — говорил Маньяк, и кто-то другой отвечал ему моим голосом: «Да»

«Акции «Масмолпрома» упали на два процента, что делать?»

«Продавай».

«Сырая нынче погодка, — это говорил Олег, но иной, из прошлого. — Ты сможешь помочь?»

Пальцы затекли. Я чувствовал под ладонями упругую мягкость грудей Марии. От девушки пахло духами, но она была незнакомая, чужая, не та любовь моей молодости. Ее лицо почему-то превратилось в лицо Гулльвейг, покрытое ледяной коркой. Я увидел сидящего у квантового компьютера Ёжика. Знал, что должен его спасти, но подземный ветер уносил меня всё дальше и дальше.

— Игорь!

Из темноты донесся скрежещущий голос Джереона: «До встречи, Игорь Ламьберт», сменившийся звуком падающей лавины.

Где-то вдали смеялась саламандра.

— Давай руку!

Я очнулся оттого, что Олег схватил меня за запястье.

— Что с тобой? — орал он мне в лицо.

Мы поползли к земле. Над пропастью, над водой и тьмой. После того, как выбрались, мы сидели, прислонившись спинами к стене дома. Над нами выл ветер, и раскачивались светящиеся нити. Я крепко сжимал меч, готовый убить любого тролля, который рискнет помешать мне просто сидеть.

Перед глазами появлялись сообщения: «Умение владение мечом достигло одиннадцатого уровня», «Ваша сила возросла до двенадцати единиц».

— Отпусти! — Олег разжимал мои пальцы, пытаясь отобрать оружие, но я не позволял ему это сделать.

— Кто ты? — прохрипел я.

— Отпусти меч. Меня зовут Олег, ты знаешь об этом.

— Что ты помнишь из прошлого, генерал?

— Откуда ты знаешь, что я генерал?

— Знаю. Ты дезертир, а я охотник на моржей. Но это неправда. Мы из другого мира. Твой сын сейчас сидит у компьютера, и нам надо его спасти. Ты помнишь Ёжика?

— Ты рассказываешь мне мои сны. Отдай меч.

— Не отдам. Я должен защитить нас от троллей.

— Вставайте! — закричала Илва. — Соберитесь и вставайте!

— Послушаемся женщину? — спросил я.

— К тому же она еще и оборотень, — согласился Олег. — Но

она моя, я ее люблю, и ты ее не получишь. Осторожнее с мечом!

Илва отворила незапертую дверь в дом. У противоположной входу стены стоял пустой стеллаж. Слева от двери, на столе светился голубым огнем магический фонарь. За столом сидел мертвец в красной одежде.

— Один из волшебников Саргары, — прошептал я.

Правая рука мертвеца, покрытая металлическими пластинами, безостановочно шевелилась. Пальцы сжимались и разжимались, царапая поверхность стола, словно искали лежащее неподалеку перо. Возле опрокинутой чернильницы высохшие чернила залили кляксами разбросанные бумажные листы.

— Протез, — пояснил я, задирая рукав мертвеца. — Чужая рука. Думаю, что управляется с помощью этого.

У плеча к металлу была прикреплена маленькая коробочка. Я выдрал ее вместе с куском металла, рука дернулась и затихла.

— Артефакт. Один из тех, что волшебники нашли в призрачном городе.

Я спрятал его в карман, затем выбрал наугад лист из лежащих на столе. Строки на нем были написаны рунами южных волшебников.

— Сможешь прочитать? — посмотрел я на Олега.

Тот отрицательно покачал головой.

— Здесь еще одна дверь за стеллажом, — сказала Илва. — Металл толстый. Наверное, за ней скрывают что-то ценное.

— Я смогу прожечь. — Олег поднял руку, огонь на его ладони усилился.

— Нет! — воскликнула Илва. — Подожди.

Она достала из волос заколку, наклонилась к замочной скважине и принялась возиться с импровизированной отмычкой, приложив ухо к двери. Олег пожал плечами.

За пояс у мертвеца был засунут жезл, металлический, тяжелый на вид, с набалдашником в виде головы Ёрмунганда — мирового змея, который по легенде спит на дне океана, а пробуждаясь, ломает толстый покров льда. Я вытащил его и с осторожностью осмотрел — кто знает, какие силы могут скрываться в этом предмете?

Под набалдашником находилась выгравированная молния, следом за ней рукоять обхватывало кольцо с нанесенными цифрами от одного до десяти. Молния указывала на единицу. Кольцо держалось крепко — сдвинуть его на другую отметку не получилось. Пальцы удобно легли на торчащий из рукояти длинный рычаг.

— Что это? — спросил Олег.

— Сейчас проверим.

Я подошел к выходу и выглянул наружу. Среди свисающих сталактитов гулял ветер. Если там скрывались тролли, то они по-прежнему опасались спускаться к реке. Я поднял жезл, направив змеиную голову в потолок, и нажал на рычаг. Около секунды жезл гудел, а затем глаза ослепила вспышка молнии. Раздался грохот камнепада. Судя по всплеску, последним в воду свалился большой сталактит. Но этого я не видел. Уронив жезл, я прикрывал ладонями глаза, перед которыми плыли яркие пятна.

Сквозь них я едва смог прочитать возникшую надпись: «Получено умение — стрельба из лейфтра, уровень первый». Вслед за ней появилось еще одно сообщение: «Ваш интеллект вырос до двенадцати единиц».

— Хорошая вещь, — подытожил Олег.

Спустя некоторое время я смог кое-как видеть. Ночью появится боль, словно в глаза насыпали песка, мучительная, не позволяющая заснуть, заставляющая бродить в безрезультатных поисках, чем возможно ее унять. Тяжелое оружие не держалось за поясом, норовило упасть, я вертел его в руках, не зная, куда приспособить. Кольцо на рукояти передвинулось, молния теперь указывала на цифру восемь — столько зарядов осталось в лейфтре. Наконец я вытащил из кармана веревку, набросил на рукоять петлю и забросил оружие за спину.

— Есть! — сказала Илва, распахивая дверь.

После чего вскрикнула и отшатнулась. Из вырубленной в скале коморки на нее смотрел гасторнис. Его голова с большим хищным клювом и застывшими глазами выглядывала из темноты. Рядом неподвижно стояла еще одна мертвая птица. Металлические пластины, которые покрывали их тела, потрескивали и искрились.

— Проклятые колдуны, — прошептал Олег.

Илва похлопала по седлу на спине гасторниса.

— Кто-то умеет на них ездить? — обернулась она к нам. — Тот туннель с ручейком, возможно, он выведет нас на поверхность? Думаю, что птицы предназначены для езды по нему. Что скажете?

— Возможно, так мы и поступим, — сказал я. — Не забыли, что нам надо добраться в Вормс до темноты? Сегодня последняя ночь полнолуния, мы должны проникнуть в призрачный город, чтобы спасти Ёжика.

Олег нахмурился.

— Поехали, — буркнул он, взбираясь на одну из птиц.

После того, как мой друг натянул стремена, оживленный электричеством гасторнис вздрогнул и зашевелился. Равномерно переставляя ноги, птица выбралась из домика. Когда она

проходила сквозь дверь, Олегу пришлось нагнуть голову, чтобы не удариться. Выйдя из дома, гасторнис замер, ожидая новые команды. Его короткие недоразвитые крылья вздрагивали в такт проскакивающим искрам.

Вставив ногу в стремя, я вскочил на второго гасторниса. Сидеть в гладком седле оказалось удобно. Ноги хорошо держались в стременах, уздечка — красная, с золотой тесьмой и надписью «беги, пока можешь», приятно дрожала, когда я потянул ее на себя.

— Н-но, Буцефал! Или кто ты у нас? — Я похлопал своего скакуна по шее.

Короткие перья укололи ладонь. Кожа была холодной и неприятной на ощупь. Гасторнис поднял одну ногу, сжав пальцы, покачнулся, — мне на мгновение показалось, что птица сейчас не устоит, опрокинется, но она шагнула, выпрямляя и мягко опуская ногу, зацокав по камням большими когтями. Еще один шаг — и мы оказались за дверью.

Со спины оседланной птицы мир выглядел иным, возникло неизвестное ранее ощущение вольного ветра и открытых пространств, хотя со всех сторон наваливался каменный мешок пещеры. Захотелось скакать навстречу заре, как в вестернах, где герои сильны, а женщины прекрасны.

— И с кем я поеду? — спросила Илва.

Олег протянул ей руку, помогая забраться в седло позади себя. Мы направились в туннель. Птицы шлепали по ручью, равномерно переставляя лапы. Казалось, что они могут бежать, не останавливаясь, на край мира.

Появилось сообщение: «Ваш интеллект достиг тринадцати единиц».

***

— Они здесь! — воскликнул Олег.

Гасторнисы шли один за другим. Свет на ладони моего друга освещал туннель, разгоняя темноту впереди. Ручей разлился мелкой речушкой, которая где-то вдалеке вновь превращалась в полноводную Гьёлль и у заброшенного замка вырывалась на поверхность бурным потоком.

— Слышишь, как воет ветер? Это они, я чувствую. — Олег резко остановил своего скакуна, так, что я едва успел затормозить, и обернулся. Его глаза были прищурены. — Ты чувствуешь, как они касаются нас? Они повсюду, но не обретают плоть. Знают, что меня надо бояться.

Пламя на его руке заколыхалось. Подземный ветер свистел в

туннеле, бросая песок нам в лица. То усиливаясь, то затихая, он выглядел обычным, но с Олегом я не спорил — бывшему троллю виднее. Я до сих пор не знал, вернулось ли полностью создание моего друга. Кем он себя считает — огненным волшебником, бывшим генералом, или отцом, пришедшим в игру за сыном?

— Я помню Ёжика, — сказал Олег, словно услышав мои мысли. Или он прочитал вопрос в моем взгляде? — Но не могу вспомнить полностью свою жизнь там, в моих снах. Мы вернем моего сына, если он не плод наших фантазий. И тролли нам не помешают. — Олег зло усмехнулся. — Знаешь, что такое фантомные боли? Это когда болит несуществующее оторванное щупальце.

Он вдруг вскинул руку, мимо меня пронесся огненный шар, опалив жаром щеку, и вспыхнул позади волной пламени. Илва вскрикнула. Я оглянулся, успев заметить, как языки пламени очертили две стоящие в нем тени — зыбкие, расплывчатые, лишь намеки на появляющихся существ. Через мгновение тени исчезли, превратившись в ветер.

— Скорее! — выкрикнул Олег и поскакал дальше по туннелю.

Илва сидела, крепко держась за моего друга. Мы мчались по реке, поднимая тучи брызг, и ветер свистел позади нас. Лейфтр бил по спине при каждом шаге птицы. Меня беспокоила мысль: что, если до того, как река разольется, мы не найдем выхода на поверхность, или он окажется заваленным? Но вскоре темноту туннеля рассеял свет. Он лился из прохода в потолке, к которому поднималась каменная лестница с широкими ступенями, пригодными для лап гасторнисов. Ветер с поверхности заносил в подземелье снег, верхние ступени покрывала корка льда. Птицы не замедлили своего движения. Вспрыгнув на лестницу, они продолжили бег, взмахивая маленькими крылышками, будто пытаясь взлететь.

Проход скрывался среди груды камней, возле которой росло похожее на старика дерево. Поверхность встретила нас морозным воздухом, он перехватывал дыхание, заставлял кутаться в одежду и прижиматься к холодным спинам гасторнисов, в тщетной попытке укрыться от ледяного ветра. Нас окружали заснеженные поля, очерченные Железным лесом. На горизонте за деревьями поднимались башни города-всех-дорог. Птицы бежали в направлении к Вормсу даже без наших команд, будто помнили дорогу, по которой шли много лет назад.

— Оглянитесь! — вскрикнула Илва.

Из прохода вырывалась тьма. Ее потоки устремлялись следом за нами, принимая очертания летящих существ.

— Тролли! Быстрее! — Олег подогнал своего гасторниса.

Мы неслись, вздымая позади снежные вихри. Сквозь белую метель нас преследовал серый подземный ветер. Тролли обгоняли туманными призраками. Двое из них обретали плоть — на нашем пути собирались из потоков тьмы изначальные тела.

— Твой левый! — закричал Олег, выпуская огненный поток из соединенных рук в одного из троллей.

Мой друг стремился в бой, будто еще не остыл после схваток на арене и с кракеном. Сейчас ему не требовалась подготовка — магия сама рвалась на свободу. Илва соскочила с гасторниса и теперь волчицей бежала рядом. Я схватил со спины лейфтр. Оружие прыгало в руке, не позволяя прицелиться на ходу.

— Тпру, Буцефал!

Я направил разинутую пасть змеи-набалдашника в центр клубка извивающихся щупалец. Меня настигла тьма. Ее потоки нахлынули, затопили вязким шершавым туманом, заполненным шепотом из непонятных слов, но я уже зажмурился и нажал на спуск. Секунда ожидания показалась слишком долгой.

Вспышка! Она затопила мой мир даже сквозь закрытые веки, ослепила, на мгновение лишив чувства реальности. Я услышал вой тролля, а когда открыл глаза, то увидел гору обугленной шевелящейся плоти, и опускающуюся серыми хлопьями вокруг меня тьму. Ветер подхватывал ее и уносил прочь, рассыпал по снегу темной пылью.

Олегу повезло меньше. Прежде чем огненная волна докатилась до его цели, тролль стал бесплотным, огонь не причинил ему заметного вреда, и теперь призрачная фигура монстра поднималась ввысь. Я выстрелил снова, почти не целясь. Сквозь прикрытые веки увидел, как молния прочертила пространство. Крик тролля прокатился над полем и сменился воем ветра. Оставшаяся на месте монстра тьма растворялась в снежном вихре.

— Их убивают молнии! — закричал Олег.

В лейфтре осталось семь зарядов.

Тролли нападали еще дважды. Дважды их призрачные тела обретали плоть в яростной попытке разорвать щупальцами, растоптать ненавистных людей, выскользнувших из Железного леса. Я потратил еще четыре заряда, но смог убить лишь одного тролля. От него осталось серое пятно копоти на снегу. Вихрь закручивал пепел и уносил его в снежную заверть.

— Они уходят! — прошептала Илва.

Она снова приняла человечье обличье и теперь стояла возле моего гасторниса, опустив ладонь на седло. Потоки тьмы втягивались в подземелье.

Я увидел возникшее сообщение: «Умение стрельба из

лейфтра достигло второго уровня».

Олег спешился.

— Завалить бы проход, — тяжело вздохнул, — да сил не осталось.

Он облокотился на спину гастониса. Я тоже спрыгнул, и только сейчас почувствовал, как стер о седло ноги. Подошел к Олегу, остановился рядом, наблюдая за остатками тьмы, исчезающей в провале серой бесплотной змеей, и сказал:

— Я слышал иные миры, когда висел над пропастью. Думаю, что волшебники проводили эксперименты с пространством игры. Хотели пробраться в наш мир.

— Возможно, не одни они, — ответил мой друг. — Помнишь, что по легенде ветви Иггдрасиля могут прорастать в другие пространства? Великое древо погибло, но кто-то спас его росток и принес к городу-всех-дорог.

— Вот?

— Наверное.

Кружащий в небесах ворон закаркал и улетел прочь. Мы подняли головы вверх.

— Думаешь, у него ничего не получилось? — спросил я.

— Кто его знает. Ладно, поехали. Надо до вечера добраться в город.

— Что будем делать с Графом?

— Убьем. Сколько у тебя осталось зарядов?

— Три.

— Хорошо. Я тоже найду силы на магию.

— В банде могут быть волшебники.

— Ничего, справимся, — махнул рукой Олег.

Он взобрался на гасторниса, помог сесть Илве, и мы отправились в город-всех-дорог.

Снег в лесу не был белым — возле деревьев он казался светло-серым, кое-где краснели пятна кровянницы, а возле следов Имира его пушистое покрывало искрилось изумрудными тонами. Снежинки не падали на эти растянутые цепочкой круглые поляны, заросшие вечнозеленым мхом.

— Говорят, что здесь танцуют зимние феи, — сказала Илва, когда мы впервые увидели след Имира. — Действительно, будто великан шагал сквозь лес. Но я заходить в них не собираюсь.

Илва оставалась человеком, но черты оборотня доминировали: она постоянно принюхивалась к окружающему, шла согнувшись, будто всё время норовила опуститься на четвереньки. Волчица чувствовала себя в лесу как дома. Мною же овладевало беспокойство.

Деревья, широкие, разлапистые, растущие здесь уже тысячи

лет, преграждали путь, и приходилось продираться сквозь их сомкнутые ряды. Меня тревожило, что без Илвы я не найду дорогу назад, заблужусь в Железном лесу. За каждым деревом чудился притаившийся тролль.

— Далеко еще? — спросил я.

— Олег был здесь не так давно, — повернула ко мне вытянутое лицо Илва. — Вскоре мы его догоним.

Она выглядела хищником, вышедшим на охоту. Глаза блестели, ноздри вздрагивали.

«Они догонят, и что сделают?» — раздался мысленный голос позади.

Я обернулся, схватился за оружие. Завернутый в клетчатый плед старик с пепельной торчащей клочками бородой стоял под деревом. Я не видел его, когда мы шли, Илва не почувствовала. Глаза Волчицы сузились, из ее рта вырвалось рычание.

«Пусть волк успокоится! — бросил старик, и Илва неожиданно села на снег, подчинившись приказу. — Так что делают в нашем лесу волчица и мясо? Как они поступят с тем, кого найдут? Убьют? Нет, не думаю. Заберут с собой? Возможно. — Он рассуждал, не обращая на нас внимания. — Мясу лучше не доставать оружие».

Старик смотрел куда-то мимо меня. Я вдруг ощутил, как невидимые руки разгибают мои пальцы.

«Вот так, пусть мясо теперь расскажет, что они сделает с выскочкой».

— Ты говоришь об Олеге? — спросил я, пытаясь противостоять незримой силе. — О тролле, что недавно пришел в лес?

«Думаю, что мы говорим об одном и том же. Может быть, нам не стоит сразу убивать мясо, и оно окажется полезным?»

Старик приблизился. От него необычно пахло мускусом и кровью. Илва упала животом на снег и заскулила.

«Почему полукровка боится? — спросил у себя старик. — Мы ведь не причиним ей вреда. А вот мясом бы пообедали. Но оно может нам помочь, и поэтому пускай пока поживет. Ведь оно пришло за другом? Я вижу у него в кармане снадобье, которое позволяет вернуться в оболочку хризалиды. (Я схватился за карман, испугавшись, что невидимая сила сейчас вытащит склянку). Мясо хочет применить его на выскочке? Что ж, это нам выгодно».

Старик повернулся, хватка ослабла, и я смог снова сжать ладонь на рукояти меча. Оружие придало уверенность.

«Мясо не должно вытаскивать сталь, иначе умрет, — подумал старик. — Есть обычай — любой сын леса может бросить вызов

вожаку. И вожак не в праве уклониться. Вожак сильный, вожак уверенный, но в молодом есть необъяснимая сила, словно у него внутри горит огонь. Никто из сынов леса не может его убить до начала боя. Может быть, если не съесть мясо сейчас, оно заберет выскочку с собой? Что ж, пусть мясо идет, как и шло, мы скажем преданным сыновьям, чтобы его не трогали».

— Ты струсил, — сказал я. — Ты боишься Олега. Как старая пчелиная матка, не желающая выпустить из лап свой рой.

Миг — и старик оказался возле меня. Его глаза смотрели в мои, рот с острыми зубами раскрылся, и из него раздался клекот, переходящий в хрип: — Х-х-е-е!

«Не смей обвинять меня в трусости! Бой в изначальной форме скоро состоится на площади, поспеши, иначе после победы я лично выпущу тебе кишки. За тобой идут двое серых, я не хочу, чтобы они убили тебя до того, как ты выполнишь, что собирался».

Подул ветер, и старик рассыпался пылью, которая смешалась с потоком воздуха. Ветер унес ее прочь, в темную глубину леса.

— Узнаю Олега, — сказал я. — Не успел превратиться в тролля, как уже бросил вызов вожаку. Это всё детские комплексы виноваты. Вставай, — протянул я руку Илве.

Волчица не зарычала, подчинилась безропотно, словно испуганный щенок. Не хватало только поджатого хвоста.

— Такой старик нагонит страх на кого угодно, если не догадываться, что он конкретно сдрейфил. Олег постарался. Бой в изначальной форме — значит, два тролля будут драться в истинном обличье, не растворяясь в ветре и не притворяясь… людьми, — посмотрел я в сторону, куда улетел старик.

— Я не тварь из леса, — проворчала Илва. Она выпрямилась, ее лицо снова стало обычным.

— Конечно, — согласился я. — Идем дальше?

— Они убьют тебя… нас, — сказала Волчица. — После того, как мы спасем Олега.

— Значит, надо придумать, как спастись самим.

— Он сказал, что за нами идут серые.

— Наверное, это сокейты из замка. Хотят отомстить за своего хозяина. Будем осторожными.

Мы пошли дальше, ускорив шаг. Илва держалась рядом, лишь изредка указывала направление.

— Олег был здесь, сидел, отдыхал, наверное, или собирался с мыслями, какие они там у тролля, — сказала она, остановившись возле следа Имира. — Знаешь, Игорь, мне впервые сказали, что я могу быть с тварями леса. Меня это беспокоит. Я человек, а не монстр.

— Махни рукой и не морочь себе голову, — сказал я. —

Главное это то, к кому ты сама себя причисляешь.

Порой казалось, что между деревьями кто-то ходит. Призрачные силуэты смотрели нам вслед, я постоянно ощущал спиной чужие взгляды.

Я почувствовал под ногой плоский камень. Остановился, проверяя его носком сапога. Целую группу камней покрывали мох, опавшие листья и снег. Из земли торчали остатки колонны, еще дальше — основание разрушенной стены.

— Руины Абеларда, — прошептала Илва.

Я уже бывал здесь в детстве, в своих мечтах, когда рассматривал из окна подступающие к замку кроны Железного леса. В прошлом, еще до моего рождения, Абелард процветал. По торговой дороге к Вормсу в обе стороны ехали купцы, шли путешественники и охотники. По обочинам возле разноцветных шатров бродячие комедианты устраивали шумные представления. Запряженные лошадьми фургоны торговцев с востока везли огнеупорную ткань, пряности и заговоренное оружие, что слушалось только своего хозяина. Их обгоняли колесницы с гасторнисами, которыми правили купцы семьи Сао, вечно спешащие, чтобы первыми успеть на торги. Покрытые густой шерстью шестиноги медленно тащили за собой тяжелые повозки. Ехавшие на них побережники, торговавшие моржовыми шкурами, мясом и топленым жиром, всегда успевали продать свои товары и не торопились. Иногда на механических птицах проезжали волшебники Саргары, дорога перед ними вмиг становилась свободной — все прижимались к обочинам, смотря вслед могущественным чародеям.

А потом Абеларда пал. Последняя битва между людьми и порождениями леса состоялась уже под его стенами, а позже, когда укрепления были разрушены, внутри города. Погибло много людей и монстров. Лес победил. Он всегда выигрывал своим упорством. На смену старым деревьям приходили новые, из темных глубин выползали монстры, и казалось, что дни людей сочтены.

Так я думал, стоя у открытого окна на вершине башни, но это было очень давно. Мысленно я тогда оказывался посреди сражения и совершал множество подвигов в городе, который теперь превратился в руины.

— Мы не одни, — тихо сказала Илва.

— Знаю, — ответил я.

Нас окружали тени. Они прятались у разрушенных стен, скрывались в сохранившихся подвалах, выглядывали темными силуэтами между деревьев. Призраки людей и монстров, погибших в давнем сражении.

— Не бойся, — прошептал я. — Они не опасны. Всего лишь лишенные разума проекции виртуалов, теперь ими управляет сама игра.

— Ты сумасшедший. — Илва смотрела, как призрак человека сошелся в бою с призраком тролля.

Тени сплетались, в стелящейся над руинами снежной мгле было не отличить, кто есть кто в бесконечном сражении. Мы шли по остаткам города, и вокруг кипела давно минувшая битва.

— Здесь теперь собираются тролли, чтобы устроить поединки — сказала Илва. — Сползаются со всего Железного леса. Твоим снадобьем тролля достаточно облить, чтобы он вновь превратился в человека?

— Да. Слышишь? — спросил я. Под каменной кладкой, на которой мы стояли, журчала вода. — Кажется, это течет Гьёлль. Когда-то по этой подземной реке доставляли товары прямо в замок. Речной путь контролировали саргарцы, но я знаю это лишь по рассказам.

Старый Виг, бывало, показывал мне свои шрамы, полученные в многочисленных сражениях.

«Вот это, — говорил он, демонстрируя рубец на правой руке, — след от молнии саргарца. Проклятые волшебники! Говорят, что свою магию они получили в призрачном городе. Это они изобрели накопители молний, но не те громадины в подвалах, что используют неудачники. Для себя саргарцы придержали махонькие, вот такие, — показывал старый вояка расстояние между большим пальцем и обрубком, что остался от указательного. — И потому могли метать молнии прямо из рук».

— Призрачный город, — пробормотал я. — Прошлый код, исходники старой игры.

— Что ты сказал? — переспросила Илва.

— Ничего.

Выходит, что я знал о том городе и раньше, просто забыл. Или игра позволила мне вспомнить только сейчас? Я обошел стену и наткнулся на провал — широкую дыру с осыпавшимися краями. На глубину вели каменные ступени. В темноте плескалась вода и скрипела древесина — подобный звук издают трущиеся друг о друга борта лодок. Раздался шорох, из провала выползла саламандра. Обежав вокруг нас, она захихикала и свернулась калачиком у моих ног.

— Где ты Олега потеряла? — спросила Илва.

Саламандра подняла голову и кашлянула. По комку сухой травы пробежало пламя. Я сорвал горящий клок и бросил в провал. Падающий огонек на секунду осветил качающиеся на волнах лодки. Черная вода Гьёлль разливалась у каменного

берега широким омутом, а затем убыстряла свой бег и пропадала под сводами туннеля.

— Игра всегда дает шанс спастись, — сказал я. — Как думаешь, тролли в воду не полезут? Идем, а то не успеем до поединка.

Саламандра, недовольно чихнув, поползла за нами.

Центральная часть города сохранилась лучше окраин. Стены становились все выше, полуразрушенные дома прилегали друг к другу. На одной из крыш сидел ворон и разглядывал нас желтым взглядом. Когда я сделал шаг к дому, ворон сорвался с места и улетел, выкрикивая ругательства на своем птичьем языке. Переступив через остатки стены, мы зашли под крышу. Сквозь прорехи в потолке струился солнечный свет. Окна дома выходили на круглую площадь, где ветер играл снегом в безлюдном пространстве, закручивал вихри ледяных искорок вокруг сохранившегося остова какого-то памятника.

— Наверное, здесь тролли и сражаются, — прошептала Илва.

«Ты права, — подумали позади нас. — На старой площади проходят ритуальные бои».

Я обернулся, выхватывая меч. Это был не старик. Молодой черноволосый парень, почти мальчишка, стоял невдалеке и смотрел на нас пристальным, слегка прищуренным взглядом.

«Джереона убил ты?» — спросил тролль и сплюнул под ноги.

— Допустим, я.

Интересно, насколько он силен? Меня не обмануть нарочито молодым видом. Только высшие тролли способны принимать обличье человека.

«И правильно. — Тролль проследил за саламандрой, которая миновала его, обежав по дуге. — Не наш он был. Не признавал лесных законов. Но ты не обольщайся — я сильнее его и всё равно тебя убью. Отец победит выскочку, и тогда я тебя убью. Говорю сразу, потому что ты можешь попробовать спастись, а охота за бегущей добычей намного интереснее».

От удовольствия тролль пощелкал языком. Ну, этот хоть не называет меня мясом.

«Давно я не охотился. Походы в город с его сонными жителями не считаются. А волчица ничего, аппетитная. Отец приказал за тобой присматривать, чтобы ты выполнил, что должен. Вот здесь выскочку и поведут, по этой дороге, ты его легко достанешь. — Тролль подошел к обвалившейся стене и указал наружу. — Сопровождать его двое будут. Мрарк — он из наших, из отцовских. А второй — Круст, вот его остерегайся. Он тебя сразу убьет, как увидит. Не забывай, что ты мне должен достаться. Главное, удирать начни».

Тролль выглянул за стену, повернувшись ко мне спиной. Я едва сдержался, чтобы не рвануться и не ударить его мечом. Именно этого он ждал от меня. Хотел, чтобы я поддался безрассудному поступку. Я представил, насколько стремительно он обернется и схватит мою руку, ломая кости, вторым ударом проломит грудь. Или не успеет? Рискнуть? Вместо этого я опустил руку на плечо Илвы, которая готова была броситься на врага.

Тролль обернулся, ухмыляясь.

«Вот не понимаю я отца, — подумал он. — Старик ослабел? Что он заметил такого в этом выскочке? Наверное, пора мне самому стать вождем».

Тролль прикрыл глаза от приятных мыслей. Из-за угла метнулась темная фигура, схватила его за голову и перерезала горло. Тролль упал и уже на земле принял изначальную форму. Щупальца судорожно вздрагивали, из пузырящейся кровью раны вырывался хрип. Сокейт наступил на поверженное тело, несколько раз ударил мечом, затем выпрямился и поднял на меня лицо, скрытое за повязкой. В солнечных лучах блеснули острые зубы.

— Благодарить не буду, — сказал я. — Кажется, ты пришел убить меня.

Из-за угла вышел второй сокейт и остановился возле затихшего тролля. Шея серого так и осталась свернутой набок, и сокейт стоял, повернувшись ко мне вполоборота. Двое против двоих. Но сможет ли Илва драться?

На площадь, к месту поединка шли тролли. По дороге ползли тени их огромных изначальных тел. Мне не успеть к Олегу! Я взмахнул мечом и поднял его над головой. Если повезет, то кто-то из сокейтов нападет раньше собрата. Может быть, я даже успею с ним расправиться, прежде чем придется сражаться сразу против двух противников. Но Илва не выдержала. Упав на четвереньки, она превратилась в волчицу и бросилась на врагов. Сокейт, которому она собиралась вцепиться в горло, успел подставить меч, обхватив оружие у острия левой рукой. Пасть Волчицы сомкнулась на клинке, забрызгав сокейта кровью. Противники упали, покатились по земле. Волчица оказалась сверху и вонзила зубы в лицо врага.

Второй сокейт взмахнул мечом, собираясь снести Волчице голову, но я успел отразить его удар своим клинком. Парирование! Ответный выпад! Враг схватился за рану на груди, шагнул назад и упал на спину.

Волчица посмотрела на меня и торжествующе зарычала. С ее израненной пасти на врага стекала кровь — своя и чужая. Я

вспомнил, как Олег перерезал горло сокейту, но повторить его действия не смог — к горлу вновь подкатила тошнота. Я отвернулся и подошел к окну.

Перед глазами появилось сообщение: «Ваша ловкость увеличена до четырнадцати единиц».

На площади дрались тролли. Их щупальца сплетались в безумном танце, сталкивались, рвали друг друга острыми когтями, из зубастых пастей раздавались крики и хрипение. Олег был справа. Я сразу его узнал. Светло-серое тело моего друга отличалось от старого, покрытого шрамами и наростами тела его противника — вожака троллей. Старик двигался медленнее, но в его движениях чувствовались опыт и сила воина, выигравшего не один бой на арене. По краям площади клубилась тьма. В ней изначальные тела троллей растворялись с призрачными порождениями леса.

Мелькнула мысль, что я не повысил свой уровень владения мечом. Может быть, десятый, заработанный после сражения с Джереоном уровень, последний? Возможно, битвы должны быть более сложными, чтобы подняться до одиннадцатого? Или я настолько сросся с игрой, что потерял способность видеть системные сообщения? Нет, я помню свое имя. Я рывком, лихорадочно поднял правый рукав, чтобы увидеть татуировку. Вот она. Мы в игре, если это не мое сумасшествие.

— Илва, — позвал я, оглянулся…

Волчица стояла над поверженным мною сокейтом. Из его разорванной шеи бил фонтан крови, орошая снег, словно здесь выросла целая колония красных водорослей. Илва превратилась в человека, шагнула ко мне, улыбнулась разорванным ртом и опустилась на колени. Прежде чем она упала, я успел ее подхватить, посадил на снег и прижал к себе. Рана от меча сокейта на ее правой щеке доходила едва ли не уха. Меховую куртку заливала кровь.

— Сейчас… сейчас. — Я достал из кармана склянку со снадобьем лечения, открыл пробку и поднес ко рту Илвы.

Она принялась пить взахлеб, рубиновая жидкость стекала по подбородку на шею. Раны заживали, оставляя после себя лишь тонкие едва заметные шрамы. Потом исчезнут и они. Илва вновь улыбнулась. Это движение вызвало боль, и девушка поморщилась.

— Тебе говорили, что когда ты волчица, у тебя тоже голубые глаза, — сказал я и поцеловал ее в губы.

К моему удивлению, девушка ответила, так же жадно, как до этого пила зелье лечения. Мы целовались, и я шептал ей на ухо:

— Гулльвейг.

— Я не Гулльвейг, — говорила она.

Ее губы были мягкими, как в ту ночь, когда за стенами моей хижины выл ветер.

Тролли дрались на площади. От их рева сотрясались стены. Я не хотел отпускать Волчицу, прижимая ее к себе.

Наконец я заставил себя посмотреть в окно. Бой переместился к краю площади, и противники находились невдалеке от нас. Вожак нависал над Олегом огромным бесформенным телом. Оторванное щупальце моего друга извивалось, разбрасывая снег, и оставляло на земле пузырящуюся слизь. Я почувствовал, как сжался Олег. Не от страха — мой друг не отступает. Он сосредоточился, словно перед заклинанием огня, когда обращался к силе, сидящей внутри него, и нанес удар сразу несколькими щупальцами в грудь врага, сложив их вместе наподобие копья. Панцирь старого тролля с хрустом проломился, а потом раздался второй треск — это щупальца вышли из его спины. Мне показалось, что вместе с брызгами слизи выплеснулись языки пламени. Рев старого тролля затих, захлебнулся, его тело опрокинулось на землю, разбросав по сторонам вздрагивающие щупальца. Олег выпрямился во весь рост и заревел, провозглашая себя новым вожаком стаи. Темнота по краям площади заколыхалась.

— Теперь, — сказала Илва. — Второго случая может не представиться.

Я высунулся из окна и выплеснул на Олега содержимое склянки из темного стекла. Вой тролля перешел в хрипение, хрипение — в человеческий кашель. Олег стоял на площади — обнаженный, худой, раскинув в стороны руки. На обеих его ладонях горели волшебные огни. Тьма, ощетинившись щупальцами, клыками и скорпионьими хвостами сжималась вокруг, окружая моего друга. Олег попятился, оглянулся, и я увидел в его взгляде — растерянном и испуганном, оттенки торжества.

— Беги! — закричал я. — К нам, скорее!

Но Олег отвернулся, выпрямляя руки. По площади прокатилась огненная волна, разбрасывая тьму, разрывая ее на клочки раскаленным ветром. Лицо обожгло жаром. Оторванное щупальце пузырилось, источая вонь уксуса и горелой плоти.

Олег запрыгнул в окно. Илва бросилась ему на шею. Саламандра радостно захихикала. Я сорвал с сокейта куртку и накинул Олегу на плечи.

— Быстрее, и штаны надень.

Олег окинул взглядом лежащие трупы.

— Да, натворили вы тут дел без меня.

Сквозь окно пролезло несколько щупалец, и я рубанул по ним мечом, заставляя убраться.

— Быстрее!

В стену ударили, с крыши посыпались пыль и мелкие камни. Олег натянул штаны сокейта, которые оказались ему коротки, и теперь снимал с другого мертвого врага сапоги. Илва пыталась ему помочь, но лишь суетилась и мешала.

— Трубку мою не находили? — спросил Олег.

— Нет!

Новый удар. Стена обрушилась, часть крыши обвалилась на появившегося тролля. Я взмахнул мечом, но мой удар не достиг цели — тролль отшатнулся, и я едва уклонился от его щупальца. Позади тролля ползло еще несколько врагов.

Мы побежали. Олег убегал вприпрыжку в одном сапоге, держа второй левой рукой, и охал, когда наступал на острые камни. В правой руке он сжимал меч сокейта — короткий кривой клинок, больше похожий на оружие варвара из пустыни Соро, чем на клинок карликов.

— Куда бежим? — спросил Олег.

— К реке!

Впереди показался провал. Ветви деревьев качались от ветра. В вихрях из пыли и снега несколько фигур троллей обретали плоть. Нас не выпустят из Железного леса живыми.

— Туда! — указал я на каменную лестницу, ведущую во тьму провала.

— А саламандра? — спросил Олег.

Огненная ящерица не успевала за нами. Она бежала изо всех сил, но осталась позади, там, где ползли, сгибая деревья, несколько огромных троллей. Казалось, что нас преследует стая гигантских змей. Олег остановился, на его руке начал вспухать огненный шар.

— Брось! — вскрикнул я.

На сей раз Олег послушался и нырнул во тьму следом за нами. Мы запрыгнули в лодки: я в одну, Олег и Илва — во вторую. Звякнули мечи, перерубая цепи, которыми лодки были привязаны к каменному причалу. Мы оттолкнулись веслами, и нас поглотил темный грот с журчащей водой.

Возникло сообщение: «Ваш интеллект повышен до одиннадцати единиц».

Где-то позади раздалось негромкое «плюх», и шипение, словно в воду упал уголек — следом за нами прыгнула в Гьёлль саламандра.

***

С потолка пещеры свешивались сосульки сталактитов и светящиеся нити подземных ловцов. Иногда нити опускались так низко, что я видел, как бьются прилипшие к ним комары. Мошкара летела к горящему на ладони Олега огню, чтобы погибнуть в его пламени и уступить место таким же несметным крылатым полчищам.

Лодка Олега и Илвы плыла впереди, я видел их силуэты сквозь марево теплого тумана. Олег стоял на корме и правил веслом. Из темной воды поднимались испарения, и казалось, что лодка скользит по разлитому над чернилами туману. В глубине плавали светящиеся огоньки, но если присмотреться, то становились видны изгибающиеся тела огромных рыб с фонариками на лбах. Создания с клубками щупалец выпускали темные, сверкающие по краям облака и стремились быстрее удрать от лодок. Длинные черви поднимались со дна к самой поверхности, и было непонятно: водоросли это или живые создания.

Течение реки стремительно несло наши лодки. Стоя на корме и правя веслом, надо было следить, чтобы не налететь на торчащие у стен пещеры камни. Кроме камней взгляд выхватывал из темноты и рукотворные изделия: на вбитых в стены шестах висели давно погасшие фонари с обрывками электрических проводов — Гьёлль когда-то принадлежала волшебникам Саргары, а те пользовались своим изобретением.

Вскоре после битвы у Абеларда саргарцы исчезли. Речной путь остался заброшенным. Теперь здесь только подводные обитатели, мошкара и убегающие из Железного леса путешественники.

— Они идут за нами! — прокричал Олег. — Слышишь, как шумит ветер наверху? Нити колеблются, словно их раздвигают невидимые руки. Тролли здесь! Но почему не нападают?

— Может быть, они боятся? — ответил я, перекрикивая шум бурлящей воды.

Боятся, но кого? Реки, которая раньше принадлежала волшебникам с востока? Я помню рассказы Вига об ужасном колдовстве саргарцев.

«Они шли на нас, павшие воины, не живые, но и не мертвые, соединенные с металлом. Их вела в бой магическая сила. Искры проскакивали в их доспехах, заставляя двигаться тела. Я убил Форга, снес ему голову, а он все шел на меня, пока твой отец не пригвоздил его копьем к дереву. Мы сражались со стариной Форгом бок о бок, и погиб он на моих глазах, а восточные колдуны превратили его во врага. Хорошо, что в войне с

троллями саргарцы были на нашей стороне. Нет, лучше быть фонарщиком, чем воевать с мертвецами».

— Далеко еще плыть? — спросил Олег, его лодка покачнулась, едва не налетев на камни. Илву окатило водой, и девушка взвизгнула.

— Не знаю. Думаю, что вскоре должна быть развилка.

Гьёлль должна разделиться на два потока — один поведет к замку, а второй свернет к Вормсу, но выход подземной реки на поверхность в городе-всех-дорог давно завалили — люди боялись появления из него троллей. Скорее всего, нам придется вновь плыть к заброшенному замку или искать другой выход на поверхность.

«Ух-х-х», — прокатился по воде вздох. Плывущие за лодками рыбы бросились врассыпную.

— Что это? — вскрикнул Олег.

В воде снова кто-то вздохнул, заскрежетал, и этот звук мне напомнил о металле, соединенном с живой плотью. Со дна поднималась огромная тень. Подобные я видел в далеком придуманном детстве под толстым слоем льда, когда лежал с закрытыми глазами и слушал океан.

— Греби! Греби быстрее! — заорал я. — Здесь кракен!

Иногда их называют морскими троллями. Старый Крик-белой-птицы говорил о кракенах не иначе, как о «тыварях-из-глубины». Не удивительно, что порождения леса не захотели опускаться к темной воде.

Река забурлила, из нее поднялось толстое щупальце, развернулось над моей лодкой, продемонстрировав ряд присосок и длинные когти на конце, искривленные, как жвалы паука. К щупальцу крепились соединенные друг с другом стальные пластины, между которыми проскакивали искры. Где-то на глубине им вторили яркие вспышки.

«Они шли на нас, павшие воины, не живые, но и не мертвые, соединенные с металлом».

Я взмахнул мечом, срезав со щупальца кусок плоти. Из-под воды последовал толчок, от удара мою лодку подбросило, и уже в воздухе на нее опустилось щупальце, разбивая в щепки. Не дожидаясь гибели, я успел спрятать меч в ножны и спрыгнуть в реку. С головой накрыло чернильной водой. Я вынырнул, захлебываясь, и схватился за проплывающую рядом лодку. Олег и Илва помогли взобраться на борт.

Река позади нас шла бурунами. Кракен поднимался из воды огромным черным пузырем, по которому пробегали электрические искры.

«Их вела в бой магическая сила».

Волшебники Саргары притащили в свою реку дохлого кракена и оставили его вечным стражем. Монстр давно мертв. Ему всё равно, в какой воде — пресной или соленой, влачить свое существование. Он словно кукла, которую заставляет двигаться и атаковать неведомая сила электричества.

«Ух-х-х», — вздохнул кракен, и по реке пробежала волна. Из воды вновь поднималось несколько щупалец. С треском проскакивали искры, в темноте это походило на праздничную иллюминацию, или на аттракцион ужасов.

— Держи весло! — прокричал мне на ухо Олег.

С меня ручьями стекала вода, я задыхался, как вытащенная на берег рыба. Почти не думая, я взялся за весло. Олег повернулся к Кракену.

— Силы огня, что живут в глубинах земли и вырываются в вулканах на поверхность раскаленной магмой, я призываю вас помочь, — певуче говорил он, перекрикивая шум волн. Глаза моего друга были закрыты, руки раскинуты в стороны. — Испепелите эту тварь. Чуждую огню, чуждую вашему повелителю.

Одно из щупалец поднялось над лодкой, скрученное на конце, как растущий лист папоротника. Кусок мертвой плоти, удерживаемый металлом и магией. Илва сжалась на дне лодки и затравленно смотрела на монстра. Мне хотелось поторопить Олега — «быстрее, останови эту тварь!» но своими словами я бы только сбил его настрой, ту волну стихии, что зарождалась внутри огненного мага.

— Я призываю вас испепелить чудовище из океана, порождение чужой магии. Придите на помощь к своему повелителю!

С ладоней Олега сыпались искры и с шипением гасли в воде. В темноте пещеры возникали и пропадали огненные руны. Волосы моего друга поднялись дыбом. Наконец Олег оборвал свою речь на громком возгласе и хлопком соединил ладони. По воде прокатилась огненная волна, разрезая щупальца, заставляя поверхность реки вскипеть пузырями, и затихла в глубине туннеля.

Кракен не вскрикнул — мертвая тварь не испытывала боли. Он лишь вздохнул, и отделенные от тела щупальца упали в воду, подняв тучи брызг. Искрились торчащие из реки обрубки.

«Ух-х-х». — Кракен снова поднял волну, которая всколыхнула нашу лодку. Из воды поднимались новые щупальца. Олег устало опустился на сидение. Я греб, отрешенно наблюдая, как тварь пытается нас догнать, но атака Олега замедлила кракена и дала нам шанс оторваться.

Течение усиливалось. Река поворачивала, волны с грохотом

разбивались о стену пещеры.

— Берегись! — закричала Илва.

Впереди река изливалась в пропасть, противоположный край которой скрывался в темноте, и казалось, что его не существует. Шума падения слышно не было — вода исчезала в черной бесконечности. Изменить направление движения оказалось невозможным. Весло треснуло, в моих руках остался лишь его обломок. Лодку закрутило потоком, и мы помчались к гибели. Я закричал.

Лодка достигла края пропасти, но не упала, остановленная упругой сетью, натянутой вдоль обрыва. Вода проходила сквозь ее ячейки, низвергалась водопадом, беззвучно теряющимся во мгле. Позади приближался кракен. Секунды — и нас раздавит его телом.

— Выбираемся, быстрее! — закричал я и первым прыгнул на сеть.

Схватился за крепкие нити и пополз — скорее уйти, спастись! Но тут же остановился, чтобы помочь Олегу и Илве. Волчица прыгнула сосредоточенно, с закрытыми глазами, я поймал девушку за руку. Прыгнувшему следом Олегу повезло меньше: он не удержался и заскользил вниз, успев ухватиться, лишь когда погрузился в воду по пояс. Волшебный огонь на его ладони погас.

— Олег! — вскрикнула Илва.

Речной поток прижал моего друга к сети, но он выкарабкался, упрямо, настойчиво, как и всё, что делал до сих пор. Я слышал, как Олег полз, тяжело дыша. Сеть вздрагивала, когда он хватался за ее нити. Выше, еще выше… Огонь вновь вспыхнул на его ладони.

— Туда! — прохрипел Олег, указывая в сторону, где у самой пропасти из стены пещеры ответвлялся туннель с ровными стенами, по дну которого бежал ручей.

У входа в туннель крепился один конец сети и стоял прильнувший к стене маленький каменный дом с непропорционально большой входной дверью.

Кракен навалился на лодку всем весом, разбивая ее в щепки. Сеть прогнулась, но выдержала вес монстра.

«Ух-х-х», — кракен выбросил фонтан воды и пополз к нам, цепляясь когтями.

— Уходите, — сказал я, держась левой рукой, а правой вынимая из ножен меч.

— Но?.. — проговорил Олег.

— Быстрее! И держитесь крепче — я перерублю сеть!

Размахнувшись, я ударил мечом, но клинок не перерезал ни

одной нити из прочного материала. Кракен, словно почувствовав опасность, рывком подтащил ко мне свое огромное тело. Он походил на паука, ползущего к запутавшейся добыче.

Я закрыл глаза. Вспомнил силу, вырвавшуюся из меча во время поединка с сокейтами в подземелье замка. Ощущение, возникшее тогда во мне, появилось снова. Хотя глаза были закрыты, но я увидел, как засветился мой клинок. Не знаю, кто нанес удар — я или он сам, но меч прошел сквозь металл, плоть чудовища и разрезал несколько ячеек сети. Словно продолжая его движение, нити разрывались, пока последняя не лопнула где-то под водой, и две половинки сети не повисли над пропастью.

На меня обрушились потоки воды. Я держался одной рукой из последних сил. Спрятать меч в ножны? Нет, я не брошу волшебное оружие.

Я оглянулся. Кракен повис над пропастью ниже меня, запутавшись в сети двумя щупальцами.

— Игорь, хватайся! — услышал я крик Олега.

Мой друг вернулся, он висел над водой, протягивая мне руку. Я покачал головой и начал спускаться. Кракен дернулся, словно муха в паутине, я взмахнул мечом, разрубая щупальца, и тело монстра полетело в пропасть. Во мгле еще несколько секунд сверкали искры, но затем пропали и они.

Сеть лишилась сдерживающего груза и распрямилась, подхваченная порывом подземного ветра. Я повис над черной бездной. Охватила усталость. Что-то рассказывал шелестящий ветер, его шепот сливался с журчанием воды. До меня долетали слова из другого мира.

«Игорь, ты меня слышишь?» — говорил Маньяк, и кто-то другой отвечал ему моим голосом: «Да»

«Акции «Масмолпрома» упали на два процента, что делать?»

«Продавай».

«Сырая нынче погодка, — это говорил Олег, но иной, из прошлого. — Ты сможешь помочь?»

Пальцы затекли. Я чувствовал под ладонями упругую мягкость грудей Марии. От девушки пахло духами, но она была незнакомая, чужая, не та любовь моей молодости. Ее лицо почему-то превратилось в лицо Гулльвейг, покрытое ледяной коркой. Я увидел сидящего у квантового компьютера Ёжика. Знал, что должен его спасти, но подземный ветер уносил меня всё дальше и дальше.

— Игорь!

Из темноты донесся скрежещущий голос Джереона: «До встречи, Игорь Ламьберт», сменившийся звуком падающей лавины.

Где-то вдали смеялась саламандра.

— Давай руку!

Я очнулся оттого, что Олег схватил меня за запястье.

— Что с тобой? — орал он мне в лицо.

Мы поползли к земле. Над пропастью, над водой и тьмой. После того, как выбрались, мы сидели, прислонившись спинами к стене дома. Над нами выл ветер, и раскачивались светящиеся нити. Я крепко сжимал меч, готовый убить любого тролля, который рискнет помешать мне просто сидеть.

Перед глазами появлялись сообщения: «Умение владение мечом достигло одиннадцатого уровня», «Ваша сила возросла до двенадцати единиц».

— Отпусти! — Олег разжимал мои пальцы, пытаясь отобрать оружие, но я не позволял ему это сделать.

— Кто ты? — прохрипел я.

— Отпусти меч. Меня зовут Олег, ты знаешь об этом.

— Что ты помнишь из прошлого, генерал?

— Откуда ты знаешь, что я генерал?

— Знаю. Ты дезертир, а я охотник на моржей. Но это неправда. Мы из другого мира. Твой сын сейчас сидит у компьютера, и нам надо его спасти. Ты помнишь Ёжика?

— Ты рассказываешь мне мои сны. Отдай меч.

— Не отдам. Я должен защитить нас от троллей.

— Вставайте! — закричала Илва. — Соберитесь и вставайте!

— Послушаемся женщину? — спросил я.

— К тому же она еще и оборотень, — согласился Олег. — Но она моя, я ее люблю, и ты ее не получишь. Осторожнее с мечом!

Илва отворила незапертую дверь в дом. У противоположной входу стены стоял пустой стеллаж. Слева от двери, на столе светился голубым огнем магический фонарь. За столом сидел мертвец в красной одежде.

— Один из волшебников Саргары, — прошептал я.

Правая рука мертвеца, покрытая металлическими пластинами, безостановочно шевелилась. Пальцы сжимались и разжимались, царапая поверхность стола, словно искали лежащее неподалеку перо. Возле опрокинутой чернильницы высохшие чернила залили кляксами разбросанные бумажные листы.

— Протез, — пояснил я, задирая рукав мертвеца. — Чужая рука. Думаю, что управляется с помощью этого.

У плеча к металлу была прикреплена маленькая коробочка. Я выдрал ее вместе с куском металла, рука дернулась и затихла.

— Артефакт. Один из тех, что волшебники нашли в призрачном городе.

Я спрятал его в карман, затем выбрал наугад лист из

лежащих на столе. Строки на нем были написаны рунами южных волшебников.

— Сможешь прочитать? — посмотрел я на Олега.

Тот отрицательно покачал головой.

— Здесь еще одна дверь за стеллажом, — сказала Илва. — Металл толстый. Наверное, за ней скрывают что-то ценное.

— Я смогу прожечь. — Олег поднял руку, огонь на его ладони усилился.

— Нет! — воскликнула Илва. — Подожди.

Она достала из волос заколку, наклонилась к замочной скважине и принялась возиться с импровизированной отмычкой, приложив ухо к двери. Олег пожал плечами.

За пояс у мертвеца был засунут жезл, металлический, тяжелый на вид, с набалдашником в виде головы Ёрмунганда — мирового змея, который по легенде спит на дне океана, а пробуждаясь, ломает толстый покров льда. Я вытащил его и с осторожностью осмотрел — кто знает, какие силы могут скрываться в этом предмете?

Под набалдашником находилась выгравированная молния, следом за ней рукоять обхватывало кольцо с нанесенными цифрами от одного до десяти. Молния указывала на единицу. Кольцо держалось крепко — сдвинуть его на другую отметку не получилось. Пальцы удобно легли на торчащий из рукояти длинный рычаг.

— Что это? — спросил Олег.

— Сейчас проверим.

Я подошел к выходу и выглянул наружу. Среди свисающих сталактитов гулял ветер. Если там скрывались тролли, то они по-прежнему опасались спускаться к реке. Я поднял жезл, направив змеиную голову в потолок, и нажал на рычаг. Около секунды жезл гудел, а затем глаза ослепила вспышка молнии. Раздался грохот камнепада. Судя по всплеску, последним в воду свалился большой сталактит. Но этого я не видел. Уронив жезл, я прикрывал ладонями глаза, перед которыми плыли яркие пятна.

Сквозь них я едва смог прочитать возникшую надпись: «Получено умение — стрельба из лейфтра, уровень первый». Вслед за ней появилось еще одно сообщение: «Ваш интеллект вырос до двенадцати единиц».

— Хорошая вещь, — подытожил Олег.

Спустя некоторое время я смог кое-как видеть. Ночью появится боль, словно в глаза насыпали песка, мучительная, не позволяющая заснуть, заставляющая бродить в безрезультатных поисках, чем возможно ее унять. Тяжелое оружие не держалось за поясом, норовило упасть, я вертел его в руках, не зная, куда

приспособить. Кольцо на рукояти передвинулось, молния теперь указывала на цифру восемь — столько зарядов осталось в лейфтре. Наконец я вытащил из кармана веревку, набросил на рукоять петлю и забросил оружие за спину.

— Есть! — сказала Илва, распахивая дверь.

После чего вскрикнула и отшатнулась. Из вырубленной в скале коморки на нее смотрел гасторнис. Его голова с большим хищным клювом и застывшими глазами выглядывала из темноты. Рядом неподвижно стояла еще одна мертвая птица. Металлические пластины, которые покрывали их тела, потрескивали и искрились.

— Проклятые колдуны, — прошептал Олег.

Илва похлопала по седлу на спине гасторниса.

— Кто-то умеет на них ездить? — обернулась она к нам. — Тот туннель с ручейком, возможно, он выведет нас на поверхность? Думаю, что птицы предназначены для езды по нему. Что скажете?

— Возможно, так мы и поступим, — сказал я. — Не забыли, что нам надо добраться в Вормс до темноты? Сегодня последняя ночь полнолуния, мы должны проникнуть в призрачный город, чтобы спасти Ёжика.

Олег нахмурился.

— Поехали, — буркнул он, взбираясь на одну из птиц.

После того, как мой друг натянул стремена, оживленный электричеством гасторнис вздрогнул и зашевелился. Равномерно переставляя ноги, птица выбралась из домика. Когда она проходила сквозь дверь, Олегу пришлось нагнуть голову, чтобы не удариться. Выйдя из дома, гасторнис замер, ожидая новые команды. Его короткие недоразвитые крылья вздрагивали в такт проскакивающим искрам.

Вставив ногу в стремя, я вскочил на второго гасторниса. Сидеть в гладком седле оказалось удобно. Ноги хорошо держались в стременах, уздечка — красная, с золотой тесьмой и надписью «беги, пока можешь», приятно дрожала, когда я потянул ее на себя.

— Н-но, Буцефал! Или кто ты у нас? — Я похлопал своего скакуна по шее.

Короткие перья укололи ладонь. Кожа была холодной и неприятной на ощупь. Гасторнис поднял одну ногу, сжав пальцы, покачнулся, — мне на мгновение показалось, что птица сейчас не устоит, опрокинется, но она шагнула, выпрямляя и мягко опуская ногу, зацокав по камням большими когтями. Еще один шаг — и мы оказались за дверью.

Со спины оседланной птицы мир выглядел иным, возникло

неизвестное ранее ощущение вольного ветра и открытых пространств, хотя со всех сторон наваливался каменный мешок пещеры. Захотелось скакать навстречу заре, как в вестернах, где герои сильны, а женщины прекрасны.

— И с кем я поеду? — спросила Илва.

Олег протянул ей руку, помогая забраться в седло позади себя. Мы направились в туннель. Птицы шлепали по ручью, равномерно переставляя лапы. Казалось, что они могут бежать, не останавливаясь, на край мира.

Появилось сообщение: «Ваш интеллект достиг тринадцати единиц».

***

— Они здесь! — воскликнул Олег.

Гасторнисы шли один за другим. Свет на ладони моего друга освещал туннель, разгоняя темноту впереди. Ручей разлился мелкой речушкой, которая где-то вдалеке вновь превращалась в полноводную Гьёлль и у заброшенного замка вырывалась на поверхность бурным потоком.

— Слышишь, как воет ветер? Это они, я чувствую. — Олег резко остановил своего скакуна, так, что я едва успел затормозить, и обернулся. Его глаза были прищурены. — Ты чувствуешь, как они касаются нас? Они повсюду, но не обретают плоть. Знают, что меня надо бояться.

Пламя на его руке заколыхалось. Подземный ветер свистел в туннеле, бросая песок нам в лица. То усиливаясь, то затихая, он выглядел обычным, но с Олегом я не спорил — бывшему троллю виднее. Я до сих пор не знал, вернулось ли полностью создание моего друга. Кем он себя считает — огненным волшебником, бывшим генералом, или отцом, пришедшим в игру за сыном?

— Я помню Ёжика, — сказал Олег, словно услышав мои мысли. Или он прочитал вопрос в моем взгляде? — Но не могу вспомнить полностью свою жизнь там, в моих снах. Мы вернем моего сына, если он не плод наших фантазий. И тролли нам не помешают. — Олег зло усмехнулся. — Знаешь, что такое фантомные боли? Это когда болит несуществующее оторванное щупальце.

Он вдруг вскинул руку, мимо меня пронесся огненный шар, опалив жаром щеку, и вспыхнул позади волной пламени. Илва вскрикнула. Я оглянулся, успев заметить, как языки пламени очертили две стоящие в нем тени — зыбкие, расплывчатые, лишь намеки на появляющихся существ. Через мгновение тени исчезли, превратившись в ветер.

— Скорее! — выкрикнул Олег и поскакал дальше по туннелю.

Илва сидела, крепко держась за моего друга. Мы мчались по реке, поднимая тучи брызг, и ветер свистел позади нас. Лейфтр бил по спине при каждом шаге птицы. Меня беспокоила мысль: что, если до того, как река разольется, мы не найдем выхода на поверхность, или он окажется заваленным? Но вскоре темноту туннеля рассеял свет. Он лился из прохода в потолке, к которому поднималась каменная лестница с широкими ступенями, пригодными для лап гасторнисов. Ветер с поверхности заносил в подземелье снег, верхние ступени покрывала корка льда. Птицы не замедлили своего движения. Вспрыгнув на лестницу, они продолжили бег, взмахивая маленькими крылышками, будто пытаясь взлететь.

Проход скрывался среди груды камней, возле которой росло похожее на старика дерево. Поверхность встретила нас морозным воздухом, он перехватывал дыхание, заставлял кутаться в одежду и прижиматься к холодным спинам гасторнисов, в тщетной попытке укрыться от ледяного ветра. Нас окружали заснеженные поля, очерченные Железным лесом. На горизонте за деревьями поднимались башни города-всех-дорог. Птицы бежали в направлении к Вормсу даже без наших команд, будто помнили дорогу, по которой шли много лет назад.

— Оглянитесь! — вскрикнула Илва.

Из прохода вырывалась тьма. Ее потоки устремлялись следом за нами, принимая очертания летящих существ.

— Тролли! Быстрее! — Олег подогнал своего гасторниса.

Мы неслись, вздымая позади снежные вихри. Сквозь белую метель нас преследовал серый подземный ветер. Тролли обгоняли туманными призраками. Двое из них обретали плоть — на нашем пути собирались из потоков тьмы изначальные тела.

— Твой левый! — закричал Олег, выпуская огненный поток из соединенных рук в одного из троллей.

Мой друг стремился в бой, будто еще не остыл после схваток на арене и с кракеном. Сейчас ему не требовалась подготовка — магия сама рвалась на свободу. Илва соскочила с гасторниса и теперь волчицей бежала рядом. Я схватил со спины лейфтр. Оружие прыгало в руке, не позволяя прицелиться на ходу.

— Тпру, Буцефал!

Я направил разинутую пасть змеи-набалдашника в центр клубка извивающихся щупалец. Меня настигла тьма. Ее потоки нахлынули, затопили вязким шершавым туманом, заполненным шепотом из непонятных слов, но я уже зажмурился и нажал на спуск. Секунда ожидания показалась слишком долгой.

Вспышка! Она затопила мой мир даже сквозь закрытые веки,

ослепила, на мгновение лишив чувства реальности. Я услышал вой тролля, а когда открыл глаза, то увидел гору обугленной шевелящейся плоти, и опускающуюся серыми хлопьями вокруг меня тьму. Ветер подхватывал ее и уносил прочь, рассыпал по снегу темной пылью.

Олегу повезло меньше. Прежде чем огненная волна докатилась до его цели, тролль стал бесплотным, огонь не причинил ему заметного вреда, и теперь призрачная фигура монстра поднималась ввысь. Я выстрелил снова, почти не целясь. Сквозь прикрытые веки увидел, как молния прочертила пространство. Крик тролля прокатился над полем и сменился воем ветра. Оставшаяся на месте монстра тьма растворялась в снежном вихре.

— Их убивают молнии! — закричал Олег.

В лейфтре осталось семь зарядов.

Тролли нападали еще дважды. Дважды их призрачные тела обретали плоть в яростной попытке разорвать щупальцами, растоптать ненавистных людей, выскользнувших из Железного леса. Я потратил еще четыре заряда, но смог убить лишь одного тролля. От него осталось серое пятно копоти на снегу. Вихрь закручивал пепел и уносил его в снежную заверть.

— Они уходят! — прошептала Илва.

Она снова приняла человечье обличье и теперь стояла возле моего гасторниса, опустив ладонь на седло. Потоки тьмы втягивались в подземелье.

Я увидел возникшее сообщение: «Умение стрельба из лейфтра достигло второго уровня».

Олег спешился.

— Завалить бы проход, — тяжело вздохнул, — да сил не осталось.

Он облокотился на спину гастониса. Я тоже спрыгнул, и только сейчас почувствовал, как стер о седло ноги. Подошел к Олегу, остановился рядом, наблюдая за остатками тьмы, исчезающей в провале серой бесплотной змеей, и сказал:

— Я слышал иные миры, когда висел над пропастью. Думаю, что волшебники проводили эксперименты с пространством игры. Хотели пробраться в наш мир.

— Возможно, не одни они, — ответил мой друг. — Помнишь, что по легенде ветви Иггдрасиля могут прорастать в другие пространства? Великое древо погибло, но кто-то спас его росток и принес к городу-всех-дорог.

— Вот?

— Наверное.

Кружащий в небесах ворон закаркал и улетел прочь. Мы

подняли головы вверх.

— Думаешь, у него ничего не получилось? — спросил я.

— Кто его знает. Ладно, поехали. Надо до вечера добраться в город.

— Что будем делать с Графом?

— Убьем. Сколько у тебя осталось зарядов?

— Три.

— Хорошо. Я тоже найду силы на магию.

— В банде могут быть волшебники.

— Ничего, справимся, — махнул рукой Олег.

Он взобрался на гасторниса, помог сесть Илве, и мы отправились в город-всех-дорог.

Восьмая авентюра. Призрачный город

К вечеру поля сменились деревьями, сначала редкими, облепленными стаями ворон, а после сомкнувшими ряды и ставшими сумрачной чащобой. Дорога запетляла по Железному лесу. Ветви со снежными шапками нависали над головами. Когда мы подъехали к вратам Вормса, снегопад прекратился, заходящее солнце уже касалось башен, и длинные тени раскрашивали город в черно-белые полосы.

— Знаю я одного старика, — сказала Илва, сидящая позади Олега. — Содержит лавку безделушек, которые упорно называет древностями и артефактами. Так он рассказывал о человеке, что может провести в Лунный город. Плел небылицы о замерших чудовищах, о скитальце, бродящем по призрачным улицам, но теперь я склонна ему верить. Предлагаю найти этого Бенни и хорошенько расспросить.

— Очень всё зыбко, — заметил Олег.

— У тебя есть другой план?

— Как мы проникнем в Вормс? — спросил я. — Через дыру в стене?

Илва зарычала и вцепилась в спину Олега скрюченными пальцами.

— Поздно, — сказала она, спрыгивая с гасторниса. — Нас уже заметили. Лес шептался задолго до нашего прихода.

Они вышли из ворот — десять человек, вооруженные мечами и арбалетами. Впереди находился Граф. Его руки в металлических перчатках лежали на длинном мече, чьи сделанные из плачущего дерева ножны выделялись багровым цветом. Говорят, что такая древесина источает красный сок перед тем, как рядом должна пролиться кровь. Возле атамана стоял голый по пояс лысый детина с синими узорами-татуировками по всему телу и тварью на плече, напоминавшей крылатую жабу. Из ее рта то и дело высовывался длинный язык и касался посоха в руках хозяина.

— Волшебник, — прошептал Олег. — Всё становится интереснее.

Я заметил Вота, сидящего на стене возле гигантского ясеня. Черный Хакер болтал ногой и наблюдал за происходящим с видом завсегдатая театральных подмостков.

— Приветствую дорогих гостей! — шагнул вперед Граф. —

Илва! Малышка! Как ты могла меня бросить? Я успел соскучиться по своей Волчице.

Разрисованный волшебник сосредоточился, готовясь отразить нашу атаку. Илва превращалась в хищного зверя.

— Иди к троллям, — прорычала она, прежде чем утратила возможность человеческой речи.

Миг — и возле нас стоял черный волк, сжавшийся, готовый вцепиться в горло любому врагу. На руке Олега, которую он завел за спину, разгоралось пламя. Над посохом волшебника из банды возникло голубое свечение. По набалдашнику стекали капли света и скатывались на землю, проделывая в снегу дымящиеся дыры.

— Хозяин! Хозяин! — заорала жаба и замахала крылышками.

— Беру Графа на себя, — ухмыльнулся Олег. — Сожги из лейфтра кого сможешь. Цельсь в типов с арбалетами.

— Стойте! — закричал я, выезжая вперед. — Слышишь, Граф! Я вызываю тебя на бой, трусливый пес!

Жаба на плече волшебника замерла и уставилась на меня круглыми выпученными глазами.

— Хозяин? — удивленно спросила она.

— Что ты делаешь?! — прошипел Олег. — Дурак! Идиот!

Сидящий на стене Вот одобрительно поднял вверх большой палец. Я сам был поражен тому, что делаю. Ранее не замечал за собой столь безрассудных поступков. Видимо, прошлое сына маркграфа наложило свой отпечаток.

Граф вытащил из ножен меч — полуторный, с широким лезвием.

— Поединок, говоришь, — прищурился он целым глазом. — Я убью тебя, щенок!

— В таком случае после этого мои друзья сдадутся без боя, — произнес я.

— Что?! — возмутился Олег.

— Но если проиграешь ты, — продолжил я, — мы пройдем в Вормс беспрепятственно, твои люди не станут мешать.

Граф наигранно развел руки и повернулся к банде.

— Что скажете, убить этого слабака на ваших глазах? — спросил он.

Толпа одобрительно зашумела.

— Застрели его, — прошептал Олег. — Убей, когда выдастся случай. Волшебник может ослабить защиту во время поединка.

— Нет, — сказал я. — Ты уже дрался в лесу. Теперь моя очередь.

Я достал лейфтр и протянул его Олегу.

— Если меня убьют — бегите в лес.

— Хо-зя-ин! — попрыгала на плече волшебника крылатая жаба.

Рукоять меча была холодной и шершавой на ощупь. Клинок покинул ножны, лезвие заблестело вечерней зарей. Интересно, какой у Графа уровень фехтования?

— Будем драться прямо здесь? — спросил атаман.

— Чего оттягивать? — пожал я плечами.

Снова пошел снег. Пушистые хлопья падали на волосы и одежду, оседали пышными узорами на ветвях, покрывали землю взамен унесенного ветром покрова. Холодный ветер резвился на дороге, вздымал с земли белые вихри и бросал их на городские стены.

Граф шагнул вперед, поднимая меч над головой. Я пошел ему навстречу. Удары сердца грохотом раздавались в ушах.

Неожиданно волной накатило чувство, которое обычно я вызывал через силу. Перехватило дыхание, заставило остановиться. Разгоревшийся в груди жар прилил к лицу, голова закружилась, и мир утратил объем. Плоская кукла Графа приближалась рывками, словно с каждым его шагом менялась спрайтовая картинка. Нарисованный меч у него в руках вызывал не страх, а улыбку. Толпа позади атамана превратилась в пестрый рисунок с размытыми краями. Проглядывающий сквозь открытые ворота город выглядел объемным, но стал игрушечным, ненастоящим — так обычно рисуют дети, делающие первые шаги в 3D-графике.

А потом волна наваждения схлынула, оставив после себя холодную спокойную уверенность. Я не помнил, кем был до сих пор. События моей жизни смешались в разноцветном калейдоскопе, потеряли значение. Важным осталось лишь «здесь» и «сейчас». Мои руки сжимали меч, а впереди был враг, которого я должен убить, иначе он убьет меня и моих друзей.

Подаренный Илвой клинок задрожал, я почувствовал, как сконцентрировалась в его лезвии кипящая во мне сила. Мы встретились — я и Граф. Он успел ударить первым. Наши мечи столкнулись, выбивая искры. Клинок Графа скользнул вниз, круглая гарда моего меча задержала движение. Я отвел оружие врага и ударил, метя в плечо. Граф увернулся, шагнув назад, острие лишь разрезало воздух перед его лицом.

Опытный противник, наши силы равны. Не смотря на холод, по его лицу из-под черной повязки стекала капля пота. Наверное, я выглядел не лучше. Лес и город вокруг шумели, как кровь в ушах.

«Убей его, Граф. Выпусти кишки!»

«Зарежь, как свинью!»

«Игорь, прикончи гада!»

Не переставая, рычала Волчица.

Я нанес удар сверху вниз. Граф отразил его, схватив свой меч левой рукой у острия, затем пнул меня ногой в живот. Падая на спину, я увидел сверкнувший клинок, и правое предплечье резануло болью. Минус три единицы жизни. Снег взметнулся белой россыпью. Я успел увернуться от опускающегося меча, откатился в сторону, и клинок Графа воткнулся в землю. Прежде чем главарь банды отшатнулся, я полоснул острием по его груди и вскочил на ноги. Кольчуга хорошо защищает от рубящих ударов, но подаренный Илвой меч разрезал металлические кольца, и сквозь них начала просачиваться кровь.

Мы стояли друг против друга. Граф тяжело дышал.

Здесь не место красивым приемам, в драке двух хищников побеждает самый яростный. Граф нанес колющий выпад, метя в грудь. Полуторный меч тяжелый — его удар не столь быстрый, как хотелось моему врагу. Я успел сбить клинок врага к земле и, продолжив движение, ударил навершием рукояти, разбивая в кровь лицо Графа. Он отступил, выругался, сплевывая кровь и выбитые зубы, бросился в атаку. Но я ударил раньше. Меч скользнул под его клинком, пробил кольчугу и вошел в сердце врага.

Из груди Графа ударил фонтан крови, окрашивая снег, и атаман рухнул на землю.

Я соврал — в бою побеждает не самый яростный, а тот, кто сумел сохранить контроль. Перехватив меч левой рукой — правую, по которой стекала кровь, сводила боль, я повернулся к людям графа. Разукрашенный волшебник опустил посох, медленно склонил голову и ухмыльнулся.

— Ты теперь что, главарь банды? — спросил Олег.

— Хочу печеньку, — сообщила жаба голосом попугая, заучившего фразу.

Я достал из кармана высушенную пчелиную матку и бросил на тело Графа.

— Я — наследный маркграф этого города и прилегающих земель. Идите со мной, и мы дадим отпор троллям.

— Игорь, — негромко сказал Олег. — Вспомни, кто ты.

— Побережники называли меня Глазом дракона. Но я — Игорь Смелый, сын Вилфрида Смелого. Слишком долго я просиживал в тени. Пришла пора вернуться.

— Игорь! — Олег подошел ко мне и сжал правую руку.

— Что ты делаешь? — прошипел я. — Больно.

Он рывком поднял рукав моей куртки. Сквозь бегущую кровь я увидел татуировку: «Игорь Ламберт».

Мы в игре! Олег! Мария! Ёжик! Мальчишка ждет моей помощи!

Перед глазами появилось сообщение: «Умение владение мечом достигло двенадцатого уровня», сменившееся еще одним: «Ваша сила достигла тринадцати единиц».

Разрисованный волшебник приблизился ко мне, сплюнул под ноги и сказал:

— Зачем нам это? Тролли забирают лишь некоторых. Выйди сражаться — и они убьют нас всех.

На его разгоряченной коже таял падающий снег, и казалось, что волшебник покрыт росой. Жаба щелкнула языком, поймав пролетающую мимо снежинку. Олег выехал на гасторнисе вперед, заставив волшебника отступить назад.

— Эй, Горст! — выкрикнул мой друг, и один из бандитов дернулся от его зычного голоса. — Да, ты! Узнаешь меня, старый ворон?

— Генерал? — неуверенно спросил тот, кого Олег назвал Горстом. — Генерал Фойриг?

— А кто же еще? Помнишь, как мы сражались с тобой с саргарцами?

— Да, славно мы их тогда разделали, — улыбнулся Горст. — Серые крысы еще сидели под землей, и в войнах участвовали люди, а не купленные монстры. Говорят, что ты после этого дезертировал. Или тут баба виновата?

— Скажи мне, я когда-нибудь врал?

Олег соскочил с гасторниса, чтобы стать одного роста с Горстом.

— Нет, — покачал головой воин. — Ты всегда приводил к победе.

— Все слышали? — обратился Олег к толпе. — Я не привык раскидываться словами. Мы удержим Вормс и дадим отпор троллям. Сегодня ночью. Я сказал.

— Хочу, хочу, — захныкала жаба, копируя детский голос. — Хочу печеньку.

***

Терпкое на вкус зелье лечения бежало внутри горячей волной, восстанавливая единицы жизни. Рана на руке затягивалась, вызывая нестерпимый зуд. Хотелось разодрать ногтями розовую кожицу, раздавить ползающих под ней муравьев.

Илва не желала возвращаться в разоренную таверну и сидела вместе со мной возле памятника Эрику, наблюдая за плывущими

по небу черными тучами. В багровых отблесках заходящего солнца они казались стаей кракенов, преследующих русалок в небесном океане. Олег раздавал команды. Вокруг сновали жители города — обыватели и бандиты, люди и NPC — бывший генерал сумел поднять на борьбу всех. Оставалось лишь удивляться, как ему удалось за столь короткое время развить такую кипучую жизнедеятельность. Голос Олега перекрикивал царящий гам.

— Вы четверо! Валите деревья и стягивайте к пролому. Через час он должен быть заделан так, чтобы ни одна крыса не проскочила! Вы же и будете его защищать. Живее, сонные куры! Для себя стараетесь.

— Знаешь, как погибают подключенные к сети игроки? — спросил я у Илвы.

Волчица ничего не ответила.

— Тело дергается, изо рта вырывается неслышимый крик, и человек умирает, чтобы через период условной смерти вновь ожить вместе со своим виртуалом в игре. Это если не включен режим «хардкор», как здесь. Граф погиб окончательно, он сейчас лежит мертвый у компьютера, и родственники оплакивают его гибель.

— Ты сделал, что должен был, — сухо сказала Илва.

Захотелось напиться. Подняться, махнуть на всё рукой: на людей и троллей, на весь этот безумный мир игры, войти в разрушенную таверну, найти среди обломков несколько склянок вина и напиться в драбадан.

— Бочку в центр площади! — кричал Олег. — Это вся черная кровь, что сумели найти? Мало. Ты! Я к тебе обращаюсь! Как тебя звать? Фед? Хорошо, Фед, ты отличный парень, и ты будешь стоять с факелом возле бочки, пока я не прикажу поджигать. Стоять столько, сколько понадобится. Ты ведь не из трусливых, правда? Смотри мне в глаза! Храбреца всегда видно по взгляду.

Он подошел к воротам, наблюдая, как несколько человек тащат срубленные деревца.

— Копья сюда! И заострить, как следует! Вкапывать в землю, так чтобы любую приползшую в наш город тварь встретил ощетинившийся ёж!

На слове «ёж» Олег запнулся и повернулся ко мне. В его взгляде читалась растерянность.

— Ёжик, — снова сказал мой друг.

— Ты прав, — поднялся я на ноги. В теле опять чувствовалась сила. — Нам надо искать твоего сына.

— Здесь нет Бенни, что знает проводника, — сообщила Илва. — Наверное, он остался в своей лавке.

— Идем, — сказал я, глядя Олегу в глаза.

— Я не могу, — отвел взгляд мой друг. — Не могу всё и всех бросить. Я должен быть здесь, понимаешь? Это моя жизнь. Мое призвание.

Он помнил Ёжика, но не верил в него до конца. Его сын сейчас сидел, пристегнутый к креслу, подключенный к системе искусственного питания, а Олег собирался спасать виртуальный город от наплыва монстров.

— Твое призвание — это вытащить отсюда сына!

Боль снова пронзила руку, хотя рана зажила.

— Илва, Игорь в порядке? — спросил Олег.

— В полном, — ответил я вместо Волчицы.

— Прошу тебя, идите сами. Бери Илву и найди этого проводника. Я знаю, что у вас всё получится. Должно получиться! Спаси… моего сына.

Олег поцеловал Илву и принялся что-то оживленно обсуждать с Мейнардом — волшебником с крылатой жабой на плече, рисуя план действий на снегу.

— Пошли, — потянула меня Илва. — Идем, Игорь. Не переживай. Мы все изменились, я это чувствую. Трудно верить в свой сон, когда вокруг тебя реальность.

Я подошел к Олегу и протянул ему лейфтр, который он успел мне вернуть после поединка с Графом.

— Возьми.

— Незачем, — ответил мой друг. — Береги Илву.

Я оставил его готовиться к сражению. Ушел вместе с Илвой по извилистым улочкам Вормса. Ночной снежный город был тихим, в небе летали несколько гарпий. Мы шли среди темных домов, порой сворачивая в столь узкие проходы, что приходилось протискиваться друг за другом.

— Ты мне как-нибудь расскажешь еще о своем мире? — попросила Илва.

— Совсем недавно ты не верила в то, что я рассказывал, даже не хотела слушать, — сказал я.

— И сейчас не верю. Но в тот момент, когда возилась с замком в подземелье, появились странные мысли. Словно не свои, а чужие: я помнила, как уже вскрывала замки, хотя до этого даже не подозревала, что способна на подобное. Будто провалилась в забытый сон. Игорь, что такое сигнализация?

— Тревога, призывающая на помощь.

— Знаю, что отключала ее в своих воспоминаниях, но не помню как. Что со мной? Неужели то, что ты рассказываешь, правда?

— Правда, — ответил я.

Илва вздохнула.

— Кто я тогда? Кем была?

— Не знаю. Но, надеюсь, ты вспомнишь. Всему свое время.

Мы остановились у небольшого дома, над дверью которого висела табличка: «Лавка древностей».

— Пришли, — сказала Илва.

Она толкнула дверь и первой зашла в сумрак с ароматом восточных пряностей и запахом древесной смолы. Стол и шкаф, заполненные всевозможными предметами, утопали в сладком дыму. Из-за перегораживающей комнату занавеси вынырнул владелец лавки — старик в потертом халате и золотой серьгой в виде полумесяца в левом ухе.

— Илва! — воскликнул он. — Давно ты не радовала меня своим посещением!

Он схватил девушку за руку, затряс, а потом поднес ее ладонь к губам и принялся жадно целовать, громко причмокивая и поднимаясь всё выше.

— Чмок! Говорили, что ты бежала из города. Чмок! Что ты погибла. Но я не верил. Чмок! Волчица не из таких, говорил я себе.

— Хватит, Бенни! — рассмеялась Илва, забирая руку. — Мы спешим. Нужна твоя помощь.

— Всё, чем могу. — Бенни смахнул со стула шкатулку, та упала, раскрылась, и разноцветные пуговицы — ее содержимое — покатились по полу. — Всё, чем могу.

— Ты говорил, что знаешь человека, который может провести в Призрачный город?

Бенни замер.

— Чего только не скажешь после кальяна со сладким деревом коофа, — сообщил он, подмигивая и кивая на занавесь. — От него начинают трястись руки и болеть голова, но во время того, как ты вкушаешь дым, тебя посещают дивные картины. — Бенни закатил глаза. — Механизмы, вереницами едущие по дорогам, высокие дома с тысячами окон, люди в странных одеждах, что суетятся и бегут по своим делам.

— Он здесь? — спросил я. — Проводник, что знает путь в город?

Бенни уставился на меня взглядом разбуженного совенка. Чья-то рука отвела занавесь в сторону, и к нам вышел Вот.

— Ты прав, — сказал он. — Я тот, кто в город Лунный провести сумеет. Но лишь сегодня, когда на небе полная луна, и связь слаба между мирами.

— Раньше ты не хотел помогать. С какой стати решился? Проникся сочувствием? Не ты ли отвел туда Ёжика?

— Возможно, — ухмыльнулся Вот. — Хотя вопросов слишком

много. Решился отчего? Сначала в город приходил слабак, едва владеющий мечом. Теперь передо мной боец, с которым отправиться куда угодно можно. Ты готов к пути. Отвел мальчишку? И на сей вопрос отвечу «да». Я спас его от троллей за прочными непроходимыми стенами. Еще вопросы будут?

— Когда идем? — проворчал я.

— Не ждет нас время, надобно спешить.

Мы вышли из лавки, на прощание Бенни попытался снова облобызать Илву.

— Мерзкий старикашка, — сказала Волчица, когда за нами закрылась дверь.

Она тщательно вытерла руку о свою куртку.

— Хороший у него кальян, — пояснил идущий впереди Вот.

— Скоро нападут тролли, — обратился я к нему. — Пропустишь такое зрелище?

— Возможно, — пожал он плечами и не оглянулся.

Город скрывался во тьме. Нигде не было видно ни огонька, лишь на небе паслись звезды, и висела огромная луна. В ее свете улица, по которой мы шли в полном молчании, менялась, ее пропорции искажались, и Вот будто ступал по воздуху, не касаясь земли.

— Здесь! — сказал он, нащупывая что-то невидимое. — Или здесь?

С громким хлопаньем крыльев на его плече опустился Хугин, сердито посмотрел на нас одним глазом и громко каркнул. Вот хлопнул его по клюву и сообщил с нескрываемой радостью:

— Кажется, нашел проход, что нас с собою уведет в обитель древнего народа.

Вот словно погрузился в кривое зеркало — сначала исказилась его вытянутая рука, потом сжалась, потеряла объем голова, и он потащил нас за собой. На мгновение показалось, что меня поочередно окунули то в холод то в жару, пространство сплющилось до толщины бумажного листа. Нахлынула мгла, в которой слышались шепчущие голоса.

«Ежи у себя в комнате».

«Что ты слышал о Черном Хакере?»

«Джонни тоже не существует».

«Говорят, он мог проникать в любую игру и возвращаться, когда захочет».

«Мяу-у-у-у!» — орал появившийся белый кот с разными глазами — зеленым и голубым, но потом темнота захлестнула и его.

Он пропадал по частям, не переставая мяукать. Последней растворилась голова, улыбающаяся улыбкой Чеширского Кота.

Мы очутились в пустыне иного мира. Перед нами лежал Призрачный город.

Появилось сообщение: «Ваш интеллект вырос до четырнадцати единиц».

Здесь был вечер. Огромное заходящее солнце наполовину скрывалось за горизонтом. В закатном мареве оно казалось голубым, вокруг его диска вырастала корона синих протуберанцев. Возникло чувство, будто я уже видел подобное солнце, но где и когда вспомнить не мог. Длинные тени высоких разветвленных кактусов пролегали по остывающему песку. В кружащихся над землей вихрях вспыхивали желтые искорки.

Илва нагнулась и зачерпнула рукой песок. Песчинки высыпались между пальцами, оставив у нее на ладони несколько блесток.

— Золото, — сказала Илва.

Где-то вдалеке раздался вой, переходящий в затихающее тявканье.

— Идемте, — указал Вот на город. — Это Астлан, родина забытого народа.

Покосившиеся, изъеденные пылевыми бурями глиняные кубы домов у окраины, казалось, были слеплены на скорую руку. Далее их сменяли причудливые здания из металла, по которому пробегали выбитые орнаменты из геометрических узоров и животных. Высокие башни уносились ввысь железными стрелами. Прямые каменные улицы разрезали город на части и собирались в центре, где на площади стояла огромная пирамида. Ее поднимающиеся уступами стены заканчивались в вышине ровной площадкой, над которой висел небесный корабль.

Пустота и забвение царили в городе. Казалось — скажи слово, и незатихающее эхо будет долго блуждать между покинутыми домами.

— Где Ёжик? — спросил я.

«Ёжик… Ёжик… Ёжик», — ответило эхо.

Вот кивнул в сторону пирамиды.

— Там.

Мы шли, и под ногами трещали старые кости. Они были разбросаны повсюду: человеческие черепа смотрели пустыми глазницами, скелеты неизвестных зверей, среди которых сновали шестиногие ящерицы, ухмылялись нам вслед хищными оскалами. Дорога была усыпана останками минувшей битвы — многие скелеты носили следы от оружия: обугленные дыры соседствовали со следами зубов, из раздробленных костей торчали осколки черных блестящих камней.

Я нагнулся и поднял лейфтр — точно такой же, как и у меня

на поясе, но расколотый до середины — в металле застрял длинный коготь. Я повертел оружие на ладони и опустил обратно на камни.

— Что здесь произошло? — спросил я.

— Война, — ответил Вот.

Что-то наш Черный Хакер перестал быть многословным. Ворон с его плеча сорвался вниз, схватил зубастый череп какой-то твари и улетел к ближайшему дому. Илва шла ко мне очень близко, наши руки соприкасались, я чувствовал теплоту ее тела.

— Живой! — воскликнула она, вцепившись в мою ладонь. — Там, смотрите!

Тролль в изначальном облике казался синим в последних лучах заходящего солнца. Поднятые щупальца готовились вцепиться в противника. Зубастая пасть раскрывалась в неслышимом реве. Далее волшебник в красной одежде поднимал лейфтр. Плащ за его спиной взметнулся от несуществующего сильного ветра, да так и замер, словно раскрытые багровые крылья.

— Сбои графической системы, — сказал я. — Это лишь образы, артефакты, которые остаются в рабочей области, если по какой-либо причине теряется связь. Словно картины Хвергельмира проецируются в этот кусок старой игры.

Они были повсюду — фантомные изображения объектов мира льда и снегов. Мы будто шли сквозь музей бесплотных фигур.

— Смотрите! — указала Илва.

В тени железного дома стоял я. Светлые волосы торчали в совершенном беспорядке, слегка безумный взгляд смотрел сквозь нас, а меч в вытянутых руках готовился пронзить невидимого противника. С кем я сражался в тот момент, когда игра создала графический артефакт из моего виртуала: с пауком, с сокейтом, или, может быть, наносил удар в бою с Графом? Неужели в этом весь я — лишь орудие для убийства врагов?

Я подошел к своему изображению, взмахнул рукой. Она свободно прошла сквозь фантом, по которому пробежали волны помех, и бесплотная статуя вновь вернула прежний вид.

— Ну и ладно, — сказал я. — Стой.

В собрании сбоев системы присутствовал не только я. Изображения Илвы и Олега спроецировались во время того, как их виртуалы находились в Железном лесу.

— Не смотрите! — закричала Илва. В первый раз я слышал в ее голосе нотки истерики. — Отвернитесь сейчас же!

Вот похабно улыбнулся.

— Хе, — сказал он. — Фантазия богатая у вас. Способны иллюстрировать трактат восточный о любви.

— Да что вы знаете! — воскликнула Илва и пошла вперед, пригнувшись к земле.

На мгновение мне показалось, что она превратится в волчицу и убежит, но Илва выпрямилась, замедлила движение. Ее плечи мелко вздрагивали. Я подошел и обнял ее со спины.

— Успокойся, — сказал я. — Всё в порядке.

Сплетающиеся фигуры стояли у меня перед глазами. Илва обхватывала талию Олега ногами, прижималась к его груди, лица видно не было, и память насильно подсказывала образ Марии с накрашенными губами и родинкой на правой щеке.

— Удивлен, как вы успели поймать зайца, — улыбнулся я.

Илва дернулась, словно в желании дать мне пощечину, но вместо этого улыбнулась.

— Я прирожденная охотница. Лучше посмотри, кто вон там.

Посреди улицы стоял Ёжик. Вначале я подумал, что он настоящий, хотел броситься к нему, но тут же понял, что это лишь проекция. Растерянный Ежи смотрел вдаль, не зная, что делать дальше.

Я сосредоточился, заставляя мир утратить подобие реальности. Дома превратились в плоские картинки, нарисованные вдоль дороги, по которой к центру города бежал след Ёжика и исчезал в пирамиде. Значит, мы идем в правильном направлении.

Спустя несколько минут, когда мы приблизились к площади, на город нахлынула чернильная темнота. В небе висело две луны: одна большая, белая с серыми кругами кратеров, другая крошечная, желтая как цыпленок. Они выглядели словно сестры: старшая вывела на прогулку младшую. За нашими спинами прямая дорога уходила в пустыню. На светлом участке неба, который проглядывал в конце улицы, над линией горизонта поднимались синие щупальца протуберанцев. Перед нами языки голубого пламени отражались на металлических бортах небесного корабля, зависшего над пирамидой.

Фантазия у создавшего мир программера была жутковатая.

— Ты написал? — спросил я у Вота.

— Нет, одна… знакомая. Исходники ее. А вон и наш неутомимый воин.

Вот направился к огоньку костра, горевшего в начале площади. Я ожидал увидеть Ёжика, но у огня сидел бронзовокожий коренастый мужчина в металлических доспехах, поверх которых была надета шкура ягуара. Увидев нас, он поднялся, взмахнув копной черных волос.

— Приветствую скитальца, что пришел посетить меня вновь во мраке ночи, которая уже посеяла свои цветы на земле, и

привел с собой гостей. Воин-ягуар Мекатл рад тем, с кем может разделить истории у ночного костра.

— И мы тебе рады, Мекатл, — кивнул Вот. — Не скажешь, где мальчишка, которого просил я охранять?

В его голосе прозвучали тревожные нотки.

— Не беспокойтесь, — улыбнулся Мекатл, — дитя в безопасности. Его разум блуждает в мире сна под надежной защитой. Вскоре мы отправимся к нему. А пока сядьте к расцветшему цветку костра и отведайте яств пустыни.

Воин первым показав пример, присел к огню прямо на землю. На вертеле над костром жарилась большая ящерица. Жир стекал по ее очищенным бокам и капал в огонь.

— Спасибо, что приютил Ёжика, но нам пора забрать мальчишку, — сказал я.

— Забрать куда? В тот мир, откуда вы пришли? Но посмотрите: его уже захлестнула кровавая волна. Пока здесь безопаснее. И мальчишке и вам.

Вот это «пока» мне не понравилось.

— Посмотреть на что? — спросил я.

Мекатл взмахнул рукой, показывая. Я обернулся.

По Астлану пробегали волны, словно по воде от брошенного камня. Сквозь дома проглядывали картины города-всех-дорог. Падал призрачный снег. Памятник Эрику Яростному безучастно взирал на кипевшее вокруг сражение.

Через проломанные ворота врывались тролли, их огромные щупальца разбрасывали защитников. С городских стен летели стрелы и копья. Тролли падали, идущие следом переползали через их мертвые тела. Часть бревен из заделанного пролома осыпалась, завалив одного из чудовищ. Стоящий на стене волшебник Мейнард вскинул посох, и сотни ледяных сосулек посыпались на монстров, пробивая их серую плоть, заставляя извиваться, словно червям, насаженным на рыболовные крючки. Начавшаяся ледяная буря тут же прекратилась, Мейнард, сбитый щупальцем, исчез в гуще нападавших.

Олег находился у памятника. Мой друг что-то кричал и размахивал мечом, указывая на бочонок с черной кровью. Фед замер с факелом в руке и смотрел на приближающегося тролля. Олег подскочил, отбросил Феда в сторону, затем выпустил в бочонок конус пламени из ладони и толкнул его ногой, направляя в гущу врагов.

Спустя несколько секунд беззвучный взрыв разбросал ошметки горящих изначальных тел. На снегу шевелились оторванные щупальца, и поднявшийся на ноги Фед с ужасом наблюдал, как одно из них ползет к нему, оставляя позади себя

слизь.

Черную кровь, в отличие от волшебного огня, потушить нельзя. Она будет гореть даже под водой.

Сквозь бушующее пламя ворвался ветер, принесший пыль. Прежде чем Олег успел что-либо предпринять, закрутившийся у памятника вихрь принял облик человека. С мечом в руках тот яростно набросился на Олега. Мой друг едва успевал парировать удары. Я вскочил, порываясь бежать на помощь.

— Сядь! — удержал меня Вот. — Ты не успеешь. Возможно, всё уже произошло, и это отголоски тех событий. Или всему лишь предстоит еще случиться. В любом из вариантов ты нужен здесь. Не забывай о деле, ради которого пришел в игру.

Илва вцепилась в мою ладонь и зарычала. Тролль ушел от удара Олега, распался ветром, чтобы вновь собраться за спиной моего друга.

— Сзади! — закричал я, видя, как тролль замахнулся для удара, но Олег не мог меня услышать.

Из темноты вынырнул окровавленный Мейнард и опустил посох на голову тролля. В это время рябь на теле призрачного города прекратилась, видение схлынуло, оставив после себя застывший образ разрисованного синей краской волшебника, крылатой жабы у него на плече и падающего на землю тролля в человеческом облике.

— Верни, — сказал я Мекатлу. — Что случилось?

— Мне не подвластна песня ночи, — произнес Мекатл. — Ее приливы приходят и уходят, оставляя картины чужого мира. Так было и так будет, с того момента, когда исчезли мои братья, и я остался один. Не беспокойтесь о мальчишке, дайте мне еще несколько минут.

— Несколько минут для чего? — спросила Илва.

— Для моего рассказа, — пояснил Мекатл. — Может быть, он поможет мне понять себя.

Город вновь задрожал. Сквозь бегущие по нему волны появилась картина Вормса. Ворота и деревья возле стены были объяты пламенем. Вперемешку лежали тела троллей и людей. Сражение распалось на отдельные схватки. Безо всякой тактики враги набрасывались друг на друга, разрывали щупальцами, кромсали мечами, поднимали на копья. Кое-где в гуще сражения вспыхивал волшебный огонь, и я знал, что Олег еще жив. Наконец я его увидел. Мой друг, забрызганный кровью и слизью, покрытый копотью, выбежал на открытое место и устало опустил меч, оглядывая происходящий вокруг него бой. Земля возле памятника вспучилась огромной кротовиной, лопнула, и на поверхность выползли щупальца. Олег метнул в образовавшуюся дыру

огненный шар.

Картина пропала, сменившись ночью в пустом городе. Во тьме летали крылатые создания, похожие на летучих мышей, и их тени блуждали по улицам.

— Мы прилетели сюда давно, — сказал Мекатл, достал нож из обсидиана, отрезал от ящерицы большой кусок и протянул Илве. Девушка схватила предложенное угощение, впилась в мясо зубами, так, что по ее подбородку потек сок. Воин-ягуар продолжил рассказ: — Однажды с небес в виде железной птицы спустился Уицилопочтли и позвал нас на родину, в город Астлан. Мы плыли в небесном океане по Майе, и звездная река привела в страну, которую мы давно покинули, но которая оставалась музыкой в наших сердцах и легендах.

Я взял протянутое им мясо, на вкус оказавшееся похожим на кролика.

— Уицилопочтли привел нас в пустой город и сказал: «Отсюда вы пришли, здесь ваша родина, живите и сражайтесь за свои жизни». Но это оказался не добрый Уицилопочтли а Ткакло Хорк — Птица Смерти, сыгравшая с нами злую шутку. И мы жили и сражались, а богиня, чья белая маска висит на стене мавзолея возрождения, смеялась, наблюдая за нашими мучениями. «Вы будете умирать каждую ночь и воскресать каждое утро, чтобы готовиться к новому бою, — говорила она, — Лишь лучшие из вас смогут получить покой». Каждую ночь на город накатывались волны сипактли — монстров, желающих сожрать нашу плоть. Одна за другой они захлестывали улицы города. Мы совершенствовались, росли наши уровни, но становились сильнее и сипактли. Энергия подходила к концу, запасов не хватало, мы дрались в рукопашную. Мы умирали, чтобы вновь вернуться к жизни в камерах-саркофагах, — показал Мекатль на пирамиду. — Знаете, каково это, умирать в каждом бою, и возвращаться наутро, с трудом вспоминая, кто ты, и зачем пришел в этот мир. Каждый раз грызть зубами прозрачную крышку саркофага, в тщетной попытке вспомнить себя, и понимать, что ничего не можешь изменить, что в твоей жизни не будет ничего, кроме бесконечных сражений. У каждого свой ящик-саркофаг, с которым воин-ягуар связан узами крови. Тысячи саркофагов ждали, тысячи погибших ночью воинов поднимались, чтобы прожить день и с наступлением темноты встретить новые полчища сипактли. Вновь и вновь. Бессмысленная жизнь, бессмысленная война, лишенные всякой цели. Сипактли не могли разрушить саркофаги возрождения, мы не могли победить, ибо, сколько монстров мы не убивали, на следующую ночь приходили новые. Желтые, плюющиеся кислотой, сменяли зеленых. Красные, огнедышащие,

приходили взамен желтых, и им не было числа. Потом я умер вновь.

Мекатль поднялся и посмотрел в сторону пирамиды.

— Когда очнулся, то обнаружил, что остался в одиночестве. Мой саркофаг был единственным посреди пустого зала пирамиды. Мы остались наедине с Ткакло Хорк — я и ее смеющаяся на стене маска.

— Часть игры использовали для создания другой, — сказал я, не задумываясь, поймет ли меня Мекатль. — Видимо, при переносе данных случайно захватили и твоего виртуала, находящегося в саркофаге.

— Сначала я подумал, что стал избранным, — продолжил воин-ягуар. — Но потом всё повторилось, а я остался один.

— Что повторилось? — спросила Илва.

— Сипактли. Они опять приходят после каждого захода солнца. Мне некуда бежать — я связан с саркофагом, странник не сможет увести меня из этого мира. Но появился пришелец с голосом, напоминающим звук катящихся камней. Он сказал, что если другой человек погибнет у саркофага, то будет связан с ним узами крови. Он, а не я станет возрождаться. Он, а не я будет умирать каждую ночь.

— Ты! — закричал я, схватив его за грудь. — Ты убил Ёжика!

— Нет, я не смог. Лишь напоил его соком агавы, дающим забвение, и теперь он лежит, привязанный к саркофагу. Двери в мавзолей открыты. Мальчишка погибнет — и останется новым вечным жителем Астлана, я обрету свободу.

Я толкнул Мекатля, тот не удержался на ногах и сел на землю.

— Мы должны его спасти! — воскликнул я.

— Слишком поздно, — сказал Мекатль. — Сипактли уже там. Думаю, что ваш мальчишка мертв.

Тьма возле пирамиды шевелилась тысячами тел.

— Дурак! — сказал Вот, выхватывая меч из-под черного плаща.

— Убей, — улыбнулся Мекать. — Именно этого я и хочу. Освободиться.

— Нет, — бросил я. — Мы идем к пирамиде. А ты, воин-ягуар, можешь остаться тут и умереть, как крыса, или отправиться с нами.

Я шагнул в темноту, не заботясь о том, последуют ли за мной остальные.

***

Троих сипактли я уложил выстрелами из лейфтра у подножья пирамиды. Перед глазами промелькнуло сообщение об увеличении уровня владения волшебным жезлом, но разряженное оружие мне больше не пригодится. Я выбросил лейфтр и выхватил меч.

Сипактли выглядели как порождения безумца: крокодильи головы росли у них не только на плечах, но и на суставах рук и ног. Пасти шипели, клацали зубами и плевались ядом. Чешуя отблескивала светом двух лун. Чудовища яростно бросались в бой. Мы протыкали тела монстров мечами, уворачивались и парировали удары когтистых лап, поднимались по залитой кровью лестнице к вершине пирамиды, где чернел открытый вход в мавзолей. Надежды на то, что Ёжик еще жив, не было.

Мой меч вошел в раскрытую пасть сипактли и пробил его горло. Поверженный противник сжал челюсти, судорожно схватив клинок. Назад оружие выходило слишком медленно. Второй монстр занес для удара лапу.

— Спешишь погибнуть? — Вот оказался рядом.

В его руках было два клинка, двигавшихся столь стремительно, что в воздухе оставались лишь размытые следы. Взмах — и лапа сипактли с шипящей головой полетела на лестницу. Второй — и следом за ней последовало разделенное на две половины тело монстра.

— Зачем ты привел сюда Ёжика? — закричал я. — Не знал о сипактли?

— Знал. Но считал, что в пирамиде безопаснее, чем в городе, куда приходят тролли.

Перед ним оказалось сразу два противника. Едва заметные движения мечами — и сипактли скатились по лестнице, упали на каменные плиты. Среди монстров прыгала Волчица, норовя вцепиться в горло врагу. Наконец ей это удалось, и они вместе покатилась вниз.

Нас догнал Мекатль.

— Лучше бы вы меня убили, — сказал он. — Это всё бессмысленно. Вновь и вновь.

Воин-ягуар раскинул по сторонам руки, из его наручей выпали металлические диски с зубцами по краям, закачались маятниками на веревках.

— Вновь и вновь.

Он взмахнул руками, и кистени или болас, как называли подобное орудие для охоты бразильские индейцы, закружились вокруг него, выписывая в воздухе петли и восьмерки. Камни засветились, будто наполненные энергией, превращая воина-ягуара в артиста из огненного шоу. С каждый кругом они

излучали всё больше света и разрезали воздух с усиливающимся жужжанием.

Вжжжух! Вжжжух! — пели камни. Один из них угодил в грудь сипактли и, практически не замедлив своего движения, проделал в ней огромную рану. В воздухе на мгновение зависла смесь из крови и осыпающейся чешуи, сипактли рухнул под ноги воина-ягуара. Мекатль перепрыгнул через упавшее тело. Он не смотрел на нас, сосредоточенно шел вперед, и его камни танцевали огненный танец.

Вжжжух! Вжжжух!

— Вновь и вновь.

Один из камней снес голову сипактли. Второй застрял у монстра в груди. Тот схватился за веревку и, падая, повис на ней. Мышцы на руке воина-ягуара вздулись буграми. Наконец хватка умирающего сипактли ослабла, и Мекатль вырвал свое оружие. Монстр покатился к подножию пирамиды. Другой сипактли, воспользовавшись моментом, запрыгнул Мекатлю на спину. Ни я ни Вот не смогли этому помешать.

Когти оставили на шее Мекатля рваные раны. Один из вращающихся камней закрутил веревку вокруг тела сипактли, зубцы пробили большую голову монстра. Сипактли упал, Мекатль дернул, раскручивая веревку, заставив тело монстра покатиться вниз.

— Вновь и вновь.

Залитый кровью воин-ягуар, пошатываясь, продолжил свой путь. Мы шли позади, держась на расстоянии от его оружия. Хотелось обогнать, первым заскочить в двери пирамиды, но не удавалось обойти эту смертоносную мельницу.

Когда до дверей оставалось совсем немного, пирамиду сотряс рев. Из входа в мавзолей вырвались клубы дыма вместе с ошметками тел сипактли. Чешуя заискрилась в воздухе сотнями разлетевшихся бабочек. Среди дыма появилась черная голова дракона на длинной шее. Пространство вокруг нее дрожало и искривлялось. Драконья пасть хватала сипактли, выгрызая части их тел, разрывала монстров на клочки. Из дверного провала выползла еще одна голова. Еще и еще, они переплетались змеями, словно в мавзолее рождалась многоголовая гидра.

— Назад! — закричал Вот.

Но Мекатль продолжал атаковать.

Вжжжух! — камень отшвырнул сипактли и опустился на голову дракона. Веревка лопнула, камень исчез. Голова монстра рванулась вперед. Надо отдать Мекатлю должное — передвигался он очень быстро. Но недостаточно, чтобы полностью увернуться от раскрытой пасти. Она прошла сквозь его левую руку, и рука

исчезла. Голова чудовища нашла новую цель и погналась за убегающим сипактли. Оставшийся стоять Мекатль удивленно посмотрел на торчащий из плеча обрубок.

— Мне не больно, — сказал он. — Нет боли. Странно.

И опустился на ступени.

— Назад, — снова повторил Вот. — Это вирус, что пожирает игры пространство.

Я понял это, едва лишь увидел дракона. Точно так же дрожало и разрушалось виртуальное хранилище центральной закрытой системы Института космонавтики, когда ее атаковали антиглобалисты. К сожалению, в то время я находился внутри хранилища, и испытал всё на своем виртуале. Тот вирус выглядел по-другому, но внешний вид неважен и ограничен лишь фантазией и умением создавшего его программера. Помню ощущения, которые передавались по обратной связи нейроинтерфейса, во время того, как разрушался мой код. Вирус пожирал моего виртуала по кускам, пока соединение оборвалось, и меня не вышвырнуло в реальность. Но в пространстве Чендлера вирус такой силы грозит окончательной гибелью. Вирусы непредсказуемы, слишком опасны. Их сложно контролировать, и в любой момент они могут вырваться на свободу.

Я уходил, пятился, поймав рвущуюся в бой Волчицу. Мне не страшны были ее клыки — я смотрел на приближающуюся голову гирды. Не увернуться. Не спастись. Но я не зажмурился. Голова резко остановилась возле меня, на мгновение замерла, и исчезла, всколыхнув пространство.

У входа в мавзолей стояла женщина в черном облегающем кожаном костюме. Ее лицо скрывала полумаска.

— Ткакло Хорк, — сказал Мекатль, — Птица Смерти.

Он встал и попытался опуститься на колени. Но это не получилось, и воин-ягуар упал лицом вниз. Волчица вырвалась из моих рук и бросилась к женщине. Та улыбнулась тонкими несимметричными губами — левая половина была короче правой, словно виртуал создавали впопыхах и допустили небрежность, либо нарочно его обезобразили, и бросила на ступени серебристый шар. Мгновение — и вирус раскрылся, пространство задрожало, лапы и пасть Волчицы опутало блестящими нитями. Илва упала у ног женщины, едва коснувшись ее куртки.

Хорк рассмеялась. Она присела и опустила голову Волчицы к себе на колени. Илва рычала сквозь сомкнутую пасть.

— Отпусти, — сказал я, сжимая меч.

Оружие бесполезно против вирусов. Но, может быть, я успею раньше, чем она их применит?

— Зачем? — спросила Хорк. — Не переживай, я отпущу вашу

зверушку, лишенную памяти. После того, как уйду, не то она вцепиться мне в глотку, не смотря на то, что я вам помогла. Ведь вцепишься, да?

Мне показалось, что ее руки сейчас схватят шею Илвы, скрутят ее и отбросят Волчицу, как ненужную игрушку. Но вместо этого Хорк провела ладонью против шерсти на холке зверя, посмотрела на нас и сказала: — Забирайте вашего Ёжика в целости и сохранности.

— Ты спасла его? — воскликнул я.

— Ничего особенного, — пожала она плечами и пригладила поднявшуюся шерсть Волчицы.

— Позволь мне уйти, — прохрипел Мекатль.

— Зачем? — вновь удивилась Хорк. — Тебе некуда идти. Ты забыл себя. Как и все другие. Вас сожрала игра. А я могу уничтожить ее. — Хорк достала из сумки на поясе несколько серебристых шаров и покрутила их на ладони. — Но не буду портить игру Вота. Кстати! — Она вскочила на ноги, голова Волчицы ударилась о ступени. — Мне пора уходить, я не настолько сопротивляюсь играм, как некоторые.

Хорк подмигнула сквозь прорезь в маске — Мне или Воту? и пропала. На мгновение появившийся и тут же исчезнувший канал всколыхнул пространство. С Волчицы спали путы. Наступила тишина, в которой была слышно, как ползет по ступеням сипактли с распоротым животом. Его когти скребли по камням: цок-цок, цок-цок.

— Нет боли, — опять сказал Мекатль. — Рука восстановится, когда я вновь погибну?

— Не думаю, твой код нарушен, — ответил я и пошел в мовзолей.

Огромный зал скрывался в темноте, которую пытались разогнать сидящие на стенах и потолке электрические светлячки. Пол был застлан мертвыми телами сипактли. Посреди зала стоял саркофаг со стеклянной крышкой, на которой лежал Ёжик. Мальчишка спал, раскинув руки в стороны, и улыбался сквозь сон. Илва превратилась в человека, бросилась к нему, прижала к себе.

— Живой, — сказала она. — Кровь не пролилась. Успели.

Ёжик что-то забормотал и засмеялся, не открывая глаз. Я подошел к стене, возле которой лежали белые осколки разбитой маски. Поднял один из кусков, подержал на ладони. Накатило чувство нереальности. Мавзолей превратился в куб, созданный из векторов. По стенам перемещались блестящие точки. На параллелепипеде в центре зала лежала безжизненная кукла человека. К ней вёл цифровой след. Я пришел. Добрался. Почти

выполнил задание — осталось лишь заставить мальчишку вспомнить себя и можно возвращаться. Но чувства удовлетворения от проделанной работы не было — что-то мешало, какое-то необъяснимое ощущение фальши. Тем более, что вернуться можно лишь с помощью артефакта, созданного Черным Хакером.

В зале был еще один след, два заметный, оставленный Тхакло Хорк. Он исчезал, но я успел увидеть, куда он ведет.

Осколок маски выпал из руки и разлетелся фарфоровыми крошками, имитирующими физическую модель столкновений. Мир вернулся. Нахлынул темнотой, запахами и страхом. По полу скребли когти заползающего в двери сипактли.

— Уходим! — сказал Вот, протыкая монстра мечом.

Я подхватил Ёжика на руки. Мы выбежали на лестницу. Две луны встретились на небе, маленькая наползла темным пятном на большую, вызвав частичное затмение.

Мы успели пересечь площадь и добраться до начала улицы, когда Илва вскрикнула:

— Оглянитесь!

Темнота у пирамиды вновь шевелились телами сипактли.

— Вторая волна, — сказал Мекатль. Из его единственной ладони спустился камень с зубцами. — Бегите.

Вот побежал по улице, я и Илва остановились в нерешительности.

— Да бегите же! — закричал воин-ягуар, раскручивая оружие над головой. — Я их задержу.

Мы поспешили следом за Вотом. Позади слышался шум боя: хрипение сипактли и звуки, которые издавал поющий в воздухе камень. Его светлячок еще долгое время мигал в ночи, пока не исчез в темноте.

Мы возвращались к проходу в город-всех-дорог.

К вечеру поля сменились деревьями, сначала редкими, облепленными стаями ворон, а после сомкнувшими ряды и ставшими сумрачной чащобой. Дорога запетляла по Железному лесу. Ветви со снежными шапками нависали над головами. Когда мы подъехали к вратам Вормса, снегопад прекратился, заходящее солнце уже касалось башен, и длинные тени раскрашивали город в черно-белые полосы.

— Знаю я одного старика, — сказала Илва, сидящая позади Олега. — Содержит лавку безделушек, которые упорно называет древностями и артефактами. Так он рассказывал о человеке, что может провести в Лунный город. Плел небылицы о замерших чудовищах, о скитальце, бродящем по призрачным улицам, но теперь я склонна ему верить. Предлагаю найти этого Бенни и

хорошенько расспросить.

— Очень всё зыбко, — заметил Олег.

— У тебя есть другой план?

— Как мы проникнем в Вормс? — спросил я. — Через дыру в стене?

Илва зарычала и вцепилась в спину Олега скрюченными пальцами.

— Поздно, — сказала она, спрыгивая с гасторниса. — Нас уже заметили. Лес шептался задолго до нашего прихода.

Они вышли из ворот — десять человек, вооруженные мечами и арбалетами. Впереди находился Граф. Его руки в металлических перчатках лежали на длинном мече, чьи сделанные из плачущего дерева ножны выделялись багровым цветом. Говорят, что такая древесина источает красный сок перед тем, как рядом должна пролиться кровь. Возле атамана стоял голый по пояс лысый детина с синими узорами-татуировками по всему телу и тварью на плече, напоминавшей крылатую жабу. Из ее рта то и дело высовывался длинный язык и касался посоха в руках хозяина.

— Волшебник, — прошептал Олег. — Всё становится интереснее.

Я заметил Вота, сидящего на стене возле гигантского ясеня. Черный Хакер болтал ногой и наблюдал за происходящим с видом завсегдатая театральных подмостков.

— Приветствую дорогих гостей! — шагнул вперед Граф. — Илва! Малышка! Как ты могла меня бросить? Я успел соскучиться по своей Волчице.

Разрисованный волшебник сосредоточился, готовясь отразить нашу атаку. Илва превращалась в хищного зверя.

— Иди к троллям, — прорычала она, прежде чем утратила возможность человеческой речи.

Миг — и возле нас стоял черный волк, сжавшийся, готовый вцепиться в горло любому врагу. На руке Олега, которую он завел за спину, разгоралось пламя. Над посохом волшебника из банды возникло голубое свечение. По набалдашнику стекали капли света и скатывались на землю, проделывая в снегу дымящиеся дыры.

— Хозяин! Хозяин! — заорала жаба и замахала крылышками.

— Беру Графа на себя, — ухмыльнулся Олег. — Сожги из лейфтра кого сможешь. Цельсь в типов с арбалетами.

— Стойте! — закричал я, выезжая вперед. — Слышишь, Граф! Я вызываю тебя на бой, трусливый пес!

Жаба на плече волшебника замерла и уставилась на меня круглыми выпученными глазами.

— Хозяин? — удивленно спросила она.

— Что ты делаешь?! — прошипел Олег. — Дурак! Идиот!

Сидящий на стене Вот одобрительно поднял вверх большой палец. Я сам был поражен тому, что делаю. Ранее не замечал за собой столь безрассудных поступков. Видимо, прошлое сына маркграфа наложило свой отпечаток.

Граф вытащил из ножен меч — полуторный, с широким лезвием.

— Поединок, говоришь, — прищурился он целым глазом. — Я убью тебя, щенок!

— В таком случае после этого мои друзья сдадутся без боя, — произнес я.

— Что?! — возмутился Олег.

— Но если проиграешь ты, — продолжил я, — мы пройдем в Вормс беспрепятственно, твои люди не станут мешать.

Граф наигранно развел руки и повернулся к банде.

— Что скажете, убить этого слабака на ваших глазах? — спросил он.

Толпа одобрительно зашумела.

— Застрели его, — прошептал Олег. — Убей, когда выдастся случай. Волшебник может ослабить защиту во время поединка.

— Нет, — сказал я. — Ты уже дрался в лесу. Теперь моя очередь.

Я достал лейфтр и протянул его Олегу.

— Если меня убьют — бегите в лес.

— Хо-зя-ин! — попрыгала на плече волшебника крылатая жаба.

Рукоять меча была холодной и шершавой на ощупь. Клинок покинул ножны, лезвие заблестело вечерней зарей. Интересно, какой у Графа уровень фехтования?

— Будем драться прямо здесь? — спросил атаман.

— Чего оттягивать? — пожал я плечами.

Снова пошел снег. Пушистые хлопья падали на волосы и одежду, оседали пышными узорами на ветвях, покрывали землю взамен унесенного ветром покрова. Холодный ветер резвился на дороге, вздымал с земли белые вихри и бросал их на городские стены.

Граф шагнул вперед, поднимая меч над головой. Я пошел ему навстречу. Удары сердца грохотом раздавались в ушах.

Неожиданно волной накатило чувство, которое обычно я вызывал через силу. Перехватило дыхание, заставило остановиться. Разгоревшийся в груди жар прилил к лицу, голова закружилась, и мир утратил объем. Плоская кукла Графа приближалась рывками, словно с каждым его шагом менялась

спрайтовая картинка. Нарисованный меч у него в руках вызывал не страх, а улыбку. Толпа позади атамана превратилась в пестрый рисунок с размытыми краями. Проглядывающий сквозь открытые ворота город выглядел объемным, но стал игрушечным, ненастоящим — так обычно рисуют дети, делающие первые шаги в 3D-графике.

А потом волна наваждения схлынула, оставив после себя холодную спокойную уверенность. Я не помнил, кем был до сих пор. События моей жизни смешались в разноцветном калейдоскопе, потеряли значение. Важным осталось лишь «здесь» и «сейчас». Мои руки сжимали меч, а впереди был враг, которого я должен убить, иначе он убьет меня и моих друзей.

Подаренный Илвой клинок задрожал, я почувствовал, как сконцентрировалась в его лезвии кипящая во мне сила. Мы встретились — я и Граф. Он успел ударить первым. Наши мечи столкнулись, выбивая искры. Клинок Графа скользнул вниз, круглая гарда моего меча задержала движение. Я отвел оружие врага и ударил, метя в плечо. Граф увернулся, шагнув назад, острие лишь разрезало воздух перед его лицом.

Опытный противник, наши силы равны. Не смотря на холод, по его лицу из-под черной повязки стекала капля пота. Наверное, я выглядел не лучше. Лес и город вокруг шумели, как кровь в ушах.

«Убей его, Граф. Выпусти кишки!»

«Зарежь, как свинью!»

«Игорь, прикончи гада!»

Не переставая, рычала Волчица.

Я нанес удар сверху вниз. Граф отразил его, схватив свой меч левой рукой у острия, затем пнул меня ногой в живот. Падая на спину, я увидел сверкнувший клинок, и правое предплечье резануло болью. Минус три единицы жизни. Снег взметнулся белой россыпью. Я успел увернуться от опускающегося меча, откатился в сторону, и клинок Графа воткнулся в землю. Прежде чем главарь банды отшатнулся, я полоснул острием по его груди и вскочил на ноги. Кольчуга хорошо защищает от рубящих ударов, но подаренный Илвой меч разрезал металлические кольца, и сквозь них начала просачиваться кровь.

Мы стояли друг против друга. Граф тяжело дышал.

Здесь не место красивым приемам, в драке двух хищников побеждает самый яростный. Граф нанес колющий выпад, метя в грудь. Полуторный меч тяжелый — его удар не столь быстрый, как хотелось моему врагу. Я успел сбить клинок врага к земле и, продолжив движение, ударил навершием рукояти, разбивая в кровь лицо Графа. Он отступил, выругался, сплевывая кровь и

выбитые зубы, бросился в атаку. Но я ударил раньше. Меч скользнул под его клинком, пробил кольчугу и вошел в сердце врага.

Из груди Графа ударил фонтан крови, окрашивая снег, и атаман рухнул на землю.

Я соврал — в бою побеждает не самый яростный, а тот, кто сумел сохранить контроль. Перехватив меч левой рукой — правую, по которой стекала кровь, сводила боль, я повернулся к людям графа. Разукрашенный волшебник опустил посох, медленно склонил голову и ухмыльнулся.

— Ты теперь что, главарь банды? — спросил Олег.

— Хочу печеньку, — сообщила жаба голосом попугая, заучившего фразу.

Я достал из кармана высушенную пчелиную матку и бросил на тело Графа.

— Я — наследный маркграф этого города и прилегающих земель. Идите со мной, и мы дадим отпор троллям.

— Игорь, — негромко сказал Олег. — Вспомни, кто ты.

— Побережники называли меня Глазом дракона. Но я — Игорь Смелый, сын Вилфрида Смелого. Слишком долго я просиживал в тени. Пришла пора вернуться.

— Игорь! — Олег подошел ко мне и сжал правую руку.

— Что ты делаешь? — прошипел я. — Больно.

Он рывком поднял рукав моей куртки. Сквозь бегущую кровь я увидел татуировку: «Игорь Ламберт».

Мы в игре! Олег! Мария! Ёжик! Мальчишка ждет моей помощи!

Перед глазами появилось сообщение: «Умение владение мечом достигло двенадцатого уровня», сменившееся еще одним: «Ваша сила достигла тринадцати единиц».

Разрисованный волшебник приблизился ко мне, сплюнул под ноги и сказал:

— Зачем нам это? Тролли забирают лишь некоторых. Выйди сражаться — и они убьют нас всех.

На его разгоряченной коже таял падающий снег, и казалось, что волшебник покрыт росой. Жаба щелкнула языком, поймав пролетающую мимо снежинку. Олег выехал на гасторнисе вперед, заставив волшебника отступить назад.

— Эй, Горст! — выкрикнул мой друг, и один из бандитов дернулся от его зычного голоса. — Да, ты! Узнаешь меня, старый ворон?

— Генерал? — неуверенно спросил тот, кого Олег назвал Горстом. — Генерал Фойриг?

— А кто же еще? Помнишь, как мы сражались с тобой с

саргарцами?

— Да, славно мы их тогда разделали, — улыбнулся Горст. — Серые крысы еще сидели под землей, и в войнах участвовали люди, а не купленные монстры. Говорят, что ты после этого дезертировал. Или тут баба виновата?

— Скажи мне, я когда-нибудь врал?

Олег соскочил с гасторниса, чтобы стать одного роста с Горстом.

— Нет, — покачал головой воин. — Ты всегда приводил к победе.

— Все слышали? — обратился Олег к толпе. — Я не привык раскидываться словами. Мы удержим Вормс и дадим отпор троллям. Сегодня ночью. Я сказал.

— Хочу, хочу, — захныкала жаба, копируя детский голос. — Хочу печеньку.

***

Терпкое на вкус зелье лечения бежало внутри горячей волной, восстанавливая единицы жизни. Рана на руке затягивалась, вызывая нестерпимый зуд. Хотелось разодрать ногтями розовую кожицу, раздавить ползающих под ней муравьев.

Илва не желала возвращаться в разоренную таверну и сидела вместе со мной возле памятника Эрику, наблюдая за плывущими по небу черными тучами. В багровых отблесках заходящего солнца они казались стаей кракенов, преследующих русалок в небесном океане. Олег раздавал команды. Вокруг сновали жители города — обыватели и бандиты, люди и NPC — бывший генерал сумел поднять на борьбу всех. Оставалось лишь удивляться, как ему удалось за столь короткое время развить такую кипучую жизнедеятельность. Голос Олега перекрикивал царящий гам.

— Вы четверо! Валите деревья и стягивайте к пролому. Через час он должен быть заделан так, чтобы ни одна крыса не проскочила! Вы же и будете его защищать. Живее, сонные куры! Для себя стараетесь.

— Знаешь, как погибают подключенные к сети игроки? — спросил я у Илвы.

Волчица ничего не ответила.

— Тело дергается, изо рта вырывается неслышимый крик, и человек умирает, чтобы через период условной смерти вновь ожить вместе со своим виртуалом в игре. Это если не включен режим «хардкор», как здесь. Граф погиб окончательно, он сейчас лежит мертвый у компьютера, и родственники оплакивают его

гибель.

— Ты сделал, что должен был, — сухо сказала Илва.

Захотелось напиться. Подняться, махнуть на всё рукой: на людей и троллей, на весь этот безумный мир игры, войти в разрушенную таверну, найти среди обломков несколько склянок вина и напиться в драбадан.

— Бочку в центр площади! — кричал Олег. — Это вся черная кровь, что сумели найти? Мало. Ты! Я к тебе обращаюсь! Как тебя звать? Фед? Хорошо, Фед, ты отличный парень, и ты будешь стоять с факелом возле бочки, пока я не прикажу поджигать. Стоять столько, сколько понадобится. Ты ведь не из трусливых, правда? Смотри мне в глаза! Храбреца всегда видно по взгляду.

Он подошел к воротам, наблюдая, как несколько человек тащат срубленные деревца.

— Копья сюда! И заострить, как следует! Вкапывать в землю, так чтобы любую приползшую в наш город тварь встретил ощетинившийся ёж!

На слове «ёж» Олег запнулся и повернулся ко мне. В его взгляде читалась растерянность.

— Ёжик, — снова сказал мой друг.

— Ты прав, — поднялся я на ноги. В теле опять чувствовалась сила. — Нам надо искать твоего сына.

— Здесь нет Бенни, что знает проводника, — сообщила Илва. — Наверное, он остался в своей лавке.

— Идем, — сказал я, глядя Олегу в глаза.

— Я не могу, — отвел взгляд мой друг. — Не могу всё и всех бросить. Я должен быть здесь, понимаешь? Это моя жизнь. Мое призвание.

Он помнил Ёжика, но не верил в него до конца. Его сын сейчас сидел, пристегнутый к креслу, подключенный к системе искусственного питания, а Олег собирался спасать виртуальный город от наплыва монстров.

— Твое призвание — это вытащить отсюда сына!

Боль снова пронзила руку, хотя рана зажила.

— Илва, Игорь в порядке? — спросил Олег.

— В полном, — ответил я вместо Волчицы.

— Прошу тебя, идите сами. Бери Илву и найди этого проводника. Я знаю, что у вас всё получится. Должно получиться! Спаси… моего сына.

Олег поцеловал Илву и принялся что-то оживленно обсуждать с Мейнардом — волшебником с крылатой жабой на плече, рисуя план действий на снегу.

— Пошли, — потянула меня Илва. — Идем, Игорь. Не переживай. Мы все изменились, я это чувствую. Трудно верить в

свой сон, когда вокруг тебя реальность.

Я подошел к Олегу и протянул ему лейфтр, который он успел мне вернуть после поединка с Графом.

— Возьми.

— Незачем, — ответил мой друг. — Береги Илву.

Я оставил его готовиться к сражению. Ушел вместе с Илвой по извилистым улочкам Вормса. Ночной снежный город был тихим, в небе летали несколько гарпий. Мы шли среди темных домов, порой сворачивая в столь узкие проходы, что приходилось протискиваться друг за другом.

— Ты мне как-нибудь расскажешь еще о своем мире? — попросила Илва.

— Совсем недавно ты не верила в то, что я рассказывал, даже не хотела слушать, — сказал я.

— И сейчас не верю. Но в тот момент, когда возилась с замком в подземелье, появились странные мысли. Словно не свои, а чужие: я помнила, как уже вскрывала замки, хотя до этого даже не подозревала, что способна на подобное. Будто провалилась в забытый сон. Игорь, что такое сигнализация?

— Тревога, призывающая на помощь.

— Знаю, что отключала ее в своих воспоминаниях, но не помню как. Что со мной? Неужели то, что ты рассказываешь, правда?

— Правда, — ответил я.

Илва вздохнула.

— Кто я тогда? Кем была?

— Не знаю. Но, надеюсь, ты вспомнишь. Всему свое время.

Мы остановились у небольшого дома, над дверью которого висела табличка: «Лавка древностей».

— Пришли, — сказала Илва.

Она толкнула дверь и первой зашла в сумрак с ароматом восточных пряностей и запахом древесной смолы. Стол и шкаф, заполненные всевозможными предметами, утопали в сладком дыму. Из-за перегораживающей комнату занавеси вынырнул владелец лавки — старик в потертом халате и золотой серьгой в виде полумесяца в левом ухе.

— Илва! — воскликнул он. — Давно ты не радовала меня своим посещением!

Он схватил девушку за руку, затряс, а потом поднес ее ладонь к губам и принялся жадно целовать, громко причмокивая и поднимаясь всё выше.

— Чмок! Говорили, что ты бежала из города. Чмок! Что ты погибла. Но я не верил. Чмок! Волчица не из таких, говорил я себе.

— Хватит, Бенни! — рассмеялась Илва, забирая руку. — Мы спешим. Нужна твоя помощь.

— Всё, чем могу. — Бенни смахнул со стула шкатулку, та упала, раскрылась, и разноцветные пуговицы — ее содержимое — покатились по полу. — Всё, чем могу.

— Ты говорил, что знаешь человека, который может провести в Призрачный город?

Бенни замер.

— Чего только не скажешь после кальяна со сладким деревом коофа, — сообщил он, подмигивая и кивая на занавесь. — От него начинают трястись руки и болеть голова, но во время того, как ты вкушаешь дым, тебя посещают дивные картины. — Бенни закатил глаза. — Механизмы, вереницами едущие по дорогам, высокие дома с тысячами окон, люди в странных одеждах, что суетятся и бегут по своим делам.

— Он здесь? — спросил я. — Проводник, что знает путь в город?

Бенни уставился на меня взглядом разбуженного совенка. Чья-то рука отвела занавесь в сторону, и к нам вышел Вот.

— Ты прав, — сказал он. — Я тот, кто в город Лунный провести сумеет. Но лишь сегодня, когда на небе полная луна, и связь слаба между мирами.

— Раньше ты не хотел помогать. С какой стати решился? Проникся сочувствием? Не ты ли отвел туда Ёжика?

— Возможно, — ухмыльнулся Вот. — Хотя вопросов слишком много. Решился отчего? Сначала в город приходил слабак, едва владеющий мечом. Теперь передо мной боец, с которым отправиться куда угодно можно. Ты готов к пути. Отвел мальчишку? И на сей вопрос отвечу «да». Я спас его от троллей за прочными непроходимыми стенами. Еще вопросы будут?

— Когда идем? — проворчал я.

— Не ждет нас время, надобно спешить.

Мы вышли из лавки, на прощание Бенни попытался снова облобызать Илву.

— Мерзкий старикашка, — сказала Волчица, когда за нами закрылась дверь.

Она тщательно вытерла руку о свою куртку.

— Хороший у него кальян, — пояснил идущий впереди Вот.

— Скоро нападут тролли, — обратился я к нему. — Пропустишь такое зрелище?

— Возможно, — пожал он плечами и не оглянулся.

Город скрывался во тьме. Нигде не было видно ни огонька, лишь на небе паслись звезды, и висела огромная луна. В ее свете улица, по которой мы шли в полном молчании, менялась, ее

пропорции искажались, и Вот будто ступал по воздуху, не касаясь земли.

— Здесь! — сказал он, нащупывая что-то невидимое. — Или здесь?

С громким хлопаньем крыльев на его плече опустился Хугин, сердито посмотрел на нас одним глазом и громко каркнул. Вот хлопнул его по клюву и сообщил с нескрываемой радостью:

— Кажется, нашел проход, что нас с собою уведет в обитель древнего народа.

Вот словно погрузился в кривое зеркало — сначала исказилась его вытянутая рука, потом сжалась, потеряла объем голова, и он потащил нас за собой. На мгновение показалось, что меня поочередно окунули то в холод то в жару, пространство сплющилось до толщины бумажного листа. Нахлынула мгла, в которой слышались шепчущие голоса.

«Ежи у себя в комнате».

«Что ты слышал о Черном Хакере?»

«Джонни тоже не существует».

«Говорят, он мог проникать в любую игру и возвращаться, когда захочет».

«Мяу-у-у-у!» — орал появившийся белый кот с разными глазами — зеленым и голубым, но потом темнота захлестнула и его.

Он пропадал по частям, не переставая мяукать. Последней растворилась голова, улыбающаяся улыбкой Чеширского Кота. Мы очутились в пустыне иного мира. Перед нами лежал Призрачный город.

Появилось сообщение: «Ваш интеллект вырос до четырнадцати единиц».

Здесь был вечер. Огромное заходящее солнце наполовину скрывалось за горизонтом. В закатном мареве оно казалось голубым, вокруг его диска вырастала корона синих протуберанцев. Возникло чувство, будто я уже видел подобное солнце, но где и когда вспомнить не мог. Длинные тени высоких разветвленных кактусов пролегали по остывающему песку. В кружащихся над землей вихрях вспыхивали желтые искорки.

Илва нагнулась и зачерпнула рукой песок. Песчинки высыпались между пальцами, оставив у нее на ладони несколько блесток.

— Золото, — сказала Илва.

Где-то вдалеке раздался вой, переходящий в затихающее тявканье.

— Идемте, — указал Вот на город. — Это Астлан, родина забытого народа.

Покосившиеся, изъеденные пылевыми бурями глиняные кубы домов у окраины, казалось, были слеплены на скорую руку. Далее их сменяли причудливые здания из металла, по которому пробегали выбитые орнаменты из геометрических узоров и животных. Высокие башни уносились ввысь железными стрелами. Прямые каменные улицы разрезали город на части и собирались в центре, где на площади стояла огромная пирамида. Ее поднимающиеся уступами стены заканчивались в вышине ровной площадкой, над которой висел небесный корабль.

Пустота и забвение царили в городе. Казалось — скажи слово, и незатихающее эхо будет долго блуждать между покинутыми домами.

— Где Ёжик? — спросил я.

«Ёжик… Ёжик… Ёжик», — ответило эхо.

Вот кивнул в сторону пирамиды.

— Там.

Мы шли, и под ногами трещали старые кости. Они были разбросаны повсюду: человеческие черепа смотрели пустыми глазницами, скелеты неизвестных зверей, среди которых сновали шестиногие ящерицы, ухмылялись нам вслед хищными оскалами. Дорога была усыпана останками минувшей битвы — многие скелеты носили следы от оружия: обугленные дыры соседствовали со следами зубов, из раздробленных костей торчали осколки черных блестящих камней.

Я нагнулся и поднял лейфтр — точно такой же, как и у меня на поясе, но расколотый до середины — в металле застрял длинный коготь. Я повертел оружие на ладони и опустил обратно на камни.

— Что здесь произошло? — спросил я.

— Война, — ответил Вот.

Что-то наш Черный Хакер перестал быть многословным. Ворон с его плеча сорвался вниз, схватил зубастый череп какой-то твари и улетел к ближайшему дому. Илва шла ко мне очень близко, наши руки соприкасались, я чувствовал теплоту ее тела.

— Живой! — воскликнула она, вцепившись в мою ладонь. — Там, смотрите!

Тролль в изначальном облике казался синим в последних лучах заходящего солнца. Поднятые щупальца готовились вцепиться в противника. Зубастая пасть раскрывалась в неслышимом реве. Далее волшебник в красной одежде поднимал лейфтр. Плащ за его спиной взметнулся от несуществующего сильного ветра, да так и замер, словно раскрытые багровые крылья.

— Сбои графической системы, — сказал я. — Это лишь

образы, артефакты, которые остаются в рабочей области, если по какой-либо причине теряется связь. Словно картины Хвергельмира проецируются в этот кусок старой игры.

Они были повсюду — фантомные изображения объектов мира льда и снегов. Мы будто шли сквозь музей бесплотных фигур.

— Смотрите! — указала Илва.

В тени железного дома стоял я. Светлые волосы торчали в совершенном беспорядке, слегка безумный взгляд смотрел сквозь нас, а меч в вытянутых руках готовился пронзить невидимого противника. С кем я сражался в тот момент, когда игра создала графический артефакт из моего виртуала: с пауком, с сокейтом, или, может быть, наносил удар в бою с Графом? Неужели в этом весь я — лишь орудие для убийства врагов?

Я подошел к своему изображению, взмахнул рукой. Она свободно прошла сквозь фантом, по которому пробежали волны помех, и бесплотная статуя вновь вернула прежний вид.

— Ну и ладно, — сказал я. — Стой.

В собрании сбоев системы присутствовал не только я. Изображения Илвы и Олега спроецировались во время того, как их виртуалы находились в Железном лесу.

— Не смотрите! — закричала Илва. В первый раз я слышал в ее голосе нотки истерики. — Отвернитесь сейчас же!

Вот похабно улыбнулся.

— Хе, — сказал он. — Фантазия богатая у вас. Способны иллюстрировать трактат восточный о любви.

— Да что вы знаете! — воскликнула Илва и пошла вперед, пригнувшись к земле.

На мгновение мне показалось, что она превратится в волчицу и убежит, но Илва выпрямилась, замедлила движение. Ее плечи мелко вздрагивали. Я подошел и обнял ее со спины.

— Успокойся, — сказал я. — Всё в порядке.

Сплетающиеся фигуры стояли у меня перед глазами. Илва обхватывала талию Олега ногами, прижималась к его груди, лица видно не было, и память насильно подсказывала образ Марии с накрашенными губами и родинкой на правой щеке.

— Удивлен, как вы успели поймать зайца, — улыбнулся я.

Илва дернулась, словно в желании дать мне пощечину, но вместо этого улыбнулась.

— Я прирожденная охотница. Лучше посмотри, кто вон там.

Посреди улицы стоял Ёжик. Вначале я подумал, что он настоящий, хотел броситься к нему, но тут же понял, что это лишь проекция. Растерянный Ежи смотрел вдаль, не зная, что делать дальше.

Я сосредоточился, заставляя мир утратить подобие

реальности. Дома превратились в плоские картинки, нарисованные вдоль дороги, по которой к центру города бежал след Ёжика и исчезал в пирамиде. Значит, мы идем в правильном направлении.

Спустя несколько минут, когда мы приблизились к площади, на город нахлынула чернильная темнота. В небе висело две луны: одна большая, белая с серыми кругами кратеров, другая крошечная, желтая как цыпленок. Они выглядели словно сестры: старшая вывела на прогулку младшую. За нашими спинами прямая дорога уходила в пустыню. На светлом участке неба, который проглядывал в конце улицы, над линией горизонта поднимались синие щупальца протуберанцев. Перед нами языки голубого пламени отражались на металлических бортах небесного корабля, зависшего над пирамидой.

Фантазия у создавшего мир программера была жутковатая.

— Ты написал? — спросил я у Вота.

— Нет, одна… знакомая. Исходники ее. А вон и наш неутомимый воин.

Вот направился к огоньку костра, горевшего в начале площади. Я ожидал увидеть Ёжика, но у огня сидел бронзовокожий коренастый мужчина в металлических доспехах, поверх которых была надета шкура ягуара. Увидев нас, он поднялся, взмахнув копной черных волос.

— Приветствую скитальца, что пришел посетить меня вновь во мраке ночи, которая уже посеяла свои цветы на земле, и привел с собой гостей. Воин-ягуар Мекатл рад тем, с кем может разделить истории у ночного костра.

— И мы тебе рады, Мекатл, — кивнул Вот. — Не скажешь, где мальчишка, которого просил я охранять?

В его голосе прозвучали тревожные нотки.

— Не беспокойтесь, — улыбнулся Мекатл, — дитя в безопасности. Его разум блуждает в мире сна под надежной защитой. Вскоре мы отправимся к нему. А пока сядьте к расцветшему цветку костра и отведайте яств пустыни.

Воин первым показав пример, присел к огню прямо на землю. На вертеле над костром жарилась большая ящерица. Жир стекал по ее очищенным бокам и капал в огонь.

— Спасибо, что приютил Ёжика, но нам пора забрать мальчишку, — сказал я.

— Забрать куда? В тот мир, откуда вы пришли? Но посмотрите: его уже захлестнула кровавая волна. Пока здесь безопаснее. И мальчишке и вам.

Вот это «пока» мне не понравилось.

— Посмотреть на что? — спросил я.

Мекатл взмахнул рукой, показывая. Я обернулся.

По Астлану пробегали волны, словно по воде от брошенного камня. Сквозь дома проглядывали картины города-всех-дорог. Падал призрачный снег. Памятник Эрику Яростному безучастно взирал на кипевшее вокруг сражение.

Через проломанные ворота врывались тролли, их огромные щупальца разбрасывали защитников. С городских стен летели стрелы и копья. Тролли падали, идущие следом переползали через их мертвые тела. Часть бревен из заделанного пролома осыпалась, завалив одного из чудовищ. Стоящий на стене волшебник Мейнард вскинул посох, и сотни ледяных сосулек посыпались на монстров, пробивая их серую плоть, заставляя извиваться, словно червям, насаженным на рыболовные крючки. Начавшаяся ледяная буря тут же прекратилась, Мейнард, сбитый щупальцем, исчез в гуще нападавших.

Олег находился у памятника. Мой друг что-то кричал и размахивал мечом, указывая на бочонок с черной кровью. Фед замер с факелом в руке и смотрел на приближающегося тролля. Олег подскочил, отбросил Феда в сторону, затем выпустил в бочонок конус пламени из ладони и толкнул его ногой, направляя в гущу врагов.

Спустя несколько секунд беззвучный взрыв разбросал ошметки горящих изначальных тел. На снегу шевелились оторванные щупальца, и поднявшийся на ноги Фед с ужасом наблюдал, как одно из них ползет к нему, оставляя позади себя слизь.

Черную кровь, в отличие от волшебного огня, потушить нельзя. Она будет гореть даже под водой.

Сквозь бушующее пламя ворвался ветер, принесший пыль. Прежде чем Олег успел что-либо предпринять, закрутившийся у памятника вихрь принял облик человека. С мечом в руках тот яростно набросился на Олега. Мой друг едва успевал парировать удары. Я вскочил, порываясь бежать на помощь.

— Сядь! — удержал меня Вот. — Ты не успеешь. Возможно, всё уже произошло, и это отголоски тех событий. Или всему лишь предстоит еще случиться. В любом из вариантов ты нужен здесь. Не забывай о деле, ради которого пришел в игру.

Илва вцепилась в мою ладонь и зарычала. Тролль ушел от удара Олега, распался ветром, чтобы вновь собраться за спиной моего друга.

— Сзади! — закричал я, видя, как тролль замахнулся для удара, но Олег не мог меня услышать.

Из темноты вынырнул окровавленный Мейнард и опустил посох на голову тролля. В это время рябь на теле призрачного

города прекратилась, видение схлынуло, оставив после себя застывший образ разрисованного синей краской волшебника, крылатой жабы у него на плече и падающего на землю тролля в человеческом облике.

— Верни, — сказал я Мекатлу. — Что случилось?

— Мне не подвластна песня ночи, — произнес Мекатл. — Ее приливы приходят и уходят, оставляя картины чужого мира. Так было и так будет, с того момента, когда исчезли мои братья, и я остался один. Не беспокойтесь о мальчишке, дайте мне еще несколько минут.

— Несколько минут для чего? — спросила Илва.

— Для моего рассказа, — пояснил Мекатл. — Может быть, он поможет мне понять себя.

Город вновь задрожал. Сквозь бегущие по нему волны появилась картина Вормса. Ворота и деревья возле стены были объяты пламенем. Вперемешку лежали тела троллей и людей. Сражение распалось на отдельные схватки. Безо всякой тактики враги набрасывались друг на друга, разрывали щупальцами, кромсали мечами, поднимали на копья. Кое-где в гуще сражения вспыхивал волшебный огонь, и я знал, что Олег еще жив. Наконец я его увидел. Мой друг, забрызганный кровью и слизью, покрытый копотью, выбежал на открытое место и устало опустил меч, оглядывая происходящий вокруг него бой. Земля возле памятника вспучилась огромной кротовиной, лопнула, и на поверхность выползли щупальца. Олег метнул в образовавшуюся дыру огненный шар.

Картина пропала, сменившись ночью в пустом городе. Во тьме летали крылатые создания, похожие на летучих мышей, и их тени блуждали по улицам.

— Мы прилетели сюда давно, — сказал Мекатл, достал нож из обсидиана, отрезал от ящерицы большой кусок и протянул Илве. Девушка схватила предложенное угощение, впилась в мясо зубами, так, что по ее подбородку потек сок. Воин-ягуар продолжил рассказ: — Однажды с небес в виде железной птицы спустился Уицилопочтли и позвал нас на родину, в город Астлан. Мы плыли в небесном океане по Майе, и звездная река привела в страну, которую мы давно покинули, но которая оставалась музыкой в наших сердцах и легендах.

Я взял протянутое им мясо, на вкус оказавшееся похожим на кролика.

— Уицилопочтли привел нас в пустой город и сказал: «Отсюда вы пришли, здесь ваша родина, живите и сражайтесь за свои жизни». Но это оказался не добрый Уицилопочтли а Ткакло Хорк — Птица Смерти, сыгравшая с нами злую шутку. И мы жили

и сражались, а богиня, чья белая маска висит на стене мавзолея возрождения, смеялась, наблюдая за нашими мучениями. «Вы будете умирать каждую ночь и воскресать каждое утро, чтобы готовиться к новому бою, — говорила она, — Лишь лучшие из вас смогут получить покой». Каждую ночь на город накатывались волны сипактли — монстров, желающих сожрать нашу плоть. Одна за другой они захлестывали улицы города. Мы совершенствовались, росли наши уровни, но становились сильнее и сипактли. Энергия подходила к концу, запасов не хватало, мы дрались в рукопашную. Мы умирали, чтобы вновь вернуться к жизни в камерах-саркофагах, — показал Мекатль на пирамиду. — Знаете, каково это, умирать в каждом бою, и возвращаться наутро, с трудом вспоминая, кто ты, и зачем пришел в этот мир. Каждый раз грызть зубами прозрачную крышку саркофага, в тщетной попытке вспомнить себя, и понимать, что ничего не можешь изменить, что в твоей жизни не будет ничего, кроме бесконечных сражений. У каждого свой ящик-саркофаг, с которым воин-ягуар связан узами крови. Тысячи саркофагов ждали, тысячи погибших ночью воинов поднимались, чтобы прожить день и с наступлением темноты встретить новые полчища сипактли. Вновь и вновь. Бессмысленная жизнь, бессмысленная война, лишенные всякой цели. Сипактли не могли разрушить саркофаги возрождения, мы не могли победить, ибо, сколько монстров мы не убивали, на следующую ночь приходили новые. Желтые, плюющиеся кислотой, сменяли зеленых. Красные, огнедышащие, приходили взамен желтых, и им не было числа. Потом я умер вновь.

Мекатль поднялся и посмотрел в сторону пирамиды.

— Когда очнулся, то обнаружил, что остался в одиночестве. Мой саркофаг был единственным посреди пустого зала пирамиды. Мы остались наедине с Ткакло Хорк — я и ее смеющаяся на стене маска.

— Часть игры использовали для создания другой, — сказал я, не задумываясь, поймет ли меня Мекатль. — Видимо, при переносе данных случайно захватили и твоего виртуала, находящегося в саркофаге.

— Сначала я подумал, что стал избранным, — продолжил воин-ягуар. — Но потом всё повторилось, а я остался один.

— Что повторилось? — спросила Илва.

— Сипактли. Они опять приходят после каждого захода солнца. Мне некуда бежать — я связан с саркофагом, странник не сможет увести меня из этого мира. Но появился пришелец с голосом, напоминающим звук катящихся камней. Он сказал, что если другой человек погибнет у саркофага, то будет связан с ним

узами крови. Он, а не я станет возрождаться. Он, а не я будет умирать каждую ночь.

— Ты! — закричал я, схватив его за грудь. — Ты убил Ёжика!

— Нет, я не смог. Лишь напоил его соком агавы, дающим забвение, и теперь он лежит, привязанный к саркофагу. Двери в мавзолей открыты. Мальчишка погибнет — и останется новым вечным жителем Астлана, я обрету свободу.

Я толкнул Мекатля, тот не удержался на ногах и сел на землю.

— Мы должны его спасти! — воскликнул я.

— Слишком поздно, — сказал Мекатль. — Сипактли уже там. Думаю, что ваш мальчишка мертв.

Тьма возле пирамиды шевелилась тысячами тел.

— Дурак! — сказал Вот, выхватывая меч из-под черного плаща.

— Убей, — улыбнулся Мекать. — Именно этого я и хочу. Освободиться.

— Нет, — бросил я. — Мы идем к пирамиде. А ты, воин-ягуар, можешь остаться тут и умереть, как крыса, или отправиться с нами.

Я шагнул в темноту, не заботясь о том, последуют ли за мной остальные.

***

Троих сипактли я уложил выстрелами из лейфтра у подножья пирамиды. Перед глазами промелькнуло сообщение об увеличении уровня владения волшебным жезлом, но разряженное оружие мне больше не пригодится. Я выбросил лейфтр и выхватил меч.

Сипактли выглядели как порождения безумца: крокодильи головы росли у них не только на плечах, но и на суставах рук и ног. Пасти шипели, клацали зубами и плевались ядом. Чешуя отблескивала светом двух лун. Чудовища яростно бросались в бой. Мы протыкали тела монстров мечами, уворачивались и парировали удары когтистых лап, поднимались по залитой кровью лестнице к вершине пирамиды, где чернел открытый вход в мавзолей. Надежды на то, что Ёжик еще жив, не было.

Мой меч вошел в раскрытую пасть сипактли и пробил его горло. Поверженный противник сжал челюсти, судорожно схватив клинок. Назад оружие выходило слишком медленно. Второй монстр занес для удара лапу.

— Спешишь погибнуть? — Вот оказался рядом.

В его руках было два клинка, двигавшихся столь

стремительно, что в воздухе оставались лишь размытые следы. Взмах — и лапа сипактли с шипящей головой полетела на лестницу. Второй — и следом за ней последовало разделенное на две половины тело монстра.

— Зачем ты привел сюда Ёжика? — закричал я. — Не знал о сипактли?

— Знал. Но считал, что в пирамиде безопаснее, чем в городе, куда приходят тролли.

Перед ним оказалось сразу два противника. Едва заметные движения мечами — и сипактли скатились по лестнице, упали на каменные плиты. Среди монстров прыгала Волчица, норовя вцепиться в горло врагу. Наконец ей это удалось, и они вместе покатилась вниз.

Нас догнал Мекатль.

— Лучше бы вы меня убили, — сказал он. — Это всё бессмысленно. Вновь и вновь.

Воин-ягуар раскинул по сторонам руки, из его наручей выпали металлические диски с зубцами по краям, закачались маятниками на веревках.

— Вновь и вновь.

Он взмахнул руками, и кистени или болас, как называли подобное орудие для охоты бразильские индейцы, закружились вокруг него, выписывая в воздухе петли и восьмерки. Камни засветились, будто наполненные энергией, превращая воина-ягуара в артиста из огненного шоу. С каждый кругом они излучали всё больше света и разрезали воздух с усиливающимся жужжанием.

Вжжжух! Вжжжух! — пели камни. Один из них угодил в грудь сипактли и, практически не замедлив своего движения, проделал в ней огромную рану. В воздухе на мгновение зависла смесь из крови и осыпающейся чешуи, сипактли рухнул под ноги воина-ягуара. Мекатль перепрыгнул через упавшее тело. Он не смотрел на нас, сосредоточенно шел вперед, и его камни танцевали огненный танец.

Вжжжух! Вжжжух!

— Вновь и вновь.

Один из камней снес голову сипактли. Второй застрял у монстра в груди. Тот схватился за веревку и, падая, повис на ней. Мышцы на руке воина-ягуара вздулись буграми. Наконец хватка умирающего сипактли ослабла, и Мекатль вырвал свое оружие. Монстр покатился к подножию пирамиды. Другой сипактли, воспользовавшись моментом, запрыгнул Мекатлю на спину. Ни я ни Вот не смогли этому помешать.

Когти оставили на шее Мекатля рваные раны. Один из

вращающихся камней закрутил веревку вокруг тела сипактли, зубцы пробили большую голову монстра. Сипактли упал, Мекатль дернул, раскручивая веревку, заставив тело монстра покатиться вниз.

— Вновь и вновь.

Залитый кровью воин-ягуар, пошатываясь, продолжил свой путь. Мы шли позади, держась на расстоянии от его оружия. Хотелось обогнать, первым заскочить в двери пирамиды, но не удавалось обойти эту смертоносную мельницу.

Когда до дверей оставалось совсем немного, пирамиду сотряс рев. Из входа в мавзолей вырвались клубы дыма вместе с ошметками тел сипактли. Чешуя заискрилась в воздухе сотнями разлетевшихся бабочек. Среди дыма появилась черная голова дракона на длинной шее. Пространство вокруг нее дрожало и искривлялось. Драконья пасть хватала сипактли, выгрызая части их тел, разрывала монстров на клочки. Из дверного провала выползла еще одна голова. Еще и еще, они переплетались змеями, словно в мавзолее рождалась многоголовая гидра.

— Назад! — закричал Вот.

Но Мекатль продолжал атаковать.

Вжжжух! — камень отшвырнул сипактли и опустился на голову дракона. Веревка лопнула, камень исчез. Голова монстра рванулась вперед. Надо отдать Мекатлю должное — передвигался он очень быстро. Но недостаточно, чтобы полностью увернуться от раскрытой пасти. Она прошла сквозь его левую руку, и рука исчезла. Голова чудовища нашла новую цель и погналась за убегающим сипактли. Оставшийся стоять Мекатль удивленно посмотрел на торчащий из плеча обрубок.

— Мне не больно, — сказал он. — Нет боли. Странно.

И опустился на ступени.

— Назад, — снова повторил Вот. — Это вирус, что пожирает игры пространство.

Я понял это, едва лишь увидел дракона. Точно так же дрожало и разрушалось виртуальное хранилище центральной закрытой системы Института космонавтики, когда ее атаковали антиглобалисты. К сожалению, в то время я находился внутри хранилища, и испытал всё на своем виртуале. Тот вирус выглядел по-другому, но внешний вид неважен и ограничен лишь фантазией и умением создавшего его программера. Помню ощущения, которые передавались по обратной связи нейроинтерфейса, во время того, как разрушался мой код. Вирус пожирал моего виртуала по кускам, пока соединение оборвалось, и меня не вышвырнуло в реальность. Но в пространстве Чендлера вирус такой силы грозит окончательной гибелью. Вирусы

непредсказуемы, слишком опасны. Их сложно контролировать, и в любой момент они могут вырваться на свободу.

Я уходил, пятился, поймав рвущуюся в бой Волчицу. Мне не страшны были ее клыки — я смотрел на приближающуюся голову гирды. Не увернуться. Не спастись. Но я не зажмурился. Голова резко остановилась возле меня, на мгновение замерла, и исчезла, всколыхнув пространство.

У входа в мавзолей стояла женщина в черном облегающем кожаном костюме. Ее лицо скрывала полумаска.

— Ткакло Хорк, — сказал Мекатль, — Птица Смерти.

Он встал и попытался опуститься на колени. Но это не получилось, и воин-ягуар упал лицом вниз. Волчица вырвалась из моих рук и бросилась к женщине. Та улыбнулась тонкими несимметричными губами — левая половина была короче правой, словно виртуал создавали впопыхах и допустили небрежность, либо нарочно его обезобразили, и бросила на ступени серебристый шар. Мгновение — и вирус раскрылся, пространство задрожало, лапы и пасть Волчицы опутало блестящими нитями. Илва упала у ног женщины, едва коснувшись ее куртки.

Хорк рассмеялась. Она присела и опустила голову Волчицы к себе на колени. Илва рычала сквозь сомкнутую пасть.

— Отпусти, — сказал я, сжимая меч.

Оружие бесполезно против вирусов. Но, может быть, я успею раньше, чем она их применит?

— Зачем? — спросила Хорк. — Не переживай, я отпущу вашу зверушку, лишенную памяти. После того, как уйду, не то она вцепиться мне в глотку, не смотря на то, что я вам помогла. Ведь вцепишься, да?

Мне показалось, что ее руки сейчас схватят шею Илвы, скрутят ее и отбросят Волчицу, как ненужную игрушку. Но вместо этого Хорк провела ладонью против шерсти на холке зверя, посмотрела на нас и сказала: — Забирайте вашего Ёжика в целости и сохранности.

— Ты спасла его? — воскликнул я.

— Ничего особенного, — пожала она плечами и пригладила поднявшуюся шерсть Волчицы.

— Позволь мне уйти, — прохрипел Мекатль.

— Зачем? — вновь удивилась Хорк. — Тебе некуда идти. Ты забыл себя. Как и все другие. Вас сожрала игра. А я могу уничтожить ее. — Хорк достала из сумки на поясе несколько серебристых шаров и покрутила их на ладони. — Но не буду портить игру Вота. Кстати! — Она вскочила на ноги, голова Волчицы ударилась о ступени. — Мне пора уходить, я не настолько сопротивляюсь играм, как некоторые.

Хорк подмигнула сквозь прорезь в маске — Мне или Воту? и пропала. На мгновение появившийся и тут же исчезнувший канал всколыхнул пространство. С Волчицы спали путы. Наступила тишина, в которой была слышно, как ползет по ступеням сипактли с распоротым животом. Его когти скребли по камням: цок-цок, цок-цок.

— Нет боли, — опять сказал Мекатль. — Рука восстановится, когда я вновь погибну?

— Не думаю, твой код нарушен, — ответил я и пошел в мовзолей.

Огромный зал скрывался в темноте, которую пытались разогнать сидящие на стенах и потолке электрические светлячки. Пол был застлан мертвыми телами сипактли. Посреди зала стоял саркофаг со стеклянной крышкой, на которой лежал Ёжик. Мальчишка спал, раскинув руки в стороны, и улыбался сквозь сон. Илва превратилась в человека, бросилась к нему, прижала к себе.

— Живой, — сказала она. — Кровь не пролилась. Успели.

Ёжик что-то забормотал и засмеялся, не открывая глаз. Я подошел к стене, возле которой лежали белые осколки разбитой маски. Поднял один из кусков, подержал на ладони. Накатило чувство нереальности. Мавзолей превратился в куб, созданный из векторов. По стенам перемещались блестящие точки. На параллелепипеде в центре зала лежала безжизненная кукла человека. К ней вёл цифровой след. Я пришел. Добрался. Почти выполнил задание — осталось лишь заставить мальчишку вспомнить себя и можно возвращаться. Но чувства удовлетворения от проделанной работы не было — что-то мешало, какое-то необъяснимое ощущение фальши. Тем более, что вернуться можно лишь с помощью артефакта, созданного Черным Хакером.

В зале был еще один след, два заметный, оставленный Тхакло Хорк. Он исчезал, но я успел увидеть, куда он ведет.

Осколок маски выпал из руки и разлетелся фарфоровыми крошками, имитирующими физическую модель столкновений. Мир вернулся. Нахлынул темнотой, запахами и страхом. По полу скребли когти заползающего в двери сипактли.

— Уходим! — сказал Вот, протыкая монстра мечом.

Я подхватил Ёжика на руки. Мы выбежали на лестницу. Две луны встретились на небе, маленькая наползла темным пятном на большую, вызвав частичное затмение.

Мы успели пересечь площадь и добраться до начала улицы, когда Илва вскрикнула:

— Оглянитесь!

Темнота у пирамиды вновь шевелились телами сипактли.

— Вторая волна, — сказал Мекатль. Из его единственной ладони спустился камень с зубцами. — Бегите.

Вот побежал по улице, я и Илва остановились в нерешительности.

— Да бегите же! — закричал воин-ягуар, раскручивая оружие над головой. — Я их задержу.

Мы поспешили следом за Вотом. Позади слышался шум боя: хрипение сипактли и звуки, которые издавал поющий в воздухе камень. Его светлячок еще долгое время мигал в ночи, пока не исчез в темноте.

Мы возвращались к проходу в город-всех-дорог.

Девятая авентюра. Постоялый двор

Они встретились на площади Вормса — отец и сын, вспомнившие друг друга. Крепко обнялись, но я видел их пустые глаза — в них не было радости. Душевная связь между Олегом и Ёжиком оборвалась, будто игра навсегда забрала души близких людей, оставив взамен подделки. Ничего, главное, чтобы они не забывали, кем являются на самом деле. Реальность, когда мы до нее доберемся, расставит всё на свои места. Игра сотрется из памяти, как страшный сон.

— Мы скоро уйдем отсюда, вернемся домой, — тихо говорил Олег, гладя Ёжика по голове.

Тела погибших людей лежали на площади. Возле Мейнарда скулила крылатая жаба. Ее тявканье переходило в завывания, которые резко обрывались, наступала короткая тишина, а затем вновь раздавалось тихое поскуливание. Снежинки падали на тело волшебника, но больше не таяли, покрывая синие татуировки белым, пропитывающимся кровью пухом.

Приготовленные к сожжению мертвые тролли были свалены кучей среди обгоревших бревен у входа в город. Некоторые щупальца еще слабо шевелились. Оставшиеся в живых монстры отступили в лесную чащобу.

— Они вернутся, — сказал Олег. — Не скоро, но вернутся.

— Да, — ответил я. — Но здесь не будет тебя, чтобы организовать оборону. Мы уходим. Да и место для памятника занято, генерал.

— Город купит услуги наемников с побережья. Люди научились сражаться, почувствовали победу.

Ёжик, стараясь не смотреть на мертвого Мейнарда, попытался схватить жабу. Та извернулась и цапнула его за палец. Ёжик отбросил жабу в сторону, она упала, подвернув крыло, и забилась на снегу.

— Сегодня, — сказал Олег. — Хочу уйти сегодня, чтобы покинуть этот город. Что-то внутри меня уговаривает остаться здесь навсегда. Я должен сражаться, защищать Вормс от порождений леса.

— Вновь и вновь, — проговорил я.

— Что?

— Говорю, защищать вновь и вновь. Бессмысленная война, которая лишь для наблюдателя со стороны может вызывать интерес. «Посмотрите, как здорово он пробил мечом тролля! Вот это приём! О! Как он его щупальцем, поднял и швырнул, видели?

А в какой смешной позе лежит вот этот после хэд-шота!». Когда рядом погибшие друзья и воняет горелым мясом, хочется свернуть программеру, создавшему игру, его тощую шею.

Вот ушел час назад по своим делам, пообещав вскоре вернуться.

— Сволочь, — сказала жаба, переворачиваясь на брюхо. — Сволочь, сволочь… Хочу печеньку.

И опять затявкала, подняв к небу широкую голову.

К нам подошла Илва и опустила руку Олегу на плечо.

— Хороший у тебя сын, — сказала она. — Спокойный.

Ёжик исхитрился поднять жабу, сжав обеими руками так, что она не могла добраться до его пальцев. Висела и дергала в воздухе короткими лапами.

— Папа, можно ее взять с собой? — спросил Ёжик, оглядываясь на нас. — Ну, пожалуйста.

— Можно, — ответил Олег. — Жаль, что убежала моя саламандра.

«Куда взять, в реальность?» — захотелось спросить мне.

Глаза Ёжика были пустыми, словно он не отдавал отчета тому, что говорил. Будто был куклой, марионеткой, управляемой дергающим за нити кукловодом. Я помотал головой: покажется же такая ерунда!

Олег достал из кармана курительную трубку, засыпал из кисета щепотку табака, выбил искру и с удовольствием затянулся дымом.

— Тут всё же нашлось настоящее курево, — сказал он, выпуская облачко дыма. — Привозят из Саргары. Жить можно.

Илва разогнала дым со словами: «Фу, мерзость!» и пошла к Ёжику. На краю площади стоял Вот, наблюдал за нами. Я поднялся и направился к нему.

— Поговорим? — предложил он, кивнув на разоренную таверну.

— Пошли, — согласился я.

Искореженная дверь висела на одной петле. Под ногами хрустели щепки от разломанной мебели и черепки разбитой посуды. Вот выудил из обломков чудом сохранившуюся бутыль с ягодной настойкой, вытащил зубами пробку и основательно приложился к горлышку.

— Фух! — сказал он, встряхивая настойку, поднимая осадок в виде сморщенных ягод и мертвых жучков. — Отвратное пойло. Кровянница подмешана для цвета, но портит вкус она. Кругом одни мерзавцы и прохиндеи! Будешь?

— Нет. Как мы покинем игру?

— Подумай сам.

— Ты перекрыл главное меню игры, чтобы дать полное ощущение реальности. Но должен же был для себя оставить хоть какое-то системное меню? Ты же можешь пользоваться чит-кодами, неужели в текстовом интерфейсе нет команды «Exit»?

Вот не ответил.

— Хорошо, — продолжил я. — Не хочешь говорить, не надо. Допустим, ты забыл об элементарной команде, когда программировал игру. Но твой артефакт, обнаруженный Ёжиком, позволяющий вернуться в реальность с накопленными умениями, ты нашел его?

— Нет. Мальчишка не помнит, куда его дел.

— Точно?

— Иначе бы я давно отсюда сбежал.

Хорошо хоть не скрывает своих намерений.

— Ладно, допустим, я тебе поверил. Твоя девушка, хакер из реальности, почему она тебе не поможет? Она же Ткакло Хорк, я прав? Раз она приходила в игру и смогла вернуться, то в состоянии и тебя доставить в реальность. Мы — я, Олег, Ёжик, тоже как-то попали в «Хвергельмир». Значит, снаружи можно создавать каналы? А раз так, то с помощью хакеров возможно и вернуться.

Вот прополоскал рот настойкой и с шумом глотнул.

— Она не поможет. Не хочу об этом говорить.

Когда Вот задумывался, то начинал разговаривать, не скрываясь за высокопарными неудачными рифмами.

— Жаль, что я не программист и не разбираюсь в вашей работе, — сказал я. — Неужели ты стал пленником своей игры? Мне казалось, что для Черного Хакера нет ничего невозможного.

— Там! Но не здесь. Здесь я Вот, и у меня нет доступа к программному коду. Или я просто забыл, как это делается! С каждым утром всё больше боюсь не вспомнить себя настоящего из реальности. Тебе знаком этот страх.

— Дай. — Я взял бутыль и, последовав примеру собеседника, хлебнул настойки.

Она оказалась горько-жгучей на вкус.

— Видел замерзший Иггдрасиль? — спросил Вот. — Дерево предела, чьи ветви прорастают в иные миры. Это был замаскированный брандмауэр, дающий доступ ко всем портам игры. Теперь они закрыты службой сетевой безопасности. Иггдрасиль погиб. Я пытался скопировать его, обойти защиту, но ничего не получилось.

Вот придирчиво разглядел склянку с настойкой на свет.

— Жучки плавают, суетятся, словно живые. А за стекло им не выбраться.

— Но ты же оставил для себя лазейку? Не мог не оставить.

Вот ухмыльнулся.

— Возможно.

— В Призрачном городе мои умения не выросли, — продолжил рассуждать я. — В той игре другие характеристики, другие параметры — возросло лишь мастерство применения лейфтра. Но я чувствовал силу, накопленную здесь, и не заметил разницы при владении мечом. Старые умения сохраняются у виртуала, но не отображаются и не наращиваются при выходе за пределы игры?

— Да.

— Значит, я нужен тебе за границей «Хвергельмира»? Ты собираешься покинуть игру, выйти в пространство Чендлера и добраться до своего «квантума»?

— Ты прав.

— Но так раньше никто не делал!

— Значит, мы будем первыми. Кто знает, опасности какие, подстерегают нас на том пути?

— Ты сумасшедший!

— Может быть. — Вот снова отхлебнул настойку и вытер рот рукавом. — Хвергельмир бесконечен. Когда персонаж доходит до его границ, генерируются новые области. Там, где никого нет, визуальные объекты уничтожаются, оставляя лишь архив данных, шаблон, по которому вновь создастся окружение, когда оно попадет в чью-то зону видимости. Так требуется минимум памяти. Невозможно преодолеть пустыню Саргары на востоке или пройти через нескончаемые горы Драгборна на западе. Но почему все так стремятся в океан, за горы, что поднимаются среди торосов, где за перевалом воющих духов стоит замерзший Иггдрасиль? Словно их тянет неведомая сила, как бабочек к свету. Путешественники гибнут в тех местах с грезами о неосуществимой мечте.

Я вспомнил Гулльвейг.

«Ты погибнешь там сама, тебе нужен я».

Ее губы прикасались к щеке, опускались на грудь.

«Мне не нужна ничья помощь».

— В море туманов вода устремляется в пропасть Гиннунгагап, — продолжил Вот. — Мост Биврёст, сотканный над бездной из радуги, ведет к выходу из игры. Один единственный порт, не найденный службой безопасности, который я спрятал на границе «Хвергельмира».

— Пересечь северный океан? — спросил я, забирая у него бутыль.

— Да. Мимо заледеневшего, словно покрытого хрусталем

Иггдрасиля, сквозь ледяные торосы по толстому льду, под которым дремлет Ёрмунганд. Где в толще океана плавают русалки и кракены, а среди туманов летают драконы. — Вот смотрел сквозь меня невидящим взором. — Всё же, я создал красивый мир. Величественный и красивый.

— Ты не в себе, — сказал я. — Не мог выход устроить поближе? Любите вы всё усложнять. Настойка кончилась. Поищем еще? Кстати, саргарцы в своем подземелье пытались устроить модель твоей пропасти. Что если бы у них получилось, и они открыли бы новый порт?

— Не знаю, — пожал Вот плечами. — Ты точно хочешь это узнать? Порой в играх происходят странные события, которые не объяснишь простыми сбоями, и встречаются странные создания.

— Такие как Джереон? — спросил я.

При имени старого тролля Вот вздрогнул.

— Что знаешь ты о нем?

— Только то, что он сообщил сам: предлагал мне вечную жизнь в игре в обмен на твою смерть. И что он пришелец из мира, лежащего по другую сторону пространства Чендлера. Это правда?

— Что правда, а что ложь — в игре не разобраться. Проверить россказни безумцев, поверь, не стоит и стараться.

Он отвернулся и принялся рыться в обломках, как курица в поисках червя. Его опять коротнуло на неуклюжее рифмование. Включилась защитная реакция?

— Чем ты ему не угодил? Что за мир, лежащий за пределами пространства Чендлера? Неужели в игры приходят игроки, которые не являются людьми?

Вот достал разбитую склянку и отбросил в сторону.

— На эти вопросы, возможно, сможешь ты ответить лишь сам. Не помогу тебе.

— Напиваетесь? — спросила Илва, появляясь в дверях. — Во что мою таверну превратили! Теперь вы просто обязаны взять меня с собой. Мальчики, вы договорились о том, куда нам отправляться? Олег и Ёжик готовы к путешествию.

— Да, — буркнул я. — Договорились. Поплывем на край мира.

— Вот и хорошо, — улыбнулась Илва.

***

Мы отправились во второй половине дня на двух гасторнисах. Ёжик сидел позади Олега, Илва ехала со мной. Она прижималась к моей спине, я чувствовал на своем ухе ее теплое дыхание, а сквозь куртку ощущались упругие выпуклости. В памяти нет-нет,

да и всплывало замершее изображение из Призрачного города.

Как говорила Илва: «Я прирожденная охотница». Когда ее теплое дыхание щекотало ухо, хотелось, чтобы она куснула его острыми зубками.

Вот не поехал с нами, лишь загадочно усмехнулся и сказал, что будет ждать в месте назначения. Наш путь лежал по заснеженной дороге в прибрежные земли, где находился маленький городок Грьёдт — местечко на тысячу жителей, отличающееся от подобных ему поселений лишь своим портом — стоянкой для рыболовных суден, охотничьих баржей и шхун авантюристов всех мастей. Здесь перекупщики скупали задешево моржовые бивни и шкуры. Бочки с топленым жиром перекатывались с палуб плоских, неуклюжих, как утки на берегу, охотничьих корабликов на повозки купцов с запряженными шестиногами. Здесь добытчики огненного льда находили своих покупателей, скупающих за бесценок нетающие льдинки, в которых замерзло дыхание морозных великанов. Через некоторое время драгоценности будут сверкать в ушах и на шеях городских красавиц — белокожих изнеженных барышень, так не похожих на жен местных рыбаков и охотников. Но для того, чтобы продать товар — в сто, в тысячу раз дороже, надо пересечь снежную равнину, где поджидают тролли и разбойники. Где с океана в снежном буране может появиться дракон. Многие предпочитают не рисковать, поэтому купцы, те, кто выживали, зарабатывали целое состояние.

«Там мы сможем нанять корабль до моря туманов», — сказал Вот на прощание.

«Да? — удивился я. — Ты давно был в прибрежных землях? Неужели есть сумасшедшие, кто отважится на такое путешествие?»

Вот пожал плечами.

«Деньги решают всё».

Железный лес давно закончился, исчезли одинокие деревья. Равнина, скрытая бураном, простиралась во все стороны. За несколько часов пути нам не встретился ни один человек. Лишь изредка сквозь снежные вихри виднелись фигуры гигантов — возможно, троллей, а возможно, забредших в поисках добычи морозных великанов. Но они могли и почудиться — мало ли, что привидится в буране?

— Смотрите! — вскрикнула Илва. — Там ребенок!

В той стороне, куда она показывала, были лишь сугробы, и заструги протягивали по полю свои длинные гребни.

— Я точно видела! Девчонка лет семнадцати, тощая. Стояла, как призрак у дороги. Вон она!

— Где? Нет там никого, — сказал я. — Тебе показалось.

Но на мгновение мне самому почудилось, что в снежных вихрях растаяла чья-то белая фигура. Илва фыркнули, укусила меня за ухо и прошептала:

— Мне не показалось.

От ее дыхания по спине прокатилась теплая волна.

— Надо переждать буран! — прокричал Олег. — Нас совсем занесет!

— Где переждать?!

Мой гасторнис заскрипел, неуклюже прошел несколько шагов и остановился с поднятой ногой. Искры между металлическими пластинами на его теле начали затихать.

— Н-но! Давай, пернатый!

Этого еще не хватало! Илва соскочила на землю и черным волком исчезла в буране. Гасторнис закашлялся и дернулся в тщетной попытке пойти дальше. На сколько хватает электричества, заставляющего передвигаться мертвую птицу? Остаться без скакуна в буране меня не радовало.

— Н-но!

Где-то раздался приглушенный снегопадом рык Волчицы.

— Игорь, что у тебя? — закричал Олег.

Гасторнис пошатнулся и начал заваливаться вперед, я едва успел выпрыгнуть из седла. Мой скакун рухнул, подняв кучу снега. Последняя искра проскочила на его шее, и гасторнис затих.

— Иго-о-орь!

Я стоял и смотрел на неподвижное тело давно мертвой птицы. Снежинки всё падали и падали, оседая на металле и торчащих перьях, опускались на мою куртку, оставались на ладонях ледяными кристалликами, не желая таять. Некоторые из них блестели, словно принесли с собой капельку дыхания морозных великанов. Накатило чувство нереального, захлестнуло с головой, превратив окружающее в нагромождение спрайтов и 3D-объектов. В воздухе кружились однообразные нарисованные снежинки как на старом скринсейвере. Олег и Ёжик сидели на нарисованном гасторнисе и выглядели плоским задним фоном. На еще одном фоне виднелся занесенный снегом сруб.

— Там! — пролаяла Волчица, выныривая из снегопада. — Дом!

Ее объемная шерсть, шевелящаяся от ветра, выглядела настоящей. Чувство нереальности происходящего схлынуло. Видимость перекрыл снегопад.

— Я видел, — сказал я. — Мы идем к дому.

Илва вернула свой человеческий облик.

— В снегу есть следы, — произнесла она. — Я говорила —

мне не могло показаться.

Мы пошли следом за гасторнисом Олега в сторону, где увидели дом.

Сруб оказался достаточно большим, невзирая на то, что бревна привезли издалека. Забор-частокол окружал его со всех сторон, над большими открытыми воротами висела деревянная табличка «Постоялый двор», без названия или изображения, которыми обычно украшают подобные заведения. На воротах сидел ворон с желтым глазом. Увидев нас, он закаркал, сорвался с места и скрылся среди бурана.

Мы оставили гасторниса под навесом у входа и вошли в дом. Теплый, с запахом прокисшего молока, по своему уютный, он обещал передышку уставшему путнику. В сенях стоял хмурый бородатый хозяин в полушубке, сжимая взведенный арбалет. На его волосах таяли снежинки, значит, именно он открыл ворота.

— Цены у нас высокие, — не церемонясь, заявил он вместо приветствия. — Не можете заплатить — убирайтесь, откудова пришли.

Олег усмехнулся, вынул золотую монету и щелчком отправил хозяину постоялого двора. Тот ловко поймал вознаграждение и проверил монету на зуб.

— Ольха! — прокричал он вглубь дома. — Готов обед для гостей! Поживее, а то ворочаешься, как сонный шестиног. Давайте-ка к столу, — обратился он уже к нам.

Длинный стол с лавками по обеим сторонам стоял в центре большой комнаты. Деревянная лестница вела на второй этаж. У очага возилась Ольха — упитанная хозяйка со шрамом на правой щеке.

— Они люди или NPC? — шепотом спросил у меня Олег.

— Не знаю, — ответил я. — С некоторых пор я утратил возможность понимать, кто есть кто. Игра затягивает, не позволяет увидеть разницу между живым и придуманным.

— Можете звать меня Гвеном, — сообщил хозяин, ставя на стол бочонок. — Медовуха обойдется вам еще в один золотой. Ольха вскоре жрать подаст, а мы выпьем. Выпьем за то, чтобы быстрее прошел снегопад. Выпьем, чтобы согреть ваши кости.

Олег оставил на столе монету и Гвен накрыл ее ладонью. После чего наполнил деревянные кружки пенящимся напитком. Хорошо, что Вот щедро снабдил нас деньгами, прежде чем мы расстались.

— Свежая медовуха, вчера варил, будто ведал, что появитесь.

— Ты знал, — подала голос Ольха.

Лестница скрипнула — по ней медленно спускалась тощая девчонка с большими голубыми глазами, ступая по холодной

древесине босыми ногами. Белое помятое платье с зашнурованным вырезом доходило ей до пят.

— Она, — сказала Илва.

— Юрха! Марш в свою комнату! — закричал хозяин.

— Пусть останется. — Илва мягко опустила ладонь на большую лапу Гвена, и тот почему-то смутился, отдернул руку. — Твоя дочка?

— Да… Доча.

Юрха молча подошла к столу и села возле отца напротив нас. Голубые глаза немигающе смотрели на меня.

— Выпускаете дочку гулять в такой буран? — спросил я.

Гвен прищурился.

— Нет, с чего вы взяли? — сказал он и перевел тему разговора: — Вы в Грьёдт? Опасно нынче. Говорят, в Вормс тролли каждую ночь приходят.

— А у вас? — поинтересовался Олег. — Как вы тут живете одни? Не боитесь троллей?

— Нет. Мы туточки тихо живем, ни с кем не ссоримся.

Вот только хозяин встречает гостей с арбалетом. И не задает лишних вопросов — кто мы и откуда.

— Гости к нам нечасто теперича заходят, — будто прочитав мои мысли, сказал Гвен. — Любой посетитель сейчас на цену золота, — усмехнулся он.

— Ешьте! — Ольха опустила на стол казанок с едой и расставила тарелки.

Открыла крышку, и на нас повеяло ароматом тушеного мяса с капустой.

— Это дело, — наконец улыбнулся Гвен, вытирая руки о полушубок.

Ольха разложила еду по тарелкам, и Гвен принялся есть, громко чавкая. В моей порции оказалось что-то длинное, напоминающее суставчатую ногу огромного насекомого.

— Что это? — спросил я.

— Мясо, — ответил Гвен. — Вчера подстрелил одного йорма. Всадил ему болт прямо между глаз.

Ольха улыбнулась. От шрама, задевающего губы, улыбка получилась кривой. Юрха не притрагивалась к еде, сидела и глазела на меня, отчего становилось не по себе.

— Присаживайся, — обратился хозяин к жене, та, насыпала себе еды и села за дальний конец стола.

Потом поставила рядом свечу и достала огниво. Прежде чем она успела выбить искры, Олег взмахнул рукой, и над свечой заплясал огонек. Ольха замерла, непонимающе глядя на него. В свете дрожащего пламени показалось, что черная лапа, лежащая в

ее тарелке, шевелится, но это была всего лишь иллюзия.

— Ты волшебник? — спросил Гвен.

Вместо ответа Олег положил на стол руки, и над его раскрытыми ладонями в воздухе зависли огненные руны. Их свет отражался в голубых глазах Юрхи.

Илва сидела возле меня, исподтишка наблюдая за хозяевами. Я попытался ухватить ложкой лапу йорма, но она выскользнула и шлепнулась обратно на тарелку. В это время Гвен ловко расправлялся со своей с помощью большого ножа. Раскроил черный панцирь и теперь сосредоточенно выуживал розовое мясо.

— Хочу есть, — сказала Юрха, глядя на меня.

Синева ее глаз была потрясающе глубокой, как вода в горном озере, и такой же холодной. Голос — словно шелест травы на поле от сильного ветра.

— Ешь, доча, чего ты, — прикоснулся к ее ладони Гвен.

Илва опустила руку мне на ногу. Я заметал, как Волчица принюхивается.

— И давно у вас живет тролль? — наконец спросила она.

Ее пальцы сжались, показалось, что когти пробьют плотную ткань штанов. Гвен застыл, из уголка его рта на тарелку шлепнулся кусок мяса.

— Доча, выйди, — сказал он.

Та, что-то почувствовав в его голосе, безропотно встала и прошла вверх по лестнице, напоследок обернувшись ко мне. Гвен почистил нож и положил возле тарелки. Я незаметно опустил ладонь на свой меч, который не снимал с пояса. Законы гостеприимства — дело хорошее, но с оружием расставаться не хотелось.

— Десять лет минуло с тех пор, как она пришла в наш дом, — наконец произнес Гвен. — Маленькая девочка с небесно-голубыми глазами. Ты думаешь, мы не поняли сразу, кто она? Думаешь, было легко жить поначалу вместе с… чудовищем?

Ольха шумно вздохнула.

— Десять лет назад она стояла на нашем крыльце и смотрела своими глазищами. А ты бы выгнал? Пусть чудовище. Пусть странная. Но ребенок же. Может быть, ее родителей убили. Я не спрашивал. Она не рассказывала. И вы знаете что, — наклонился он к нам через стол. — Думаете, почему мы выжили в этой глуши? Из-за нее и выжили. Не нападают тролли на своих. Наша доча нас и спасает.

На втором этаже послышался скрипящий звук: «Х-х-е-е!», и по равнине эхом прокатился ответный всхлип. Гвен молча налил себе кружку медовухи и залпом осушил до дна.

— Вот такие дела, — сказал он.

— Ваша жизнь, — подал голос Олег. — Ваш выбор. Кто мы, чтобы осуждать или решать за вас, что верно, а что нет. Х-х-е-е! — внезапно выдохнул он и закашлялся.

Вскочившая Илва застучала ладонью по его спине.

— Тролли, — сказал Гвен. — Буран. Ночь близко. Оставайтесь, хотя это вам и влетит в денежку. Кровати мы вам постелем в гостевых. Печку растопим. Отправитесь в Грьёдт с рассветом.

Звучало заманчиво.

— Остаемся? — спросил Ёжик, сидящий возле отца.

— Возможно, — ответил Олег. — Всё равно в буране не добраться на одном гасторнисе. Второй сломался.

— Сломался? — заинтересовался Гвен. — У вас творения саргарцев?

— Да, — кивнул я.

— И далеко отсюда ваша птичка опрокинулась?

— Рядом, метров пятьдесят на юг по дороге. Вторая стоит у вас под навесом.

— Сколько дадите, если починю?

— Достаточно, — недоверчиво сказал Олег.

Гвен, кряхтя, поднялся, достал из большого окованного железом сундука сумку и вышел из дома.

— Вы не смотрите, что он у меня такой, — сказала Ольха. — Гвен раньше у торгашей служил, разные места повидал, только рассказывать не любит. А потом здесь осел, значит. Здесь трудно выживать в не сезон, когда торговцев мало ездит.

Услышав скрип входной двери, на лестнице вновь показалась Юрха. Сначала были видны лишь ее голые ступни, а затем девушка наклонилась и принялась меня разглядывать.

— Слышала, что отец сказал? — прикрикнула на нее Ольха. — Марш к себе!

Юрха зашлепала по ступеням и скрылась на втором этаже.

— Вы ешьте, ешьте, я вам сейчас кровати постелю, — забеспокоилась хозяйка. — У нас три комнаты для гостей.

— Я с папой, — сразу сообщил Ёжик.

Олег промолчал.

Под вечер, когда поля затопила темнота, а буран и не думал прекращаться, Гвен вернулся.

— Бегает ваша птичка, — не без самодовольства сообщил он. — До Грьёдта дотянет, а там можете выбросить. Вам повезло, что у торговцев, с которыми я ездил, была подобная тварь. У них есть запасной накопитель молний, надобно только знать, как его подключить. На втором гасторнисе я тоже его задействовал. Так что с вас десять монет.

Олег крякнул, но безропотно полез в мешок за деньгами.

— И за ночлег еще пять, — быстро сказал хозяин.

— Три, — сказала Илва.

Гвен посмотрел на ее оскаленные клыки и согласился.

***

Ночью за плотно закрытыми ставнями ревел буран. Сквозь его завывания слышалось, как на равнине протяжно и заунывно вздыхали тролли, будто где-то далеко подавала голос жерлянка. Ольха перестаралась с печью — воздух в моей комнате был жарким и душным до выступившего пота. В соседних комнатах спали Илва и Ежик с Олегом, храп которого проникал сквозь бревенчатую стену. В одном из бревен, как раз над моим ухом, монотонно тикал жучок-древоточец, отсчитывая время.

Не спалось. Казалось, что в коридоре кто-то ходит и скребется в дверь. Наконец, не выдержав, я зажег свечу, но от этого стало еще хуже — по комнате расползлись дрожащие тени, будто под дверь пролезли щупальца тьмы.

Наверное, влияла близость монстра, трудно ощущать, что где-то рядом находится тролль, пусть даже в человеческом облике.

В дверь снова едва слышно застучали. Я поставил свечу на стул, достал меч, подошел, прислушался, а затем распахнул дверь и с удивлением увидел на пороге Илву. Она стояла в ночной рубашке, которую одолжила у жены хозяина.

— Зачем ты пришла? — спросил я.

— Тише, — приложила она палец к моим губам и проскользнула в комнату. — Ёжика разбудишь. Ты знаешь, зачем я здесь.

Илва опустилась на кровать. От ее тела пахло снегом и душистыми травами. Я спрятал меч, сел рядом и спросил:

— Как же Олег? Ты же пошла с нами ради него.

— Ты так думаешь? — прищурилась Волчица. — Может быть, я отправилась ради тебя? Но ты же у нас неприступный воин, герой, кружащий голову девушкам. Только и мечтаешь, что о своей Гулльвейг. Видел, как на тебя смотрела эта девчонка?

— Кто, тролль?

— Да. Просто пожирала взглядом. Берегись, я тоже хищница.

Она обвила руками мою шею, потянула к себе, и мы вместе упали на кровать. Илва принялась меня целовать, жадно впиваясь в губы заостряющимися зубами. Олег за стеной всхлипнул сквозь сон и замолчал.

— Прекрати!

Я прижал руки Илвы к подушке, отстранился, а затем мягко прикоснулся губами к ее щеке. Целуя, опустился на шею. Надолго припал к ямке над ключицей, где чувствовалось, как колотится ее сердце. Илва едва слышно застонала. Ее руки ослабли, она прекратила вырываться.

— Мне не нравится твоя рубашка, — сказал я. — Ты должна ходить в шелках, а не в грубом полотнище. Как развязываются эти веревки на груди?

— Неумеха, ты затянул узел. Ой, а теперь разорвал.

— В нашем мире рубашки тонкие и нежные, как твоя кожа. Шелк течет между пальцами, когда ты гладишь ладонью, а затем освобождаешь то, что под ним. Вот так.

— Я люблю, когда ты рассказываешь про свой мир.

Ее рубашка соскользнула на пол, задев стоящую на стуле свечу. Мы очутились в жаркой темноте, наполненной стонами и звуками поцелуев.

— Гулльвейг, — шептал я.

— Я не Гулльвейг, — говорила Волчица. — Скажи мое имя, — просила она.

— Илва, — отвечал я.

— Еще, говори его еще.

Ее кожа была мягкой, и зубы больше не заострялись…

Потом мы сидели и молча слушали жучка-древоточца.

— Знаешь, — сказала Илва. — Я вспомнила себя, когда мы проходили в Призрачный город. Вспомнила, — задумчиво повторила она, перебирая пальцы на моей руке. — Я — воровка. Обыкновенная воровка. Раньше таких называли медвежатниками. Нет, я не хакер — специализировалась на сейфах с механической защитой. Может, слышал о краже на выставке бриллиантов в Николаенске три года назад?

— Ты?

— Я. Допустила оплошность. На мой след основательно сели. Грозило лет десять, а то и двадцать. Когда не было выхода, я подключилась к игре.

— Где ты в реальности?

— Не знаю. Меня не отключили. Может быть, нахожусь в тюремной больнице. Может, куда еще упекли. Но в игру с режимом «хардкор», ретурнеры за мной не сунулись. Да и я бы так просто им не далась.

— Как тебя зовут по-настоящему?

— Какая разница? — Она поднялась и подобрала с пола рубашку. — Здесь я — Илва, оборотень-полукровка. Такая жизнь лучше, чем гнить в тюремной камере. Так что мне незачем возвращаться.

— Но ты идешь с нами.

— Не хочу расставаться. — Илва неожиданно крепко меня обняла. — Не хочу. Ты пришел в игру, ретурнер, пришел не за мной, но для меня всё изменилось.

Было хорошо вот так прижимать ее к себе, не думая ни о чем.

— Но я всё равно должен уйти — сказал я.

— Знаю. Тихо! — Илва напряглась, прислушиваясь. — За дверью кто-то есть.

Я взял меч. Подумалось: вдруг это Олег? Мне не хотелось устраивать с ним ссору. Но когда я распахнул дверь, то за ней стояла Юрха.

— Ты умеешь читать? — Она шагнула в комнату, и я не решился ей помешать.

Голос у нее оказался тонкий и мелодичный, не такой как днем.

— Да. Конечно, — кивнул я.

Илва сидела на кровати, почему-то прикрывшись одеялом, хотя успела надеть рубашку.

— Вот, — протянула Юрха клочок бумаги. — Читай.

— Но тут только несколько ничего не значащих слов, — сказал я. — Очень маленький кусок, понимаешь?

— Жаль, это всё, что удалось добыть. Но я помню, что говорил отцу тот мужчина, у которого была бумага. — Ее голос вдруг изменился, стал грубым, как воронье карканье. — Большие деньги. Нам столько за год не взять. Маркграф из Формира свое слово держит. Увидишь огненного волшебника — дашь знать.

— Хорошо, Меино, конечно, — продолжила Юрха голосом отца. — Мне не нужны неприятности. Ты же со мной поделишься? Потом…

Юрха замолчала.

— Кто этот Меино? — спросил я.

— Человек, — ответила Юрха. К ней вернулся ее голос шелестящего в траве ветра. — От него пахнет кровью, и он приходит вместе с другими людьми. Много оружия. Они охотники, но охотятся не за зверями. Отец оставил им весточку, когда оживлял вашу птицу. Уходите, иначе они убьют вас.

Юрха повернулась и вышла из комнаты.

— Спасибо, — сказала Илва ей в спину.

Я быстро оделся. Разбуженный Олег сначала ничего не понимал, а потом загорелся праведным гневом.

— Предатели! Кругом одни предатели. Где он?!

В комнате хозяина спала лишь Ольха.

— Где Гвен?! — Олег приставил меч к ее горлу.

— Тише! — схватил я его за руку.

— Н-не знаю, — забормотала Ольха. — Н-ни-чего не знаю. Ушел. Там.

Она указала куда-то рукой, очевидно подразумевая, что Гвен покинул дом.

Мы вышли в ночь, окунувшись в холод снегопада. Снег залепил глаза. К навесу с гасторнисами пришлось пробираться сквозь сугробы, проваливаясь по колено.

— Думаешь, он их действительно починил? — спросил я, выводя своего скакуна под уздцы. — Вполне мог и испортить, чтобы мы не смогли уйти.

Олег промолчал.

— Я боюсь, — сказал Ёжик.

— Хочу печеньку, — захныкала крылатая жаба в мешке у него за плечами.

Гасторнисы равномерно переставляли лапы, загребая снег, — мертвым птицам было всё равно, по какому пути передвигаться. Между металлическими пластинами на их телах проскакивали искры. Илва остановилась, напряглась, как готовый к прыжку волк.

— Здесь… — проговорила она. — Они уже здесь.

Снег взорвался фонтаном у наших ног. Метнувшаяся серая тварь сбила Олега на землю, полосуя когтями, закружила в вихре из белого ветра и каплей крови. Три человека выскочило из-за угла дома. Двое, скрывавшихся за незапертыми воротами, выбежали нам навстречу.

— А-а-а! — Рефлекторно, прежде чем успел обдумать свои действия, я отразил удар топора бородатого мужика, нанесенный с такой силой, что едва не выбил меч из моих рук.

Сталь сверкнула над головой — я успел пригнуться под свистнувшим клинком второго из нападавших. Бородач замахнулся топором для нового удара, я вонзил меч в его живот, выдернул вместе с криком — своим, чужим? — и развернулся ко второму врагу, едва успев отразить его выпад. Мой противник — молодой, с горящими от азарта боя глазами, будто это была для него игра, нанес колющий удар, целясь в лицо. Я отбил его меч вниз, но враг, поднимая клинок, сумел разрезать сухожилья на моей ноге — минус три единицы жизни. Снег, в который я упал, показался мягким, как перина. Взметнулся белой пеленой вокруг и холодом осыпался вниз. Острие вражеского меча опускалось, метя мне в грудь, но я не успевал отразить удар.

Всё превратилось в «мир понарошку» — плоский, ненастоящий, где спрайтовые снежинки медленно оседали на нарисованную землю. Бородач хрипел, барахтаясь в снегу. Над лежащим Олегом серой косматой глыбой поднимался полярный

волк, рычал, готовясь вцепиться в горло моему другу. Ёжик, крича, пятился к дому. Один из врагов оказался за его спиной и ударил мечом, обрывая его крик. Мальчишка упал. Илва, ставшая волчицей, в яростным молчании прыгнула на седого волка, и два сцепившихся хищника покатились по снегу, оставляя за собой кровавый след.

Мир снова обрел объем, боль и отчаянье.

Вражеский клинок замер. По нему скатилась капля крови и упала мне на грудь. Вслед за ней по стали заструился темный ручеек. Из груди моего врага торчало щупальце с изогнутыми когтями. Словно состоящее из тьмы, пропитывающееся кровью, оно обретало плоть. Во взгляде юнца медленно гасла самоуверенность.

Появилось сообщение: «У вас повреждена нога. Умение владение мечом достигло тринадцатого уровня. Ваша ловкость достигла пятнадцати единиц».

Вокруг воцарилась тишина. Несколько врагов замерли в нелепых позах, упасть им мешали пробившие тела щупальца. Люди выглядели насаженными на булавки насекомыми, но неопытный энтомолог забыл расправить им лапки и крылышки. Илва, Олег и Ёжик лежали в снегу. Гастонисы невозмутимо смотрели на происходящее остекленевшими глазами.

Юрха стояла невдалеке, частично сохраняя человеческий облик. Во всяком случае, ее голубые глаза оставались теми же — глубокими и холодными. Она выдернула щупальца, и мертвецы повалились в снег. Один из противников, в котором я узнал Гвена, был жив — щупальце просто обвивалось вокруг его тела, крепко сжимало, не позволяя вырваться. Оно уползло, и меч упал на землю, Гвен медленно опустился на колени.

— Юрха, — сказал он. — Юрха, прости.

Она шла мимо нас сквозь буран, как призрак. Казалось, что падающие снежинки обминали ее тело, закручивались вокруг нее вихрями. Юрха подошла к отцу и обняла.

— Пойдем домой, — прошелестел ветер невидимой травой.

Когда они проходили рядом, я увидел его наполненные страхом глаза.

Олег застонал.

— Ёжик, — сказал он. — Ёжик.

И пополз к лежащему в кровавом снегу мальчишке. Я знал, что сейчас будет: всё было напрасно. Я не выполнил работу в самом конце задания. После такого удара Ёжика не спасти.

Олег подполз к сыну, приподнялся и начал гладить ладонями его лицо.

— Он жив! Жив! — закричал Олег и, запрокинув голову,

засмеялся.

Ёжик открыл глаза и заплакал, обняв отца.

— Жорку жалко.

Меч, который должен был разрубить спину мальчишке, лишь разрезал его заплечный мешок, в котором сидела крылатая жаба. Снег был залит ее кровью.

Олег прижал Ёжика к себе.

— Я куплю тебе новую. Вернемся в реальность, и куплю. Хомячка. Хочешь, я куплю тебе хомячка?

Превратившаяся в человека Илва поднялась на ноги. Не удержалась, и снова опустилась в снег.

— Оборотень еще жив, — сказала она.

Я подполз ближе. Оборотень, с которым она дралась, тоже принял человечье обличье. Его грудь проваливалась огромной дырой, на губах пузырилась кровавая пена.

— Проклятая тролль нас убила, — сказал он. — Говорил Гвену, чтобы избавился от нее.

Я приставил меч к его горлу. Оборотень засмеялся.

— Незачем, — сказал он. — Со мной всё кончено.

— Кто вас послал? Маркграф из Формира?

— Он обещал награду любому, кто принесет голову огненного волшебника — бывшего генерала Фойрига. Вы покойники, потому что за вами отправились «Невашдни».

Он закашлялся и закрыл глаза.

— Возьми. — Илва протянула мне одно из зелий лечения, которыми снабдил нас в дорогу Вот. — Я уже выпила. Олегу дай, а то весь исполосован.

Буран прекратился, из-за туч выглянула идущая на убыль луна. Ёжик хоронил в снегу зарубленную жабу.

Когда мы уезжали, Гвен вышел из дома.

— Я по-настоящему починил ваших птиц. Профессиональная гордость.

— Не боишься с нами разговаривать, предатель? — Олег прищурился и опустил ладонь на рукоять меча.

— Нет, — пожал плечами Гвен. — Я против вас ничего не имею. Здесь трудно выживать. Такой мир. А она не даст вам меня убить.

Юрха стояла у ворот и молча смотрела на нас. Когда она находилась рядом, я, неожиданно для самого себя, наклонился и поцеловал ее в щеку, которая оказалась по-человечески теплой. Сидящая позади меня Илва хмыкнула. Юрха улыбнулась и долго махала нам вслед рукой.

Они встретились на площади Вормса — отец и сын, вспомнившие друг друга. Крепко обнялись, но я видел их пустые

глаза — в них не было радости. Душевная связь между Олегом и Ёжиком оборвалась, будто игра навсегда забрала души близких людей, оставив взамен подделки. Ничего, главное, чтобы они не забывали, кем являются на самом деле. Реальность, когда мы до нее доберемся, расставит всё на свои места. Игра сотрется из памяти, как страшный сон.

— Мы скоро уйдем отсюда, вернемся домой, — тихо говорил Олег, гладя Ёжика по голове.

Тела погибших людей лежали на площади. Возле Мейнарда скулила крылатая жаба. Ее тявканье переходило в завывания, которые резко обрывались, наступала короткая тишина, а затем вновь раздавалось тихое поскуливание. Снежинки падали на тело волшебника, но больше не таяли, покрывая синие татуировки белым, пропитывающимся кровью пухом.

Приготовленные к сожжению мертвые тролли были свалены кучей среди обгоревших бревен у входа в город. Некоторые щупальца еще слабо шевелились. Оставшиеся в живых монстры отступили в лесную чащобу.

— Они вернутся, — сказал Олег. — Не скоро, но вернутся.

— Да, — ответил я. — Но здесь не будет тебя, чтобы организовать оборону. Мы уходим. Да и место для памятника занято, генерал.

— Город купит услуги наемников с побережья. Люди научились сражаться, почувствовали победу.

Ёжик, стараясь не смотреть на мертвого Мейнарда, попытался схватить жабу. Та извернулась и цапнула его за палец. Ёжик отбросил жабу в сторону, она упала, подвернув крыло, и забилась на снегу.

— Сегодня, — сказал Олег. — Хочу уйти сегодня, чтобы покинуть этот город. Что-то внутри меня уговаривает остаться здесь навсегда. Я должен сражаться, защищать Вормс от порождений леса.

— Вновь и вновь, — проговорил я.

— Что?

— Говорю, защищать вновь и вновь. Бессмысленная война, которая лишь для наблюдателя со стороны может вызывать интерес. «Посмотрите, как здорово он пробил мечом тролля! Вот это приём! О! Как он его щупальцем, поднял и швырнул, видели? А в какой смешной позе лежит вот этот после хэд-шота!». Когда рядом погибшие друзья и воняет горелым мясом, хочется свернуть программеру, создавшему игру, его тощую шею.

Вот ушел час назад по своим делам, пообещав вскоре вернуться.

— Сволочь, — сказала жаба, переворачиваясь на брюхо. —

Сволочь, сволочь… Хочу печеньку.

И опять затявкала, подняв к небу широкую голову.

К нам подошла Илва и опустила руку Олегу на плечо.

— Хороший у тебя сын, — сказала она. — Спокойный.

Ёжик исхитрился поднять жабу, сжав обеими руками так, что она не могла добраться до его пальцев. Висела и дергала в воздухе короткими лапами.

— Папа, можно ее взять с собой? — спросил Ёжик, оглядываясь на нас. — Ну, пожалуйста.

— Можно, — ответил Олег. — Жаль, что убежала моя саламандра.

«Куда взять, в реальность?» — захотелось спросить мне.

Глаза Ёжика были пустыми, словно он не отдавал отчета тому, что говорил. Будто был куклой, марионеткой, управляемой дергающим за нити кукловодом. Я помотал головой: покажется же такая ерунда!

Олег достал из кармана курительную трубку, засыпал из кисета щепотку табака, выбил искру и с удовольствием затянулся дымом.

— Тут всё же нашлось настоящее курево, — сказал он, выпуская облачко дыма. — Привозят из Саргары. Жить можно.

Илва разогнала дым со словами: «Фу, мерзость!» и пошла к Ёжику. На краю площади стоял Вот, наблюдал за нами. Я поднялся и направился к нему.

— Поговорим? — предложил он, кивнув на разоренную таверну.

— Пошли, — согласился я.

Искореженная дверь висела на одной петле. Под ногами хрустели щепки от разломанной мебели и черепки разбитой посуды. Вот выудил из обломков чудом сохранившуюся бутыль с ягодной настойкой, вытащил зубами пробку и основательно приложился к горлышку.

— Фух! — сказал он, встряхивая настойку, поднимая осадок в виде сморщенных ягод и мертвых жучков. — Отвратное пойло. Кровянница подмешана для цвета, но портит вкус она. Кругом одни мерзавцы и прохиндеи! Будешь?

— Нет. Как мы покинем игру?

— Подумай сам.

— Ты перекрыл главное меню игры, чтобы дать полное ощущение реальности. Но должен же был для себя оставить хоть какое-то системное меню? Ты же можешь пользоваться чит-кодами, неужели в текстовом интерфейсе нет команды «Exit»?

Вот не ответил.

— Хорошо, — продолжил я. — Не хочешь говорить, не надо.

Допустим, ты забыл об элементарной команде, когда программировал игру. Но твой артефакт, обнаруженный Ёжиком, позволяющий вернуться в реальность с накопленными умениями, ты нашел его?

— Нет. Мальчишка не помнит, куда его дел.

— Точно?

— Иначе бы я давно отсюда сбежал.

Хорошо хоть не скрывает своих намерений.

— Ладно, допустим, я тебе поверил. Твоя девушка, хакер из реальности, почему она тебе не поможет? Она же Ткакло Хорк, я прав? Раз она приходила в игру и смогла вернуться, то в состоянии и тебя доставить в реальность. Мы — я, Олег, Ёжик, тоже как-то попали в «Хвергельмир». Значит, снаружи можно создавать каналы? А раз так, то с помощью хакеров возможно и вернуться.

Вот прополоскал рот настойкой и с шумом глотнул.

— Она не поможет. Не хочу об этом говорить.

Когда Вот задумывался, то начинал разговаривать, не скрываясь за высокопарными неудачными рифмами.

— Жаль, что я не программист и не разбираюсь в вашей работе, — сказал я. — Неужели ты стал пленником своей игры? Мне казалось, что для Черного Хакера нет ничего невозможного.

— Там! Но не здесь. Здесь я Вот, и у меня нет доступа к программному коду. Или я просто забыл, как это делается! С каждым утром всё больше боюсь не вспомнить себя настоящего из реальности. Тебе знаком этот страх.

— Дай. — Я взял бутыль и, последовав примеру собеседника, хлебнул настойки.

Она оказалась горько-жгучей на вкус.

— Видел замерзший Иггдрасиль? — спросил Вот. — Дерево предела, чьи ветви прорастают в иные миры. Это был замаскированный брандмауэр, дающий доступ ко всем портам игры. Теперь они закрыты службой сетевой безопасности. Иггдрасиль погиб. Я пытался скопировать его, обойти защиту, но ничего не получилось.

Вот придирчиво разглядел склянку с настойкой на свет.

— Жучки плавают, суетятся, словно живые. А за стекло им не выбраться.

— Но ты же оставил для себя лазейку? Не мог не оставить.

Вот ухмыльнулся.

— Возможно.

— В Призрачном городе мои умения не выросли, — продолжил рассуждать я. — В той игре другие характеристики, другие параметры — возросло лишь мастерство применения

лейфтра. Но я чувствовал силу, накопленную здесь, и не заметил разницы при владении мечом. Старые умения сохраняются у виртуала, но не отображаются и не наращиваются при выходе за пределы игры?

— Да.

— Значит, я нужен тебе за границей «Хвергельмира»? Ты собираешься покинуть игру, выйти в пространство Чендлера и добраться до своего «квантума»?

— Ты прав.

— Но так раньше никто не делал!

— Значит, мы будем первыми. Кто знает, опасности какие, подстерегают нас на том пути?

— Ты сумасшедший!

— Может быть. — Вот снова отхлебнул настойку и вытер рот рукавом. — Хвергельмир бесконечен. Когда персонаж доходит до его границ, генерируются новые области. Там, где никого нет, визуальные объекты уничтожаются, оставляя лишь архив данных, шаблон, по которому вновь создастся окружение, когда оно попадет в чью-то зону видимости. Так требуется минимум памяти. Невозможно преодолеть пустыню Саргары на востоке или пройти через нескончаемые горы Драгборна на западе. Но почему все так стремятся в океан, за горы, что поднимаются среди торосов, где за перевалом воющих духов стоит замерзший Иггдрасиль? Словно их тянет неведомая сила, как бабочек к свету. Путешественники гибнут в тех местах с грезами о неосуществимой мечте.

Я вспомнил Гулльвейг.

«Ты погибнешь там сама, тебе нужен я».

Ее губы прикасались к щеке, опускались на грудь.

«Мне не нужна ничья помощь».

— В море туманов вода устремляется в пропасть Гиннунгагап, — продолжил Вот. — Мост Биврёст, сотканный над бездной из радуги, ведет к выходу из игры. Один единственный порт, не найденный службой безопасности, который я спрятал на границе «Хвергельмира».

— Пересечь северный океан? — спросил я, забирая у него бутыль.

— Да. Мимо заледеневшего, словно покрытого хрусталем Иггдрасиля, сквозь ледяные торосы по толстому льду, под которым дремлет Ёрмунганд. Где в толще океана плавают русалки и кракены, а среди туманов летают драконы. — Вот смотрел сквозь меня невидящим взором. — Всё же, я создал красивый мир. Величественный и красивый.

— Ты не в себе, — сказал я. — Не мог выход устроить

поближе? Любите вы всё усложнять. Настойка кончилась. Поищем еще? Кстати, саргарцы в своем подземелье пытались устроить модель твоей пропасти. Что если бы у них получилось, и они открыли бы новый порт?

— Не знаю, — пожал Вот плечами. — Ты точно хочешь это узнать? Порой в играх происходят странные события, которые не объяснишь простыми сбоями, и встречаются странные создания.

— Такие как Джереон? — спросил я.

При имени старого тролля Вот вздрогнул.

— Что знаешь ты о нем?

— Только то, что он сообщил сам: предлагал мне вечную жизнь в игре в обмен на твою смерть. И что он пришелец из мира, лежащего по другую сторону пространства Чендлера. Это правда?

— Что правда, а что ложь — в игре не разобраться. Проверить россказни безумцев, поверь, не стоит и стараться.

Он отвернулся и принялся рыться в обломках, как курица в поисках червя. Его опять коротнуло на неуклюжее рифмование. Включилась защитная реакция?

— Чем ты ему не угодил? Что за мир, лежащий за пределами пространства Чендлера? Неужели в игры приходят игроки, которые не являются людьми?

Вот достал разбитую склянку и отбросил в сторону.

— На эти вопросы, возможно, сможешь ты ответить лишь сам. Не помогу тебе.

— Напиваетесь? — спросила Илва, появляясь в дверях. — Во что мою таверну превратили! Теперь вы просто обязаны взять меня с собой. Мальчики, вы договорились о том, куда нам отправляться? Олег и Ёжик готовы к путешествию.

— Да, — буркнул я. — Договорились. Поплывем на край мира.

— Вот и хорошо, — улыбнулась Илва.

***

Мы отправились во второй половине дня на двух гасторнисах. Ёжик сидел позади Олега, Илва ехала со мной. Она прижималась к моей спине, я чувствовал на своем ухе ее теплое дыхание, а сквозь куртку ощущались упругие выпуклости. В памяти нет-нет, да и всплывало замершее изображение из Призрачного города.

Как говорила Илва: «Я прирожденная охотница». Когда ее теплое дыхание щекотало ухо, хотелось, чтобы она куснула его острыми зубками.

Вот не поехал с нами, лишь загадочно усмехнулся и сказал, что будет ждать в месте назначения. Наш путь лежал по

заснеженной дороге в прибрежные земли, где находился маленький городок Грьёдт — местечко на тысячу жителей, отличающееся от подобных ему поселений лишь своим портом — стоянкой для рыболовных суден, охотничьих баржей и шхун авантюристов всех мастей. Здесь перекупщики скупали задешево моржовые бивни и шкуры. Бочки с топленым жиром перекатывались с палуб плоских, неуклюжих, как утки на берегу, охотничьих корабликов на повозки купцов с запряженными шестиногами. Здесь добытчики огненного льда находили своих покупателей, скупающих за бесценок нетающие льдинки, в которых замерзло дыхание морозных великанов. Через некоторое время драгоценности будут сверкать в ушах и на шеях городских красавиц — белокожих изнеженных барышень, так не похожих на жен местных рыбаков и охотников. Но для того, чтобы продать товар — в сто, в тысячу раз дороже, надо пересечь снежную равнину, где поджидают тролли и разбойники. Где с океана в снежном буране может появиться дракон. Многие предпочитают не рисковать, поэтому купцы, те, кто выживали, зарабатывали целое состояние.

«Там мы сможем нанять корабль до моря туманов», — сказал Вот на прощание.

«Да? — удивился я. — Ты давно был в прибрежных землях? Неужели есть сумасшедшие, кто отважится на такое путешествие?»

Вот пожал плечами.

«Деньги решают всё».

Железный лес давно закончился, исчезли одинокие деревья. Равнина, скрытая бураном, простиралась во все стороны. За несколько часов пути нам не встретился ни один человек. Лишь изредка сквозь снежные вихри виднелись фигуры гигантов — возможно, троллей, а возможно, забредших в поисках добычи морозных великанов. Но они могли и почудиться — мало ли, что привидится в буране?

— Смотрите! — вскрикнула Илва. — Там ребенок!

В той стороне, куда она показывала, были лишь сугробы, и заструги протягивали по полю свои длинные гребни.

— Я точно видела! Девчонка лет семнадцати, тощая. Стояла, как призрак у дороги. Вон она!

— Где? Нет там никого, — сказал я. — Тебе показалось.

Но на мгновение мне самому почудилось, что в снежных вихрях растаяла чья-то белая фигура. Илва фыркнули, укусила меня за ухо и прошептала:

— Мне не показалось.

От ее дыхания по спине прокатилась теплая волна.

— Надо переждать буран! — прокричал Олег. — Нас совсем занесет!

— Где переждать?!

Мой гасторнис заскрипел, неуклюже прошел несколько шагов и остановился с поднятой ногой. Искры между металлическими пластинами на его теле начали затихать.

— Н-но! Давай, пернатый!

Этого еще не хватало! Илва соскочила на землю и черным волком исчезла в буране. Гасторнис закашлялся и дернулся в тщетной попытке пойти дальше. На сколько хватает электричества, заставляющего передвигаться мертвую птицу? Остаться без скакуна в буране меня не радовало.

— Н-но!

Где-то раздался приглушенный снегопадом рык Волчицы.

— Игорь, что у тебя? — закричал Олег.

Гасторнис пошатнулся и начал заваливаться вперед, я едва успел выпрыгнуть из седла. Мой скакун рухнул, подняв кучу снега. Последняя искра проскочила на его шее, и гасторнис затих.

— Иго-о-орь!

Я стоял и смотрел на неподвижное тело давно мертвой птицы. Снежинки всё падали и падали, оседая на металле и торчащих перьях, опускались на мою куртку, оставались на ладонях ледяными кристалликами, не желая таять. Некоторые из них блестели, словно принесли с собой капельку дыхания морозных великанов. Накатило чувство нереального, захлестнуло с головой, превратив окружающее в нагромождение спрайтов и 3D-объектов. В воздухе кружились однообразные нарисованные снежинки как на старом скринсейвере. Олег и Ёжик сидели на нарисованном гасторнисе и выглядели плоским задним фоном. На еще одном фоне виднелся занесенный снегом сруб.

— Там! — пролаяла Волчица, выныривая из снегопада. — Дом!

Ее объемная шерсть, шевелящаяся от ветра, выглядела настоящей. Чувство нереальности происходящего схлынуло. Видимость перекрыл снегопад.

— Я видел, — сказал я. — Мы идем к дому.

Илва вернула свой человеческий облик.

— В снегу есть следы, — произнесла она. — Я говорила — мне не могло показаться.

Мы пошли следом за гасторнисом Олега в сторону, где увидели дом.

Сруб оказался достаточно большим, невзирая на то, что бревна привезли издалека. Забор-частокол окружал его со всех сторон, над большими открытыми воротами висела деревянная

табличка «Постоялый двор», без названия или изображения, которыми обычно украшают подобные заведения. На воротах сидел ворон с желтым глазом. Увидев нас, он закаркал, сорвался с места и скрылся среди бурана.

Мы оставили гасторниса под навесом у входа и вошли в дом. Теплый, с запахом прокисшего молока, по своему уютный, он обещал передышку уставшему путнику. В сенях стоял хмурый бородатый хозяин в полушубке, сжимая взведенный арбалет. На его волосах таяли снежинки, значит, именно он открыл ворота.

— Цены у нас высокие, — не церемонясь, заявил он вместо приветствия. — Не можете заплатить — убирайтесь, откудова пришли.

Олег усмехнулся, вынул золотую монету и щелчком отправил хозяину постоялого двора. Тот ловко поймал вознаграждение и проверил монету на зуб.

— Ольха! — прокричал он вглубь дома. — Готов обед для гостей! Поживее, а то ворочаешься, как сонный шестиног. Давайте-ка к столу, — обратился он уже к нам.

Длинный стол с лавками по обеим сторонам стоял в центре большой комнаты. Деревянная лестница вела на второй этаж. У очага возилась Ольха — упитанная хозяйка со шрамом на правой щеке.

— Они люди или NPC? — шепотом спросил у меня Олег.

— Не знаю, — ответил я. — С некоторых пор я утратил возможность понимать, кто есть кто. Игра затягивает, не позволяет увидеть разницу между живым и придуманным.

— Можете звать меня Гвеном, — сообщил хозяин, ставя на стол бочонок. — Медовуха обойдется вам еще в один золотой. Ольха вскоре жрать подаст, а мы выпьем. Выпьем за то, чтобы быстрее прошел снегопад. Выпьем, чтобы согреть ваши кости.

Олег оставил на столе монету и Гвен накрыл ее ладонью. После чего наполнил деревянные кружки пенящимся напитком. Хорошо, что Вот щедро снабдил нас деньгами, прежде чем мы расстались.

— Свежая медовуха, вчера варил, будто ведал, что появитесь.

— Ты знал, — подала голос Ольха.

Лестница скрипнула — по ней медленно спускалась тощая девчонка с большими голубыми глазами, ступая по холодной древесине босыми ногами. Белое помятое платье с зашнурованным вырезом доходило ей до пят.

— Она, — сказала Илва.

— Юрха! Марш в свою комнату! — закричал хозяин.

— Пусть останется. — Илва мягко опустила ладонь на большую лапу Гвена, и тот почему-то смутился, отдернул руку. —

Твоя дочка?

— Да… Доча.

Юрха молча подошла к столу и села возле отца напротив нас. Голубые глаза немигающе смотрели на меня.

— Выпускаете дочку гулять в такой буран? — спросил я.

Гвен прищурился.

— Нет, с чего вы взяли? — сказал он и перевел тему разговора: — Вы в Грьёдт? Опасно нынче. Говорят, в Вормс тролли каждую ночь приходят.

— А у вас? — поинтересовался Олег. — Как вы тут живете одни? Не боитесь троллей?

— Нет. Мы туточки тихо живем, ни с кем не ссоримся.

Вот только хозяин встречает гостей с арбалетом. И не задает лишних вопросов — кто мы и откуда.

— Гости к нам нечасто теперича заходят, — будто прочитав мои мысли, сказал Гвен. — Любой посетитель сейчас на цену золота, — усмехнулся он.

— Ешьте! — Ольха опустила на стол казанок с едой и расставила тарелки.

Открыла крышку, и на нас повеяло ароматом тушеного мяса с капустой.

— Это дело, — наконец улыбнулся Гвен, вытирая руки о полушубок.

Ольха разложила еду по тарелкам, и Гвен принялся есть, громко чавкая. В моей порции оказалось что-то длинное, напоминающее суставчатую ногу огромного насекомого.

— Что это? — спросил я.

— Мясо, — ответил Гвен. — Вчера подстрелил одного йорма. Всадил ему болт прямо между глаз.

Ольха улыбнулась. От шрама, задевающего губы, улыбка получилась кривой. Юрха не притрагивалась к еде, сидела и глазела на меня, отчего становилось не по себе.

— Присаживайся, — обратился хозяин к жене, та, насыпала себе еды и села за дальний конец стола.

Потом поставила рядом свечу и достала огниво. Прежде чем она успела выбить искры, Олег взмахнул рукой, и над свечой заплясал огонек. Ольха замерла, непонимающе глядя на него. В свете дрожащего пламени показалось, что черная лапа, лежащая в ее тарелке, шевелится, но это была всего лишь иллюзия.

— Ты волшебник? — спросил Гвен.

Вместо ответа Олег положил на стол руки, и над его раскрытыми ладонями в воздухе зависли огненные руны. Их свет отражался в голубых глазах Юрхи.

Илва сидела возле меня, исподтишка наблюдая за хозяевами.

Я попытался ухватить ложкой лапу йорма, но она выскользнула и шлепнулась обратно на тарелку. В это время Гвен ловко расправлялся со своей с помощью большого ножа. Раскроил черный панцирь и теперь сосредоточенно выуживал розовое мясо.

— Хочу есть, — сказала Юрха, глядя на меня.

Синева ее глаз была потрясающе глубокой, как вода в горном озере, и такой же холодной. Голос — словно шелест травы на поле от сильного ветра.

— Ешь, доча, чего ты, — прикоснулся к ее ладони Гвен.

Илва опустила руку мне на ногу. Я заметал, как Волчица принюхивается.

— И давно у вас живет тролль? — наконец спросила она.

Ее пальцы сжались, показалось, что когти пробьют плотную ткань штанов. Гвен застыл, из уголка его рта на тарелку шлепнулся кусок мяса.

— Доча, выйди, — сказал он.

Та, что-то почувствовав в его голосе, безропотно встала и прошла вверх по лестнице, напоследок обернувшись ко мне. Гвен почистил нож и положил возле тарелки. Я незаметно опустил ладонь на свой меч, который не снимал с пояса. Законы гостеприимства — дело хорошее, но с оружием расставаться не хотелось.

— Десять лет минуло с тех пор, как она пришла в наш дом, — наконец произнес Гвен. — Маленькая девочка с небесно-голубыми глазами. Ты думаешь, мы не поняли сразу, кто она? Думаешь, было легко жить поначалу вместе с… чудовищем?

Ольха шумно вздохнула.

— Десять лет назад она стояла на нашем крыльце и смотрела своими глазищами. А ты бы выгнал? Пусть чудовище. Пусть странная. Но ребенок же. Может быть, ее родителей убили. Я не спрашивал. Она не рассказывала. И вы знаете что, — наклонился он к нам через стол. — Думаете, почему мы выжили в этой глуши? Из-за нее и выжили. Не нападают тролли на своих. Наша доча нас и спасает.

На втором этаже послышался скрипящий звук: «Х-х-е-е!», и по равнине эхом прокатился ответный всхлип. Гвен молча налил себе кружку медовухи и залпом осушил до дна.

— Вот такие дела, — сказал он.

— Ваша жизнь, — подал голос Олег. — Ваш выбор. Кто мы, чтобы осуждать или решать за вас, что верно, а что нет. Х-х-е-е! — внезапно выдохнул он и закашлялся.

Вскочившая Илва застучала ладонью по его спине.

— Тролли, — сказал Гвен. — Буран. Ночь близко. Оставайтесь, хотя это вам и влетит в денежку. Кровати мы вам

постелем в гостевых. Печку растопим. Отправитесь в Грьёдт с рассветом.

Звучало заманчиво.

— Остаемся? — спросил Ёжик, сидящий возле отца.

— Возможно, — ответил Олег. — Всё равно в буране не добраться на одном гасторнисе. Второй сломался.

— Сломался? — заинтересовался Гвен. — У вас творения саргарцев?

— Да, — кивнул я.

— И далеко отсюда ваша птичка опрокинулась?

— Рядом, метров пятьдесят на юг по дороге. Вторая стоит у вас под навесом.

— Сколько дадите, если починю?

— Достаточно, — недоверчиво сказал Олег.

Гвен, кряхтя, поднялся, достал из большого окованного железом сундука сумку и вышел из дома.

— Вы не смотрите, что он у меня такой, — сказала Ольха. — Гвен раньше у торгашей служил, разные места повидал, только рассказывать не любит. А потом здесь осел, значит. Здесь трудно выживать в не сезон, когда торговцев мало ездит.

Услышав скрип входной двери, на лестнице вновь показалась Юрха. Сначала были видны лишь ее голые ступни, а затем девушка наклонилась и принялась меня разглядывать.

— Слышала, что отец сказал? — прикрикнула на нее Ольха. — Марш к себе!

Юрха зашлепала по ступеням и скрылась на втором этаже.

— Вы ешьте, ешьте, я вам сейчас кровати постелю, — забеспокоилась хозяйка. — У нас три комнаты для гостей.

— Я с папой, — сразу сообщил Ёжик.

Олег промолчал.

Под вечер, когда поля затопила темнота, а буран и не думал прекращаться, Гвен вернулся.

— Бегает ваша птичка, — не без самодовольства сообщил он. — До Грьёдта дотянет, а там можете выбросить. Вам повезло, что у торговцев, с которыми я ездил, была подобная тварь. У них есть запасной накопитель молний, надобно только знать, как его подключить. На втором гасторнисе я тоже его задействовал. Так что с вас десять монет.

Олег крякнул, но безропотно полез в мешок за деньгами.

— И за ночлег еще пять, — быстро сказал хозяин.

— Три, — сказала Илва.

Гвен посмотрел на ее оскаленные клыки и согласился.

***

Ночью за плотно закрытыми ставнями ревел буран. Сквозь его завывания слышалось, как на равнине протяжно и заунывно вздыхали тролли, будто где-то далеко подавала голос жерлянка. Ольха перестаралась с печью — воздух в моей комнате был жарким и душным до выступившего пота. В соседних комнатах спали Илва и Ежик с Олегом, храп которого проникал сквозь бревенчатую стену. В одном из бревен, как раз над моим ухом, монотонно тикал жучок-древоточец, отсчитывая время.

Не спалось. Казалось, что в коридоре кто-то ходит и скребется в дверь. Наконец, не выдержав, я зажег свечу, но от этого стало еще хуже — по комнате расползлись дрожащие тени, будто под дверь пролезли щупальца тьмы.

Наверное, влияла близость монстра, трудно ощущать, что где-то рядом находится тролль, пусть даже в человеческом облике.

В дверь снова едва слышно застучали. Я поставил свечу на стул, достал меч, подошел, прислушался, а затем распахнул дверь и с удивлением увидел на пороге Илву. Она стояла в ночной рубашке, которую одолжила у жены хозяина.

— Зачем ты пришла? — спросил я.

— Тише, — приложила она палец к моим губам и проскользнула в комнату. — Ёжика разбудишь. Ты знаешь, зачем я здесь.

Илва опустилась на кровать. От ее тела пахло снегом и душистыми травами. Я спрятал меч, сел рядом и спросил:

— Как же Олег? Ты же пошла с нами ради него.

— Ты так думаешь? — прищурилась Волчица. — Может быть, я отправилась ради тебя? Но ты же у нас неприступный воин, герой, кружащий голову девушкам. Только и мечтаешь, что о своей Гулльвейг. Видел, как на тебя смотрела эта девчонка?

— Кто, тролль?

— Да. Просто пожирала взглядом. Берегись, я тоже хищница.

Она обвила руками мою шею, потянула к себе, и мы вместе упали на кровать. Илва принялась меня целовать, жадно впиваясь в губы заостряющимися зубами. Олег за стеной всхлипнул сквозь сон и замолчал.

— Прекрати!

Я прижал руки Илвы к подушке, отстранился, а затем мягко прикоснулся губами к ее щеке. Целуя, опустился на шею. Надолго припал к ямке над ключицей, где чувствовалось, как колотится ее сердце. Илва едва слышно застонала. Ее руки ослабли, она прекратила вырываться.

— Мне не нравится твоя рубашка, — сказал я. — Ты должна

ходить в шелках, а не в грубом полотнище. Как развязываются эти веревки на груди?

— Неумеха, ты затянул узел. Ой, а теперь разорвал.

— В нашем мире рубашки тонкие и нежные, как твоя кожа. Шелк течет между пальцами, когда ты гладишь ладонью, а затем освобождаешь то, что под ним. Вот так.

— Я люблю, когда ты рассказываешь про свой мир.

Ее рубашка соскользнула на пол, задев стоящую на стуле свечу. Мы очутились в жаркой темноте, наполненной стонами и звуками поцелуев.

— Гулльвейг, — шептал я.

— Я не Гулльвейг, — говорила Волчица. — Скажи мое имя, — просила она.

— Илва, — отвечал я.

— Еще, говори его еще.

Ее кожа была мягкой, и зубы больше не заострялись…

Потом мы сидели и молча слушали жучка-древоточца.

— Знаешь, — сказала Илва. — Я вспомнила себя, когда мы проходили в Призрачный город. Вспомнила, — задумчиво повторила она, перебирая пальцы на моей руке. — Я — воровка. Обыкновенная воровка. Раньше таких называли медвежатниками. Нет, я не хакер — специализировалась на сейфах с механической защитой. Может, слышал о краже на выставке бриллиантов в Николаенске три года назад?

— Ты?

— Я. Допустила оплошность. На мой след основательно сели. Грозило лет десять, а то и двадцать. Когда не было выхода, я подключилась к игре.

— Где ты в реальности?

— Не знаю. Меня не отключили. Может быть, нахожусь в тюремной больнице. Может, куда еще упекли. Но в игру с режимом «хардкор», ретурнеры за мной не сунулись. Да и я бы так просто им не далась.

— Как тебя зовут по-настоящему?

— Какая разница? — Она поднялась и подобрала с пола рубашку. — Здесь я — Илва, оборотень-полукровка. Такая жизнь лучше, чем гнить в тюремной камере. Так что мне незачем возвращаться.

— Но ты идешь с нами.

— Не хочу расставаться. — Илва неожиданно крепко меня обняла. — Не хочу. Ты пришел в игру, ретурнер, пришел не за мной, но для меня всё изменилось.

Было хорошо вот так прижимать ее к себе, не думая ни о чем.

— Но я всё равно должен уйти — сказал я.

— Знаю. Тихо! — Илва напряглась, прислушиваясь. — За дверью кто-то есть.

Я взял меч. Подумалось: вдруг это Олег? Мне не хотелось устраивать с ним ссору. Но когда я распахнул дверь, то за ней стояла Юрха.

— Ты умеешь читать? — Она шагнула в комнату, и я не решился ей помешать.

Голос у нее оказался тонкий и мелодичный, не такой как днем.

— Да. Конечно, — кивнул я.

Илва сидела на кровати, почему-то прикрывшись одеялом, хотя успела надеть рубашку.

— Вот, — протянула Юрха клочок бумаги. — Читай.

— Но тут только несколько ничего не значащих слов, — сказал я. — Очень маленький кусок, понимаешь?

— Жаль, это всё, что удалось добыть. Но я помню, что говорил отцу тот мужчина, у которого была бумага. — Ее голос вдруг изменился, стал грубым, как воронье карканье. — Большие деньги. Нам столько за год не взять. Маркграф из Формира свое слово держит. Увидишь огненного волшебника — дашь знать.

— Хорошо, Меино, конечно, — продолжила Юрха голосом отца. — Мне не нужны неприятности. Ты же со мной поделишься? Потом…

Юрха замолчала.

— Кто этот Меино? — спросил я.

— Человек, — ответила Юрха. К ней вернулся ее голос шелестящего в траве ветра. — От него пахнет кровью, и он приходит вместе с другими людьми. Много оружия. Они охотники, но охотятся не за зверями. Отец оставил им весточку, когда оживлял вашу птицу. Уходите, иначе они убьют вас.

Юрха повернулась и вышла из комнаты.

— Спасибо, — сказала Илва ей в спину.

Я быстро оделся. Разбуженный Олег сначала ничего не понимал, а потом загорелся праведным гневом.

— Предатели! Кругом одни предатели. Где он?!

В комнате хозяина спала лишь Ольха.

— Где Гвен?! — Олег приставил меч к ее горлу.

— Тише! — схватил я его за руку.

— Н-не знаю, — забормотала Ольха. — Н-ни-чего не знаю. Ушел. Там.

Она указала куда-то рукой, очевидно подразумевая, что Гвен покинул дом.

Мы вышли в ночь, окунувшись в холод снегопада. Снег залепил глаза. К навесу с гасторнисами пришлось пробираться

сквозь сугробы, проваливаясь по колено.

— Думаешь, он их действительно починил? — спросил я, выводя своего скакуна под уздцы. — Вполне мог и испортить, чтобы мы не смогли уйти.

Олег промолчал.

— Я боюсь, — сказал Ёжик.

— Хочу печеньку, — захныкала крылатая жаба в мешке у него за плечами.

Гасторнисы равномерно переставляли лапы, загребая снег, — мертвым птицам было всё равно, по какому пути передвигаться. Между металлическими пластинами на их телах проскакивали искры. Илва остановилась, напряглась, как готовый к прыжку волк.

— Здесь… — проговорила она. — Они уже здесь.

Снег взорвался фонтаном у наших ног. Метнувшаяся серая тварь сбила Олега на землю, полосуя когтями, закружила в вихре из белого ветра и каплей крови. Три человека выскочило из-за угла дома. Двое, скрывавшихся за незапертыми воротами, выбежали нам навстречу.

— А-а-а! — Рефлекторно, прежде чем успел обдумать свои действия, я отразил удар топора бородатого мужика, нанесенный с такой силой, что едва не выбил меч из моих рук.

Сталь сверкнула над головой — я успел пригнуться под свистнувшим клинком второго из нападавших. Бородач замахнулся топором для нового удара, я вонзил меч в его живот, выдернул вместе с криком — своим, чужим? — и развернулся ко второму врагу, едва успев отразить его выпад. Мой противник — молодой, с горящими от азарта боя глазами, будто это была для него игра, нанес колющий удар, целясь в лицо. Я отбил его меч вниз, но враг, поднимая клинок, сумел разрезать сухожилья на моей ноге — минус три единицы жизни. Снег, в который я упал, показался мягким, как перина. Взметнулся белой пеленой вокруг и холодом осыпался вниз. Острие вражеского меча опускалось, метя мне в грудь, но я не успевал отразить удар.

Всё превратилось в «мир понарошку» — плоский, ненастоящий, где спрайтовые снежинки медленно оседали на нарисованную землю. Бородач хрипел, барахтаясь в снегу. Над лежащим Олегом серой косматой глыбой поднимался полярный волк, рычал, готовясь вцепиться в горло моему другу. Ёжик, крича, пятился к дому. Один из врагов оказался за его спиной и ударил мечом, обрывая его крик. Мальчишка упал. Илва, ставшая волчицей, в яростным молчании прыгнула на седого волка, и два сцепившихся хищника покатились по снегу, оставляя за собой кровавый след.

Мир снова обрел объем, боль и отчаянье.

Вражеский клинок замер. По нему скатилась капля крови и упала мне на грудь. Вслед за ней по стали заструился темный ручеек. Из груди моего врага торчало щупальце с изогнутыми когтями. Словно состоящее из тьмы, пропитывающееся кровью, оно обретало плоть. Во взгляде юнца медленно гасла самоуверенность.

Появилось сообщение: «У вас повреждена нога. Умение владение мечом достигло тринадцатого уровня. Ваша ловкость достигла пятнадцати единиц».

Вокруг воцарилась тишина. Несколько врагов замерли в нелепых позах, упасть им мешали пробившие тела щупальца. Люди выглядели насаженными на булавки насекомыми, но неопытный энтомолог забыл расправить им лапки и крылышки. Илва, Олег и Ёжик лежали в снегу. Гастонисы невозмутимо смотрели на происходящее остекленевшими глазами.

Юрха стояла невдалеке, частично сохраняя человеческий облик. Во всяком случае, ее голубые глаза оставались теми же — глубокими и холодными. Она выдернула щупальца, и мертвецы повалились в снег. Один из противников, в котором я узнал Гвена, был жив — щупальце просто обвивалось вокруг его тела, крепко сжимало, не позволяя вырваться. Оно уползло, и меч упал на землю, Гвен медленно опустился на колени.

— Юрха, — сказал он. — Юрха, прости.

Она шла мимо нас сквозь буран, как призрак. Казалось, что падающие снежинки обминали ее тело, закручивались вокруг нее вихрями. Юрха подошла к отцу и обняла.

— Пойдем домой, — прошелестел ветер невидимой травой.

Когда они проходили рядом, я увидел его наполненные страхом глаза.

Олег застонал.

— Ёжик, — сказал он. — Ёжик.

И пополз к лежащему в кровавом снегу мальчишке. Я знал, что сейчас будет: всё было напрасно. Я не выполнил работу в самом конце задания. После такого удара Ёжика не спасти.

Олег подполз к сыну, приподнялся и начал гладить ладонями его лицо.

— Он жив! Жив! — закричал Олег и, запрокинув голову, засмеялся.

Ёжик открыл глаза и заплакал, обняв отца.

— Жорку жалко.

Меч, который должен был разрубить спину мальчишке, лишь разрезал его заплечный мешок, в котором сидела крылатая жаба. Снег был залит ее кровью.

Олег прижал Ёжика к себе.

— Я куплю тебе новую. Вернемся в реальность, и куплю. Хомячка. Хочешь, я куплю тебе хомячка?

Превратившаяся в человека Илва поднялась на ноги. Не удержалась, и снова опустилась в снег.

— Оборотень еще жив, — сказала она.

Я подполз ближе. Оборотень, с которым она дралась, тоже принял человечье обличье. Его грудь проваливалась огромной дырой, на губах пузырилась кровавая пена.

— Проклятая тролль нас убила, — сказал он. — Говорил Гвену, чтобы избавился от нее.

Я приставил меч к его горлу. Оборотень засмеялся.

— Незачем, — сказал он. — Со мной всё кончено.

— Кто вас послал? Маркграф из Формира?

— Он обещал награду любому, кто принесет голову огненного волшебника — бывшего генерала Фойрига. Вы покойники, потому что за вами отправились «Невашдни».

Он закашлялся и закрыл глаза.

— Возьми. — Илва протянула мне одно из зелий лечения, которыми снабдил нас в дорогу Вот. — Я уже выпила. Олегу дай, а то весь исполосован.

Буран прекратился, из-за туч выглянула идущая на убыль луна. Ёжик хоронил в снегу зарубленную жабу.

Когда мы уезжали, Гвен вышел из дома.

— Я по-настоящему починил ваших птиц. Профессиональная гордость.

— Не боишься с нами разговаривать, предатель? — Олег прищурился и опустил ладонь на рукоять меча.

— Нет, — пожал плечами Гвен. — Я против вас ничего не имею. Здесь трудно выживать. Такой мир. А она не даст вам меня убить.

Юрха стояла у ворот и молча смотрела на нас. Когда она находилась рядом, я, неожиданно для самого себя, наклонился и поцеловал ее в щеку, которая оказалась по-человечески теплой. Сидящая позади меня Илва хмыкнула. Юрха улыбнулась и долго махала нам вслед рукой.

Десятая авентюра. Побережье

Утреннее солнце выглядывало над скрывающимся в туманной дымке горизонтом. Наверное, там, далеко на востоке, шел снег, бушевала буря, но здесь, сейчас, буран прекратился, на ясном небе наперегонки друг с другом летели лишь несколько подкрашенных розовыми красками тревоги облаков. Сильный ветер порой спускался к самой земле, и его холодные порывы уносили снег прочь, оголяя черные камни. Уже целый час мы пытались объехать врезавшийся в сушу фьорд, ведя гастонисов вдоль скалистого берега. Внизу блестел лед. Ёжик дремал, опустив голову на спину Олега. Илва наоборот, проявляла активность, будто не было бессонного ночного путешествия.

— Красиво, — сказала она. — Ты жил на подобном берегу?

— Нет. Это фьорд — залив, а моя хижина стояла у самого океана. — Я подавил зевок. — Плохо, что мы сбились с дороги. Лишняя трата времени.

— Смотри — зимники расцвели!

Несколько цветов у самого края обрыва раскрывали красные, дрожащие на ветру лепестки. Зимники зацветают в самый разгар холодов, вопреки здравому смыслу, нарушая все законы природы. Чем холоднее зима — тем крупнее их цветы. Они упрямо прорастают сквозь снег, пробивают наст, цепляясь за камни, противостоят яростному ветру. Говорят, что их опыляют зимние феи. Семена — белые кисточки с красными коробочками летят над фьордами, падают, скользят по льду, забираются на неприступные берега.

Я остановил своего гасторниса, спрыгнул и пошел к цветам.

— Стой! Не надо! — вскрикнула Илва, догадавшись о моих намерениях.

Но я уже стоял на краю обрыва и наклонялся, чтобы нарвать букет. Вернулось ощущение из детства. Точно так же я стоял на берегу у покрытого льдом океана и чувствовал перед собой необъятный мир. Или я замер у балкона на десятом этаже, когда Олег вылез на перила, в попытке доказать свою храбрость? Страх и понимание глупости — своей, чужой? — сливались с чувством восторга от содеянного. Потом, когда мы с Олегом отбежали на лестницу, и когда я отошел от обрыва, появилась дрожь в ногах. В настоящем мире мы больше не проводили таких глупых экспериментов, но в игре я подходил к краю обрыва вновь и вновь, пока не переборол свой страх. Теперь я не боюсь высоты.

Стебли зимника ломались неожиданно легко, даже не

понятно, как они противостоят порывам ветра. Я заглянул в пропасть и отпрянул.

— Ходу! — закричал я, подбегая к гасторнису и впрыгивая в седло. — Быстрее!

— Что случилось?! — закричал скачущий за мной Олег.

— Возможно, всё обойдется!

Но было поздно — нас заметили. Из пропасти на длинной шее поднималась голова ледяного дракона. Эти крылатые хищники живут далеко в океане, селятся на скалистых островах. На материк прилетают за добычей вместе со снежными ветрами. Овца или зазевавшийся путник — драконы могут сожрать всех, кого увидят. Особо крупные, такие, как этот, не побоятся напасть и на группу путешественников.

Черные крылья распахнулись, дракон захлопал ими, поднимая вихри, но взлететь с первой попытки не смог — без подхватывающего бурана такой большой твари сделать это оказалось трудно. Дракон недовольно зашипел, вытягивая шею, и плюнул огнем.

Это была не та стена пламени, которую в ярости сотворял Олег — лишь ее подобие, огненный ручей, пролившийся на землю. Но от его жара трескались камни. Раскаленная капля упала на моего гасторниса и прожгла дырку в его теле. Запахло горелым пером. В первый раз я услышал, как мертвый гаторнис застонал — тонко, словно цыпленок: «И-и-и!».

— Бегите, не останавливайтесь! Сынок, правь сам! — Олег спрыгнул с гасторниса на землю и выпрямился, раскинув руки.

— Игорь, скачи, чего ты?! — закричала мне на ухо Илва, но я остановился, наблюдая за двумя противниками, замершими на расстоянии друг от друга.

Дракон больше не пытался взлететь. Он заглатывал воздух, как майский жук перед полетом. Из его покрытого чешуей брюха раздавались бульканье и треск — там шла химическая реакция, рождалась огненная смесь. Олег призывал волшебные силы, нараспев читая заклинание. Кто раньше сотворит огонь?

— Пламя, что живет в недрах земли, подчинись моей воле! Я призываю тебя вырваться на свободу, уничтожить моего врага!

Огненные руны плыли по воздуху, Олег покачивался, его ладони то сжимались, то разжимались. Воздух вокруг дрожал разгоряченным маревом. Дракон всхлипнул и с шумом выдохнул. Но Олег успел раньше. Огненная волна с ревом прокатилась по камням и ударила в дракона, опрокидывая его в пропасть. На мгновение опустилась тишина, а затем порыв ветра унес поднимающийся над обугленными камнями дым.

Олег взобрался на своего скакуна, Ёжик прижался к его

спине.

— Ты горячий, — сказал он.

— Дракон мертв? — спросила Илва, пряча клыки.

— Не думаю, что стоит это проверять. Хей-хо! — Олег погнал своего гасторниса вперед.

— Держи, — сказал я, доставая из кармана и протягивая Илве несколько помятых цветов зимника.

— Спасибо, — сказала она. — Но, право, не стоило этого делать.

***

Грьёдт мы увидели издалека, стоя на возвышенности, где заканчивалось покрытое льдом ущелье. Дорога, к которой мы вышли, спускалась вниз и вела к прибрежному городку. Деревянные крыши маленьких домов прижимались друг к другу. На прибрежной равнине было тихо, дым из печных труб поднимался к небу, в вышине летали несколько гарпий, высматривая, чем бы поживиться.

До горизонта простирался замерзший океан. Лишь с запада огромный залив очерчивали гребни синих гор. Солнце серебрилась в водах текущей по льду Суль, настолько соленых, что река не замерзала даже в лютый мороз. Суль вырывалась на поверхность из подземных глубин и бежала вдаль по океану. Когда в жаркие года летний лед ломался, река смешивалась с водами залива, превращая их в мертвый соленый раствор, в котором могут жить лишь корнксы — полурастения-полуживотные, так любящие оплетать своими отростками днища кораблей. У пристани торчали мачты рыбацких лодок. Далеко в заливе стоял большой имперский галеон с развевающимися флагами — черными драконами на красном фоне.

— Что делают в этой глуши имперцы? — проворчал Олег.

Послышалось дребезжание колокольчика — по дороге в повозке с запряженным шестиногом ехал старик, везущий груду хвороста. Увидев нас, он широко улыбнулся.

— Приветствую, путники! Славный нынче денек! Тпру, блохастый!

Шестиног равнодушно остановился, звякнув привязанным к шее колокольчиком.

— За хворостом нынче далеко добираться надо, — продолжил старик. — Все кусты, что близко росли, давно вырубили. Вы в Грьёдт? Поехали вместе, составите компанию.

— Не боишься незнакомцев? — спросил Олег. — Вдруг мы разбойники?

— А чего мне бояться? Брать у меня всё равно нечего. За хворостом самых ненужных людей посылают. Тут два варианта — либо с охраной ехать, либо отправлять таких как я. Старый Кряр вон вчера не вернулся. Либо бураном занесло, либо, что вернее, ледяной дракон сожрал. Видели, говорят, дракона. Пришел, как обычно, с бурей. Летал, собака бешенная, высматривал, кого сожрать. А вас мне чего бояться? В Грьёдт постоянно новые люди приезжают. Кто торгует, кто ищет, к кому наняться. Так что тут, кто разбойник, а кто нет — не важно, лишь бы деньги водились, да меч хорошо держал. Н-но, блохастый, трогай.

Старик был словоохотлив, наверное, соскучился по разговору. Мы ехали рядом с его телегой.

— Скажи, что здесь делает имперский корабль? — как бы невзначай поинтересовался Олег.

— Красномундирщики? Да кто ж их знает? — расплылся улыбкой старик.

Весь его вид так и говорил: «Я знаю, но выложить всё сразу не интересно».

— Уже неделю как бросили якорь в заливе. Ходят напыщенными индюками. Правда, мадам Грейла в прибыли, хотя и рожей не вышла. Но на безрыбье, как говорится, и рак ничего себе, особенно, если свистеть умеет.

— О чем это ты? — перебил его Олег.

— Говорят, что капитан ихний, Джереми Оул, которого все за глаза называют не иначе, как Клопом — он маленький такой с крысиными усиками, ищет одного типа.

При слове «Клоп», Олег брезгливо скривился.

— И кого конкретно ищет?

— Да, говорят, маркраф из Формира премию за голову своего врага объявил. Немалую. А Клоп, наверное, совсем на нуле — промотал денежку, если в такую даль, как наша дыра, забрался, погнал армейский корабль и нашими шлюшками не брезгует. Какого-то огненного волшебника все ищут, который на север подался. Женщину они с маркграфом не поделили. Но премия обещана большая. Сдается мне, что и вы ею не побрезгуете.

— И многие ищут? — хмыкнул Олег.

— Многие! Даже эти наемники, т-т-тролли, что Грейле не заплатили, явились. «Невашдни», называются.

— Спасибо, дед, может, и правда, к поискам подключимся. Но нам до города одно дело еще решить надо, — сказал я.

— Тогда, бывайте. Дела — это всегда полезно. Н-но, блохастый, — подогнал старик шестинога, и тот поплелся дальше, звеня колокольчиком.

Появилось сообщение: «Ваше мастерство дипломатии

достигло четвертого уровня».

— Олег, — сказал я, когда старик уехал далеко и не мог нас услышать. — Это самоубийство. Нас обнаружат, как только сунемся в город.

Олег пожал плечами.

— Что ты предлагаешь? Всё равно надо встретиться с Вотом. Да и судно нанять. Хочешь отправиться в город без меня? Нет, пойдем все вместе, как собирались, и гори оно огнем.

Последняя фраза в устах огненного волшебника прозвучала двусмысленно.

— Кто такие эти «Невашдни»? Ты их знаешь? — спросил я.

— Пересекались. Давно когда-то. Их наняли устранить вражеского генерала. Проникнуть в лагерь саргарцев и уничтожить.

— И как, получилось?

— «Невашдни» всегда выполняют свою работу. Потому им и столько платят.

— Плохо, — сказал я. — Мы сможем с ними справиться? Если что.

— Если что — то лучше не проверять, — проворчал Олег. — Их главарь — Марико Ястреб, конечно, позер и любит рисоваться, но умений ему не занимать.

— Хорошо фехтует?

— Не в том дело. У него есть свой секрет, о котором не рассказывает никому. Но из его банды проговорились, что он владеет неким артефактом, способным свертывать пространство, превращать его в арену для боя один на один. И никто не может этому помешать.

— Что ж, для честного боя это даже лучше.

— Для честного боя?! А кто тебе сказал, что в замкнутом пространстве бой будет честным? Свидетелей тому, что там происходит, нет. Лишь в конце Ястреб выходит победителем. После того, как он вернулся, убив генерала саргарцев, то вызвал на поединок моего друга. Мелочная была ссора, не помню из-за чего. Он проткнул Руди мечом, даже не смотря на то, что мой друг был лучшим фехтовальщиком среди нас.

Олег помолчал, вспоминая те события.

— И друзья ему под стать: мертвец, мимик и призыватель. Один оживлен магией саргарцев, не поймешь, то ли он управляет своим телом, то ли волшебство. Второй родом из далекого острова Гуринау, всегда принимает вид своего врага, но всё равно остается более быстрым и ловким. С великаном он будет гигантом, с карликом — вертким лилипутом. Может, и острова такого нигде нет, во всяком случае, я не встречал на картах.

Возможно, мимик один такой во всем Хвергельмире, кто его знает? А третий… Третьему служат монстры, которых он призывает, когда захочет. Я бы предпочел не встречаться с ними в бою.

— Ладно, Вот говорил, что будет нас ждать в таверне «У кракена». Надеюсь, он нашел капитана. Н-но!

Мы вошли в Грьёдт, по возможности не привлекая лишнего внимания, через проход в частоколе, который тут служил городской стеной. Оставили в конюшне гасторнисов, бросив хозяину мелкую монету, и теперь пробирались боковыми улочками к центру поселка. Не было ни души, лишь примостившийся в темном закоулке нищий — явный NPC — попытался выпросить у нас милостыню в обмен на какую-то информацию, и взлетела, недовольно шипя, копавшаяся в отбросах гарпия.

Грьёдт можно было назвать городом лишь отдаленно. Здесь не было высоких башен волшебников, как в Вормсе, отсутствовали каменные дома, стояли лишь деревянные срубы в стиле поселений северных первопроходцев. Пахло соленой водой, рыбой и водорослями — всеми теми едкими ароматами, которые пропитывают любой прибрежный город. Еще могут присутствовать всепроникающая вонь дубилен, где сушатся моржовые шкуры, запах топленого жира и требухи возле скотобоен, но сейчас для охотников был не сезон — моржи ушли дальше по льду вглубь океана.

Кривые улочки — проходы между домами сначала вместо площади вывели нас к порту. Две большие баллисты стояли, развернутые луками к морю. От кого защита: от кракенов, драконов или пиратов? Баллисты были не заряжены, казалось, ими давно никто не пользовался. Несколько деревянных пристаней уползали в залив по грязному, покрытому мусором льду. Толпились, расталкивая друг друга неуклюжие рыбацкие лодки на широких полозьях. На пристани у самого берега сидел курящий длинную трубку красноносый капитан в шапке с эмблемой, на которой гарпия держала в лапах ледовый якорь. Рыбаки счищали с днища баркаса высохших кронксов.

— Ракушка! — Ёжик спрыгнул с гасторниса, подобрал большую черную в белую полосу пустую раковину и приложил к уху.

Мне вновь показалось, что он сделал это, не потому что захотел, а потому что так должен был поступить любой мальчишка на его месте. Во взгляде Ёжика я опять увидел пустоту.

— Что, малец, нашел кусок океана? — ухмыльнулся капитан.

— Береги его, сожри меня кракен. Если хорошо слушать, внимательно, не отрываясь, то можно услышать песни русалок. О! Это чудесные песни. Бывало, выйдешь из каюты, а мужики вместо того, чтобы тянуть сеть из проруби, стоят и слушают. А чего слушают — сами не знают. Каждому иное слышится. Так и море для каждого свое. Если ты сжился с ним — оно твое навсегда.

У дальнего причала в густой, вязкой воде Суль стояла обледеневшая шхуна с сосульками на мачтах. Она отличалась от рыбацких лодок — в ее очертаниях чувствовались стремительность и скрытое благородство.

— «Водомеркой» любуетесь? — спросил капитан, выпуская несколько колец дыма и сплевывая под ноги. — Авантюристы. Ловцы удачи. Всё время в дальних забегах. А льды дальше залива опасны. Вон, посмотри, малец, видишь серую кучу близ устья, словно дракон нужду справил? — указал капитан трубкой в сторону океана. — При мне было дело. Вышли мы к своей проруби, что еще неделю назад прорубили. Только собираемся сеть закинуть, как оттуда — п-ф-ф! — вылетает кракен и шлепается на лед. Пожеванный, будто его кто во рту измусолил и выплюнул. Вы себе представляете тварь, что может сожрать кракена? Я — с трудом. Разве что это был сам Ёрмунганд.

— Берегись! — закричал один из рыбаков и бросил под ноги Ёжику высохшего корнкса — пучок переплетенных коричневых отростков.

Ёжик взвизгнул и отбежал под нашу защиту. Рыбаки дружно засмеялись.

— Поехали отсюда, — сказал Олег, разглядывая «Водомерку».

Со второй попытки мы вышли на площадь. В ее центре вместо привычного памятника торчал флагшток. Официально северные города считаются свободными поселениями, но всем известно, что империя Ютан давно наложила на них свою лапу. Красное знамя с черным драконом висело обледеневшей тряпкой. Еще выше на флагштоке восседал ворон, изредка взмахивающий крыльями, чтобы удержать равновесие. При виде нас он закаркал и слетел со своего неудобного насеста.

На пустынной площади стоял торговец оружием — хмурый детина в рогатом шлеме. Я остановился возле его телеги и взял копье с наконечником из кости ледяного дракона, потрогал острие. Воспоминания унесли меня в прошлое, в придуманную жизнь. Лучшее, чем можно убить дракона — не железо, а заостренная кость другого дракона, тонкая и прочная, способная проткнуть череп во впадине между глазами. Хищник полз прямо на меня, царапая по льду когтями. Не испугаться, не отступать. Размах, бросок…

— Будешь брать? — прервал воспоминания грубый голос северянина.

Я положил копье обратно на телегу к куче другого оружия.

— Вон таверна, — показал Олег на дом с металлической вывеской над дверьми, на которой был изображен кракен.

Внутри оказалось малолюдно, отсутствовал даже хозяин заведения. За столом в темном дальнем углу зала спал посетитель в имперской форме капитана с меховым воротником и споротыми погонами. В центре, под большой люстрой, сидели еще двое. Один оказался знакомым нам стариком – добытчиком хвороста.

— Заждались мы уже вас! — сказал второй, поднимаясь из-за стола.

Его плащ развернулся, заалев яркой подкладкой, и сложился, как крылья бабочки, отпугивающей хищника. Разглядывая нас, незнакомец поправлял запонки из нетающего льда, в которых застыли звездочки северного сияния.

— Твоя плата — Ястреб всегда платит обещанное. — Он подбросил монету, и старик ловко ее поймал.

На ладони Олега вспыхнул волшебный огонь, по таверне заплясали пылающие руны. Илва сгорбилась и зарычала, волосы на ее затылке поднялись дыбом

— Не советую! — Марико выхватил кинжал. — Я метну его раньше, чем ты сможешь произнести своё заклинание, волшебник. Не в тебя — в мальчишку. Он не увернется.

Его лицо, покрытое паутиной едва заметных морщин, лишь на первый взгляд казалось молодым. Тонкие губы искривлялись улыбкой, прищуренные глаза оставались холодными. Я вышел вперед, закрывая собой Ёжика.

— Ничего личного, — обратился к нам Марико Ястреб. — Миром правят деньги, и я намерен заработать свою часть. Вас четверо?

— Тебе нужен только я! — сказал Олег.

— Нет, я хорошо умею считать, вас четверо, — ухмыльнулся Ястреб, — волшебник, мечник, оборотень и мальчишка. Я не лишу удовольствия своих товарищей. Нас тоже четверо. Один на один. Честный бой.

Старик – добытчик хвороста попятился вглубь таверны к лестнице, ведущей на второй этаж. По ней спускались вниз двое: один бронзовокожий, высокий, в леопардовой шкуре, другой маленький, серый и юркий, словно крыса. Руки карлика находились в постоянном движении, будто он не знал, куда их пристроить. Мимоходом схватив со стола яблоко, он впился в него острыми зубками.

— Брун, Куно! Познакомьтесь с бывшим генералом Фойригом и его друзьями, — сказал Ястреб. — Где Мертвец?

— За дверью, — произнес с южным акцентом бронзовокожий.

Я оглянулся. Выход из таверны перекрывал здоровяк, одетый в доспехи из металлических пластин, между которыми проскакивали искры. Лицо Мертвеца было серым и безжизненным, лишь белые с черными зрачками глаза пристально наблюдали за нами. В руках он сжимал огромный двуручный меч.

— Сегодня не ваш день, — сказал Ястреб, и мир закрутился калейдоскопом красок, словно в зал с кривыми зеркалами бросили пригоршню конфетти.

***

— Мы остались вдвоем, только я и ты, — сказал Ястреб.

Его голос звучал гулко, словно внутри пещеры. Мы по-прежнему находились в таверне, но окружающее затягивала легкая туманная дымка. За окном сгустился молочный туман. Все, кроме нас двоих и лежащего за столом пьяницы-капитана исчезли.

— Странно сработала шкатулка. Обычно никого лишнего в зоне поединка не остается. Ну, да ладно, — проговорил Ястреб, вынимая меч из ножен.

Я последовал его примеру.

— Где мои друзья?

— Понимаешь, какое дело, — продолжил Марико. — Никогда не знаешь, как распределит схватки шкатулка войны. Но удача сегодня ко мне благосклонна — мне достался ты, Игорь Ламберт.

— Откуда ты меня знаешь?! Ты помнишь реальность?

— Может быть, Игорь Ламберт, может быть. А вот ты меня не узнаешь. Аделаида Олеговна — моя мать. Сколько она заплатила тебе тогда за мою голову?

Он обходил меня с левой стороны, там, где было свободное пространство между столами. По дымке разбегались едва заметные светящиеся волны.

— Алешка? — вспомнил я. — Сейчас ты в другом виртуале.

— Зато ты, как всегда, под своей личиной, ретурнер, — словно выплюнул он последнее слово. — Я же говорил, что вернусь в пространство Чендлера.

— Мне всё равно, — сказал я, внимательно следя за его движениями — главарь «Неващдней» переставлял ноги мягко, как ягуар на охоте. Мы вели позиционную борьбу, выискивая слабости в движениях друг друга. — Это твое дело. Как был глупым мальчишкой, так им и остался.

Он дернулся, но затем вновь спокойно принял боевую стойку.

— Только теперь я бессмертен. Он обещал мне вечную жизнь и сохранение памяти здесь. А вот ты умрешь.

Я ударил первым, но Ястреб успел увернуться.

— Думаешь, я так дерусь со своими врагами? — зло рассмеялся он.

Из его рук устремились потоки тьмы, залепили глаза и уши, окутали мглой сознание. Я оказался в пещерах Драгборна.

«Ш-шорх. Ш-шорх», — я знал, что где-то здесь скрывается василиск. Он полз, чтобы меня убить, как убил до этого Марлис, Тересию и Аделу.

«Ш-шорх. Ш-шорх», — его шаги доносились отовсюду, я не мог открыть глаза, потому что взгляд василиска свяжет невидимыми путами, и тело перестанет мне подчиняться.

Я взмахнул мечом наугад, потом еще раз и еще, а темнота шептала: «Смирись». Тьма хотела моей смерти. Шипение василиска раздавалось всё ближе и ближе. Взгляд чудовища проникал сквозь закрытые глаза, парализовывал волю. Я услышал звон меча, выпавшего из моей руки. От страха перехватило дыхание. Я погибну, и никто не даст фиала возрождения, чтобы вернуть меня к жизни, как я сделал это с Олегом.

Стоп! Но ведь фиал возрождения охранял василиск! Значит, я уже убил этого ящера? Появилось чувство, будто когда-то давно я переживал эту историю. Я напрягся, сосредоточился, и темнота утратила объем. На мгновение возник нарисованный зал таверны и человек в плаще с алой подкладкой, пристально, до морщин на лбу и прикушенной губы, смотрящий на меня. Тьма снова сошлась, видение исчезло.

Но я понял, что василиска не существует. Марико Ястреб — вот кто наводит видение! Он не мечник, он — внушатель, который убивает своих противников, проникая в их сознание. Мир вокруг нереален, он создан из осколков моих воспоминаний. Пусть перед глазами ложная картинка, но я знаю, что враг где-то здесь, тоже находится в этом видении. Ждет удобного случая, чтобы нанести удар.

Рука нащупала упавший меч. Холодная сталь остается смертельно опасной даже в видении. Сжимая оружие, я шел по пещере.

Вот он, враг, скрывается за сталактитом. Выходи! Но это оказалась Марлис. Она выскользнула из-за каменной сосульки и, улыбаясь, направилась ко мне. Раньше она ходила в доспехах, но сейчас из одежды на ней была лишь длинная пестрая юбка. Мой взгляд остановился на маленьких грудях, ниже которых выступали обтянутые кожей ребра.

— Нет, — сказал я, пятясь. — Не может быть. Ты погибла, тебя нет.

Девушка подходила всё ближе, но я помнил каменные могилы у входа в пещеру и свои стертые в кровь пальцы. В руке Марлис сверкнул кинжал. Девушка взмахнула пестрой юбкой, перед глазами вспыхнули радужные кляксы, и я едва успел перехватить ее руку с оружием. Вывернул, завел за спину и прижал девушку к себе, заглянув в глаза. Что я хотел больше: поцеловать или попросить прощения?

Лицо Марлис изменилось, по очереди принимая черты Тересии и Аделы. Через несколько секунд я уже сжимал в объятиях Гулльвейг.

Придуманный мир? Видение? Нет, я хочу, чтобы это было правдой. Но рука Гулльвейг до сих пор держала кинжал, а где-то в глубине ее глаз я видел покрытое тонкими шрамами лицо и холодный взгляд врага.

Я отбросил Гулльвейг в сторону, замахнулся мечом. Девушка вскрикнула, и видение исчезло. Меня снова окружало замкнутое пространство таверны, подернутое дымкой. Передо мной находился Ястреб с искривленным от страха лицом. За спиной главаря «Невашдней» стоял пьяница-капитан и прижимал нож к его горлу.

— Нет! — вскрикнул я, но было поздно — капитан провел рукой, и Ястреб повалился на пол с перерезанным горлом.

Я бросился к Марико, приподнял его голову. Из раны текла кровь, Ястреб задыхался.

— Он… Обещал… Джереон… Что я буду жить.

Больше он не смог ничего сказать, вместо слов появлялись кровавые пузыри.

— Зачем ты это сделал?! — поднял я взгляд на капитана.

Когда я вновь посмотрел на Ястреба, тот был уже мертв.

— Он пытался тебя убить, — сказал капитан, вытирая нож об плащ Ястреба и пряча в карман куртки. — Но я успел раньше.

— Это был еще ребенок.

— Можешь верить, во что хочешь, — проговорил капитан. — Но я знаю одно: если тебя пытаются убить — убей первым. Тут нет выбора.

— Как ты здесь оказался?

— Наниматель сказал, что я должен помочь, иначе лишусь пассажиров. Дал медальон, который позволил остаться в замкнутом пространстве.

— Вот?

— Если так зовут того странного типа с вороном и в черной одежде, то мы говорим об одном и том же. Платит он столько, что

можно ни о чем не спрашивать. Я — Беринга́р, капитан «Водомерки». А ты, надо так понимать, один из тех, кого я должен доставить в море туманов. Что ж, я только что спас свой мешок денег.

— Где остальные, что были со мной? — спросил я, оглядываясь.

Туман до сих пор не развеялся.

— У него есть некая шкатулка, позволяющая проводить закрытые поединки, — кивнул Беринга́р на мертвого Ястреба. — Думаю, пока не закончатся остальные бои, мы не сможем выйти.

Я принялся рыться в карманах Марико. В одном из них мне попалась маленькая деревянная шкатулка с витиеватой резьбой, изображающей поединок дракона с кракеном. Я вопросительно посмотрел на Беринга́ра:

— Это она?

— Откуда я знаю? Я же не волшебник. И не спрашивай, как пользоваться этой штукой — всё равно не подскажу.

Он сел на стул и наполнил вином свою чашу.

Шкатулка не открывалась. На ее корпусе не было никаких рычажков или углублений.

— Часто магия подобных артефактов не имеет обратной силы, пока порожденное ею действие не закончится, — сказал Беринга́р, который сидел, откинув голову на спинку стула, и вполглаза наблюдал за моими действиями. — Неплохое вино, давай лучше выпьем.

Я нажал на крышку посильнее, и перед глазами возникла мозаика из существующих рядом других свернутых в коконы пространств. Я видел их, наблюдал за действиями моих друзей, слышал их мысли и чувства, но не мог повлиять на происходящие события.

Оставалось лишь волноваться.

***

Олег стоял у входа в таверну, сжимая меч. По пустой площади у самой земли стелились потоки тумана. Дома исчезали в густой, непроглядной молочной пелене. На противоположной части площади металлической глыбой стоял Мертвец, держа перед собой меч.

Тишина, лишь усиливающийся ветер поднимал вихорки из снега.

— Слышишь, ты, порождение саргарцев, где мой сын? — прокричал Олег. — Где мои друзья?

Мертвец пошел к Олегу, медленно и неотвратимо, как

надвигается разгоняющийся локомотив. Марево под его ногами вспыхивало призрачным светом. Олег сосредоточился, начал произносить заклинание.

— Огонь, что живет внутри меня, освободись и уничтожь моего врага. Вырвись на свободу огненным вихрем. Волной, что сносит всё на своем пути.

Мертвец остановился, держа меч в левой руке, а правую выпрямил, направив на Олега. Послышалось гудение, из сжатого кулака ударила молния, угодив в стоящую рядом с Олегом подводу торговца оружием. Треск! Взрыв! Горящими комками разлетелась сухая солома. Со звоном посыпалось оружие, оставляя на земле капли расплавленного металла. Олег отпрыгнул в сторону. Волосы на его голове поднялись от статического электричества.

Я почувствовал, как его внутренняя энергия угасла. Мой друг пытался ее вернуть, но порожденный заклинанием настрой схлынул. Надо было начинать всё сначала.

— Вырвись на свободу стихией, что сокрушает противников и уничтожает города. Освободись огнем и пеплом, дымом и разрушением. Ах ты, гад!

Мертвец снова направил на Олега руку. Едва слышно загудел встроенный в его тело лейфтр, сверкнул электрический разряд. В последний момент Олег успел отпрыгнуть. Упал, перекатился, вскочил на ноги. В том месте, где он только что стоял, дымилась воронка от попавшей в землю молнии.

Олег выпрямился, тяжело дыша. Я ощутил, как энергия бурлит в его теле, волной поднимается из груди, перетекает в руки. Магия вырвалась без подготовки, без заклинания, Мертвеца захлестнуло ревущие пламя.

Через несколько мгновений огонь стих. Мертвец устоял на ногах, но металлические пластины на его теле покрывал слой копоти, а обугленная серая кожа висела струпьями. На лице по-прежнему блестели уцелевшие глаза. Плоть на правой руке полностью выгорела, остались лишь механизмы: шестеренки и валы, среди которых крепился лейфтр.

Мертвец повел пустой рукой, направив магический жезл в грудь Олега. Послышалось гудение, но вместо того, чтобы породить разряд, встроенный в оружие накопитель молний взорвался. Рука Мертвеца разлетелась до плеча. По земле покатились шестеренки, лейфтр, словно ракета фейерверка оставил в небе дымный след. Мертвец с грохотом повалился на землю.

Олег подбежал и замахнулся мечом. Мертвец попытался парировать удар, но слишком медленно — клинок Олега

опустился на его руку. Лезвие ударилось о пластину на запястье, и меч со звоном сломался. В руке моего друга остался обломок, которым он нанес повторный удар. На этот раз обломки лезвия вошли между пластинами и отсекли Мертвецу руку. Двуручный меч со сжимающей его кистью упал на землю. Олег схватил его, поднял и погрузил в грудь Мертвеца, наваливаясь всем телом. Выдернул вместе со снопом искр, а затем ударил снова. Фонтан искр иссяк, Мертвец дернулся и затих, лишь шевелились пальцы на его отрубленной руке.

Олег огляделся по сторонам. Его противник был мертв, но свернутое в кокон пространство не раскрылось — остальные поединки еще не закончились.

***

Ёжик стоял на втором этаже таверны возле деревянной лестницы, которая спускалась в туманную пустоту. Весь мир заключался в этом небольшом коридоре с дверями в гостевые комнаты, где с одного его конца находился Ёжик, а с другого стоял его двойник. Тот же рост, те же узкие плечи, бледное лицо и темные волосы. Только руки не могли успокоиться. Они то теребили спускающуюся на лоб прядь, то ощупывали стену, то хватались за пояс.

— Кто ты? — спросил Ёжик.

— Какая разница? — ответил двойник. — Я — Куно, меняющий свое тело. Я стал тобой. Теперь мы должны драться. Но я всё равно сильнее.

— Зачем?

— Так надо. Мы сейчас в свернутом пространстве, и только один из нас должен остаться победителем, иначе ни один из нас отсюда не выйдет.

— Это сделал тот, в плаще?

— Марико? Да. Он каждый раз заставляет меня драться, когда ему это надо.

— И ты дерешься?

— Да.

— Побеждаешь?

— Я ведь еще живой.

По-настоящему Ёжик дрался лишь один раз, в четвертом классе, когда они поссорились с Вовкой Горохом. Дрались в парке возле школы до разбитых носов и губ, до синяков под глазами. Было больно, гадко и обидно проиграть, когда Горох повалил его на землю и сидел сверху, торжествуя победу.

Говорят, что дети более жестокие, чем взрослые.

— И каково это — драться до смерти? — спросил Ёжик.

— Плохо, — ответил Куно. — Боишься умереть. Но я всё равно сильнее тебя.

Ёжик прислушался к ощущениям. Страха пока не было. Наверное, он не верил, что может вот так запросто погибнуть.

— А зачем ты превращаешься в противника? — спросил он у Куно.

— Так заведено, — ответил мимик. — Так было всегда. Таков кодекс.

— Что такое кодекс?

— Не знаю, это говорили родители, когда я был маленький. Вроде как законы, по которым живешь.

— Ты сейчас сам? Где твои родственники?

— Я же уже взрослый, просто выгляжу как ты. Не забывай, что я мимик. Родители давно умерли, мимики вообще живут недолго. В конце концов, нас убивают, какими сильными бы мы не были.

— Значит, нам надо драться?

— Пожалуй, надо. — Куно достал из-за пазухи нож. — У тебя есть оружие?

— Кажется, нет.

— Тогда держи, у меня найдется еще один. — Мимик присел и кинул по полу нож к Ёжику.

Мальчишка поднял оружие и подержал на ладони. Прикоснулся пальцем к лезвию. Нож был острым и опасным на вид. Ёжик представил, как он погружается в тело другого человека, на руки выплескивается кровь. Картина выглядела скверной. Хотя тогда, когда Горох давил своим весом, Ёжику хотелось его убить. В мечтах он не раз побеждал врага на рыцарских поединках или в перестрелках из ковбойских фильмов. Но вот так реально ударить ножом…

— Ты готов? — спросил Куно.

— Нет, — ответил Ёжик. — Знаешь, я не чувствую к тебе злости.

— Как ни странно, я к тебе тоже. — Куно подбросил вытащенный нож и ловко поймал его за лезвие. — Раньше такого не было. Я дрался и убивал, не задумываясь. Наверное, я уже забыл, что значит быть ребенком.

Он снова подбросил нож, но не поймал, и тот упал на пол.

— Говорят, что дети более жестокие, чем взрослые, — сказал Ёжик.

— Да? А тот, кто это придумал, не видел, как саргарцы переделывали живых людей на свои механизмы? Крики несчастных им не мешали. Или, может, он знаком с Черным

Ольмом, что потрошил своих пленников, как кроликов? Нет, мне не хочется тебя убивать.

Куно поднял нож и сунул в карман.

— Тогда что нам делать? — спросил Ёжик. — Не помнишь, что сказано в условиях этой магии? Должен остаться один победитель? Но там не сказано, что мы должны именно драться?

— Кажется, нет, — задумался Куно и улыбнулся. — А что, это может сработать. Пойдем в мою комнату.

Он открыл одну из дверей и поманил Ёжика за собой. В сумраке комнаты, где сквозь шторы пробивался тусклый свет, мимик раскрыл сундук и выудил из него шахматную доску.

— Играть умеешь? — спросил он.

Ёжик кивнул.

— А они не умеют, — сказал Куно. — Те, с кем мне приходится со-тру-дни-чать. Тупые, да? Ты хорошо играешь?

— Неплохо. Наверное, — ответил Ёжик, вспомнив школьные соревнования.

— Тогда мы сыграем, и победителем останется только один. Расставляй! — Мимик высыпал фигуры на пол и мальчишки принялись ставить их на доску.

***

Узкий проход за таверной выглядел, как загон для скота. Дома давили со всех сторон, заставляли шерсть на затылке подниматься дыбом и обнажать клыки в оскале. Из пасти вырывался неконтролируемый рык. Хотелось броситься на врага, повалить на землю и впиться в горло, почувствовав вкус крови, но Волчица сдержалась. Она ощущала опасность. Закутанный в звериную шкуру человек с бронзовой кожей улыбался, глядя на нее, спокойно и уверенно. Запаха страха, который обычно возникает у противника при виде черного волка, не было.

— Человек-волк, — сказал бронзовокожий, и в его голосе слышалось дыхание горячей пустыни, журчание ручья в оазисе и шелест листвы, дающей спасительную тень. Захотелось подчиниться словам этого человека, стать маленьким волчонком и подползти на животе к его ногам, чтобы он постоянно говорил с ней так. Может быть, даже почесал за ухом.

— Человек-волк, — повторил Брун-вызыватель. — Я был бы рад, если бы ты присоединилась к моему зверинцу, но не могу этого сделать — Ястреб приказал разделаться со всеми вами. Прости, я не ослушаюсь своего друга.

Он вновь широко улыбнулся, продемонстрировав большие белые зубы. Волчица припала к земле, готовясь к прыжку.

Главное, не слушать сладкие речи, не смотреть в глаза.

— С кем же ты будешь драться? — спросил сам у себя вызыватель. — С гигантским пауком? Нет — он замотает тебя в кокон и выпьет кровь. Не эстетичное зрелище и много визга. Лучше вызвать стремительного противника, яростного, безжалостного. Я даже знаю, кого. О! Это будет зрелищный бой. Надеюсь, что ты меня не разочаруешь.

Илва бросилась на врага, но по необъяснимой для себя причине промахнулась — Брун мягко сместился влево, и ее рот вместо того, чтобы ощутить вкус крови, наполнился снегом, в который она зарылась с головой.

— Мантикора — вот от чьих лап ты погибнешь, — сказал вызыватель.

Он вытянул руки, что-то прошептал, и перед ним в снежном вихре появился зверь, которого он назвал мантикорой. Словно в заснеженный город перенеслась часть Саргарии с ее песками, палящим солнцем и подстерегающими путников чудовищами. Мантикора на мгновение замерла, появилась возможность разглядеть пышную полосатую шерсть на ее теле и мощные кошачьи лапы. Зевнула, продемонстрировав два ряда острых акульих зубов, а затем подняла гибкий хвост с шаром колючек на конце.

Волчица прыгнула. Уже в воздухе она увидела, как мантикора взмахнула хвостом, и несколько ядовитых игл полетели навстречу. Острая боль пронзила переднюю лапу, обдала сковывающим холодом. Волчица, взвизгнув, упала на землю. Она видела торчащую над пальцами колючку, но пошевелить лапой не могла. Мантикора, что-то бормоча себе под нос, будто жалуясь на судьбу, подбиралась ближе. Илва зарычала и ударила здоровой лапой, оставляя на морде зверя кровавые полосы. Рванулась в попытке достать зубами, но мантикора отпрянула и щелкнула хвостом, всаживая в спину Волчицы несколько колючек.

Илва опустилась на снег. Мантикора подходила, мягко переставляя лапы. Слух обострился, но все звуки слились в один шум, источники которого трудно было разделить. Скрипел снег под лапами мантикоры. Что-то говорил на своем чужом языке Брун. Где-то вдали кричали, и в этом крике, доносящимся словно из-за каменной стены, слышалось слово «дракон». Щелкали выстрелы из баллист.

— Берегись! — закричали совсем близко, и мир затрещал, как скорлупа куриного яйца.

Замкнутое пространство арены лопнуло под весом ледяного дракона. Илву и ее врагов выбросило в реальный мир, где бесновалось огромное крылатое чудовище.

Дракон прилетел отомстить. Прилетел без урагана, перепархивая, как воробышек, с одним желанием — раздавить этого человека, выпустившего огонь и причинившего такую боль. Потом было падение со скалы, ломающийся лед и холодная остужающая вода, в которой плавала обугленная чешуя.

Когда он летел к городу, одна из больших стрел попала в крыло, но это было неважно. Всё было неважно, кроме близости обидчика. Его запах заставлял яростно колотиться сердце. Дракон опустил лапу на зверя с колючим хвостом, раздавив его в кровавую лепешку. Движением головы отбросил на стену дома человека в шкуре зверя. Затем хвостом обрушил саму стену. Где-то здесь должен быть его обидчик.

Вот он — стоит на площади, сжимая оружие. Нет, на этот раз он не успеет выпустить свой огонь!

***

Я видел, как дракон ломал замкнутые миры арены, туманная дымка светилась, смешиваясь с пространством игры. Олег не успевал или не имел сил вызвать волшебный огонь, он держал перед собой меч Мертвеца — тяжелый двуручный клинок, ничто против дракона. Рядом с волшебником стояла телега торговца оружием — в мире игры она, в отличие от арены, осталась неповрежденной. Торговец оружием сбежал при виде чудовища.

— Ты куда? — спросил заплетающимся языком капитан Беринга, когда я выпрыгивал из окна.

Я подбежал к телеге, схватил копье с наконечником из кости дракона.

— Беги! — оттолкнул я Олега. — Беги быстрее!

— А ты?

Я взвесил копье на ладони, посмотрел на чудовище. Дракон полз по площади прямо на меня, заглатывая воздух, в его животе булькала зажигательная смесь. Надо подобрать момент для единственного броска — не раньше и не позже. Раньше — и можно промахнуться мимо той единственной уязвимой точки на черепе. Позже — и тебе испепелит огнем. Бросать нужно в момент, когда дракон, собираясь выдохнуть пламя, опустит голову.

Мой друг не убежал. Он стоял рядом, произнося заклинание. Сбивался раз за разом и начинал заново. Мне хотелось заставить его замолчать и не мешать, но тогда я бы тоже отвлекся. Дракон полз, волоча правое крыло, пробитое стрелой из баллисты. Ближе, еще ближе.

— Бросай! — вскрикнул Олег.

Нет, надо ждать. Я лишь крепче стиснул зубы. Дракон выпрямился, отрывая от земли передние лапы, затем опустился, вытягивая шею.

— Бросай! — снова закричал Олег.

Я кинул копье, как и раньше, когда убил во льдах своего первого дракона. Оно еще летело, а я уже видел, что попаду в цель — в ту самую точку на лбу чудовища, где кость тоньше. Длинный наконечник с хрустом проломил череп, копье вошло в мозг. Дракон забился на земле, поднимая тучи снега, а потом затих. Площадь охватила тишина, в которой раздались хлопки — неподалеку стоял Вот и аплодировал.

— Весь мир — театр, и сейчас твой выход был, достойный лучших сцен, — произнес он, приближаясь.

— Вот только не надо классиков перефразировать, — сказал я. — Ты как всегда вовремя. Раньше не мог появиться?

— Зачем? — улыбнулся Вот. — Такого зрелища лишиться? Ведь не каждый день герой сражается с драконом.

— А вот и мой наниматель, — сообщил Берингар, высовываясь из окна. — Кстати, надо бы винца прикупить — неплохое пойло делают в этой дыре. Тут ваш малец на втором этаже. Живой.

Появилось сообщение: «Умение бросок оружия достигло второго уровня. Ваша сила возросла до четырнадцати единиц. Ваша ловкость увеличена до шестнадцати единиц. Ваш интеллект вырос до пятнадцати единиц».

Они спускались вдвоем — Ёжик и Куно, выглядевшие, словно братья-близнецы. Только один из них побежал к Олегу, а второй остался, исподлобья глядя на нас.

— Мы играли в шахматы. Я проиграл, — сказал Ёжик, обнимая отца.

Куно бросил взгляд на дракона, а затем спросил:

— Ястреб мертв?

Я кивнул.

— Не знаю, что я буду делать дальше, но этот облик мне понравился, — сказал Куно. — Быть мимиком — это не просто менять тела, как одежду. Ты изменяешься и внутренне, не полностью, конечно, но принимаешь в себя частичку того, кого копируешь. Давно я не был ребенком, — улыбнулся он. — И это чувство мне пока нравится. Надеюсь, мы расстаемся не врагами?

Он повернулся и пошел — взрослый, снова ставший мальчишкой, но напоследок обернулся и сказал Ёжику:

— Если мы еще встретимся, ты непременно должен отыграться.

Ёжик улыбнулся, но глаза его были пусты.

— А где Илва?! — вскрикнул Олег.

Мы бросились ее искать. Илва в человеческом облике лежала без сознания на заднем дворе. Вокруг были разбросаны колючки, которые она выдернула из тела, прежде чем лишиться чувств.

— Живая, — сказал Олег.

Он обнял девушку, поднял легко, словно она ничего не весила, прижал к груди, счастливо глядя на меня.

— Яд мантикоры не смертелен, — пояснил Вот. — Он лишь парализует жертву. День-другой, и наша спутница вновь передвигаться сможет. А мы пока должны спешить добраться в порт, чтобы покинуть этот город.

— Да-да, пора в путь, — сказал капитан Берингар поспешно, будто опасаясь, что мы передумаем.

Слегка пошатываясь, он пошел следом за нами.

***

У входа в порт на узкой улочке нас дожидалась группа имперцев. Их красные мундиры выделялись на фоне засыпанных снегом домов, словно на город опустилась стая снегирей. В руках — взведенные арбалеты. Угораздило же нас столь неосторожно попасть в засаду! С обеих сторон выстроились дома с запертыми дверями, в клочке неба над головой кружила гарпия, выискивая, чем можно поживиться.

Перед отрядом красномундирщиков стоял их капитан — коротышка с воинственно торчащими тонкими усами. «Клоп» — вспомнил я, как назвал его предатель-старик.

— Среди вас есть Олег, именуемый так же генералом Фойригом? — спросил Клоп торжественно, будто произносил речь перед командой, стоя на капитанском мостике.

— Допустим, — сказал Олег.

Он нес Илву, которая не приходила в сознание, и сейчас это стало проблемой: невозможно вызывать магию с занятыми руками. Вот, когда появилась опасность, куда-то таинственным образом исчез. Капитан Берингар не спешил выходить на передний план, предпочитая скрываться за нашими спинами. Я смотрел на острия болтов, торчащих из арбалетов, и это зрелище оказывало гипнотическое воздействие. В узком проходе не сбежать и не спрятаться — с такого расстояния короткие металлические стрелы прошьют тела навылет.

— Ты пойдешь с нами, — сказал Клоп. — Стоять! — заорал он, видя, что Олег хочет передать мне Илву. — Только попытайся использовать свою магию, предатель, — и тебе конец. Всем вам конец! — Красномундирщик понял, что неподобающе сорвался на

крик, и его голос вновь стал холодно-отстраненным: — Итак, я предлагаю дезертиру Фойригу проследовать на мой галеон «Непобедимый», чтобы предстать перед судом императора.

— Или ты хочешь сдать меня маркрафу из Формира? — спросил Олег.

Клоп ухмыльнулся, отчего его усы взметнулись вверх.

— Путешествие длинное. По дороге может случиться многое.

— Папа, не уходи, — сказал Ёжик.

Я увидел черную фигуру на крыше дома — Вот стоял над солдатами и держал на вытянутой ладони чашу.

— Когда начнется — бегите назад, — тихо сказал я.

— Итак? — спросил Клоп. Видимо, это было его любимое слово. — Ты идешь добровольно, или мне отдать приказ стрелять?

Вот выбил из огнива огонь, поджигая фитиль, и метнул вниз чашу. Еще в полете она разлетелась на осколки, выплеснувшаяся из нее черная кровь вспыхнула, заливая улицу, разделяя нас и врагов стеной огня.

— Назад! — закричал я.

Раздались крики, просвистело несколько болтов. Мы бежали, и огонь пылал за нашими спинами, не позволяя имперцам броситься в погоню. Несколько капель горящей смеси попало мне на руку, прожигая кожу до кости.

— Направо! — скомандовал Берингар, в его голосе больше не чувствовалось опьянение. Казалось, капитану нравилось играть роль пьяницы, поддерживая свой имидж. — Нет, не сюда, дальше!

Нам навстречу из подворотни выскочили двое имперцев. Берингар вскинул руку, в которой оказался зажат маленький арбалет. Выстрел! Болт пробил плечо одного из матросов. Второй имперец бросился на Берингара, замахиваясь коротким мечом. В узкой улочке трудно было развернуться — я не мог помочь. Берингар скользнул под мечом, поднялся и ловко схватил имперца за шею, прижимая нож к его спине.

— Я — Берингар. Слышал обо мне? — зашептал капитан ему прямо на ухо. — Когда я служил в вашем долбанном флоте, под моим командование были сотни таких салаг, как ты. Знаешь мою репутацию? Хочешь жить?

Моряк закивал.

— Вот и славно. Сейчас я тебя отпущу, ты подберешь своего друга и сделаешь вид, что нас не видел. А своему капитану передай, что ему никогда меня не догнать.

Имперцы исчезли в подворотне, мы продолжили бежать. Одна улочка, вторая, третья… Мы вынырнули из продуваемых сквозняками закоулков прямо перед причалом, у которого стояла

«Водомерка», уже очищенная ото льда и готовая к путешествию. С другого конца порта на пристань выбежали преследующие нас имперцы. Несколько болтов посвистели в воздухе, но расстояние было слишком велико — они воткнулись в землю и деревянные причалы. Сидящий у своей «Гарпии» капитан одобрительно поднял большой палец и приложил ладонь к уху, словно в ней была зажата раковина.

— Слушай море, малец! — прокричал он.

Мы взошли на борт «Водомерки».

— Отчаливаем, тысячу кронксов! Ставьте паруса! — принялся командовать Берингар.

От пьяного завсегдатая прибрежных трактиров и рубахи-парня не осталось и следа. Хозяин такого голоса, не раздумывая, отправит за борт любого, кто посмеет воспротивиться его приказам. Раздался свист боцмана, дующего в свой рожок, по палубе забегали матросы.

— А вы марш в свои каюты! Ты! — остановил он одного из матросов — бронзовокожего аборигена Саргары, чья грудь была покрыта ритуальными голубыми татуировками. — Проведи пассажиров.

— Мы должны дождаться Вота, — сказал я.

— Этот пройдоха уже давно здесь, — ухмыльнулся капитан, указывая на фигуру в черном плаще, сидящую на крыше каютной надстройки.

Вот услышал, что о нем говорят, и помахал нам рукой. По пристани бежали красномундирщики. Клоп, оценив, что не успеет нас догнать, повел свой отрад на галеон.

— По местам! — закричал Берингар. — Готовимся к отходу. Бегом, дохлые кронксы, пошевеливайтесь!

Подгоняемая ветром «Водомерка» устремилась к выходу из залива. Ее тонкие металлические полозья были подняты и прижаты к бортам — шхуна скользила по Суль, как по обычной реке, хотя соленый раствор представлял собой скорее шугу из ледяных крупиц, чем воду. Льдинки скребли о днище корабля, будто тысячи кронксов хватались за пропитанную смолой древесину.

Слева сквозь туманную дымку, огибая залив неприступными берегами, поднимались горы. Далеко, в тени возвышающихся пиков, несколько рыбацких баркасов бросали сети у прорубей — собственных, ограниченных вымпелами того или иного судна. Чтобы пропилить метровый слой льда порой уходил не один день, и рыбаки тщательно охраняли удачные места лова. В этих опасных водах океан стремительно уходил вниз, и даже не так далеко от причалов глубина была достаточной, для того, чтобы в

поисках отходов от скотобоен сюда приплывали кракены. Рыбаки захватывали стаи рыб, плавающих у поверхности, а тем, что творилось в океанской пучине, предпочитали не интересоваться.

Моя каюта, маленькая с узкой прикрепленной к стене койкой и небольшим откидным столиком напоминала тюремную камеру. Я вышел на палубу к капитану. Он заметил меня, хмыкнул, но ничего не сказал. Вскоре к нам присоединился Олег. Мой друг остановился у фальшборта на корме и раскурил трубку.

— Спит, — сказал он, имея в виду Илву, и кивнул в сторону имперского галеона: — Они не отправятся в погоню?

— Якорь собран, они уже идут за нами, — проворчал капитан, разглядывая галеон в подзорную трубу.

Суль несла нас к выходу из залива. На противоположном горному берегу мысе стоял маяк, над которым кружила стая гарпий. Галеон медленно разворачивался, паруса на его мачтах наполнялись ветром.

— Не догонят? — спросил Олег, выбивая пепел из трубки в океан.

— Нет, — ответил Беринга́р.

От галеона отделился снаряд и по дуге полетел к «Водомерке». Захотелось пригнуть голову, спрятаться в трюме, хотя я понимал — если небольшую шхуну накроет выстрелом — от нашего корабля останутся одни щепки. Пущенный с галеона бочонок упал в метрах пятидесяти от нас, расколовшись на доски и несколько металлических обручей. Брызнули мелкие камни, которыми он был наполнен.

— Пристрелочный, — пояснил Беринга́р. — Дети троллей стреляют прямо в порту. Начхать им на законы. Идем прежним курсом! — прокричал он команде и зло добавит что-то по-саргарски, сплевывая за борт.

Галеон скользил на полозьях по льду вдоль Суль, увеличивая свою скорость. «Водомека», как бы не бахвалился ее капитан, проигрывала в скорости боевому кораблю — расстояние между нами и галеоном уменьшалось.

— Ничего, — прошипел Беринга́р сквозь зубы. — Выйдем из пролива, по льду уйдем. Я знаю их капитана — редкая сволочь, но действует строго, как на учениях, второй выстрел носовой катапульты тоже будет пристрелочным.

Галеон приблизился, и теперь я услышал негромкий щелчок их катапульты. На этот раз бочонок разорвался впереди по курсу нашего корабля. Беринга́р снова выругался и начал считать себе под нос.

— Сможешь достать их отсюда? — спросил я у Олега.

Тот отрицательно покачал головой. На палубу выбрался

Ёжик, и мой друг потащил его обратно в каюту. Мы приближались к выходу из залива, минуя большую прорубь, огражденную флажками с изображенной гарпией — капитан рыболовного баркаса ловил рыбу у самой разрешенной границы.

— Тридцать! Право руля! — закричал Беринга.

Шхуна накренилась, Олега и Ёжика бросило к фальшборту. На «Непобедимом» снова щелкнула катапульта, в небо взмыл очередной бочонок.

— Боевой заряд! — прокричал Беринга. — Черная кровь!

Мы смотрели за приближающейся смертью, и мне казалось — до дрожащих ног и испарины на лбу, что наша шхуна уходит из-под обстрела недопустимо медленно, и что нас сейчас накроет огнем. Но галеон промахнулся. Бочонок упал у самого края полыньи и взорвался огненными брызгами, заливая лед горящей смесью. Черная кровь сползла в полынью, продолжая гореть под водой. Поверхность шла пузырями.

— Лево руля! — закричал Беринга.

Олег втолкнул Ёжика в каюту, захлопнул за ним дверь, и в это время шхуна вновь зашаталась. Рев, рокочущий, словно при землетрясении, или схождении лавины, сотряс океан. По льду пробежала трещина, одна, вторая, лед у полыньи поднялся огромным пузырем и лопнул, разлетевшись осколками. Глыбы с оглушающим треском наползали друг на друга. Вода выплеснулась из образовавшейся промоины, подхватила нашу шхуну высокой волной. На поверхности показалась голова змеи, размерами больше чем галеон. Похожая на огромную скалу, заросшую водорослями, покрытую кронксами и ракушками, она всё выше и выше поднималась в небо на длинной шее. С тела стекала вода вместе с горящими потоками черной крови и водопадами устремлялась вниз.

Мы что-то кричали друг другу, но в царящем грохоте ничего не было слышно. Потом змея замотала головой, пытаясь стряхнуть горящую смесь, раскрыла пасть, заревела, и упала, ломая лед в заливе. Нам повезло, что первой волной «Водомерку» отнесло далеко от центра появления чудовища, наверное, поэтому мы выжили. Даже особо не пострадали — шхуну вынесло на свободное пространство, и она, встав на лыжи, лишь оцарапала борта о торосы. Основная часть залива превратилась в кашу из льдин и воды. Суль смешиваясь с океаном, создавала ледяную круговерть. Галеону повезло меньше, чем нам, — его выбросило на берег, пробивая борта, ломая мачты, и оставило лежать на боку.

Когда мы выходили из залива, гарпии спустились к самому океану, пируя на остатках катастрофы.

На палубу вышла Илва и с удивлением посмотрела на нас.

— Я многое пропустила? — спросила она.

Олег оторвал руку от фальшборта, с третьей попытки зажег трубку и молча закурил, разглядывая океан.

Утреннее солнце выглядывало над скрывающимся в туманной дымке горизонтом. Наверное, там, далеко на востоке, шел снег, бушевала буря, но здесь, сейчас, буран прекратился, на ясном небе наперегонки друг с другом летели лишь несколько подкрашенных розовыми красками тревоги облаков. Сильный ветер порой спускался к самой земле, и его холодные порывы уносили снег прочь, оголяя черные камни. Уже целый час мы пытались объехать врезавшийся в сушу фьорд, ведя гастонисов вдоль скалистого берега. Внизу блестел лед. Ёжик дремал, опустив голову на спину Олега. Илва наоборот, проявляла активность, будто не было бессонного ночного путешествия.

— Красиво, — сказала она. — Ты жил на подобном берегу?

— Нет. Это фьорд — залив, а моя хижина стояла у самого океана. — Я подавил зевок. — Плохо, что мы сбились с дороги. Лишняя трата времени.

— Смотри — зимники расцвели!

Несколько цветов у самого края обрыва раскрывали красные, дрожащие на ветру лепестки. Зимники зацветают в самый разгар холодов, вопреки здравому смыслу, нарушая все законы природы. Чем холоднее зима — тем крупнее их цветы. Они упрямо прорастают сквозь снег, пробивают наст, цепляясь за камни, противостоят яростному ветру. Говорят, что их опыляют зимние феи. Семена — белые кисточки с красными коробочками летят над фьордами, падают, скользят по льду, забираются на неприступные берега.

Я остановил своего гасторниса, спрыгнул и пошел к цветам.

— Стой! Не надо! — вскрикнула Илва, догадавшись о моих намерениях.

Но я уже стоял на краю обрыва и наклонялся, чтобы нарвать букет. Вернулось ощущение из детства. Точно так же я стоял на берегу у покрытого льдом океана и чувствовал перед собой необъятный мир. Или я замер у балкона на десятом этаже, когда Олег вылез на перила, в попытке доказать свою храбрость? Страх и понимание глупости — своей, чужой? — сливались с чувством восторга от содеянного. Потом, когда мы с Олегом отбежали на лестницу, и когда я отошел от обрыва, появилась дрожь в ногах. В настоящем мире мы больше не проводили таких глупых экспериментов, но в игре я подходил к краю обрыва вновь и вновь, пока не переборол свой страх. Теперь я не боюсь высоты.

Стебли зимника ломались неожиданно легко, даже не

понятно, как они противостоят порывам ветра. Я заглянул в пропасть и отпрянул.

— Ходу! — закричал я, подбегая к гасторнису и впрыгивая в седло. — Быстрее!

— Что случилось?! — закричал скачущий за мной Олег.

— Возможно, всё обойдется!

Но было поздно — нас заметили. Из пропасти на длинной шее поднималась голова ледяного дракона. Эти крылатые хищники живут далеко в океане, селятся на скалистых островах. На материк прилетают за добычей вместе со снежными ветрами. Овца или зазевавшийся путник — драконы могут сожрать всех, кого увидят. Особо крупные, такие, как этот, не побоятся напасть и на группу путешественников.

Черные крылья распахнулись, дракон захлопал ими, поднимая вихри, но взлететь с первой попытки не смог — без подхватывающего бурана такой большой твари сделать это оказалось трудно. Дракон недовольно зашипел, вытягивая шею, и плюнул огнем.

Это была не та стена пламени, которую в ярости сотворял Олег — лишь ее подобие, огненный ручей, пролившийся на землю. Но от его жара трескались камни. Раскаленная капля упала на моего гасторниса и прожгла дырку в его теле. Запахло горелым пером. В первый раз я услышал, как мертвый гаторнис застонал — тонко, словно цыпленок: «И-и-и!».

— Бегите, не останавливайтесь! Сынок, правь сам! — Олег спрыгнул с гасторниса на землю и выпрямился, раскинув руки.

— Игорь, скачи, чего ты?! — закричала мне на ухо Илва, но я остановился, наблюдая за двумя противниками, замершими на расстоянии друг от друга.

Дракон больше не пытался взлететь. Он заглатывал воздух, как майский жук перед полетом. Из его покрытого чешуей брюха раздавались бульканье и треск — там шла химическая реакция, рождалась огненная смесь. Олег призывал волшебные силы, нараспев читая заклинание. Кто раньше сотворит огонь?

— Пламя, что живет в недрах земли, подчинись моей воле! Я призываю тебя вырваться на свободу, уничтожить моего врага!

Огненные руны плыли по воздуху, Олег покачивался, его ладони то сжимались, то разжимались. Воздух вокруг дрожал разгоряченным маревом. Дракон всхлипнул и с шумом выдохнул. Но Олег успел раньше. Огненная волна с ревом прокатилась по камням и ударила в дракона, опрокидывая его в пропасть. На мгновение опустилась тишина, а затем порыв ветра унес поднимающийся над обугленными камнями дым.

Олег взобрался на своего скакуна, Ёжик прижался к его

спине.

— Ты горячий, — сказал он.

— Дракон мертв? — спросила Илва, пряча клыки.

— Не думаю, что стоит это проверять. Хей-хо! — Олег погнал своего гасторниса вперед.

— Держи, — сказал я, доставая из кармана и протягивая Илве несколько помятых цветов зимника.

— Спасибо, — сказала она. — Но, право, не стоило этого делать.

***

Грьёдт мы увидели издалека, стоя на возвышенности, где заканчивалось покрытое льдом ущелье. Дорога, к которой мы вышли, спускалась вниз и вела к прибрежному городку. Деревянные крыши маленьких домов прижимались друг к другу. На прибрежной равнине было тихо, дым из печных труб поднимался к небу, в вышине летали несколько гарпий, высматривая, чем бы поживиться.

До горизонта простирался замерзший океан. Лишь с запада огромный залив очерчивали гребни синих гор. Солнце серебрилась в водах текущей по льду Суль, настолько соленых, что река не замерзала даже в лютый мороз. Суль вырывалась на поверхность из подземных глубин и бежала вдаль по океану. Когда в жаркие года летний лед ломался, река смешивалась с водами залива, превращая их в мертвый соленый раствор, в котором могут жить лишь корнксы — полурастения-полуживотные, так любящие оплетать своими отростками днища кораблей. У пристани торчали мачты рыбацких лодок. Далеко в заливе стоял большой имперский галеон с развевающимися флагами — черными драконами на красном фоне.

— Что делают в этой глуши имперцы? — проворчал Олег.

Послышалось дребезжание колокольчика — по дороге в повозке с запряженным шестиногом ехал старик, везущий груду хвороста. Увидев нас, он широко улыбнулся.

— Приветствую, путники! Славный нынче денек! Тпру, блохастый!

Шестиног равнодушно остановился, звякнув привязанным к шее колокольчиком.

— За хворостом нынче далеко добираться надо, — продолжил старик. — Все кусты, что близко росли, давно вырубили. Вы в Грьёдт? Поехали вместе, составите компанию.

— Не боишься незнакомцев? — спросил Олег. — Вдруг мы разбойники?

— А чего мне бояться? Брать у меня всё равно нечего. За хворостом самых ненужных людей посылают. Тут два варианта — либо с охраной ехать, либо отправлять таких как я. Старый Кряр вон вчера не вернулся. Либо бураном занесло, либо, что вернее, ледяной дракон сожрал. Видели, говорят, дракона. Пришел, как обычно, с бурей. Летал, собака бешенная, высматривал, кого сожрать. А вас мне чего бояться? В Грьёдт постоянно новые люди приезжают. Кто торгует, кто ищет, к кому наняться. Так что тут, кто разбойник, а кто нет — не важно, лишь бы деньги водились, да меч хорошо держал. Н-но, блохастый, трогай.

Старик был словоохотлив, наверное, соскучился по разговору. Мы ехали рядом с его телегой.

— Скажи, что здесь делает имперский корабль? — как бы невзначай поинтересовался Олег.

— Красномундирщики? Да кто ж их знает? — расплылся улыбкой старик.

Весь его вид так и говорил: «Я знаю, но выложить всё сразу не интересно».

— Уже неделю как бросили якорь в заливе. Ходят напыщенными индюками. Правда, мадам Грейла в прибыли, хотя и рожей не вышла. Но на безрыбье, как говорится, и рак ничего себе, особенно, если свистеть умеет.

— О чем это ты? — перебил его Олег.

— Говорят, что капитан ихний, Джереми Оул, которого все за глаза называют не иначе, как Клопом — он маленький такой с крысиными усиками, ищет одного типа.

При слове «Клоп», Олег брезгливо скривился.

— И кого конкретно ищет?

— Да, говорят, маркраф из Формира премию за голову своего врага объявил. Немалую. А Клоп, наверное, совсем на нуле — промотал денежку, если в такую даль, как наша дыра, забрался, погнал армейский корабль и нашими шлюшками не брезгует. Какого-то огненного волшебника все ищут, который на север подался. Женщину они с маркграфом не поделили. Но премия обещана большая. Сдается мне, что и вы ею не побрезгуете.

— И многие ищут? — хмыкнул Олег.

— Многие! Даже эти наемники, т-т-тролли, что Грейле не заплатили, явились. «Невашдни», называются.

— Спасибо, дед, может, и правда, к поискам подключимся. Но нам до города одно дело еще решить надо, — сказал я.

— Тогда, бывайте. Дела — это всегда полезно. Н-но, блохастый, — подогнал старик шестинога, и тот поплелся дальше, звеня колокольчиком.

Появилось сообщение: «Ваше мастерство дипломатии

достигло четвертого уровня».

— Олег, — сказал я, когда старик уехал далеко и не мог нас услышать. — Это самоубийство. Нас обнаружат, как только сунемся в город.

Олег пожал плечами.

— Что ты предлагаешь? Всё равно надо встретиться с Вотом. Да и судно нанять. Хочешь отправиться в город без меня? Нет, пойдем все вместе, как собирались, и гори оно огнем.

Последняя фраза в устах огненного волшебника прозвучала двусмысленно.

— Кто такие эти «Невашдни»? Ты их знаешь? — спросил я.

— Пересекались. Давно когда-то. Их наняли устранить вражеского генерала. Проникнуть в лагерь саргарцев и уничтожить.

— И как, получилось?

— «Невашдни» всегда выполняют свою работу. Потому им и столько платят.

— Плохо, — сказал я. — Мы сможем с ними справиться? Если что.

— Если что — то лучше не проверять, — проворчал Олег. — Их главарь — Марико Ястреб, конечно, позер и любит рисоваться, но умений ему не занимать.

— Хорошо фехтует?

— Не в том дело. У него есть свой секрет, о котором не рассказывает никому. Но из его банды проговорились, что он владеет неким артефактом, способным свертывать пространство, превращать его в арену для боя один на один. И никто не может этому помешать.

— Что ж, для честного боя это даже лучше.

— Для честного боя?! А кто тебе сказал, что в замкнутом пространстве бой будет честным? Свидетелей тому, что там происходит, нет. Лишь в конце Ястреб выходит победителем. После того, как он вернулся, убив генерала саргарцев, то вызвал на поединок моего друга. Мелочная была ссора, не помню из-за чего. Он проткнул Руди мечом, даже не смотря на то, что мой друг был лучшим фехтовальщиком среди нас.

Олег помолчал, вспоминая те события.

— И друзья ему под стать: мертвец, мимик и призыватель. Один оживлен магией саргарцев, не поймешь, то ли он управляет своим телом, то ли волшебство. Второй родом из далекого острова Гуринау, всегда принимает вид своего врага, но всё равно остается более быстрым и ловким. С великаном он будет гигантом, с карликом — вертким лилипутом. Может, и острова такого нигде нет, во всяком случае, я не встречал на картах.

Возможно, мимик один такой во всем Хвергельмире, кто его знает? А третий… Третьему служат монстры, которых он призывает, когда захочет. Я бы предпочел не встречаться с ними в бою.

— Ладно, Вот говорил, что будет нас ждать в таверне «У кракена». Надеюсь, он нашел капитана. Н-но!

Мы вошли в Грьёдт, по возможности не привлекая лишнего внимания, через проход в частоколе, который тут служил городской стеной. Оставили в конюшне гасторнисов, бросив хозяину мелкую монету, и теперь пробирались боковыми улочками к центру поселка. Не было ни души, лишь примостившийся в темном закоулке нищий — явный NPC — попытался выпросить у нас милостыню в обмен на какую-то информацию, и взлетела, недовольно шипя, копавшаяся в отбросах гарпия.

Грьёдт можно было назвать городом лишь отдаленно. Здесь не было высоких башен волшебников, как в Вормсе, отсутствовали каменные дома, стояли лишь деревянные срубы в стиле поселений северных первопроходцев. Пахло соленой водой, рыбой и водорослями — всеми теми едкими ароматами, которые пропитывают любой прибрежный город. Еще могут присутствовать всепроникающая вонь дубилен, где сушатся моржовые шкуры, запах топленого жира и требухи возле скотобоен, но сейчас для охотников был не сезон — моржи ушли дальше по льду вглубь океана.

Кривые улочки — проходы между домами сначала вместо площади вывели нас к порту. Две большие баллисты стояли, развернутые луками к морю. От кого защита: от кракенов, драконов или пиратов? Баллисты были не заряжены, казалось, ими давно никто не пользовался. Несколько деревянных пристаней уползали в залив по грязному, покрытому мусором льду. Толпились, расталкивая друг друга неуклюжие рыбацкие лодки на широких полозьях. На пристани у самого берега сидел курящий длинную трубку красноносый капитан в шапке с эмблемой, на которой гарпия держала в лапах ледовый якорь. Рыбаки счищали с днища баркаса высохших кронксов.

— Ракушка! — Ёжик спрыгнул с гасторниса, подобрал большую черную в белую полосу пустую раковину и приложил к уху.

Мне вновь показалось, что он сделал это, не потому что захотел, а потому что так должен был поступить любой мальчишка на его месте. Во взгляде Ёжика я опять увидел пустоту.

— Что, малец, нашел кусок океана? — ухмыльнулся капитан.

— Береги его, сожри меня кракен. Если хорошо слушать, внимательно, не отрываясь, то можно услышать песни русалок. О! Это чудесные песни. Бывало, выйдешь из каюты, а мужики вместо того, чтобы тянуть сеть из проруби, стоят и слушают. А чего слушают — сами не знают. Каждому иное слышится. Так и море для каждого свое. Если ты сжился с ним — оно твое навсегда.

У дальнего причала в густой, вязкой воде Суль стояла обледеневшая шхуна с сосульками на мачтах. Она отличалась от рыбацких лодок — в ее очертаниях чувствовались стремительность и скрытое благородство.

— «Водомеркой» любуетесь? — спросил капитан, выпуская несколько колец дыма и сплевывая под ноги. — Авантюристы. Ловцы удачи. Всё время в дальних забегах. А льды дальше залива опасны. Вон, посмотри, малец, видишь серую кучу близ устья, словно дракон нужду справил? — указал капитан трубкой в сторону океана. — При мне было дело. Вышли мы к своей проруби, что еще неделю назад прорубили. Только собираемся сеть закинуть, как оттуда — п-ф-ф! — вылетает кракен и шлепается на лед. Пожеванный, будто его кто во рту измусолил и выплюнул. Вы себе представляете тварь, что может сожрать кракена? Я — с трудом. Разве что это был сам Ёрмунганд.

— Берегись! — закричал один из рыбаков и бросил под ноги Ёжику высохшего корнкса — пучок переплетенных коричневых отростков.

Ёжик взвизгнул и отбежал под нашу защиту. Рыбаки дружно засмеялись.

— Поехали отсюда, — сказал Олег, разглядывая «Водомерку».

Со второй попытки мы вышли на площадь. В ее центре вместо привычного памятника торчал флагшток. Официально северные города считаются свободными поселениями, но всем известно, что империя Ютан давно наложила на них свою лапу. Красное знамя с черным драконом висело обледеневшей тряпкой. Еще выше на флагштоке восседал ворон, изредка взмахивающий крыльями, чтобы удержать равновесие. При виде нас он закаркал и слетел со своего неудобного насеста.

На пустынной площади стоял торговец оружием — хмурый детина в рогатом шлеме. Я остановился возле его телеги и взял копье с наконечником из кости ледяного дракона, потрогал острие. Воспоминания унесли меня в прошлое, в придуманную жизнь. Лучшее, чем можно убить дракона — не железо, а заостренная кость другого дракона, тонкая и прочная, способная проткнуть череп во впадине между глазами. Хищник полз прямо на меня, царапая по льду когтями. Не испугаться, не отступать. Размах, бросок…

— Будешь брать? — прервал воспоминания грубый голос северянина.

Я положил копье обратно на телегу к куче другого оружия.

— Вон таверна, — показал Олег на дом с металлической вывеской над дверьми, на которой был изображен кракен.

Внутри оказалось малолюдно, отсутствовал даже хозяин заведения. За столом в темном дальнем углу зала спал посетитель в имперской форме капитана с меховым воротником и споротыми погонами. В центре, под большой люстрой, сидели еще двое. Один оказался знакомым нам стариком – добытчиком хвороста.

— Заждались мы уже вас! — сказал второй, поднимаясь из-за стола.

Его плащ развернулся, заалев яркой подкладкой, и сложился, как крылья бабочки, отпугивающей хищника. Разглядывая нас, незнакомец поправлял запонки из нетающего льда, в которых застыли звездочки северного сияния.

— Твоя плата — Ястреб всегда платит обещанное. — Он подбросил монету, и старик ловко ее поймал.

На ладони Олега вспыхнул волшебный огонь, по таверне заплясали пылающие руны. Илва сгорбилась и зарычала, волосы на ее затылке поднялись дыбом

— Не советую! — Марико выхватил кинжал. — Я метну его раньше, чем ты сможешь произнести своё заклинание, волшебник. Не в тебя — в мальчишку. Он не увернется.

Его лицо, покрытое паутиной едва заметных морщин, лишь на первый взгляд казалось молодым. Тонкие губы искривлялись улыбкой, прищуренные глаза оставались холодными. Я вышел вперед, закрывая собой Ёжика.

— Ничего личного, — обратился к нам Марико Ястреб. — Миром правят деньги, и я намерен заработать свою часть. Вас четверо?

— Тебе нужен только я! — сказал Олег.

— Нет, я хорошо умею считать, вас четверо, — ухмыльнулся Ястреб, — волшебник, мечник, оборотень и мальчишка. Я не лишу удовольствия своих товарищей. Нас тоже четверо. Один на один. Честный бой.

Старик – добытчик хвороста попятился вглубь таверны к лестнице, ведущей на второй этаж. По ней спускались вниз двое: один бронзовокожий, высокий, в леопардовой шкуре, другой маленький, серый и юркий, словно крыса. Руки карлика находились в постоянном движении, будто он не знал, куда их пристроить. Мимоходом схватив со стола яблоко, он впился в него острыми зубками.

— Брун, Куно! Познакомьтесь с бывшим генералом Фойригом и его друзьями, — сказал Ястреб. — Где Мертвец?

— За дверью, — произнес с южным акцентом бронзовокожий.

Я оглянулся. Выход из таверны перекрывал здоровяк, одетый в доспехи из металлических пластин, между которыми проскакивали искры. Лицо Мертвеца было серым и безжизненным, лишь белые с черными зрачками глаза пристально наблюдали за нами. В руках он сжимал огромный двуручный меч.

— Сегодня не ваш день, — сказал Ястреб, и мир закрутился калейдоскопом красок, словно в зал с кривыми зеркалами бросили пригоршню конфетти.

***

— Мы остались вдвоем, только я и ты, — сказал Ястреб.

Его голос звучал гулко, словно внутри пещеры. Мы по-прежнему находились в таверне, но окружающее затягивала легкая туманная дымка. За окном сгустился молочный туман. Все, кроме нас двоих и лежащего за столом пьяницы-капитана исчезли.

— Странно сработала шкатулка. Обычно никого лишнего в зоне поединка не остается. Ну, да ладно, — проговорил Ястреб, вынимая меч из ножен.

Я последовал его примеру.

— Где мои друзья?

— Понимаешь, какое дело, — продолжил Марико. — Никогда не знаешь, как распределит схватки шкатулка войны. Но удача сегодня ко мне благосклонна — мне достался ты, Игорь Ламберт.

— Откуда ты меня знаешь?! Ты помнишь реальность?

— Может быть, Игорь Ламберт, может быть. А вот ты меня не узнаешь. Аделаида Олеговна — моя мать. Сколько она заплатила тебе тогда за мою голову?

Он обходил меня с левой стороны, там, где было свободное пространство между столами. По дымке разбегались едва заметные светящиеся волны.

— Алешка? — вспомнил я. — Сейчас ты в другом виртуале.

— Зато ты, как всегда, под своей личиной, ретурнер, — словно выплюнул он последнее слово. — Я же говорил, что вернусь в пространство Чендлера.

— Мне всё равно, — сказал я, внимательно следя за его движениями — главарь «Неващдней» переставлял ноги мягко, как ягуар на охоте. Мы вели позиционную борьбу, выискивая слабости в движениях друг друга. — Это твое дело. Как был глупым мальчишкой, так им и остался.

Он дернулся, но затем вновь спокойно принял боевую стойку.

— Только теперь я бессмертен. Он обещал мне вечную жизнь и сохранение памяти здесь. А вот ты умрешь.

Я ударил первым, но Ястреб успел увернуться.

— Думаешь, я так дерусь со своими врагами? — зло рассмеялся он.

Из его рук устремились потоки тьмы, залепили глаза и уши, окутали мглой сознание. Я оказался в пещерах Драгборна.

«Ш-шорх. Ш-шорх», — я знал, что где-то здесь скрывается василиск. Он полз, чтобы меня убить, как убил до этого Марлис, Тересию и Аделу.

«Ш-шорх. Ш-шорх», — его шаги доносились отовсюду, я не мог открыть глаза, потому что взгляд василиска свяжет невидимыми путами, и тело перестанет мне подчиняться.

Я взмахнул мечом наугад, потом еще раз и еще, а темнота шептала: «Смирись». Тьма хотела моей смерти. Шипение василиска раздавалось всё ближе и ближе. Взгляд чудовища проникал сквозь закрытые глаза, парализовывал волю. Я услышал звон меча, выпавшего из моей руки. От страха перехватило дыхание. Я погибну, и никто не даст фиала возрождения, чтобы вернуть меня к жизни, как я сделал это с Олегом.

Стоп! Но ведь фиал возрождения охранял василиск! Значит, я уже убил этого ящера? Появилось чувство, будто когда-то давно я переживал эту историю. Я напрягся, сосредоточился, и темнота утратила объем. На мгновение возник нарисованный зал таверны и человек в плаще с алой подкладкой, пристально, до морщин на лбу и прикушенной губы, смотрящий на меня. Тьма снова сошлась, видение исчезло.

Но я понял, что василиска не существует. Марико Ястреб — вот кто наводит видение! Он не мечник, он — внушатель, который убивает своих противников, проникая в их сознание. Мир вокруг нереален, он создан из осколков моих воспоминаний. Пусть перед глазами ложная картинка, но я знаю, что враг где-то здесь, тоже находится в этом видении. Ждет удобного случая, чтобы нанести удар.

Рука нащупала упавший меч. Холодная сталь остается смертельно опасной даже в видении. Сжимая оружие, я шел по пещере.

Вот он, враг, скрывается за сталактитом. Выходи! Но это оказалась Марлис. Она выскользнула из-за каменной сосульки и, улыбаясь, направилась ко мне. Раньше она ходила в доспехах, но сейчас из одежды на ней была лишь длинная пестрая юбка. Мой взгляд остановился на маленьких грудях, ниже которых выступали обтянутые кожей ребра.

— Нет, — сказал я, пятясь. — Не может быть. Ты погибла, тебя нет.

Девушка подходила всё ближе, но я помнил каменные могилы у входа в пещеру и свои стертые в кровь пальцы. В руке Марлис сверкнул кинжал. Девушка взмахнула пестрой юбкой, перед глазами вспыхнули радужные кляксы, и я едва успел перехватить ее руку с оружием. Вывернул, завел за спину и прижал девушку к себе, заглянув в глаза. Что я хотел больше: поцеловать или попросить прощения?

Лицо Марлис изменилось, по очереди принимая черты Тересии и Аделы. Через несколько секунд я уже сжимал в объятиях Гулльвейг.

Придуманный мир? Видение? Нет, я хочу, чтобы это было правдой. Но рука Гулльвейг до сих пор держала кинжал, а где-то в глубине ее глаз я видел покрытое тонкими шрамами лицо и холодный взгляд врага.

Я отбросил Гулльвейг в сторону, замахнулся мечом. Девушка вскрикнула, и видение исчезло. Меня снова окружало замкнутое пространство таверны, подернутое дымкой. Передо мной находился Ястреб с искривленным от страха лицом. За спиной главаря «Невашдней» стоял пьяница-капитан и прижимал нож к его горлу.

— Нет! — вскрикнул я, но было поздно — капитан провел рукой, и Ястреб повалился на пол с перерезанным горлом.

Я бросился к Марико, приподнял его голову. Из раны текла кровь, Ястреб задыхался.

— Он… Обещал… Джереон… Что я буду жить.

Больше он не смог ничего сказать, вместо слов появлялись кровавые пузыри.

— Зачем ты это сделал?! — поднял я взгляд на капитана.

Когда я вновь посмотрел на Ястреба, тот был уже мертв.

— Он пытался тебя убить, — сказал капитан, вытирая нож об плащ Ястреба и пряча в карман куртки. — Но я успел раньше.

— Это был еще ребенок.

— Можешь верить, во что хочешь, — проговорил капитан. — Но я знаю одно: если тебя пытаются убить — убей первым. Тут нет выбора.

— Как ты здесь оказался?

— Наниматель сказал, что я должен помочь, иначе лишусь пассажиров. Дал медальон, который позволил остаться в замкнутом пространстве.

— Вот?

— Если так зовут того странного типа с вороном и в черной одежде, то мы говорим об одном и том же. Платит он столько, что

можно ни о чем не спрашивать. Я — Беринга́р, капитан «Водомерки». А ты, надо так понимать, один из тех, кого я должен доставить в море туманов. Что ж, я только что спас свой мешок денег.

— Где остальные, что были со мной? — спросил я, оглядываясь.

Туман до сих пор не развеялся.

— У него есть некая шкатулка, позволяющая проводить закрытые поединки, — кивнул Беринга́р на мертвого Ястреба. — Думаю, пока не закончатся остальные бои, мы не сможем выйти.

Я принялся рыться в карманах Марико. В одном из них мне попалась маленькая деревянная шкатулка с витиеватой резьбой, изображающей поединок дракона с кракеном. Я вопросительно посмотрел на Беринга́ра:

— Это она?

— Откуда я знаю? Я же не волшебник. И не спрашивай, как пользоваться этой штукой — всё равно не подскажу.

Он сел на стул и наполнил вином свою чашу.

Шкатулка не открывалась. На ее корпусе не было никаких рычажков или углублений.

— Часто магия подобных артефактов не имеет обратной силы, пока порожденное ею действие не закончится, — сказал Беринга́р, который сидел, откинув голову на спинку стула, и вполглаза наблюдал за моими действиями. — Неплохое вино, давай лучше выпьем.

Я нажал на крышку посильнее, и перед глазами возникла мозаика из существующих рядом других свернутых в коконы пространств. Я видел их, наблюдал за действиями моих друзей, слышал их мысли и чувства, но не мог повлиять на происходящие события.

Оставалось лишь волноваться.

***

Олег стоял у входа в таверну, сжимая меч. По пустой площади у самой земли стелились потоки тумана. Дома исчезали в густой, непроглядной молочной пелене. На противоположной части площади металлической глыбой стоял Мертвец, держа перед собой меч.

Тишина, лишь усиливающийся ветер поднимал вихорки из снега.

— Слышишь, ты, порождение саргарцев, где мой сын? — прокричал Олег. — Где мои друзья?

Мертвец пошел к Олегу, медленно и неотвратимо, как

надвигается разгоняющийся локомотив. Марево под его ногами вспыхивало призрачным светом. Олег сосредоточился, начал произносить заклинание.

— Огонь, что живет внутри меня, освободись и уничтожь моего врага. Вырвись на свободу огненным вихрем. Волной, что сносит всё на своем пути.

Мертвец остановился, держа меч в левой руке, а правую выпрямил, направив на Олега. Послышалось гудение, из сжатого кулака ударила молния, угодив в стоящую рядом с Олегом подводу торговца оружием. Треск! Взрыв! Горящими комками разлетелась сухая солома. Со звоном посыпалось оружие, оставляя на земле капли расплавленного металла. Олег отпрыгнул в сторону. Волосы на его голове поднялись от статического электричества.

Я почувствовал, как его внутренняя энергия угасла. Мой друг пытался ее вернуть, но порожденный заклинанием настрой схлынул. Надо было начинать всё сначала.

— Вырвись на свободу стихией, что сокрушает противников и уничтожает города. Освободись огнем и пеплом, дымом и разрушением. Ах ты, гад!

Мертвец снова направил на Олега руку. Едва слышно загудел встроенный в его тело лейфтр, сверкнул электрический разряд. В последний момент Олег успел отпрыгнуть. Упал, перекатился, вскочил на ноги. В том месте, где он только что стоял, дымилась воронка от попавшей в землю молнии.

Олег выпрямился, тяжело дыша. Я ощутил, как энергия бурлит в его теле, волной поднимается из груди, перетекает в руки. Магия вырвалась без подготовки, без заклинания, Мертвеца захлестнуло ревущие пламя.

Через несколько мгновений огонь стих. Мертвец устоял на ногах, но металлические пластины на его теле покрывал слой копоти, а обугленная серая кожа висела струпьями. На лице по-прежнему блестели уцелевшие глаза. Плоть на правой руке полностью выгорела, остались лишь механизмы: шестеренки и валы, среди которых крепился лейфтр.

Мертвец повел пустой рукой, направив магический жезл в грудь Олега. Послышалось гудение, но вместо того, чтобы породить разряд, встроенный в оружие накопитель молний взорвался. Рука Мертвеца разлетелась до плеча. По земле покатились шестеренки, лейфтр, словно ракета фейерверка оставил в небе дымный след. Мертвец с грохотом повалился на землю.

Олег подбежал и замахнулся мечом. Мертвец попытался парировать удар, но слишком медленно — клинок Олега

опустился на его руку. Лезвие ударилось о пластину на запястье, и меч со звоном сломался. В руке моего друга остался обломок, которым он нанес повторный удар. На этот раз обломки лезвия вошли между пластинами и отсекли Мертвецу руку. Двуручный меч со сжимающей его кистью упал на землю. Олег схватил его, поднял и погрузил в грудь Мертвеца, наваливаясь всем телом. Выдернул вместе со снопом искр, а затем ударил снова. Фонтан искр иссяк, Мертвец дернулся и затих, лишь шевелились пальцы на его отрубленной руке.

Олег огляделся по сторонам. Его противник был мертв, но свернутое в кокон пространство не раскрылось — остальные поединки еще не закончились.

***

Ёжик стоял на втором этаже таверны возле деревянной лестницы, которая спускалась в туманную пустоту. Весь мир заключался в этом небольшом коридоре с дверями в гостевые комнаты, где с одного его конца находился Ёжик, а с другого стоял его двойник. Тот же рост, те же узкие плечи, бледное лицо и темные волосы. Только руки не могли успокоиться. Они то теребили спускающуюся на лоб прядь, то ощупывали стену, то хватались за пояс.

— Кто ты? — спросил Ёжик.

— Какая разница? — ответил двойник. — Я — Куно, меняющий свое тело. Я стал тобой. Теперь мы должны драться. Но я всё равно сильнее.

— Зачем?

— Так надо. Мы сейчас в свернутом пространстве, и только один из нас должен остаться победителем, иначе ни один из нас отсюда не выйдет.

— Это сделал тот, в плаще?

— Марико? Да. Он каждый раз заставляет меня драться, когда ему это надо.

— И ты дерешься?

— Да.

— Побеждаешь?

— Я ведь еще живой.

По-настоящему Ёжик дрался лишь один раз, в четвертом классе, когда они поссорились с Вовкой Горохом. Дрались в парке возле школы до разбитых носов и губ, до синяков под глазами. Было больно, гадко и обидно проиграть, когда Горох повалил его на землю и сидел сверху, торжествуя победу.

Говорят, что дети более жестокие, чем взрослые.

— И каково это — драться до смерти? — спросил Ёжик.

— Плохо, — ответил Куно. — Боишься умереть. Но я всё равно сильнее тебя.

Ёжик прислушался к ощущениям. Страха пока не было. Наверное, он не верил, что может вот так запросто погибнуть.

— А зачем ты превращаешься в противника? — спросил он у Куно.

— Так заведено, — ответил мимик. — Так было всегда. Таков кодекс.

— Что такое кодекс?

— Не знаю, это говорили родители, когда я был маленький. Вроде как законы, по которым живешь.

— Ты сейчас сам? Где твои родственники?

— Я же уже взрослый, просто выгляжу как ты. Не забывай, что я мимик. Родители давно умерли, мимики вообще живут недолго. В конце концов, нас убивают, какими сильными бы мы не были.

— Значит, нам надо драться?

— Пожалуй, надо. — Куно достал из-за пазухи нож. — У тебя есть оружие?

— Кажется, нет.

— Тогда держи, у меня найдется еще один. — Мимик присел и кинул по полу нож к Ёжику.

Мальчишка поднял оружие и подержал на ладони. Прикоснулся пальцем к лезвию. Нож был острым и опасным на вид. Ёжик представил, как он погружается в тело другого человека, на руки выплескивается кровь. Картина выглядела скверной. Хотя тогда, когда Горох давил своим весом, Ёжику хотелось его убить. В мечтах он не раз побеждал врага на рыцарских поединках или в перестрелках из ковбойских фильмов. Но вот так реально ударить ножом…

— Ты готов? — спросил Куно.

— Нет, — ответил Ёжик. — Знаешь, я не чувствую к тебе злости.

— Как ни странно, я к тебе тоже. — Куно подбросил вытащенный нож и ловко поймал его за лезвие. — Раньше такого не было. Я дрался и убивал, не задумываясь. Наверное, я уже забыл, что значит быть ребенком.

Он снова подбросил нож, но не поймал, и тот упал на пол.

— Говорят, что дети более жестокие, чем взрослые, — сказал Ёжик.

— Да? А тот, кто это придумал, не видел, как саргарцы переделывали живых людей на свои механизмы? Крики несчастных им не мешали. Или, может, он знаком с Черным

Ольмом, что потрошил своих пленников, как кроликов? Нет, мне не хочется тебя убивать.

Куно поднял нож и сунул в карман.

— Тогда что нам делать? — спросил Ёжик. — Не помнишь, что сказано в условиях этой магии? Должен остаться один победитель? Но там не сказано, что мы должны именно драться?

— Кажется, нет, — задумался Куно и улыбнулся. — А что, это может сработать. Пойдем в мою комнату.

Он открыл одну из дверей и поманил Ёжика за собой. В сумраке комнаты, где сквозь шторы пробивался тусклый свет, мимик раскрыл сундук и выудил из него шахматную доску.

— Играть умеешь? — спросил он.

Ёжик кивнул.

— А они не умеют, — сказал Куно. — Те, с кем мне приходится со-тру-дни-чать. Тупые, да? Ты хорошо играешь?

— Неплохо. Наверное, — ответил Ёжик, вспомнив школьные соревнования.

— Тогда мы сыграем, и победителем останется только один. Расставляй! — Мимик высыпал фигуры на пол и мальчишки принялись ставить их на доску.

***

Узкий проход за таверной выглядел, как загон для скота. Дома давили со всех сторон, заставляли шерсть на затылке подниматься дыбом и обнажать клыки в оскале. Из пасти вырывался неконтролируемый рык. Хотелось броситься на врага, повалить на землю и впиться в горло, почувствовав вкус крови, но Волчица сдержалась. Она ощущала опасность. Закутанный в звериную шкуру человек с бронзовой кожей улыбался, глядя на нее, спокойно и уверенно. Запаха страха, который обычно возникает у противника при виде черного волка, не было.

— Человек-волк, — сказал бронзовокожий, и в его голосе слышалось дыхание горячей пустыни, журчание ручья в оазисе и шелест листвы, дающей спасительную тень. Захотелось подчиниться словам этого человека, стать маленьким волчонком и подползти на животе к его ногам, чтобы он постоянно говорил с ней так. Может быть, даже почесал за ухом.

— Человек-волк, — повторил Брун-вызыватель. — Я был бы рад, если бы ты присоединилась к моему зверинцу, но не могу этого сделать — Ястреб приказал разделаться со всеми вами. Прости, я не ослушаюсь своего друга.

Он вновь широко улыбнулся, продемонстрировав большие белые зубы. Волчица припала к земле, готовясь к прыжку.

Главное, не слушать сладкие речи, не смотреть в глаза.

— С кем же ты будешь драться? — спросил сам у себя вызыватель. — С гигантским пауком? Нет — он замотает тебя в кокон и выпьет кровь. Не эстетичное зрелище и много визга. Лучше вызвать стремительного противника, яростного, безжалостного. Я даже знаю, кого. О! Это будет зрелищный бой. Надеюсь, что ты меня не разочаруешь.

Илва бросилась на врага, но по необъяснимой для себя причине промахнулась — Брун мягко сместился влево, и ее рот вместо того, чтобы ощутить вкус крови, наполнился снегом, в который она зарылась с головой.

— Мантикора — вот от чьих лап ты погибнешь, — сказал вызыватель.

Он вытянул руки, что-то прошептал, и перед ним в снежном вихре появился зверь, которого он назвал мантикорой. Словно в заснеженный город перенеслась часть Саргарии с ее песками, палящим солнцем и подстерегающими путников чудовищами. Мантикора на мгновение замерла, появилась возможность разглядеть пышную полосатую шерсть на ее теле и мощные кошачьи лапы. Зевнула, продемонстрировав два ряда острых акульих зубов, а затем подняла гибкий хвост с шаром колючек на конце.

Волчица прыгнула. Уже в воздухе она увидела, как мантикора взмахнула хвостом, и несколько ядовитых игл полетели навстречу. Острая боль пронзила переднюю лапу, обдала сковывающим холодом. Волчица, взвизгнув, упала на землю. Она видела торчащую над пальцами колючку, но пошевелить лапой не могла. Мантикора, что-то бормоча себе под нос, будто жалуясь на судьбу, подбиралась ближе. Илва зарычала и ударила здоровой лапой, оставляя на морде зверя кровавые полосы. Рванулась в попытке достать зубами, но мантикора отпрянула и щелкнула хвостом, всаживая в спину Волчицы несколько колючек.

Илва опустилась на снег. Мантикора подходила, мягко переставляя лапы. Слух обострился, но все звуки слились в один шум, источники которого трудно было разделить. Скрипел снег под лапами мантикоры. Что-то говорил на своем чужом языке Брун. Где-то вдали кричали, и в этом крике, доносящимся словно из-за каменной стены, слышалось слово «дракон». Щелкали выстрелы из баллист.

— Берегись! — закричали совсем близко, и мир затрещал, как скорлупа куриного яйца.

Замкнутое пространство арены лопнуло под весом ледяного дракона. Илву и ее врагов выбросило в реальный мир, где бесновалось огромное крылатое чудовище.

Дракон прилетел отомстить. Прилетел без урагана, перепархивая, как воробышек, с одним желанием — раздавить этого человека, выпустившего огонь и причинившего такую боль. Потом было падение со скалы, ломающийся лед и холодная остужающая вода, в которой плавала обугленная чешуя.

Когда он летел к городу, одна из больших стрел попала в крыло, но это было неважно. Всё было неважно, кроме близости обидчика. Его запах заставлял яростно колотиться сердце. Дракон опустил лапу на зверя с колючим хвостом, раздавив его в кровавую лепешку. Движением головы отбросил на стену дома человека в шкуре зверя. Затем хвостом обрушил саму стену. Где-то здесь должен быть его обидчик.

Вот он — стоит на площади, сжимая оружие. Нет, на этот раз он не успеет выпустить свой огонь!

***

Я видел, как дракон ломал замкнутые миры арены, туманная дымка светилась, смешиваясь с пространством игры. Олег не успевал или не имел сил вызвать волшебный огонь, он держал перед собой меч Мертвеца — тяжелый двуручный клинок, ничто против дракона. Рядом с волшебником стояла телега торговца оружием — в мире игры она, в отличие от арены, осталась неповрежденной. Торговец оружием сбежал при виде чудовища.

— Ты куда? — спросил заплетающимся языком капитан Беринга, когда я выпрыгивал из окна.

Я подбежал к телеге, схватил копье с наконечником из кости дракона.

— Беги! — оттолкнул я Олега. — Беги быстрее!

— А ты?

Я взвесил копье на ладони, посмотрел на чудовище. Дракон полз по площади прямо на меня, заглатывая воздух, в его животе булькала зажигательная смесь. Надо подобрать момент для единственного броска — не раньше и не позже. Раньше — и можно промахнуться мимо той единственной уязвимой точки на черепе. Позже — и тебе испепелит огнем. Бросать нужно в момент, когда дракон, собираясь выдохнуть пламя, опустит голову.

Мой друг не убежал. Он стоял рядом, произнося заклинание. Сбивался раз за разом и начинал заново. Мне хотелось заставить его замолчать и не мешать, но тогда я бы тоже отвлекся. Дракон полз, волоча правое крыло, пробитое стрелой из баллисты. Ближе, еще ближе.

— Бросай! — вскрикнул Олег.

Нет, надо ждать. Я лишь крепче стиснул зубы. Дракон выпрямился, отрывая от земли передние лапы, затем опустился, вытягивая шею.

— Бросай! — снова закричал Олег.

Я кинул копье, как и раньше, когда убил во льдах своего первого дракона. Оно еще летело, а я уже видел, что попаду в цель — в ту самую точку на лбу чудовища, где кость тоньше. Длинный наконечник с хрустом проломил череп, копье вошло в мозг. Дракон забился на земле, поднимая тучи снега, а потом затих. Площадь охватила тишина, в которой раздались хлопки — неподалеку стоял Вот и аплодировал.

— Весь мир — театр, и сейчас твой выход был, достойный лучших сцен, — произнес он, приближаясь.

— Вот только не надо классиков перефразировать, — сказал я. — Ты как всегда вовремя. Раньше не мог появиться?

— Зачем? — улыбнулся Вот. — Такого зрелища лишиться? Ведь не каждый день герой сражается с драконом.

— А вот и мой наниматель, — сообщил Беринга, высовываясь из окна. — Кстати, надо бы винца прикупить — неплохое пойло делают в этой дыре. Тут ваш малец на втором этаже. Живой.

Появилось сообщение: «Умение бросок оружия достигло второго уровня. Ваша сила возросла до четырнадцати единиц. Ваша ловкость увеличена до шестнадцати единиц. Ваш интеллект вырос до пятнадцати единиц».

Они спускались вдвоем — Ёжик и Куно, выглядевшие, словно братья-близнецы. Только один из них побежал к Олегу, а второй остался, исподлобья глядя на нас.

— Мы играли в шахматы. Я проиграл, — сказал Ёжик, обнимая отца.

Куно бросил взгляд на дракона, а затем спросил:

— Ястреб мертв?

Я кивнул.

— Не знаю, что я буду делать дальше, но этот облик мне понравился, — сказал Куно. — Быть мимиком — это не просто менять тела, как одежду. Ты изменяешься и внутренне, не полностью, конечно, но принимаешь в себя частичку того, кого копируешь. Давно я не был ребенком, — улыбнулся он. — И это чувство мне пока нравится. Надеюсь, мы расстаемся не врагами?

Он повернулся и пошел — взрослый, снова ставший мальчишкой, но напоследок обернулся и сказал Ёжику:

— Если мы еще встретимся, ты непременно должен отыграться.

Ёжик улыбнулся, но глаза его были пусты.

— А где Илва?! — вскрикнул Олег.

Мы бросились ее искать. Илва в человеческом облике лежала без сознания на заднем дворе. Вокруг были разбросаны колючки, которые она выдернула из тела, прежде чем лишиться чувств.

— Живая, — сказал Олег.

Он обнял девушку, поднял легко, словно она ничего не весила, прижал к груди, счастливо глядя на меня.

— Яд мантикоры не смертелен, — пояснил Вот. — Он лишь парализует жертву. День-другой, и наша спутница вновь передвигаться сможет. А мы пока должны спешить добраться в порт, чтобы покинуть этот город.

— Да-да, пора в путь, — сказал капитан Берингар поспешно, будто опасаясь, что мы передумаем.

Слегка пошатываясь, он пошел следом за нами.

***

У входа в порт на узкой улочке нас дожидалась группа имперцев. Их красные мундиры выделялись на фоне засыпанных снегом домов, словно на город опустилась стая снегирей. В руках — взведенные арбалеты. Угораздило же нас столь неосторожно попасть в засаду! С обеих сторон выстроились дома с запертыми дверями, в клочке неба над головой кружила гарпия, выискивая, чем можно поживиться.

Перед отрядом красномундирщиков стоял их капитан — коротышка с воинственно торчащими тонкими усами. «Клоп» — вспомнил я, как назвал его предатель-старик.

— Среди вас есть Олег, именуемый так же генералом Фойригом? — спросил Клоп торжественно, будто произносил речь перед командой, стоя на капитанском мостике.

— Допустим, — сказал Олег.

Он нес Илву, которая не приходила в сознание, и сейчас это стало проблемой: невозможно вызывать магию с занятыми руками. Вот, когда появилась опасность, куда-то таинственным образом исчез. Капитан Берингар не спешил выходить на передний план, предпочитая скрываться за нашими спинами. Я смотрел на острия болтов, торчащих из арбалетов, и это зрелище оказывало гипнотическое воздействие. В узком проходе не сбежать и не спрятаться — с такого расстояния короткие металлические стрелы прошьют тела навылет.

— Ты пойдешь с нами, — сказал Клоп. — Стоять! — заорал он, видя, что Олег хочет передать мне Илву. — Только попытайся использовать свою магию, предатель, — и тебе конец. Всем вам конец! — Красномундирщик понял, что неподобающе сорвался на

крик, и его голос вновь стал холодно-отстраненным: — Итак, я предлагаю дезертиру Фойригу проследовать на мой галеон «Непобедимый», чтобы предстать перед судом императора.

— Или ты хочешь сдать меня маркрафу из Формира? — спросил Олег.

Клоп ухмыльнулся, отчего его усы взметнулись вверх.

— Путешествие длинное. По дороге может случиться многое.

— Папа, не уходи, — сказал Ёжик.

Я увидел черную фигуру на крыше дома — Вот стоял над солдатами и держал на вытянутой ладони чашу.

— Когда начнется — бегите назад, — тихо сказал я.

— Итак? — спросил Клоп. Видимо, это было его любимое слово. — Ты идешь добровольно, или мне отдать приказ стрелять?

Вот выбил из огнива огонь, поджигая фитиль, и метнул вниз чашу. Еще в полете она разлетелась на осколки, выплеснувшаяся из нее черная кровь вспыхнула, заливая улицу, разделяя нас и врагов стеной огня.

— Назад! — закричал я.

Раздались крики, просвистело несколько болтов. Мы бежали, и огонь пылал за нашими спинами, не позволяя имперцам броситься в погоню. Несколько капель горящей смеси попало мне на руку, прожигая кожу до кости.

— Направо! — скомандовал Берингар, в его голосе больше не чувствовалось опьянение. Казалось, капитану нравилось играть роль пьяницы, поддерживая свой имидж. — Нет, не сюда, дальше!

Нам навстречу из подворотни выскочили двое имперцев. Берингар вскинул руку, в которой оказался зажат маленький арбалет. Выстрел! Болт пробил плечо одного из матросов. Второй имперец бросился на Берингара, замахиваясь коротким мечом. В узкой улочке трудно было развернуться — я не мог помочь. Берингар скользнул под мечом, поднялся и ловко схватил имперца за шею, прижимая нож к его спине.

— Я — Берингар. Слышал обо мне? — зашептал капитан ему прямо на ухо. — Когда я служил в вашем долбанном флоте, под моим командование были сотни таких салаг, как ты. Знаешь мою репутацию? Хочешь жить?

Моряк закивал.

— Вот и славно. Сейчас я тебя отпущу, ты подберешь своего друга и сделаешь вид, что нас не видел. А своему капитану передай, что ему никогда меня не догнать.

Имперцы исчезли в подворотне, мы продолжили бежать. Одна улочка, вторая, третья… Мы вынырнули из продуваемых сквозняками закоулков прямо перед причалом, у которого стояла

«Водомерка», уже очищенная ото льда и готовая к путешествию. С другого конца порта на пристань выбежали преследующие нас имперцы. Несколько болтов посвистели в воздухе, но расстояние было слишком велико — они воткнулись в землю и деревянные причалы. Сидящий у своей «Гарпии» капитан одобрительно поднял большой палец и приложил ладонь к уху, словно в ней была зажата раковина.

— Слушай море, малец! — прокричал он.

Мы взошли на борт «Водомерки».

— Отчаливаем, тысячу кронксов! Ставьте паруса! — принялся командовать Берингар.

От пьяного завсегдатая прибрежных трактиров и рубахи-парня не осталось и следа. Хозяин такого голоса, не раздумывая, отправит за борт любого, кто посмеет воспротивиться его приказам. Раздался свист боцмана, дующего в свой рожок, по палубе забегали матросы.

— А вы марш в свои каюты! Ты! — остановил он одного из матросов — бронзовокожего аборигена Саргары, чья грудь была покрыта ритуальными голубыми татуировками. — Проведи пассажиров.

— Мы должны дождаться Вота, — сказал я.

— Этот пройдоха уже давно здесь, — ухмыльнулся капитан, указывая на фигуру в черном плаще, сидящую на крыше каютной надстройки.

Вот услышал, что о нем говорят, и помахал нам рукой. По пристани бежали красномундирщики. Клоп, оценив, что не успеет нас догнать, повел свой отрад на галеон.

— По местам! — закричал Берингар. — Готовимся к отходу. Бегом, дохлые кронксы, пошевеливайтесь!

Подгоняемая ветром «Водомерка» устремилась к выходу из залива. Ее тонкие металлические полозья были подняты и прижаты к бортам — шхуна скользила по Суль, как по обычной реке, хотя соленый раствор представлял собой скорее шугу из ледяных крупиц, чем воду. Льдинки скребли о днище корабля, будто тысячи кронксов хватались за пропитанную смолой древесину.

Слева сквозь туманную дымку, огибая залив неприступными берегами, поднимались горы. Далеко, в тени возвышающихся пиков, несколько рыбацких баркасов бросали сети у прорубей — собственных, ограниченных вымпелами того или иного судна. Чтобы пропилить метровый слой льда порой уходил не один день, и рыбаки тщательно охраняли удачные места лова. В этих опасных водах океан стремительно уходил вниз, и даже не так далеко от причалов глубина была достаточной, для того, чтобы в

поисках отходов от скотобоен сюда приплывали кракены. Рыбаки захватывали стаи рыб, плавающих у поверхности, а тем, что творилось в океанской пучине, предпочитали не интересоваться.

Моя каюта, маленькая с узкой прикрепленной к стене койкой и небольшим откидным столиком напоминала тюремную камеру. Я вышел на палубу к капитану. Он заметил меня, хмыкнул, но ничего не сказал. Вскоре к нам присоединился Олег. Мой друг остановился у фальшборта на корме и раскурил трубку.

— Спит, — сказал он, имея в виду Илву, и кивнул в сторону имперского галеона: — Они не отправятся в погоню?

— Якорь собран, они уже идут за нами, — проворчал капитан, разглядывая галеон в подзорную трубу.

Суль несла нас к выходу из залива. На противоположном горному берегу мысе стоял маяк, над которым кружила стая гарпий. Галеон медленно разворачивался, паруса на его мачтах наполнялись ветром.

— Не догонят? — спросил Олег, выбивая пепел из трубки в океан.

— Нет, — ответил Берингар.

От галеона отделился снаряд и по дуге полетел к «Водомерке». Захотелось пригнуть голову, спрятаться в трюме, хотя я понимал — если небольшую шхуну накроет выстрелом — от нашего корабля останутся одни щепки. Пущенный с галеона бочонок упал в метрах пятидесяти от нас, расколовшись на доски и несколько металлических обручей. Брызнули мелкие камни, которыми он был наполнен.

— Пристрелочный, — пояснил Берингар. — Дети троллей стреляют прямо в порту. Начхать им на законы. Идем прежним курсом! — прокричал он команде и зло добавит что-то по-саргарски, сплевывая за борт.

Галеон скользил на полозьях по льду вдоль Суль, увеличивая свою скорость. «Водомека», как бы не бахвалился ее капитан, проигрывала в скорости боевому кораблю — расстояние между нами и галеоном уменьшалось.

— Ничего, — прошипел Берингар сквозь зубы. — Выйдем из пролива, по льду уйдем. Я знаю их капитана — редкая сволочь, но действует строго, как на учениях, второй выстрел носовой катапульты тоже будет пристрелочным.

Галеон приблизился, и теперь я услышал негромкий щелчок их катапульты. На этот раз бочонок разорвался впереди по курсу нашего корабля. Берингар снова выругался и начал считать себе под нос.

— Сможешь достать их отсюда? — спросил я у Олега.

Тот отрицательно покачал головой. На палубу выбрался

Ёжик, и мой друг потащил его обратно в каюту. Мы приближались к выходу из залива, минуя большую прорубь, огражденную флажками с изображенной гарпией — капитан рыболовного баркаса ловил рыбу у самой разрешенной границы.

— Тридцать! Право руля! — закричал Беринга.

Шхуна накренилась, Олега и Ёжика бросило к фальшборту. На «Непобедимом» снова щелкнула катапульта, в небо взмыл очередной бочонок.

— Боевой заряд! — прокричал Беринга. — Черная кровь!

Мы смотрели за приближающейся смертью, и мне казалось — до дрожащих ног и испарины на лбу, что наша шхуна уходит из-под обстрела недопустимо медленно, и что нас сейчас накроет огнем. Но галеон промахнулся. Бочонок упал у самого края полыньи и взорвался огненными брызгами, заливая лед горящей смесью. Черная кровь сползла в полынью, продолжая гореть под водой. Поверхность шла пузырями.

— Лево руля! — закричал Беринга.

Олег втолкнул Ёжика в каюту, захлопнул за ним дверь, и в это время шхуна вновь зашаталась. Рев, рокочущий, словно при землетрясении, или схождении лавины, сотряс океан. По льду пробежала трещина, одна, вторая, лед у полыньи поднялся огромным пузырем и лопнул, разлетевшись осколками. Глыбы с оглушающим треском наползали друг на друга. Вода выплеснулась из образовавшейся промоины, подхватила нашу шхуну высокой волной. На поверхности показалась голова змеи, размерами больше чем галеон. Похожая на огромную скалу, заросшую водорослями, покрытую кронксами и ракушками, она всё выше и выше поднималась в небо на длинной шее. С тела стекала вода вместе с горящими потоками черной крови и водопадами устремлялась вниз.

Мы что-то кричали друг другу, но в царящем грохоте ничего не было слышно. Потом змея замотала головой, пытаясь стряхнуть горящую смесь, раскрыла пасть, заревела, и упала, ломая лед в заливе. Нам повезло, что первой волной «Водомерку» отнесло далеко от центра появления чудовища, наверное, поэтому мы выжили. Даже особо не пострадали — шхуну вынесло на свободное пространство, и она, встав на лыжи, лишь оцарапала борта о торосы. Основная часть залива превратилась в кашу из льдин и воды. Суль смешиваясь с океаном, создавала ледяную круговерть. Галеону повезло меньше, чем нам, — его выбросило на берег, пробивая борта, ломая мачты, и оставило лежать на боку.

Когда мы выходили из залива, гарпии спустились к самому океану, пируя на остатках катастрофы.

На палубу вышла Илва и с удивлением посмотрела на нас.

— Я многое пропустила? — спросила она.

Олег оторвал руку от фальшборта, с третьей попытки зажег трубку и молча закурил, разглядывая океан.